

*Посвящается Антону Семёновичу Калабалину
– другу и коллеге в совместном служении
воспитательной педагогике А.С. Макаренко*

В.В. Морозов



Педагогика

в человеческом измерении

Рецензент:

В.В. Зарецкий, директор ФГБНУ “Центр защиты прав и интересов детей” Министерства просвещения России.

Морозов В. В.

Педагогика в человеческом измерении. - М.:

В книге задано рефлексивное отражение мыследеятельностной (предопределяющей) и практико-преобразующей работы по воспитанию человека нормы. Представлен самобытный авторский стиль воспитательной педагогики А. С. Макаренко и живая практика жизни его ученика С. А. Калабалина, их душевная сопричастность к результативному разрешению сложных проблем трудного детства и юности. Но вместе с тем им требовалось понять «тёмные тайны человеческой подлости», чтобы установить причины обесценения человека, его жизни. Эта тема в центре внимания автора.

Книга для педагога-воспитателя, для всех неравнодушных людей, ищущих подходы к предупреждению противоправных факторов поведения детей, подростков и юношества педагогическими средствами.

Введение



«События в стране глубоко волновали меня, но в первую очередь с любовью и тревогой я думал о наследниках революции - детях. Их судьба была и моей судьбой. Этому отдана вся жизнь: без отпусков, без выходных - вся до последней минуты. Работа моя была всё время более или менее успеш-

ной. За это время, представьте себе, сколько я передумал, перепробовал, сколько видел чужих опытов, сколько приобретал навыков почти механических. За это время и научился очень многому, и сейчас я отдаю это до конца искренне и воодушевлённо воспитанию. Я не педагогический мыслитель, не специалист-исследователь детской жизни и жизни детского учреждения. Я - фронтовой работник. Я работал в двух детских учреждениях: в колонии для правонарушителей им. М. Горького и в коммуне им. Ф. Дзержинского. Оба эти учреждения, каждое в своё время, достигли хороших результатов. Я глубоко убеждён, что многое из моего опыта и кое-что из моих соображений нашим работникам пригодится.

Проектировка личности как продукта воспитания должна производиться на основании заказа общества. Нет ничего вечного и абсолютного в наших задачах. Изменения будут вноситься постепенно, по мере роста и совершенствования общественной жизни. Как бы ни прекрасны были наши воспитательные идеалы, как бы ни полезны были для общества наши будущие педагогические достижения, мы, конечно, не должны забывать, что детство - это не только подготовительный период жизни, а это часть жизни, и может, даже лучшая часть. Не нарушая интересов воспитания (интересов общества), мы не можем нарушать интересы ДЕТСТВА. Дать детство здоровое, жизнерадостное, бодрое - это продолжает оставаться нашей обязанностью.

Каждый родитель хочет, чтобы его ребёнок был счаст-

ливым. Это цель родительской жизни. Для этой цели родители готовы отказаться от собственного счастья, готовы пожертвовать собственным счастьем, лишь бы сын или дочь были счастливы. Не подумайте, пожалуйста, что я хочу научить человека быть счастливым. Научить человека быть счастливым нельзя, но воспитать его так, чтобы он был счастливым, можно. Счастливым человеком нужно уметь быть. Поэтому позвольте сказать вам: хотите, чтобы были хорошие дети, - будьте счастливы».

За сил жини Вашин друксенья рунч.



Антон Семёнович Макаренко.

Отличительная особенность педагога Макаренко кроется в самой педагогике, его отношении к ней, к её проблемам, её возможностям совершенствоваться в решении насущных вопросов просвещения - об основополагающем значении воспитания и образования человека в потенциале, начиная с пересмотра педагогики как науки, переосмысления её места в системе наук о человеке. Вместе с тем ему пришлось в процессе творческой активности определять новые направления проектной и экспериментальной педагогической деятельности по реабилитации социальной сущности человека, оказавшегося в состоянии беды. А. С. Макаренко обладал уникальными способностями видеть реальные проблемы, устанавливать их причины, логику развития процессов в детской природе, находить верные решения этих проблем в точном соответствии с целями воспитательного действия.

Многое, что сделал и открыл для нашей педагогики Антон Семёнович, созвучно потребностям нынешнего времени. Посредством профессиональных умений, идеальным набором определившихся методов и средств педагогического действия, через человеческое соучастие в судьбе каждого воспитанника педагог получал нужный продукт - человеческую личность в соответственной сфере совместного бытия детей и взрослых.

Идея воспитания «нового человека» была предложена советской властью как главная стратегическая задача социального воспитания. Страна нуждалась в подготовке специалистов, всесторонне образованных. Учитывая важность воспитательной работы, нарком просвещения А. В. Луначарский утверждал, что культурное социалистическое государство должно быть глубоко педагогическим. Чтобы воспитать нового человека, отвечающего требованиям переходного времени, по мысли Луначарского, этот человек должен быть физически здоров. Он должен быть и глубоко трудовым человеком. Он должен стать коллективистом нашего времени. Для этого, предлагал Луначарский, нужно уже сейчас, по мере наших сил и возможностей, заботиться о всестороннем развитии личности. Исходя из этих установок складывалась теория коммунистического воспитания. Вся педагогическая работа носила чётко выраженную идейно-политическую направленность. Работникам народного образования вверялось данное руководство при практической реализации основных идей коммунистического воспитания.

Макаренко – Горькому. 24.11.1925 г. «По моему мнению, наше советское воспитание так, как оно определяется в нашей литературе, и в особенности, как оно сформулировалось на практике, не представляет ничего революционного. Мы оказались без определённой системы, без строгой линии, а самое главное, без какого бы то ни было воспитания... Картина очень печальная». И ещё: «У нас должна быть теория педагогики. Конечно, не с неба взятая, а основанная на почве практической работы. Но здесь надо учесть нового человека в новой обстановке». Поэтому и следует отметить, что Макаренко в действительности придерживался проводимой политики государства в области образования, но явно пристраивал свою линию, свою позицию перспективных путей развития воспитательной педагогики, «которую можно приложить к основному общеобразовательному процессу». Тем и интересен нам Макаренко сегодня.



*«Новое отношение к человеку,
новая позиция человека в коллективе,
новая о нём забота, новое внимание».*

А. С. Макаренко.

Человеку – человеческое воспитание

Педагогика - многовековое собрание подлинных и мнимых знаний о воспитании человека растущего, взрослеющего и взрослого (мысли, взгляды, идеи, убеждения, предположения, открытия, опыт, традиции и мн. др.), того, что востребуется, приумножается, даруется, передаётся благодаря авторству разных представителей педагогического мира. Накопленный потенциал педагогических знаний - сокровищница общечеловеческой культуры, и, следовательно, есть свободный выбор примера или образца для пользователя при оптимизации практики воспитания, развития и становления человека нормы. Естественно, этим и ценно!

Знание – средство совершенствования себя, своих действий и умений проявлять самостоятельность, правильность и непогрешимость в своих жизненных поступках, направленных к целям. Утвердившаяся педагогическая аксиома: чтобы воспитывать других, надо быть воспитанным самому. Воспитание - это жизнь-пример. Каждый человек способен к самооценке, достигнув определённого возраста. По реакции окружающих, по их отношению к человеку часто судим о том, какие мы люди. В сравнении себя с другими пытаемся разобраться и понять человеческую сущность, создать представление о себе, о том мире, в котором живём и взаимодействуем с другими. Таким образом формируются самосознание и саморегуляция собственных действий.

Существует предположение: в человеке всё должно быть воспитано. Попробуйте оценить свою воспитанность, прибавив к самооценке своей воспитанности значимые для вас педагогические знания и примеры опыта выда-



А.С. Макаренко 1920 г.

ющихся педагогов либо талантливых учителей, и, возможно, в результате из вас получится хороший специалист в области образования. Казалось бы, всё так, однако человек не всегда совпадает с собою. И «великие» в чём-то сомневались... Им, как и всем нам, чего-то не хватало, но именно это недостающее имело право быть. Жан-Жак Руссо признавал в себе отсутствие таких педагогических способностей в общении с детьми, как чувствительность, логика и гнев. Константина Дмитриевича Ушинского возмущало, когда юные бездарно распоряжаются своим времяпрепровождением: «Человек без работы в руках и без мыслей в голове портится телом и духом». А вот Антон Семёнович Макаренко предостерегал взрослых от сентиментального любования детьми. Считал, что самолюбование развивает у них эгоизм, лень, барство, избалованность, расхлябанность. Утверждал, что в воспитании детей не нужно сентиментального заласкивания, поцелуев, объятий и т.д. В обращении с ними необходимо «чувство меры в любви и строгости, в ласке и суровости».

Детская беспризорность, по оценке Макаренко, имела «масштабы гигантского несчастья», а жизнь беспризорного представляла собой «детское горе брошенного в одиночестве человека». Горе этих детей, говорил педагог, должно быть трагедией для всех нас, и от неё мы уклоняться не имеем права. Сладкую жалость и сахарное желание доставить таким детям приятное А. С. Макаренко называл ханжеством. Он понимал: для их спасения необходимо «быть с ними непреклонно требовательным, суровым, твёрдым». Эти необходимые приобретения задавались потребностью времени и событиями самой жизни. Педагог по-разному использует воспитательную роль событий в зависимости от того, когда они происходят. Событие, ещё только предстоящее, уже воздействует на детей как перспектива, увлекающая их и

вызывающая творческое и волевое напряжение. Событие совершающееся, поскольку дети участвуют в нём, непосредственно вооружает их практическим опытом действий, борьбы, поведения. Событие уже совершившееся выступает как прошлый опыт, обогащающий сознание детей, как форма для создания традиции, сплачивающей общности и укрепляющей в ней чувство своей силы и достоинства. Событию, событие в со-бытии. Исходя из этой установки педагогу важно было выработать способы действий в ситуации безысходности, когда всё плохо. Придёт понимание: «не может быть воспитания, если не сделана центральная установка в ценности человека». И ещё: «уметь воспитывать - это всё-таки искусство». Но именно этих человеческих качеств педагогу Макаренко не хватало. И вся суть в том: требовалось развить их в себе. Именно поэтому нужно было воссоздать их методом творческого поиска себя другого. Прежде всего - это специальные способности к рефлексии, к постижению самого себя, своего собственного поведения, своего эмоционального состояния, своих действий по отношению к другим, к сознательной активности и творческого порыва к преобразованию способов жизни во вверенной ему воспитательной колонии. И ещё: требовалось считаться не только с трудностями жизни детского учреждения, но и с проблемами в экономике страны и в других сферах.

История знает немало имён замечательных учителей, к педагогическому таланту которых, воплощённому во всей их подвижнической жизни, люди обращались, тянулись как к животворному источнику. А. С. Макаренко - выдающийся представитель социально-педагогического направления в воспитании. Его воспитательная педагогика - прежде всего «педагогика преодоления трудностей, это воспитание закалённого характера, бодрости, оптимизма, чувства нового, великой работоспособности, чувства общественной перспективы». (Н. П. Нежинский). Осуществлённый им социально-педагогический эксперимент гениален. Сам же Антон Семёнович, несомненно, является одним из тех людей советской эпохи, которыми может гордиться наше Отечество. Его педагогическое наследие - мощный ресурс воспитания человека в потенциале своих возможностей и способностей.

По силе дарования А. С. Макаренко был и остаётся выдающейся личностью. Только практика может подтвердить правильность его педагогической теории и с ней - его педагогическую логику анализа и логику немедленного действия. Для этого нужно признание недооценённого его научно-педагогического мышления, а по сути - объективного МАКАРЕНКО=ЗНАНИЯ с практическими результатами воспитывающей деятельности. Прежде всего, это его целевая **Программа воспитания человеческой личности, человеческого характера в свободном человеческом коллективе**. И ещё, это отказ от излишних постулатов в педагогике, перенацеленность её на реальные педагогические действия в интересах детей. Потребность в самоутверждении педагог Макаренко реализует через свою человеческую сущность, индивидуальность, чтобы оставаться самим собой. Для этого потребовалась ему «гимнастика воли и мозга». По существу, это умение жить, которому мы учимся с детства, во многом и есть умение организовать себя. Отсюда, по Макаренко, воспитание - это организация жизни детей и сама жизнь педагога, как пример самосозидания, чтобы собственными усилиями и делами творить себя другого, поставив в условия напряжённой работы с детьми. «Мой мир - мир организованного созидания Человека», и «твое собственное поведение - самая решающая вещь». Нам действительно важно определиться с судьбой наследия А. С. Макаренко. Пожалуй, эта проблема более, чем в прошлые годы, волнует нас сегодня.

МАКАРЕНКО=ЗНАНИЕ – это свод правил и рекомендаций педагога, как действовать в реальных событиях жизни, как совершенствовать себя, как добиваться успеха в педагогике воспитания.

МАКАРЕНКО=ЗНАНИЕ – базис мыследеятельных, мыслетехнических возможностей педагога во множественных формах практики определять логику педагогического действия в защите прав и интересов детей, их детства.

МАКАРЕНКО=ЗНАНИЕ – это способ совершенствовать себя до профессионала, добиваясь успеха быть результативным в своих решениях и поступках, осуществляя воспитание человека нормы.

МАКАРЕНКО=ЗНАНИЕ – это своеобразный процесс взаимодействия, создающий основу для осознанной саморегуляции: «с большой отвагой и ответственностью искать лучших методов влияния, не отказываясь от изобретательности».

МАКАРЕНКО=ЗНАНИЕ – это сила воли и напряжение мозга педагога-творца в области исследования, конструирования, проектирования, организации процессов, ведущих к педагогическим успехам.

Макаренко, формируя свою педагогическую систему воспитания, исходил из общего научного метода анализа педагогических явлений для решения педагогических задач. Как человек мыслящий, он указывает направление: метод может быть создан на основе исследования самих педагогических явлений. Понятие «педагогическая логика» играло центральную роль во всей системе его взглядов и служило для обозначения метода к педагогическим явлениям. Это понятие являлось и обобщением множества частных понятий, которыми Макаренко оперировал при анализе конкретных педагогических явлений. Очень часто мы встречаем у него выражения: «логика требования», «логика наказания», «логика дисциплины», «логика поступка», «логика строения детского коллектива», «логика хозяйства», «логика труда» и др. И, конечно, он утверждает: «Отношение средства и цели должно быть той пробной областью, на которой проверяется правильность педагогической логики». На основе собственного осмысления конкретизирует суть педагогической логики – это логика реальных событий, но не стихийно возникающих и протекающих, а творимых и направляемых педагогом сознательно, определяя воспитательную цель действия на детей, на их детство.

Когда-то Макаренко, обращаясь к педагогам, писал: «Моя педагогическая вера: педагогика – вещь, прежде всего, диалектическая...» И ещё: «Надо по-настоящему обратить педагогику в активную, целеустремлённую политическую науку. Учитель должен обладать необходимой смелостью и для того, чтобы более действенно ковать молодые характеры, и чтобы не привыкать к шаблонам».

В конце 90-х годов XX столетия редакция газеты «Педагогический калейдоскоп» (гл. ред. Владимир Гиршович)

озадачилась серьёзной проблемой: «Педагогика - наука... о чём?» Тем самым был вызван прямой и открытый разговор (широкая дискуссия) о состоянии современной педагогической науки. Особенным и важным в действиях редакции было осмыслить процессы и закономерности педагогической науки, согласно мнениям населения и специалистов в области образования и науки, с учётом их оценок на происходящие перемены в обществе. Poleмика была открытой, конструктивной, направленной на критику недостатков, болевых точек обучения и воспитания, уклончивости ответственных лиц от решения многих важнейших задач проблемного характера, игнорирование новаторского опыта, новаторских подходов отдельных учителей. И, конечно, факторов схоластического теоретизирования и наукообразия в самой педагогике. А также закоренелого невежества в проведении «школьных реформ». Дискуссия явно переросла в мощный всеобщий Педсовет страны. Нечасто можно встретить представителей самых разных специальностей, принявших участие без обиняков в открытой полемике о сути педагогики как науки, с их противоречивыми мнениями на понимание и принятие. Многие годы в стране игнорировались проблемы реальной действительности в образовании. Потому и был вызван такой интерес к обновлениям. Например: учителя, преподаватели, которые... не относили себя к педагогам, мотивируя это тем, что педагогическая деятельность - скорее деятельность воспитания, а учитель - только просвещенец. По мнению других, воспитание - категория идеологическая. А всякая идеология вредна, так как является насилием над личностью. Поэтому, по их мнению, в деидеологизированном демократическом обществе школа должна заниматься только обучением. По мнению иных педагогов, знания в руках невоспитанного человека создают опасность использования их в антигуманных целях. Ко всему прочему, возникшее по ряду причин пренебрежительное отношение к воспитанию привело к тому, что в обществе стали соотносить воспитание с таким понятием, как насилие. И, чтобы исправить эту чудовищную ошибку и серьёзнейшее заблуждение, педа-

гогике пришлось заняться поиском иной парадигмы воспитания с опорой на классику.

Согласно своим убеждениям и взглядам на педагогику, считаю, что она не может быть общей (общественной отраслью), она специфична своим видовым многообразием человеческой деятельности и потому вмещает в себя самые необходимые, но продуктивные знания «очеловечивания» человека (нравственное и духовное совершенство человека воспитанием). Видные деятели педагогики (Ян Амос Коменский, Иоганн Генрих Песталоцци) утверждали, что воспитание зависит от правильного метода. Иных взглядов придерживались сторонники так называемой педагогики личности. Они отождествляли деятельность воспитателя с искусством художника и доказывали, что она не подчиняется точно установленным законам. Если так, то педагогика не является наукой.

Павел Блонский считал, что умение, талант и творческие знания одинаково нужны воспитателю, а потому педагогика может существовать лишь «в виде известных идей», передаваемых от одного лица другому.

Антон Макаренко полагал, что нельзя уповать исключительно на природный дар - мастером может стать каждый педагог, а передавать педагогическое искусство помогают образцы, конкретные примеры, воплощающие теоретическую мысль.

На опыте мы не раз убеждались в том, какое значение имеют для педагога его чутьё, интуиция, такт, находчивость. Никакая, даже самая мудрая теория не в состоянии предусмотреть многообразие ситуаций и характеров, с которыми приходится сталкиваться воспитателю в жизни. Тем не менее, наука фиксирует типичные обстоятельства и трудности ситуации застоя в образовании, не предлагая имеющийся богатый арсенал реабилитирующих средств и способов эффективного действия. По утверждению журналиста Ольги Дашковской, инициатора всеобщего Педсовета, *«главное предназначение науки педагогики - избавить профессионала от необходимости повторять чужие ошибки»*.

Основанием педагогического закона должна быть индук-

ция цельного опыта. Только цельный опыт, проверенный и в самом его протекании, и в результатах... только сравнение цельных комплексов опыта может представить нам данные для выбора и решения. Так утверждал свою правду педагог Макаренко. Педагогика не может развиваться внеопытным путем, и её выводы могут быть проверены только опытом. Мастером можно стать лишь рядом с мастером. По Макаренко, ни одно средство не может быть объявлено хорошим или плохим, будучи вырвано из всей системы средств. Отсюда задаётся и представление об ответственности человека за своё поведение, усвоение им нравственного опыта, отношение к своим обязанностям, способностям осознавать связь с другими людьми и подчинять свою жизнь определённым обязанностям - ответственной зависимости.

И к истории педагогики нельзя относиться предвзято, без правды, придерживаясь только субъективных оценок, взглядов, выводов. Она перестаёт тогда быть подлинной историей. К истории детства - прежде всего нельзя, иначе ложь утвердится в сознании. В педагогической ретроспективе - это история реальных людей и общества в данном времени, а не история абстракций. Противоречия могут возникать как по объективным обстоятельствам, так и по субъективным причинам. Изучая историко-педагогическое наследие, следует опираться на первоисточники. Такой подход не допускает манипуляций с фактами в угоду сиюминутным интересам. Вот подобный пример субъективного восприятия конкретного опыта:

«В России после Октября были педагогические общества, были Лига спасения детей и Комитет борьбы с голодом... Но эти организации разогнали, они были опасны своей внеклассовой человечностью, своим состраданием и милосердием. «Спасением» и «воспитанием» маленьких манкуртов занялся орган меченосцев, предварительно уничтожив их отцов и растлив матерей. Судите сами: кто может вырасти из ребёнка, потрясённого смертью отца или матери, гибель которых проходила у него на глазах, а затем воспитанного их убийцами? Только трус, только раб, убажиающий хозяина, готовый на всё... Когда я думаю о том, что у нас целые поколения воспитывались не

на сказках Пушкина, не на Чайковском, не на народных песнях, а по системе Макаренко, предназначенной для заключённых, меня ужас берёт. И мы её подавали как передовую систему воспитания!» (Алексей Денисов, журналист телевидения, «Собеседник» №20, 1991г.).

Подобные оценки стали часто появляться у различных авторов, пускающих в ход уловки лжи для достижения своих целей, использующих набор интриг и демагогию. Неосведомлённость возникает от незнания того, что характеризует многогранность творений и открытий, которые педагог Макаренко сумел достичь опытным путем. Безапелляционная ложь, по-моему, есть не что иное, как «фарс знатоков», а на деле - заготовленные штампы давно известных нам людей, мнивших себя учёными от педагогики. Не здесь ли педагогика потеряла себя?

Если будем углубляться в «педагогическое ретро», то столкнёмся с таким пониманием слова «педагогика», как «веду дитя», и тогда появятся законные вопросы: вести куда? зачем? и с кем? Ответов в педагогике пока нет. И вновь приходится возвращаться к первоначальным вопросам бытия: что такое человек? для чего он родился? какие возможности он в себе таит? Детоведение - есть начало рождения педагогики воспитания. Человек всю жизнь свою является субъектом воспитательных отношений. Детство - рабочее поле для выращивания человека, приобретения им факторов человечности. Каждый человек самобытен и самоценен. Для жизненного самостояния ему нужен взрослый. В педагогике сегодняшнего дня нам не хватает профессиональных «детоведов». Нет и чёткого ответа: откуда и почему появляются «трудные дети» (имеющие отклонения от нормы в поведении с приходом в дошкольное заведение), как возникает «обесцененное детство», почему в самой педагогике детства отсутствует предмет науки «детоведение»?

Как сберечь человеческое в человеке в нынешней несправедливой жизни? Только с человеколюбием, по законам истинного гуманизма закладываются смысл и идеал новой парадигмы школы воспитания. Такой подход определил желание работать над настоящим изданием книги, чтобы отойти от

примитивности и неправды в педагогике, восполнить пробелы в области макаренко=знания, противопоставить здравый смысл тем оппонентам с историческими ограничениями в познании, с чрезмерными амбициями, что отвергают значимость воспитательной педагогики А. С. Макаренко. Вместе с тем это возможность опровергнуть фальсификации и домыслы усомнившихся авторов, пишущих о педагогическом наследии Антона Макаренко предвзято, с подтасовкой фактов, основанных на ложных представлениях о нём. Однако стало слишком сложно убеждать их в правде.

А тем, кто действительно интересуется объективной историей по теме борьбы с детской беспризорностью ВЧК под руководством Ф. Э. Дзержинского, рекомендую исследование, представленное книгой Светланы Гладыш «Дети большой беды» (2004) на основе рассекреченных документов Центрального архива ФСБ и других источников, где достоверно показаны примеры свершения истинного добра по отношению к «детям беды».



От себя лично рекомендую закладку на память: Макаренко в своих записях отмечал: «нисколько не претендуя на звание великого изобретателя, я хочу только одного, чтобы о ценности метода судили по его результату, а о ценности системы судили по общему результативному итогу». Жизнь доказала, что правда за Макаренко. У него было три тысячи воспитанников, и все они прожили свою жизнь достойно. Ни одного случая рецидива. Это поколение выиграло войну с фашизмом. Макаренко на примере собственного опыта создал мировой прецедент **безрецидивной педагогики**, не ведая об этом сам. Лев Чубаров, журналист, макаренковед, по этому поводу писал: «Имею моральное право судить о том, ибо знал лично 800 из тех трёх тысяч, общался с ними около сорока лет. Нет среди них ни подлеца, ни труса, просто плохого человека. Они похожи друг на друга принципиальностью, верностью идеалам, любовью к Отцу-Учителю, уважением к традициям макаренковского коллектива, человечностью,

трудолюбием. Но они и разные: каждый - индивидуальность, личность, воспитанная волей, кровью сердца их чудо-педагогов, черты характера и качества которой, этой Личности, были когда-то спроектированы мудрым наставником, а потом развивались в процессе самосовершенствования».

Судьба наследия Антона Семёновича и счастлива, и трагична. Ещё при жизни вокруг него кипели страсти: были у педагога сторонники, последователи, были и оппоненты, и противники, и злейшие враги. Нам важно сегодня глубоко осмыслить всё то, что оставлено нам в наследие, понять значимость его воспитательной педагогики в человеческом измерении, её приоритетность, принципы и закономерности, чтобы действовать наверняка и точно. Он и сегодня наш современник.

Счастье человека немыслимо без добродетели, оно - результат добродетели. Собственно, добродетель и есть показатель проявления человечности, а сама человечность и есть мера того важного, что мы привыкли ценить в человеке - это сила и красота. Каждый человек прекрасен по-своему, только надо уметь это видеть. Люди, не умеющие этого делать, лишают себя, может быть, самых больших радостей, обедняют самих себя. Надо уметь относиться к себе самокритично. Человек, прежде всего, определяется его отношением к людям, к своему делу, к самому себе. Содержание целей и мотивов, влияющих на поведение человека, служит оценкой того, каков он в своём собственном благополучии. Положения нормы обусловлены моральными мотивами и личной ответственностью человека растущего и взрослеющего. Подобные человеческие качества воспитываются в своих потенциальных возможностях. Девиантными становятся те, которых предали взрослые.

Литература.

1. Аронов А.А. Загадки творчества. - М., Межд. пед. Академия, 2004.
2. Арцишевский Р.А. Мир и Человек. - Центр мировоззренческого образования, 1991.
3. Историко-педагогическое измерение в образовании. //Сб. матер. – СПб, 1999.
4. Кабуш В.Т. Воспитание школьников в условиях обновления общества. - Минск, 1994.
5. Макаренко А.С. О воспитании / Сост. В.С. Хелемендик. - Политиздат, 1990.

*«Есть великое культурное наследство,
которое мы используем...»
А. С. Макаренко.*

Реабилитирующее образование: ретроспектива и перспектива

Почва, на которой взращивается жизнь растущего человека, определяет, будет ли «нормальным» или «анормальным» его детство, удачной или неудачной жизненная судьба. Незащищённый ребёнок, который вынужден жить в условиях социального неблагополучия, среди невежества, жестокости, бескультурья,

пьянства близких ему людей, не сможет обеспечить своё жизненное существование в норме. Развитие такого ребёнка идёт особым путём: формируются специфические черты характера и поведения личности, про которые нельзя сказать, хуже они или лучше, они - особенны по сравнению с обычным ребёнком, они другие, нечто противоположное нормальному поведению среди людей. Такие дети обычно более агрессивны, капризны, часто болеют, они не любят себя, а весь мир для них становится враждебным. Ещё тогда, в начале XX века, всех детей, чем-то отличающихся от обычных, называли «ненормальными», поскольку поведение этих детей по тем или иным параметрам отклонялось от нормы. Всё объяснялось просто: нет отклоняемых симптомов - значит, ребёнок нормален, здоров. И уж если клеймо «ненормальности» поставле-

ДЕТСКАЯ НЕНОРМАЛЬНОСТЬ.



**Скажи нет
равнодушию!**



но, то ребёнок вынужден нести его и жить с ним постоянно, часто в среде себе подобных.

Попыткой осуществить первичную классификацию «ненормальных» детей и описать возможные подходы и методы работы с ними является исторический очерк Г. Трушина «Детская ненормальность за последние сто лет», увидевший свет в 1912 году. Автор выделяет причины детской ненормальности тех лет и разделяет их на три группы.

Первая группа. Причины до рождения: наследственность психопатическая; наследственность невропатическая; наследственность алкогольная; наследственность туберкулёзная; наследственность эпилептическая; наследственность сифилитическая; социальное положение родителей; разница в возрасте родителей; величина семьи; порядок рождения; внебрачность и в браке; кровное родство; неблагоприятные влияния во время зачатия; то же во время беременности; пол; раса; климатические и географические влияния.

Вторая группа. Причины во время рождения: преждевременные роды; продолжительные роды; наложение щипцов; *Asphyxia neonatorum*.

Третья группа. Причины после рождения: детская конвульсия; конвульсия при прорезывании зубов; менингит; менингоэнцефалит; травмы головы; лихорадочные заболевания; рахит; малокровие, хлороз; плохое питание и кахексия; носоглоточные разражения; потрясающие эмоции; неблагоприятные семейные условия; неблагоприятные школьные условия; нравственная заброшенность.

И здесь же приходит к выводу: «Большая неточность – сослаться на наследственность как причину детской ненормальности и умыть руки, явно и тайно намекая, что с наследственностью мы ничего поделать не можем. Между тем самая наследственность – чисто социальное явление...»

Гуманизм – одна из вечных проблем человеческого бытия и сознания, суть которой характеризуется отношением человека к другим людям как к высшей ценности. Жизненным принципом гуманистов всех времён было стремление служить на пользу людям:

- это готовность простить, сострадать, сопереживать, благотворить...

- это призрение осиротевших детей, помощь инвалидам и престарелым людям, нуждающимся семьям...

- это бескорыстие, христианская любовь к ближнему и милосердие к страждущему...

Развитие реабилитационного подхода в педагогической работе с детьми происходит в русле гуманистической традиции. Длительное время в педагогике гуманистический

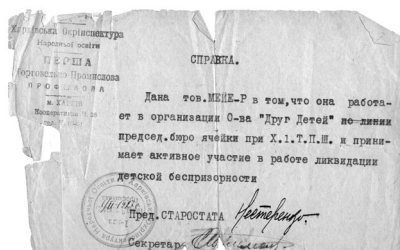


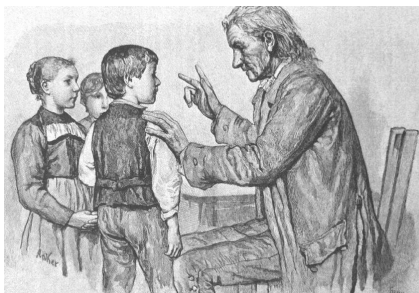
Г.К. Калабалина (Мейер)

принцип ассоциировался с проявлением отношения к ребёнку как к личности. Логика формирования такого отношения понятна. В любом обществе экономическая и социальная нестабильность неминуемо сказывается на жизни детей. Практически разрешить социальные и педагогические проблемы «трудного» детства в те времена пытались представители передовой интеллигенции, очевидцы и участники важных исторических событий: суровых, трагических, победных. Уроки жизни давались им ценою невероятных испытаний. Своей героикой и глубокой верой в правду лучшего будущего, своими невольными ошибками, сомнениями, заблуждениями они предвещали нам лучшее и оберегали нас от допущения

преднамеренных ошибок, возможных трудностей, неизбежных издержек. Напутствовали: «То, что человек заимствует у других, будет преобразовано им самим, чтобы стать его собственным творением, то есть собственным его суждением». (Мишель Монтень).

Ян Амос Коменский дорог для нас тем, что он первым доказал: воспитание человека должно и может быть поставлено на научную основу. И ещё: «Добродетель воспитывается посредством дел, а не посредством болтовни». Не приняв это





Г. Песталоцци «Материнская школа»

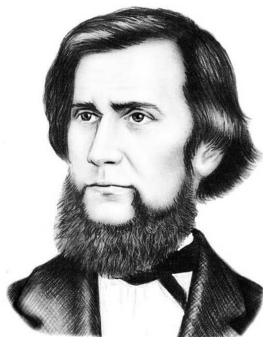
на веру, наша массовая общеобразовательная школа только тем и занималась многие годы, что воспитывала трудолюбие и прочие гражданские и человеческие добродетели посредством болтовни – воспитывающего обучения.

Воспитание, по рекомендациям Г. Песталоцци,

необходимо начинать с младенческих лет. «Час рождения ребёнка является первым часом его обучения». Оно должно быть природосообразным, то есть строиться в соответствии с естественным ходом развития самой человеческой природы. В ней, как полагал великий педагог, имеются задатки, потенциальные внутренние силы, которым свойственно стремление к развитию. Он различал их следующим образом: умственные, физические, нравственные (по его терминологии, «силы ума, руки и сердца»). Песталоцци считал, что эти силы необходимо развивать в самой тесной связи, так как одностороннее их развитие может привести к формированию неполноценных или даже уродливых людей. Большую роль Песталоцци отводил упражнениям детей в нравственных поступках, требующих с их стороны выдержки, а порой и умения преодолевать свои желания во имя достижения нравственной цели. Свои воспитательные учреждения педагог стремился построить по типу семьи, на началах искренней любви учителя к детям и бережного подхода к ним.

Первая ближайшая задача воспитания – научить ребёнка тому, что необходимо в жизни. Жан Жак Руссо в книге «Эмиль, или О воспитании» пишет: «Жизнь – вот ремесло, которому я хочу его обучить. Выйдя из моих рук, он будет, прежде всего, человеком; всем, чем должен быть человек, он сумеет стать по мере надобности не хуже всякого другого; и пусть судьба заставляет его менять места, – он всегда окажется на своём».

Константин Дмитриевич Ушинский был первым, кто сформулировал принцип народности в педагогике. Он выдвинул требование «воспитывать молодое поколение в соответствии с идеалом человека, который народ создал в процессе своего исторического развития и который исторически изменяется, всегда хорош относительно данного века». Будучи патриотом России, предупреждал события, которые сегодня являются аксиомой: общественное воспитание, развивающее в человеке народность (чувство принадлежности именно к этому народу, этой культуре, этой стране), эффективно способствует формированию человеческой личности. Народность в воспитании и образовании, представленная родной культурой и языком, связывает человека с бесконечными поколениями предков и потомков. Именно через народность осуществляется и преемственность поколений, поскольку такое образование сохраняет глубокую связь с предшествующими во времени педагогическими традициями. Главными для россиян были и есть – жизнь по совести, естественное сочетание эмоциональных и рассудочных сторон духа, соборность, близость к природе, способность к установлению любовно-братских отношений между людьми, чуждость экспансионизму, святость в служении Богу, а в советский период – верность его «заменителю»: идее. И ещё одно важное предложение от Ушинского: принцип единства воспитания и образования при ведущей роли воспитания. Ушинский так и писал: «Обучение само по себе, вне воспитания, есть бессмыслица, ничего, кроме вреда, не приносящая. Поэтому обучение должно служить не только передаче знаний и развитию рассудка, но и духовному, нравственному развитию чувств и воли человека». Константин Дмитриевич раскрывал принцип народности в воспитании следующим образом: язык – русский, культура – русская, история – рус-



К.Д. Ушинский

ская, государство – русское, российское, поэтому воспитание – «глубоко народное, то есть русское воспитание». С раннего детства он советовал закладывать основы нравственного и религиозного православного воспитания. Таким образом, всё среднее образование Ушинский предлагал строить на принципах православной нравственности, народности и науки. (О. Н. Фёдорова).



Ф.М. Достоевский

Публицистика Ф. М. Достоевского – яркое свидетельство неослабевающего внимания писателя-гуманиста ко всему, что связано с детьми. Дети – это, конечно, его любовь и надежда, но ещё – и его боль. Боль, которую он испытывал при виде их страданий и унижений: «Раз в толпе народа,

на улице я увидел одну девочку, лет шести, не более, всю в лохмотьях, грязную, босую, испитую и избитую: просвечивавшее сквозь лохмотья тело её было в синяках. Она шла, как бы не помня себя, не торопясь никуда, бог знает зачем шатаясь в толпе; может быть, она была голодна... Она шла с видом такого горя, такого безвыходного отчаяния на лице, что видеть это маленькое создание, уже несущее на себе столько проклятия и отчаяния, было даже как-то неестественно и ужасно больно...» Потому и требовал оградить детей от пороков взрослых и любой ценой дать им почувствовать добро, вселить светлую веру в них, ибо «только подобная великая вера и в состоянии породить прекрасное в воспитании дитё, – даже так, несмотря на самую лютую обстановку детства». Писателя беспокоила проблема и тех детей, которые с самого рождения оказывались без родительского внимания и ласки. Человеческое общество, считал он, должно предупредить негативные метаморфозы, могущие произойти в психическом складе таких детей; в частности, он предостерегает от возможного развития у них болезненного самолюбия, ощущения своей ущербности и неполноценности. Фёдор Михайлович предлагал вознаградить тех, кто был обделён судьбой, предлагал дать им высшее образование, приискать

рабочие места, принять за общих государственных детей и спасти их при этом от ущербного сознания, что они гораздо хуже «других» и живут «совсем не по праву, а лишь, так сказать, из гуманности». (А. В. Погорельцева).

В Российской империи, как и сейчас, сиротой считался ребёнок, лишившийся одного или обоих родителей в связи с их смертью. Обычно это относится к детям, не достигшим совершеннолетия. В России всегда были люди, наделённые талантом доброты, бескорыстной любви к ближнему, попавшему в беду (великие меценаты Савва Морозов, Савва Мамонтов, князь Д. М. Голицын, графы К. Г. и А. Г. Шереметевы, знаменитые уральские заводчики Демидовы, династия текстильных промышленников Прохоровых и многие другие). Это были подвижники, получавшие удовлетворение от сознания собственной пользы, от служения своему Отечеству через человеколюбие. Идея призрения детей-сирот возникла и развивалась на Руси вместе с торжеством христианского учения в период оформления феодального строя (988г.). Забота о сиротах в те времена возлагалась на князей и церковь. Первыми учреждениями для сирот в России являлись «сиропитательницы», основанные в 1707 году по личной инициативе и на собственные средства новгородским митрополитом Иовом. Дальнейшее развитие сиротские детские учреждения получили при Петре I, который в 1715 году издал указ, предписывающий устраивать в Москве и других городах России госпитали для незаконнорожденных детей. Крупнейшим благотворительным учреждением России XVIII века был Казённый Московский Воспитательный Дом для подкидышей и беспризорных детей, созданный по инициативе видного деятеля екатерининских времён Ивана Ивановича Бецкого. Поступивший под опеку Воспитательного Дома ребёнок пользовался всеми благами отечественного призрения, «заботившегося сначала о его теле, а затем и о воспитании из него полезного для Отечества гражданина». (Н. В. Яблоков, 1901).

Счастливое сочетание наследия прошлого и духа времени, чувства сострадания и исконной человеческой доброты послужили постепенному развитию общественной благо-

творительности. В декабре 1797 года императрица Мария Фёдоровна, супруга Павла I, пишет императору доклад о работе воспитательных домов и приютов, в котором она предлагает отдавать младенцев из воспитательных домов на воспитание в «государевы деревни» крестьянам «доброго поведения», после того, как малютки немного окрепнут. Так было положено начало воспитанию сирот в семьях.

Служители церкви в своих проповедях подчёркивали, что «каждый благотворитель, прежде всего, творил благо себе». Благотворители включались в такую деятельность из сострадания к детям или по религиозным мотивам – спасения души.

История, таким образом, показывает, что практика призрения детей-сирот в России осуществлялась двумя путями: частно-церковным и государственно-общественным. Оба пути по своей сути имели реабилитационную направленность: плодотворные идеи и опыт практической деятельности подвижников реабилитации детства способствовали утверждению права призреваемых детей-сирот на жизнь, воспитание и поддержку со стороны государства, церкви и частных лиц, занимающихся их судьбами.

Януш Корчак, работая с детьми-сиротами, сделал великое открытие: «Дети – люди. Детство – жизнь». И этим самым задал установку на понимание главного: «Ребё-



Я. Корчак и его дети

нок превосходит нас силой чувств. В области интеллекта он, по меньшей мере, равен нам, ему недостаёт лишь опыта». И действительно, мы признали следом за Корчаком, что Детство – не прелюдия, не подготовка, а сама Жизнь. Признав Детство самоценностью, Корчак следом признал ценностью и детскую игру: «Нельзя, нельзя и ещё раз нельзя мешать игре, ничуть не меньше, чем учёбе. Не надо стыдиться играть. Детских игр нет. Важно не то, во что играть, а как и что при этом чувствовать... Для игры нужен хороший товарищ и вдохновение, а значит, свобода».

Для Корчака это не было декларацией. Именно так, даруя детям вдохновение и свободу, он и работал в своём Доме сирот. Этот известный на весь мир дом на Крахмальной улице в Варшаве Корчак, можно сказать, построил сам. Будучи членом правления благотворительного общества помощи детям-сиротам, он, модный варшавский врач и уже известный писатель, добывал средства для постройки дома, корпел с архитектором над проектом трёхэтажного особняка со спальнями, мастерскими, классами.

В 1911 году здесь поселились сто детей и семеро взрослых. Все - от повара до прачки – были здесь воспитателями. Ну и, конечно, в доме практиковались пятнадцать-двадцать молодых ребят-студентов, которые всегда тянутся к необычному. И вот в начале века на Крахмальной улице уже осуществилось то, о чём мы только мечтаем. Во-первых, всем здесь управлял совместный орган самоуправления детей и взрослых – сейм. Во-вторых, издавалась своя бесцензурная со стороны взрослых газета «Малый Пшегленд», в которой дети обсуждали как внутренние проблемы, так и ту жизнь, с которой дети сталкивались за стенами Дома сирот, не боясь критиковать, спорить, вопрошать. В-третьих, в доме были удивительные праздники, которые не придумывались специально, а получались сами собой, поскольку их требовала природа детства. Скажем, праздник первого снега, когда всех отпускали с уроков, и ребята баловались, играя со свежим слабеньким снежком. И праздник самого длинного дня в году, когда можно было не спать хоть всю ночь, рассказывать друг другу жуткие и весёлые истории, шептаться. И наконец, в доме существовал плебисцит – всеобщее голосование о каждом новеньком, будь то ребёнок или взрослый. Голосовали дважды – через месяц и через год после появления нового ученика или воспитателя. За ужином у каждого прибора лежало три карточки: «плюс», «минус», «ноль». Подумал, как относишься к человеку, и опускай одну из карточек. После подсчёта голосов новичок получал звание «жителя», «товарища» или «чужака». И если преподаватель не набирал 80% «плюсов», он должен был из Дома уйти – «чужак».

Даже суд был в Доме. И суд необычный. В судебном

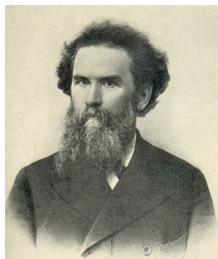
кодексе, который Корчак сочинял вместе с детьми, было сто параграфов. И девяносто девять заканчивались одним словом – «простить». Потому что старый доктор знал, что большинство проступков совершается детьми не по злому умыслу. «Если кто-нибудь совершил проступок, лучше всего его простить. Если он совершил проступок нечаянно, он станет осмотрительнее. Если он совершил проступок потому, что ему трудно привыкнуть поступать по-другому, он постарается привыкнуть. Если он совершил проступок потому, что его уговорили ребята, он не станет их слушать», – это строки из судебного кодекса.

Между прочим, в суд могли подать жалобу на воспитателя и дети. И сам воспитатель, если он сомневался, правильно ли поступил, бывало, просил суд оценить его. Корчак сам несколько раз подавал на себя в суд. Давал показания, слушал свидетелей и безропотно принимал приговор. Однажды суд вынес Корчаку такое решение по статье 71: «Суд прощает, потому что подсудимый жалеет, что так поступил». Для чего нужны были Корчаку эти «процессы»? Чтобы продемонстрировать, какой он справедливый, какой он демократ? Нет, наверняка нет. Его и так бесконечно любили и уважали дети, ведь он работал наравне с ними, и дежурил, и в столовой посуду мыл, и туалеты убирал. Словом, популярности ему хватало. Корчак считал, что обращения в суд и разбирательства помогли ему стать «конституционным воспитателем, который не обижает детей не потому, что к ним хорошо относится, а потому, что у детей есть защита». Корчак считал, что просто необходим институт, который защищает детей от произвола, своевластия и деспотизма воспитателей. (Н. С. Чаплина).

Настоящее дело, а с ним и творчество начинается там, где человек идёт не к себе, а от себя – к людям. Владимир Галактионович Короленко – выдающаяся личность конца XIX столетия и первых двух десятилетий XX века. Писатель-прозаик, гуманист, общественный деятель, детозащитник. Жизненный девиз Коро-



ленко – «Делай, что должно, и пусть будет, что будет». Принципиальная позиция – правда и справедливость. Октябрьскую революцию Короленко не принял. Считал себя беспартийным социалистом, но средства, применявшиеся большевиками для достижения социализма, категорически отвергал. Он выступал против всякого, в том числе и красного, террора, против бессудных расстрелов ЧК. «Если нужно – пусть судят», – говорил он.



В.Г. Короленко

Из письма В. И. Ленина к А. М. Горькому от 15 сентября 1919 года, где вождь дал отрицательную оценку очеркам Короленко «Война, отечество и человечество»: «Я недавно прочёл его, писанную в августе 1917 г., брошюру. Короленко ведь лучший из «околокадетских», почти меньшевик. А какая гнусная, подлая, мерзкая защита империалистской войны, прикрытая слащавыми фразами! Жалкий мещанин, пленённый буржуазными предрассудками!» Но были и другие отзывы на очерк писателя. Например, в 1918 году об очерках Короленко писал журнал «Народная жизнь», и здесь совсем иная тональность, иное понимания сути. «Огромная часть русского народа не знает ещё, что такое «отечество» и как велико значение его для каждого человека. У нас нет любви к родине, самого простого чувства, знакомого и дикому народу из Азии или Африки, и культурному европейцу. Из-за этого Россия пришла к развалу, который мы теперь переживаем. Может быть, горькие уроки истории нас чему-нибудь научат. Пока не видно просвета. И поэтому ценна каждая попытка распространения правильных понятий о патриотизме и отечестве. Такую задачу ставит перед собой известный писатель В. Г. Короленко в своей брошюре «Война, отечество и человечество». В простом и безыскусственном изложении, доступном и для малопросвещённого читателя, писатель даёт яркое представление о том, что такое отечество и патриотизм. Здесь же разбирается вопрос о том, каковы должны быть справедливые отношения между народами и как должен русский народ относиться к мировой войне.

Никто из наших писателей не умел писать с такой искренностью и беспристрастием о самых сложных и мучительных вопросах современности, как это делает Короленко. Читаешь его книжку, и кажется тебе, что ведёшь разговор запросто, с глазу на глаз, с человеком, много пережившим и передумавшим, и – очень умным». (П. И. Негретов).

И Первая мировая война, и затем Гражданская война завещали нам много тяжёлых последствий. Но среди них одним из самых ужасных, несомненно, является накопление числа беспризорных детей, не имеющих приюта, голодающих, не получающих надлежащего воспитания. Голод и эпидемии лишают детей родителей. Количественный рост сирот и беспризорных детей увеличивается с ужасающей быстротой. А тут ещё и голод по всей России. В конце октября 1918 года в Полтаве по инициативе и под руководством писателя Короленко группой энтузиастов была образована «Лига спасения детей». Цели Лиги были сформулированы в её уставе просто и ясно: «Спасение детей от голода; содействие их физическому, умственно-му и нравственному воспитанию; забота о брошенных и бесприютных детях; разработка вопросов правового и социального положения детей». Лига должна была заниматься снабжением детей пищей и одеждой, открытием для них приютов, колоний, больниц, школ, санаториев, детских садов, яслей, объединением в этой сфере усилий правительственных и общественных учреждений и т. д. Чтобы развернуть деятельность Лиги, требовался сильный толчок. И Владимир Галактионович берётся за перо, чтобы написать статью-призыв «На помощь русским детям». В начале ноября 1918 года она появляется в газетах Украины. Писатель звал всех, в ком жива совесть, откликнуться на надежду матерей голодающей России, готовых отправить своих детей в «неведомо-опасный путь» на Украину для спасения их жизней. «Пусть эта помощь русским детям станет откликом Украины братьям по крови, с которыми она делила горе и радость, волю и неволю, тягости и надежды в течение трёх столетий. Минуют же, наконец, когда-нибудь эти тяжкие дни... Пройдёт и война, и междоусобие, и взаимная вражда братьев... Если Украина

приютит и поможет умирающим от голода детям, то этот факт, сам по себе такой простой и ясный, засветится над ужасами и тьмою нашего мрачного времени», - призывал великий гуманист. Призыв его был услышан. В Москву для детей был отправлен первый состав с продуктами, составленный из 32 вагонов. Такой же эшелон был направлен и в Петроград. К концу 1919 года на Полтавщине нашли приют более 9 тысяч 300 детей, прибывших главным образом из Москвы. Вот как фиксирует эти события Сергей Дмитриев в статье «Нить человечности»: «Железная дрожь пробежала по застывшим вагонам, к которым со стороны вокзала уже спешили десятки людей. Владимир Галактионович не раз наблюдал такую картину, знал, что за этим последует, и опять не мог сдержать в себе нарастающего волнения с привкусом горечи и радости одновременно. «Вот и ещё сотни жизней спасены, - подумалось ему.

Особенно тяжкими оказались первые минуты встречи, когда из вагонов на перрон стали сходить с помощью взрослых дети и сбиваться тут же кучками – малыши рядом с подростками, мальчики рядом с девочками. Молчаливые и жалкие, одетые явно не по солнечной майской погоде, почти поголовно в осенней и зимней одежде, изрядно потрёпанной и часто не по размеру. Они еле держали в руках свои скорбные пожитки... Владимиру Галактионовичу приходилось сдерживать накатывавшиеся слёзы и вновь удивляться выражению детских глаз на измученных голодом лицах. В этих глазах читалось такое пронзительное, идущее из глубины души знание превратностей жизни, какое раньше приходилось замечать только у видавших виды стариков...»

С марта 1919 года на Полтавщине в большом количестве стали устраиваться колонии и приюты для детей из России. По этому случаю В. Г. Короленко сделал заявление, где высказался за то, чтобы развивать дело защиты детей: «... на основании терпимости, братства, отсутствия национальной исключительности... нужно стремиться к тому, чтобы путём дружной работы установить известную близость и общность колоний местных и российских, христианских, еврейских и мусульманских. И нужно, чтобы

население видело эту общность и само проникалось духом солидарности и братства... Для розни и споров поле и без того слишком широкое». Сталкиваясь с националистическими настроениями даже в отношении русских детей, писатель всегда поднимал голос протеста.

Из письма В. Г. Короленко А. М. Горькому от 29 июня 1921 года: «Когда я задаюсь вопросом, почему до сих пор не было не только у нас, но и нигде социальной революции, то отвечаю себе так: социальный переворот был бы высшим проявлением справедливости, до которого нам ещё далеко. В Европе элементы его уже есть. Они уже умеют учитывать мнение большинства, у них сказать, что можно запретить человеку высказывать мнение, хотя бы и противное большинству, сочли бы явной нелепостью. У нас это теперь факт: в то время, когда в стране необходимо наивысшее напряжение умственной и нравственной силы, - она вынуждена молчать. Однажды, три года назад, меня пригласили произнести речь в одном селе. Я произнёс то, что думал, и после этого один матрос сказал мне: «Знаете, - если бы вы это сказали у нас на фронте, вы бы живой отсюда не ушли!»

Народу, который так рассуждает о своём праве, далеко ещё до самого справедливого строя. Ему надо ещё многому учиться у тех, которых он объявил презренными соглашателями и изменниками... А мы вместо этого стали во главе революции всемирной! И немудрено, что наделали таких ошибок, которые показывают только, как не надо делать социальную революцию. Это, конечно, тоже заслуга перед социальной революцией вообще. Но бедная Россия поплатится за эти «показательные опыты...» (П. И. Негретов).

Добродетель - важнейшая черта характера и способность человеческой личности. Делать мир лучше вокруг себя, для других, для общества в целом - процесс, дающий счастье взрослым и детям. Взрослый - творец ребёнка, но сотворить ребёнка возможно только совместно с ним. Совместное создание прецедентов успешной деятельности укрепляет веру ребёнка в себя. Добродетель - есть критерий нравственной надёжности человека. Спасение детей и молодёжи от нравственного и духовного оскудения выводит нас на осмысле-

ние самой истины гуманистической системы воспитания.

Педагогика, с точки зрения философии Гегеля, – это преобразование души, что и называется воспитанием и представляет собой снятие негативного и субъективного на первоначальной стадии развития человека, придавая ему форму возможности нравственной личности. «Педагогика, – пишет он, – есть искусство делать людей счастливыми...» Важность и значимость для Гегеля имеет и другой аспект проблемы: несёт ли человек вину за своё злое? Ответ таков: безусловно несёт. Дисциплинирование и дисциплина выступают у Гегеля, по существу, как способ, посредством которого и осуществляется, прежде всего, преодоление, снятие негативного и субъективного в растущем человеке. Эту точку зрения немецкого мыслителя одобрил великий русский педагог К. Д. Ушинский в следующих словах: «Повиновение в детях необходимо: повиновение есть нравственность детей, справедливо говорит Гегель». И далее, развивая эту мысль, великий педагог доказывает, что воспитатель для воспитанника представляет собой разум, который у последнего ещё недостаточно созрел, чтобы он мог им руководствоваться. Воспитатель в то же время представляет для воспитанника и совесть, которая у ребёнка ещё недостаточно окрепла, и волю, которая подкрепляет собственную волю дитяти. Исходя из этих положений, в своей основе созвучных взглядам Гегеля, К. Д. Ушинский делает очень важный вывод: «Всё это совершенно справедливо и служит разумной основой детского повиновения, без которого никакое воспитание невозможно... Но воспитатель не должен забывать, что он воспитывает не раба себе и другим, а свободного, самостоятельного человека, который со временем повиновался бы только своему разуму и совести и имел достаточно энергии, чтобы выполнять их требования и вообще достигать того, к чему стремится». Гегелевское определение воспитания как снятие субъек-



тивного или негативного в процессе приобретает форму единства духовного. Духовный человек и есть, по Гегелю, осуществлённая идея, её истина, свободная личность, освободившаяся от всего, что чуждо духу и рассматривается как отрицание чисто природного в человеке и соединение субъективного с объективным, то есть с нравственным, разумным. В процессе формирования личности через воспитание Гегель увидел не внешнее воздействие воспитателя на воспитанника, а диалектический процесс единства и борьбы противоположностей, процесс отрицания отрицания, процесс перехода количественных изменений в качественные, то есть внутренне противоречивый процесс, законы которого надо знать и умело ими управлять. И в этом большая ценность педагогической концепции немецкого мыслителя.

Заданный Гегелем образовательный базис самоизменений человека в сторону нравственной личности, «поскольку они положены деятельностью субъекта, являются его делом», всё содержание и внутренние противоречия и противоположности, которые были источниками движущей силы дальнейшего развития самого человека, не потеряли актуальности для последующего развития. Так, например, А. С. Макаренко в своё время чётко заявил, что педагогика по самой своей сути – наука диалектическая. А диалектику без противоречия представить невозможно. Своей педагогической системой он дал понять, каким должен быть наш гражданин, какими чертами этот человек должен отличаться, какой у него должен быть характер, система убеждений, образование, работоспособность, трудоспособность... «Педагогическая поэма» стала первой книгой, рассказавшей всему человечеству о том, что кончается непримиримый антагонистический конфликт между миром детства и законами устройства общества в условиях новой педагогики, отстаивающей смысл человечности в человеке. Отвечая на вопросы читателей о замысле повести «Флаги на башнях», Антон Семёнович выразил главную мысль: «Я хотел показать, что настоящая педагогика – это та, которая повторяет педагогику всего нашего общества».

А. С. Макаренко – блестящий педагог-диалектик, и его богатейший опыт свидетельствует о том, что процесс воспитания сплошь состоит из противоречий и конфликтов. Но искусство воспитательного действия позволило, чтобы эти противоречия, (противоположения) правильно преодолевались, а личное и общественное не противопоставлялись бы друг другу, а соответствующим образом «гармонизировались» бы. Именно через гармонию интересов, отношений и практических действий личности и коллектива, личности и общества может быть решена проблема «гармонической личности». По Макаренко, гармония – это своего рода предпосылка человеческого счастья.

Наш великий соотечественник «осуществил грандиозный социальный эксперимент, создав на все времена общечеловеческую модель совершенного общественного устройства, где действующим персонажем является вовсе не коллектив, как привыкли думать, а отдельно взятый человек со всеми потребностями и врождёнными способностями». (В. Кумарин). Человек действительно вправе сам определять смысл собственной жизни, прогнозировать своё жизненное предназначение, искать и находить пути экзистенциальной свободы – сознавать и чувствовать себя существом не только физическим, телесным, но и духовным; самосовершенствоваться, сохранять своё достоинство, реализуя свою индивидуальность среди других. И это возможно, если развита экзистенциальная сфера.

Признание достоинства человека, его «уникальной духовной самости» (О. С. Газман) – есть практическое утверждение ценности человеческой личности и её индивидуального саморазвития. В этой связи важно отметить мысль русского учёного-физиолога И. П. Павлова: «Человек есть... система в высочайшей степени саморегулирующая, сама себя поддерживающая, восстанавливающая, поправляющая и даже совершенствующая».

Потребность понять себя – свидетельство духовных поисков человека, его стремления разобраться в себе, собственной жизни, соизмерить свою жизнь с жизнью окружающих людей. Здесь кроется суть реабилитирующего образования: приобретение и накопление нового социального опыта,

своей социальной компетентности строителя собственного духовного мира. И, соответственно, – это и педагогическая работа над собой, своими капризами, желаниями, требованиями, запросами и возможностями обретения, в том числе и в рамках воспитания и самовоспитания, социализации и ресоциализации, становления и восстановления человеческого поведения и духовной культуры – всё то, что способно мобилизовать весь жизненный опыт человека в лучших формах. Овладение всем этим и разумное использование позволяет сделать жизнь интересной, полезной, содержательной. «У человека, – пишет психолог Д. Н. Узнадзе, – имеется целая сфера активности, которая предшествует его обычной сознательной психической деятельности, и изучение этой сферы представляет, несомненно, большой научный интерес, так как без специального её анализа было бы безнадежно пытаться адекватно понять психологию человека».

Таким образом, подлинная гуманность вне свободы – несостоятельна. Исправить, реабилитировать, перевоспитать человека в условиях несвободы – невозможно. В пенитенциарной системе ситуация несвободы задаётся юридическими нормами. Однако заметим, что свобода не исключает отношения человека с миром. Свобода есть акт человеческой активности (сознания, прозрения, творчества), знаменующий переход от внешней детерминации к внутренней обусловленности сознания и поведения. Человек вправе выбрать для себя и несвободу. Но для этого он должен научиться делать выбор. Человек этот выбор осуществляет по отношению к себе, а значит, без самоопределения свобода невозможна. (О. С. Газман).

Сильным и действенным средством к побуждению выбора являются потребности, мотивы, стимулы – всё то, что необходимо для достижения цели действий, но именно для тех, кто готов к исправлению, через покаяние, раскаяться, через внутренний «стоп-кран». По сути своей тюрьма не воспитывает идеала, хотя к лучшему человек стремится. Происходит осознание самооценки, возникает желание духовного обновления – самоисправления. А это означает, что человек самостоятельно может восстанавливать чувство собственного достоинства, свою человече-

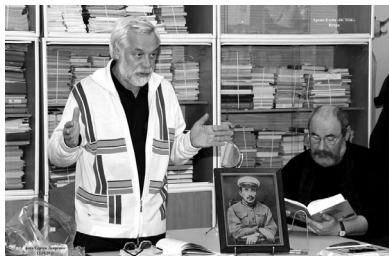
ность и с этим - свою значимость для других. По мысли А. Н. Толстого, человек может считаться человеком только в том случае, если он способен к работе над собой, способен улучшать свою душу.

Саморазвивающаяся человеческая личность – это и цель, и желаемый результат воспитателя в воспитании. Здесь невозможно обойтись без влияния значимого другого: наставника, кумира, духовника, друга – человека, более сильного духом для поддержания собственного духа, для укрепления собственной правоты, веры в добро, правду, истину. Человека, способного влиять словом, вниманием, своей культурой, отношением, соучастием, своей доверчивостью и миролюбием. Такая потребность человека в человеке возникает как необходимость для понимания смысла своей жизни (прошлой, настоящей, будущей), своих деяний, для того, чтобы анализировать их, соизмерять свою жизнь с жизнью окружающих людей, чувствовать жизнь в её полноте. Душевная сопричастность к чужому горю и способность отвести её - и есть добродетель. Возможно, поэтому и назван 2018 год - Годом волонтеров.

Человеку важно быть уверенным в том, что его индивидуальная жизнь нужна и ему самому, и людям, и обществу. Классик русской педагогики К. Д. Ушинский по этому поводу писал: «Удовлетворите все желания человека, но отыщите у него цель в жизни и посмотрите, каким несчастным и ничтожным существом явится он. Следовательно, не удовлетворение желаний... а цель в жизни является сердцевинкой человеческого достоинства и человеческого счастья». Целеустремлённость наполняет жизнь глубоким внутренним содержанием, служит стимулом человеческого поведения в поисках дела. Осознанная потребность показывает то, что нужно человеку, выражает его определённое желание, требование, устремление к достижению возникшей потребности. Формирование разумных и здоровых потребностей возможно там, где заботятся о жизненных перспективах человека, о его внутреннем мире и культуре, о его духовной свободе.

Гуманизация - и есть тот путь к новому облику пенитенциарной системы, требующей обновления, реалистичной и

научно обоснованной, где реабилитирующее образование – это базис возможностей педагогической реабилитации, воспитательной педагогики, социализации и ресоциализации человека. Взаимосвязанные между собой компоненты определяют суть содержания данного направления образования при всей специфике каждого из них. Фактором единения этих компонентов к достижению важных результатов становится **антропопрактика**, как раз то, что способствует и восстановлению человеческого в человеке. Крупный учёный в области психологии человека В. И. Слободчиков так обосновывает это понятие: «Антропопрактика – это особая работа в пространстве субъективной реальности человека – в пространстве совместно распределённой деятельности событийной общности, в пространстве рефлексивного сознания. Именно в этом пространстве может происходить осознанное и целенаправленное проектирование таких жизненных ситуаций (в том числе – и образовательных), в которых становится возможным и подлинно личностное самоопределение, и обретение субъективности, и авторства собственных осмысленных действий. Здесь, в этом пространстве возможно становление автономии и самодетерминации человека, его саморазвития и самообразования, а в пределе – его фактического «самостояния» в собственной жизни».



ДОКТОР ПСИХОЛОГИИ СЛОБОДИЧКОВ ВИКТОР ИВАНОВИЧ И ДОЦЕНТ ВЕГИС ВАСИЛЬЕВ-МАКАРЕНКО АНТОН СЕРГЕЕВИЧ НА ДВАДЦАТИЛЕТИИ МАКАРЕНКОВСКОЙ АССОЦИАЦИИ

При сложившемся укладе тюремной жизни и методов исправительного воздействия на осуждённых к лишению свободы, ныне предлагаемые концепции маловероятны на предмет эффективности. Это только в учебниках по уголовно-исполнительной системе всё расписано в идеальной



Можайская колония для несовершеннолетних правонарушителей

форме. По данным информационных сетей, количество лиц, содержащихся под стражей, остаётся стабильно высоким: отмечается рост осуждённых за тяжкие и особо тяжкие преступления вдвое, что достигло двух третей от общей численности осуждённых к лишению свободы. Более четверти осуждённых приговорены к длительным срокам лишения свободы, почти половина осуждённых отбывают наказание второй раз и более. Современный уклад «тюремной жизни» обвиняемых и осужденных в пенитенциарной системе оставляет желать лучшего. «Уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации имеет своими целями исправление осуждённых и предупреждение совершения новых преступлений, как осуждёнными, так и иными лицами». (Ст. 1 УИК).

Итак, одна из важнейших целевых установок пенитенциарной системы – исправить человека, сделать его правопослушным. Согласно словарю В. И. Даля, понятие «исправить» означает «изменить, улучшая, переделывать на лучший лад»; «исправлять повинности – нести, отбывать». Правонарушения – признак отсутствия правильного воспитания среди несовершеннолетних, что приводит к преступлениям и к наказанию. Появление специальных учреждений по исправлению правонарушителей восходит к 1704 году: именно в этом году при лазарете св. Михаила, основанном в Риме папой Климентом 11, был создан приют по исправлению испорченной молодёжи. С тех пор широкое распространение в мире получают «исправительные дома», а затем «исправительные колонии». Само понятие «исправление» становится основополагающим понятием пенитенциарной (от лат. poenitentia – раскаяние) системы. Термин «перевоспитание» – идеологема 20-х годов XX века, введён в научный лексикон с появлением так называемых «трудных», «невоспитуемых», «дефективных» – отставших от самих себя, взамен широко распространённого понятия «коррекция» (выправление). Перевоспитание – всего лишь вид воспитания, цель которого – не столько устранение отрицательных, сколько развитие положительных личностных свойств человека: формирование установки на исправление, на ресоциали-

зацию, на реабилитацию, на психологическую готовность к нормальной жизни на свободе, на предупреждение рецидивной преступности. Но всё это соотносимо с понятием «воспитание», которое может быть либо положительным (правильным), либо отрицательным (неправильным), другого не дано. Это – единство противоположностей или диалектика.

Исправление происходит в условиях изоляции осуждённых преступников от общества и задается правовыми нормами: соблюдение законности при исполнении уголовного наказания и административный надзор. Среди задач уголовно-исполнительного законодательства наиболее важное место занимает «охрана прав, свобод и законных интересов, оказание осуждённым помощи в социальной адаптации». (Ст.1.Ч.2 УИК РФ). Сам факт исправления человека сводится к получению правопослушного поведения осуждённого. И только? Данная позиция настораживает. Здесь важно понять, как это работает, в чём суть последовательности определённых процедур, производящих результат, что понимать под результатом?

По сложившимся убеждениям работников ФСИН, подобное возможно, если уголовное наказание (или иные меры уголовно-правового характера) рационально сочетаются с мерами исправительного и воспитательного воздействия на личность осуждённого, поскольку он является субъектом антиобщественного сознания и поведения, действия которого опасны для государства и общества. Поэтому личностный фактор тоже имеет принципиальное значение и должен быть объектом изучения в целях исправления. Помимо этого, следует напомнить: надо уметь видеть целостность человеческой личности, ценности и перспективы возможностей к самореабилитации. А у нас часто преобладают «специфические» оценки, где явно отсутствуют стержневые характеристики человеческой личности, нет признаков достойного в человеке. Следовательно, в итоге получается какой-то «недочеловек» – безличностное существо. Обнаруживается это в сопротивлении человека всяким попыткам унижить, оскорбить, оклеветать себя, ввести других людей в заблуждение отно-

сительно своей личности, вызвать у других людей по отношению к себе неприязненные чувства. Вот только некоторые толкования личности осуждённых представителями исполнительных служб: «личность – некая абстрактная модель с признаками преступника»; «социальный и психологический тип, отличный от других типов»; «носитель некоторых негативных нравственно-психологических черт и особенностей»; «детерминистический комплекс преступного поведения»; «объект карательно-воспитательного воздействия» и др.

Сотрудники ФСИН признают, что в значительной части случаев поведение во время пребывания в исправительном учреждении не может выступать достаточно надёжным ориентиром при определении того, что в действительности представляет собой данный осуждённый. Поэтому, считают они, наиболее обоснованным представляется дифференциация осуждённых по личностным особенностям. Однако своеобразие индивидуальностей каждой личности, которое требует учёта, ставит под сомнение эффективность метода воспитательного воздействия как основного арсенала исправительных мер. А если при этом учитывать ещё и состояние психического здоровья?

«Можно сказать, что в местах лишения свободы осуждённый предстаёт как бы в двух лицах: мы видим то, что он представлял собой, когда совершал преступление, и то, каким стал в условиях изоляции от общества под влиянием этого фактора, – отмечает в своих исследованиях Е. А. Антонян. – Разумеется, такое деление весьма условно, поскольку в исправительном учреждении не может полностью сформироваться новая личность. Её изменения, которые можем наблюдать, по большей части есть продолжение, развитие или трансформация тех черт, которые существовали и раньше... Примерное поведение в колонии отнюдь не всегда свидетельствует о том, что те субъективные причины, которые ранее привели к антиобщественным действиям, исчезли». (Исправление и воспитательная работа с осуждёнными. 2005).

Направленное воспитательное воздействие на человека в режимном учреждении часто пытаются выдать за преоб-

разовательную деятельность. Абсолютизация этого метода, возведенного до нормы, наделённого специфическими чертами и особенностями, сегодня доминирует, как действенное средство. Вот только рецидивность преступности от «результативности» этого метода не сокращается. Признание неотвратимости наказания за совершённые преступные деяния глубоко закрепляется в сознании каждого осуждённого. Потому так важно сделать этот первый и серьёзный шаг **повиновения**. Ничто другое не наказывает человека так, как «муки совести» или «угрызения совести» – состояние души и возможности человеческого духа, к которым должен быть готов каждый. Личностное самоопределение – проявление самых сильных качеств личности, таких, как протест по отношению к себе, оценка собственного поведения, определение смысла своего существования и, главное, раскаяние, желание покаяния в содеянном преступлении. «Наказание – это всегда напоминание о границах мира, в которых живёт человек, отчётливое разделение того, что «можно» и «нельзя», материальное воплощение образа желаемого поведения», – отмечает в своих педагогических заметках журналистка Елена Литвяк.

Недопустимость безнаказанности – есть метод естественных последствий. «Разумная система взысканий не только законна, но и необходима. Она помогает оформиться крепкому человеческому характеру, воспитывает чувство ответственности, тренирует волю, человеческое достоинство, умение сопротивляться соблазнам и преодолевать их», – напоминает нам А. С. Макаренко. Нераскаявшихся преступников Ф. М. Достоевский называл «погибшими людьми». Фёдор Михайлович – один из самых почитаемых Макаренко авторов. «Вот писатель, которого до сих пор не разобрали по-настоящему и которого нужно разобрать во что бы то ни стало...» (Из письма к жене от 20 ноября 1938 г.).

Действительно, давно назрела необходимость гуманизации пенитенциарной системы, которая мало изменилась с середины 30-х годов. От «старого мира» эта система унаследовала «устрашение», «возмездие», «кару», «мечь» и др. А. С. Макаренко показал нам образцы открытых учреждений по реабилитации и воспитанию несовершенно-

летних правонарушителей без карцера, заборов, решёток, охраны... Являясь продолжателем мировой гуманистической педагогической мысли, Антон Семёнович вернул к достойной жизни тысячи детей, юношей и девушек с трудной судьбой, ни один из них не вернулся на преступный путь. Многие воспитанники погибли в сражениях Великой Отечественной войны, снискав славу и уважение соотечественников. Его социально-педагогический проект - есть уникальная практика очеловечивания человека, построение гуманных условий становления и развития человеческой личности. И такие простые и понятные требования к этой самой личности: не лги, не кради, не убивай, не лодырничай, говори правду, помогай людям в беде...

А. С. Макаренко - создатель «педагогике здорового смысла», «педагогике ответственности», «педагогике безрецидивных последствий», «педагогике оптимизма/мажора» и

других, но важных направлений. Нам есть у кого учиться. И мы постоянно подчеркиваем суть и значимость взглядов А. С. Макаренко на решение проблемы методом наказания: - всегда нужно стараться наказывать как

можно реже, только в том случае, когда без наказания нельзя обойтись, когда оно явно целесообразно и когда оно поддерживается общественным мнением; - наказание не должно преследовать цель причинения физических страданий. Если оно воспринимается как кара, то закономерной реакцией на него будет обида, озлобленность, месть; - всякое наказание должно быть обоснованным и соответствовать степени вины и тяжести совершённого поступка; - наказание обязательно должно сопровождаться осуждением, внушением, порицанием, предупреждением. В противном случае оно теряет воспитательное значение.

Вопреки педагогической логике нашего великого соотечественника, сегодня наказание отбывают, отсидживают, переживают, исполняют в условиях несвободы. «Меры на-



ВНЕШНИЙ СЕМИНАР СОТРУДНИКОВ ЦЕНТРА ИМ. А.С. МАКАРЕНКО, ПОСВЯЩЁННЫЙ ВОПРОСАМ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ С ДЕТЯМИ И ПОДРОСТКАМИ ПО МЕСТУ ЖИТЕЛЬСТВА. В КЛУБЕ-ЯЗЫКОВ. Открытие семинара Президентом Международной Макаренковской Ассоциации к.ф.н. Коробкина Татьяна Фёдоровна и членом-корреспондентом Академии педагогических и социальных наук Калашников Антон Семёнович

казания не должны быть сведены в устав, в расписание допустимых мер воздействия. В педагогической практике – это одно из самых страшных зол. Меры наказания должны быть разнообразными, неожиданными, по форме, как правило, неповторяющимися и непременно эффективными. Акт наказания должен выражать искренность воспитателя, его гнев и страдание. Наказание – это лечение человеческой совести, предупреждение аморальных явлений в будущем. Самой высшей и драгоценной мерой наказания, как мне кажется и как мне приходилось наблюдать у нас в колонии им. Горького, – это возникновение чувства страдания у всего коллектива за проступок отдельного воспитанника».

«Сколько у нас дней было испорчено, сколько раз мы не пошли в театр и лишились других удовольствий из-за чьей-либо провинности. Антон Семёнович говорил нам, что «страдание» всех из-за одного и одного из-за всех – великая сила человеколюбия, сила настоящего коллективизма, упражнение настоящей воли и настоящего мужества...» (С. А. Калабалин – ученик А. С. Макаренко и последователь его педагогических традиций).



А.С. Макаренко и С.А. Калабалин

А. С. Макаренко: «Я не умею воспитывать без наказания. Безнаказанность воспитывает хулигана. Где есть безнаказанность, там и безответственность, а где безответственность – там живут все пороки жизни...»

Преобразования среды осуждённых в исправительном учреждении возможны, если обеспечиваются на социально-педагогическом уровне традициями, привычками, ритуалами, системами разумного воспитательного действия, нравственной ответственностью. Эта установка требует серьёзной проработки на проектной основе.

Воспитание взрослых – дело трудное, сложное и во многом непонятное, поэтому оно не принято педагогическим сознанием. Чтобы педагогизировать среду, нужны специ-

альные программы профилактической, реабилитационной, психотерапевтической направленности. Например, реабилитационно-педагогическая программа «Взаимосодействие», отражающая смысл складывающихся отношений и связей между людьми в пространстве организованного бытия, где «взаимность» и «совместность» достигаются средствами общения и деятельностью, где каждый вправе вносить свою долю содействия в получение ожидаемого результата.

Здесь большое значение имеет правильное понимание такой универсальной категории, как «система». Это особый тип связей между людьми, стремящимися найти применение своей инициативе в добром соучастии в судьбах тех, кто очень нуждается в защите и помощи. Такое побуждение человека без принуждения к добруму начинанию в психологии называется *знанием предваряющей деятельности*. Только при определённой потребности и наличии соответствующей ситуации человек начинает действовать. Эта деятельность – трудовая, профессиональная, культурологическая, социальная, рационализаторская, изобретательская, научная – может стать потребностью, мотивом и установкой к действию. Определиться в принятии правильного решения помогают стимулы. Потому и важно иметь базу стимулирующей педагогики, надёжно подбирая адекватные средства, ведущие к успеху.

Выдающийся психолог и философ С.Л. Рубинштейн в своей работе «Проблемы общей психологии» (1973) выделяет два способа существования человека: с одной стороны, непосредственное отношение к жизни, которое характеризуется детерминированностью ситуации, непосредственным окружением, и с другой – отношение к жизни, опосредованное занятием по отношению к ней определённой позиции. От такого обобщённого отношения к жизни зависит и поведение субъекта в любой ситуации, в которой он находится, и степень зависимости его от этой ситуации или свободы в ней. С момента появления такого обобщённого отношения к жизни, – указывает учёный, – каждый поступок приобретает характер философского суждения о жизни, и именно с этого момента встаёт про-

блема ответственности человека в моральном плане.

Обществу безразлично, по какому проекту исправляется, восстанавливается, совершенствуется человек, какие образцы взяты им в качестве идеала, какие ценности его увлекают, как сочетаются моральные требования общества с нравственными устремлениями и оценками человека, исполняющего наказание в местах лишения свободы. Пути духовного обновления доступны каждому. Ищите их в себе через осознание истинного смысла своих действий. И попытайтесь найти себя другого, такого, который нашему обществу нужен. Это и есть реабилитация в действительности.

Литература:

1. Дмитриев С. Нить человечности // Народное образование, № 3, 1990.
2. Кускова Е.Д. Беспризорная Русь // Советская педагогика, № 10, 1990.
3. Морозов В.В. Антология реабилитационно-педагогического опыта: Учебное пособие для студентов педагогических вузов и колледжей. - М.: Академический проект, 2005.
4. Негретов П.И., В.Г. Короленко. Летопись жизни и творчества. 1917-1921. - М.: Книга, 1990.
5. Погорельцева А.В. Проблема детства в творчестве Ф. М. Достоевского // Советская педагогика, № 12, 1991.
6. Румянцев В.М. Противоречия в развитии личности и их разрешение в процессе воспитания. - Калинин: КГУ, 1973.
7. Фёдорова О.Н. Русская школа и её принципы // Мир образования, № 5, 1995.
8. Чаплина Н.С. Школа окнами в завтра. - Л.: Лениздат, 1990.

«Эпоха великих перемен», или как вернуть детям детство

Октябрь 1917 года нарушил устои сложившейся жизни России. Гражданская война, разруха, голод и бандитизм, захлестнувшие страну, породили семимиллионную армию беспризорных детей, лишённых родителей, домашнего очага, жизненных ориентиров. По педагогическим меркам тех лет, беспризорные дети и подростки, а также несовершеннолетние нарушители подводились под категорию дефективных или, как их тогда называли, *«отягощённых дурной наследственностью и неспособных к восприятию моральных норм, выработанных обществом»*. В газетах тогда нередко появлялись такие материалы: «Беспризорные подростки - не дети, которых необходимо воспитывать в социальных добродетелях. Это недоразвитые люди, которые свои богатые способности тратят на антисоциальную борьбу для своего существования». Или: «Вопрос борьбы с беспризорностью - не столько вопрос физического и нравственного спасения беспризорных, сколько вопрос организации защиты остальных детей от разлагающего влияния беспризорных». (По материалам полтавской газеты «Голос труда»). Термины «беспризорность», «беспризорный» прочно вошли в словарный запас тех лет. Профессор М. Н. Чернет в книге «Социально-правовая охрана детства за границей и в России» (1924) так определил понятие «беспризорный ребёнок»: «...считают беспризорным всякого ребёнка, находящегося в таких условиях, которые не гарантируют ему определённого минимума для его развития в физическом и нравственном отношении». Согласно материалам стенографического отчёта четвёртой сессии ВЦИК 8 созыва, в 1921 году число беспризорных детей, нуждающихся в срочной помощи, определялось в 7,5 млн человек. По данным Московского медицинского журнала (№ 10, 1925 г.), количе-

ство несовершеннолетних, принимавших тогда наркотики, составляло 10% от всех беспризорных детей и подростков.

Выходит декрет Ленина, по которому все дети Советской России признавались детьми Республики, и забота о них провозглашалась прямой обязанностью государства. Этим декретом власть упраздняла суды и тюрьмы для несовершеннолетних, а материалы по правонарушениям малолетних преступников подлежали рассмотрению комиссией народного комиссариата общественного призрения. Комиссии по делам несовершеннолетних (их называли «комонесы») являлись, прежде всего, не детским судом, а педагогическим воспитательным органом образования. Они работали под председательством педагога-инструктора либо организатора помощи детям из местного отдела народного образования. В их состав входили: врач – от местного отдела здравоохранения, народный судья – от органов юстиции, воспитатель-обследователь, представители профсоюза и общества «Друг детей». Кроме комиссий по делам несовершеннолетних, работу с беспризорными вели детская чрезвычайная комиссия (ДЧК), преобразованная позднее в СПОН (социально-правовая охрана несовершеннолетних), и общественные организации, действовавшие во многих случаях на добровольной основе.

Дети оказались самой незащищённой частью общества, претворявшего идею «мы наш, мы новый мир построим». Оказываясь во власти обстоятельств, непонимания, недоверия к миру взрослых, дети ломают сложившиеся нормы бытия и ищут иные пути, обычно на улице, в сообществе себе подобных, где они обретают безопасность и покровительство «уличного братства». Опасность подстерегает их везде. Они легко попадают в зависимость от криминала, становятся питательной средой для воровства, мошенничества, сексуального разврата, наркомании. И противное детскому естеству насилие постепенно превращается в норму их жизни. «Среди самых ужасных последствий, несомненно, является накопление кадров беспризорных детей, не имеющих приюта, голодающих, не получающих надлежащего воспитания и угрожающих созданием поколения, пагубного для страны. Эти невольные осколки гражданской и внешней

войны, эти щепки от рубки леса, эти песчинки, рассеянные по стране, - всё это живые люди, всё это – будущие поколения, всё это – новая бродячая Русь, наличность которой представляет позор и величайшую опасность для Советской Республики», - писала газета «Известия» в 1920-е годы.

«Вернуть детям детство!» - на этот лозунг откликнулись лучшие представители российской интеллигенции. С целью помочь детям, оказавшимся в беде, в конце 1918 года в Полтаве группой интеллигентов была организована Лига спасения детей под руководством В. Г. Короленко, который стал её почётным председателем. Деятельность Лиги послужила толчком для создания по постановлению Совета народных комиссаров 4 февраля 1919 года Союза защиты детей, в обязанность которого входила борьба с детской беспризорностью. Одним из активных участников Лиги была Екатерина Дмитриевна Кускова. Её статья «Беспризорная Русь», опубликованная за рубежом в 1929 году, имела большое значение для осознания природы беспризорности и причин, породивших это страшное социальное явление. Сердца многих истинных патриотов и защитников детства того времени беспокоил вопрос: как спасти «беспризорную» Русь? Пыталась найти на него ответ и Кускова, стремившаяся понять глубинный смысл происходивших в стране событий. Вот одно из её высказываний тех лет: «Конечно, всякие гражданские и империалистические войны родят беспризорных - и взрослых, и детей. Но ещё более губительно действует политика самого государства, не соответствующая нормальным условиям его развития. Так, разорение крестьянства – его непосильные тяготы – является постоянным источником выделения беспризорных детей, не имеющих возможности прокормиться около плодovitого, но нищего крестьянского двора. Так, разрушение ремесленного производства выбросило на улицу не только «хозяйчиков», но и учеников. А ведь известно, как много бездомных сирот поглощал класс ремесленников, играющих столь большую роль в обучении



Е.Д. Кускова

детей, в подготовке из них ценных для общества квалифицированных рабочих. В Лиге спасения детей нам чаще всего приходилось сталкиваться с этим деклассированным элементом:

- Откуда ты?

- Из деревни... А в городе давно уж.

- Где же ты жил?

- У сапожника, учился.

- Почему же бросил учение?

- Ему, знаешь, хозяину-то, не дозволили заниматься ремеслом... Он и рушился, а я с ними за компанию...

Сапожник «рушился», а он с ним. «Рушились» большие и маленькие ремесленные мастерские с их хозяевами, подмастерьями и учениками. Рушился весь этот строй производства с огромной частной инициативой и предприимчивостью и с огромной приспособляемостью к тем самым оригинальным российским условиям, к особенностям её рынка...

«Одинокие, лишённые всяких социальных связей, свободные во всём, они привыкают, прежде всего, именно к свободе и создают свой собственный мир, соответствующий этим навыкам. «У нас, под Ташкентом, такая пещера была, - рассказывает один из беспризорников, - в ней человек шестьсот беспризорных жило. Это - целая организация, со своими правилами и законами. И законы строго исполнялись. Но такого закона, чтобы жить обязательно в этой пещере - не было. Иди, - если надо, куда хочешь, никто тебя не держит. Вот из-за чего и дорога была пещера-то, и сейчас с хорошим чувством вспоминается».

С хорошим чувством вспоминается свобода, даже пещерная. Вспоминаю и я эти типы... Некоторых мальчиков мы так и не смогли удержать в свободных и хорошо поставленных колониях Лиги. Один из них так прямо и говорил:



*«Детская беспризорность - одна из издержек революции»
(Н.К. Крупская)*

- Вы, дяденьки и тётеньки, - стоячие. Убегу от вас...
- Это ещё что значит, стоячие?
- Ну, знаешь, как лужина... Хлопнешь по ней палкой или камнем, ну, продвинется. А вы тут как кочки прилипли. Я города хочу смотреть, всю Россию смотреть...
- Да ведь погибнешь под буферами-то...
- Ну-к что ж? Ну, и погибну. А кто жалеть-то будет? Вы, что ль? Так ведь не родные вы мне...

Другой, исколесивший буквально всю Россию и прекрасно рисовавший обычаи жителей разных городов и разных народностей, даже и не захотел попасть к нам, говорил:

- В Ерманию хочу пробраться. Там, говорят, рай, чистота, всего вдоволь...

- Да как же ты, такой грязный и вшивый, в чистую страну попадёшь? Иди сначала к нам, отмойся, поучись, тогда и поедешь.

- Действительно, грязен я, - печально сказал он. - Ну и вы-то не чище: пятёрку нас заберёте, а тыщи вшей вам напустят...

Посмотрели мы на него: парнишка лет 10-11. А сентенции - взрослого... И не раз бросалась в глаза эта поразительная взрослость, своеобразный ум, меткость суждений и наблюдений этих представителей бродячей Руси. Каков должен быть персонал для подхода к такой душе? Всё у них своё, всё по их вкусу. Даже не на каждый поезд садятся, - и поезда выбирают «по вкусу». На одной станции мальчик лет 11-13 с презрением смотрел на своих товарищей, бросающихся под вагоны, - чтобы устроиться на поездку «в чёрных ящиках», плюнул и сказал:

- Меня, черти, не ждите. Я не езжу с почтовыми. Подожду экспресса...

Как же могут ужиться такие «избалованные» экземпляры в казённых домах, с казённым персоналом, где весьма часто практикуется битьё детей, бесчеловечная жестокость, а почти как правило - неумение подойти к душе ребёнка. В результате - истерика заведующих отделами народного образования... Катастрофа... В одном из коллекторов с 1-го по 15-го мая - 156 побегов, 211 заявлений

от пострадавших соседей, 36 актов, составленных милиционерами... Наших воспитанников снимают с трамваев, с поездов, ловят в магазинах, на рынках, в частных квартирах... Действуют организованно... Становится ясно, что они сохранили связь с улицей...

Да, связь с улицей сохранили. Но связи с коллективом, их приютившим, не приобрели. Вот в этом - трагедия. Класс «лишенцев» прежде всего ненавидит и презирует тех, кто пытается лишить их того единственного достояния, которое ими завоёвано: свободы. В этом ведь и состоит огромная опасность всякого «лишенства»: отвергнутые государством «лишенцы» отвергают и самое государство... Они живут не в недрах государства, а где-то в пространстве, - в порах его. Вот почему так трудна постановка воспитания даже тех беспризорных, которым удаётся попасть в детские учреждения. Только педагоги, с огромной любовью подходящие к этому делу, педагоги, способные разглядеть в беспризорном ЧЕЛОВЕКА, а не счётную единицу для казённого отчёта, могут вернуть таких отщепенцев в лоно общественной жизни и подчинить их её правилам и её законам». В этом проявилась особенность Е. Д. Кусковой как политического деятеля - нелюбовь к насилию. По свидетельству знавших её людей, страсть к разрушению была ей предельно чужда.

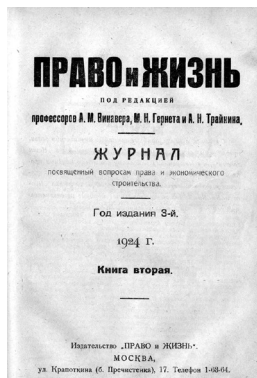
Однако общественный темперамент и сочувствие к тем, кто страдает, побуждает Екатерину Дмитриевну отдавать силы беспризорным детям, участвовать вместе с В. Г. Короленко в Комитете помощи голодающим и в Лиге спасения детей. По не зависящим от неё обстоятельствам эта деятельность вскоре была прекращена. 27 августа 1921 года все члены общественного движения помощи детям и голодающим (кроме В. Г. Короленко) были арестованы, в том числе и Е. Д. Кускова, а Комитет и Лига распущены. Летом 1922 года все они были высланы за границу. Из письма В. Г. Короленко к А. М. Горькому: «Вообще история эта печальная и много повредит делу помощи голодающим. Мне в ней чувствуется политиканство и худшее из политиканства, политиканство правительственное».

«Невоспитуемость» и «трудновоспитуемость» – идентичные понятия, отражающие суть специфической проблемы,

затрагивающей особенности жизни страны в условиях дестабилизации. Факторами неблагополучия усматриваются существующие группы детей и подростков, оказавшихся в трудной жизненной ситуации: без попечения родителей, без помощи, без определённого места жительства, без друзей, без перспективы. Неизбежным следствием этого является усиление социальной дезадаптации детей и подростков, увеличение масштабов социального сиротства, детской безнадзорности и беспризорности, детско-подростковой преступности. Для молодого учёного-педагога Василия Исидоровича Куфаева 20-30-е годы XX века станут временем испытания себя на проявление гражданского долга во спасение этих детей от большой беды. Он прекрасно понимал и осознавал суть сложившихся причин детских правонарушений, мотивы и характер совершаемых ими преступных действий. Об этом свидетельствуют его первые публикации в прессе: «Правонарушения и беспризорность несовершеннолетних в России» (Право и жизнь, № 1, 1922); «Борьба с правонарушениями несовершеннолетних» (М., 1924); «Юные правонарушители» (Новая Москва, 1924); «Деятельность комиссий по делам несовершеннолетних» (Народное просвещение, №№ 4-5, 1924); «Причины детской беспризорности» (Вестник просвещения, № 9, 1924); «Педагогические меры борьбы с правонарушениями несовершеннолетних» (Работник просвещения, 1927). В это сложное время педагогика очень нуждалась в качественно новой теории воспитания социально запущенных детей и, одновременно, в новой теории перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей. Предупреждение педагогической запущенности, анализ и изучение постановки воспитательной работы в учреждениях Наркомпроса, поиск путей и



В.И. Куфаев



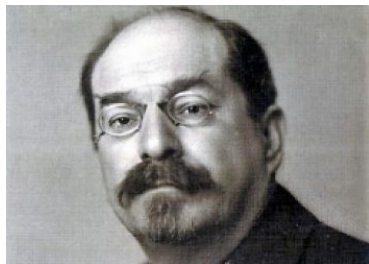
способов преодоления беспризорщины станут для В. И. Куфаева основной темой его научных изысканий и активного педагогического действия по устройству в стране исправительных учреждений для «трудных». Проблема перевоспитания подростков-правонарушителей становится ведущей в педагогической науке. Акцент внимания - прежде всего, на воспитателя, на овладение им специфических методов, приёмов и средств педагогического воздействия на воспитанника в условиях спецучреждения. Ещё А. Я. Герд – основатель первой детской колонии для несовершеннолетних правонарушителей в России — отмечал, что причина ненормального поведения этих детей лежит отнюдь не в их дурной наследственности или в произвольном желании поступить дурно. Причины их ненормального поведения лежат в той отрицательной социальной среде, в которой они растут и воспитываются, в неправильном воспитании детей или его полном отсутствии, и как следствие — в извращённом социальном опыте, испорченной нравственности, искалеченной психике. Он считал, что эти дети – скорее, жертвы ненормальных условий жизни, неправильного воспитания и дурного влияния среды, чем виновники своего поведения. Преступниками они становятся уже впоследствии, также в результате стечения неблагоприятных обстоятельств. Аналогичной точки зрения придерживался и В. И. Куфаев, исследуя трудности детей. Наряду с решением этой важной задачи требовалось покончить с детской беспризорностью. В этом вопросе сверхнастойчиво выступала Н. К. Крупская, подчёркивая главное: «Беспризорные, брошенные, больные ребята должны стать родными, любимыми детьми Советской Республики».

В годы становления теории воспитания и перевоспитания беспризорников шли бурные споры вокруг самой терминологии. Эти споры были вызваны качественным изменением самого объекта «трудного» подростка. До 1924 года были в обиходе та-



Н.К. Крупская

кие понятия, как «асоциальные», «этически-дефективные», «нравственно-испорченные» и «морально-дефективные» дети и подростки. Благодаря усилиям врачей и педагогов, доказавших, что теория моральной дефективности ненаучна, не подтверждается фактами и опровергается данными психиатрии и психологии, было решено, что подобные понятия являются научно необоснованными и должны быть устранены из педагогической практики. Было предложено использовать термин «трудновоспитуемые дети и подростки». Нарком просвещения А. В. Луначарский так обозначил задачу перед педагогической наукой и практикой: «Для того чтобы воспитать нового человека, нужно, прежде всего, познать то загадочное, что скрывается за на-



А.В. Луначарский

родным афоризмом «чужая душа — потёмки». Воспитатель в своей практической деятельности должен раскрыть таинственную вещь в себе: познать человеческую душу и научиться воздействовать на сознание и поведение человека». Учитывая важность воспитательной работы, Луначарский утверждал, что культурное социалистическое государство должно быть глубоко педагогическим, и что человек с присущими ему качествами является продуктом среды, и, изменив среду, можно изменить человека. (Н. М. Северикова). Потому и предлагалось как можно скорее вовлечь таких детей в здоровую воспитательную атмосферу, в нормальную трудовую и педагогическую среду. Выполнение этой задачи было возложено на детские дома (к 1923 году их было 7815) и на социальные воспитательные колонии (по преимуществу открытые). В 1921-1923 годах детские дома создавались всюду, где в них ощущалась настоятельная потребность. Эти учреждения назывались по-разному: колонии для трудновоспитуемых, детские дома для подростков, школы-колонии, трудовые коммуны, детские артели, детские городки, опытные станции, приёмники для беспризорных (коллекторы) и т.п. Многим

были присвоены имена выдающихся людей, другие носили поэтические названия: «Надежда», «Возрождение», «Дубки», «Приютное», «Бодрая жизнь» и т.д. Опыт работы лучших из этих учреждений нашёл отражение в педагогической литературе тех лет. «Это был период учёта всего оставленного наследства и спешного ударного открытия необходимых учреждений», - писал А. Б. Залкинд и предлагал как можно скорее вовлечь таких детей в здоровую воспитательную атмосферу, «разделив их на два слоя»: а) дети, способные немедленно водвориться в нормальную трудовую и педагогическую среду; б) дети, которые должны пребывать вплоть до их исправления в социальных воспитательных колониях (по преимуществу открытых). В книге «Дети после голода» (Харьков, 1924) приводятся характерные для того периода данные, свидетельствующие о серьёзных экономических трудностях, мешавших наладить в стране необходимое обеспечение детей и подростков питанием и медицинским обслуживанием в детских домах - «питание граничит с полуголодной нормой - вместо положенных 3000-3500 калорий они получают 1700-1800 калорий; открытый туберкулёз от 3 до 10% детей; истощённых, малокровных - 26-40%; обеспечены обувью всего 28% детей; тёплой одеждой - 21,6%». Позже число детских домов стало сокращаться в связи с уменьшением детской беспризорности. (В. И. Куфаев).

В отечественной научно-педагогической литературе 1920-30-х годов мы находим такое словосочетание, как «лечебная педагогика», заимствованное в немецком опыте XIX века, что подразумевало одновременное обучение, воспитание и лечение детей, комплексную ликвидацию педагогической запущенности и исправление аномалий развития ребёнка с использованием медико-психолого-педагогических знаний. Здесь «оздоровление детей дополняется воспитанием, а воспитание растворяется в лечении психолого-педагогическими методами воздействия» (Л. С. Выготский), а «работа врача, психолога и педагога объединяется здесь в одно целое» (В. П. Кашенко). Следовательно, воспитание рассматривается в эти годы как процесс управления развитием

личности, а система перевоспитания зависит, прежде всего, от характера деятельности воспитуемых и от качества управления этой деятельностью со стороны педагогов-воспитателей. Подобная совместная деятельность характеризует суть педагогического явления — исправления при управляющей роли воспитателя — носителя и проводника организованных, целенаправленных, интенсивных и непрерывных воспитательных воздействий на подростков-правонарушителей.

Однако не все из учёных, что соглашались с установкой на воспитание только с позиции воздействия (Н. В. Шульгин, М. В. Крупенина и др.), предлагали учитывать фактор педагогического взаимодействия. Это показывает, что в практике воспитания рождались идеи, которые обогащали саму педагогику, продвигали её развитие. Время свидетельствует: это был период интенсивных новаторских поисков. В него включались лучшие слои интеллигенции: педагоги, учителя, психологи, медики, юристы. Это было время «свободной инициативы» (А. С. Макаренко), небывалого по своим масштабам педагогического новаторства: детский городок имени Третьего Интернационала М. Х. Свентицкой, первая опытная станция С. Т. Шацкого, Болшевская коммуна М. С. Погребинского, Литвиновичская школа-коммуна П. Н. Лепешинского, колония им. Горького и коммуна им. Дзержинского А. С. Макаренко, школа им. Достоевского В. Н. Сороки-Росинского, Школа жизни Н. И. Поповой, санаторий-школа В. П. Кащенко, школа-колония «Красные Зори» И. В. Ионина, специальный детский дом — Институт трудового воспитания для девочек-правонарушителей «Новая жизнь» П. В. Паталака и многие другие. Все творческие инициативы были направлены на преобразование человека — нового человека, который нашему обществу нужен. Сущностной потребностью было стремление избавить подростка от нравственного клейма, неотделимого от понятия «преступник», по сути своей — исправить.

Теме перевоспитания подростков-правонарушителей посвящают свои работы педагоги-учёные, публицисты, писатели, деятели искусства. Плодотворно работает над этой те-

мой и профессор В. И. Куфаев. Проблематика исследований наглядно представлена в его публикациях: «Трудные дети и подростки и методы работы с ними в детучреждениях» (М., 1934); «Школа-коммуна имени Ф. Э. Дзержинского» (М., 1938); «Педагогический оптимизм А. С. Макаренко» (1940); «Ушинский К. Д. о воспитании детей в сиротских воспитательных заведениях» (1939); «Об использовании в детских домах опыта А. С. Макаренко по организации детского коллектива» (1941); «Понятие и педагогические принципы исправления и перевоспитания заключённых» (М., 1959). К сожалению, на сегодня нет единого сборника трудов профессора Василия Куфаева, и это вызывает трудности в получении фактологического материала при исследовании проблематики пенитенциарной педагогики. Именно Куфаев стоял у истоков создания и начальной деятельности комиссий по делам несовершеннолетних (Декрет СНК от 14 января 1918 года), в состав которых входили представители органов социального обеспечения, просвещения и юстиции и которые строились по линии педагогических консультаций педагогов и родителей, профилактики педагогической запущенности и просветительской работы, пропаганды лучшего опыта в данной области. Уже тогда были разработаны методики изучения подростков и мероприятия по профилактике детской преступности. Проводились исследования мотивов детских преступлений и условий среды, где росли и воспитывались дети-правонарушители. Было принято решение о создании «детской социальной инспекции» - в связи с необходимостью защиты и охраны детства, в целях борьбы с детской беспризорностью, нищенством, проституцией спекуляцией, правонарушениями, эксплуатацией детей и дурным обращением с ними в ремесленных, кустарных фабричных и иных предприятиях и учреждениях, а также в семьях. При инспекциях создавались детские приёмно-распределительные пункты, куда помещали детей после изъятия их из неблагополучной среды. Именно комиссии по делам несовершеннолетних в первую очередь взяли на себя труд по реализации новой системы правового воздействия на детей-правонарушителей, в зависимости от особенностей режима и контингента воспитанников в исправитель-

ных учреждениях, наказание которых определялось судом. Сеть этих учреждений социального воспитания для малолетних преступников называлась «трудовые дома». В 1926 году в стране имелось 10 трудовых домов с числом мест около 2 тысяч. К ним приписывались и трудкоммуны ОГПУ. С 1931 по 1935 год пошёл процесс ликвидации комиссий по делам несовершеннолетних. После их закрытия не было создано никакого другого органа для борьбы с беспризорностью, безнадзорностью и преступностью детей в возрасте до 12 лет, если не считать отделы трудного детства, образованные в органах народного образования, которые не имели ни собственных штатов, ни иных возможностей борьбы с подростковой преступностью. Основные функции были переданы от органов просвещения в систему НКВД. Начальный возраст уголовной ответственности несовершеннолетних за отдельные виды преступлений был снижен до 12 лет. Великая Отечественная война прервала этот эксперимент.

Профессор Куфаев являлся инициатором становления кафедры специальной психологии и педагогики в Коломенском педагогическом институте, читал специальный цикл лекций по исправлению и перевоспитанию «трудных подростков-правонарушителей». Студенты относились к нему с почтением, им нравились его занятия, они называли его ласково: «наш старичок — профессор Куфаев». Я слышал это во время жарких дискуссий и споров в студенческом общении.

Каждый человек по-своему «труден», по-своему уникален, в каждой природой заложены неисчерпаемые возможности к продуктивному личностному росту, для каждого они своеобразны и отличаются разными исходными свойствами психики. Только на основе объективных знаний особенностей физического, психического, умственного развития и многих других факторов, которые нельзя нивелировать в применении ко многим, возможно профессиональное познание и осуществление личностно-ориентированной воспитательной и реабилитационной работы. Взаимодействие педагога с подростком может быть успешным, если исходить не из позиции характеризующих его трудностей, отклоняющихся от нормы особенностей развития, а опираться на положи-

тельное в нём (уметь найти хоть крупицу хорошего). Причём, важно ставить такие перспективные цели, движение к которым создавало бы сильное эмоциональное и волевое напряжение. И тогда компенсация дефекта становится второстепенной по отношению к процессу реабилитации педагогической. Необходимыми условиями её успешности могут служить разработанные мною следующие принципы:

- принимать ребёнка таким, каков он есть на самом деле, прилагая усилия к раскрытию его потенциальных возможностей. Если ребёнок встречает истинное принятие себя, он в итоге преодолевает свои внутренние конфликты, психологический дискомфорт и способен к личностному росту и развитию;

- понимать ребёнка, то есть глубоко проникнуться всеми его проблемами, чувствами и стремлениями. Чтобы ребёнок смог преодолевать трудности, надо устранять всё, что мешает ему быть счастливым. Счастье — это соучастие в добрых человеческих делах;

- помогать ребёнку. Причём, стратегия помощи определяется задачей подростка преодолеть себя вчерашнего и тем самым обрести новые шансы на лучшее завтра. В то же время особую значимость в практике реабилитации педагогической приобретает изучение педагогом качественных характеристик состояний и ситуаций в становлении и развитии индивидуальности, самобытности, самоценности личности растущего человека, индивида; умение использовать психолого-педагогический инструментарий, применяемый в профилактике, коррекции и компенсации детей на разных этапах онтогенеза в подкрепление реабилитационной стратегии.

Вопросы воспитания социально запущенных детей и подростков в 20-30-е годы прошлого века вызывали бурные споры в учёной среде. Так, например, профессор П. Г. Бельский предлагал усиление мер принуждения и строгого взыскания по отношению к запущенным детям в условиях воспитательного учреждения, выражавшееся в ограничении свободы передвижения по территории и значительном преобладании физического труда над умственным. С такой позицией не согласились учёные-педагоги В.

И. Куфаев, И. И. Данюшевский - они резко высказались против предложенной шкалы педагогических взысканий, защищая методы новой советской педагогики, в основе которой лежит доверие к детям и вера в успешность их перевоспитания. Преодоление несостоятельности теории моральной дефективности по отношению к детям беспризорным и трудновоспитуемым открыло простор для творческого решения вопросов педагогической реабилитации несовершеннолетних в условиях продолжающейся нестабильности жизни страны. И надо отдать дань справедливости профессору В. И. Куфаеву и его коллегам по общему делу за их высокий профессионализм в организаторской, профилактической, охранно-защитной, коррекционной и реабилитационной работе во имя благополучного детства.

*«Человек имеет право на человеческую жизнь,
на радость и счастье»
(А.С. Макаренко)*



90-е «лихие»



Русь беспризорная
в 20-е годы XX столетия

Литература:

1. Актуальные проблемы социально-педагогической деятельности: Материалы 4-й Международной научно-практической конференции, посвящённой профессору Куфаеву Василию Исидоровичу / Под общ. ред. И.В. Гороховой, М.Н. Филиппова. - Коломна: ГСГУ, 2016.
2. Гладыш С.Д. Дети большой беды. - М.: Издательский дом «Звонница»-МГ, 2004.
3. Гербеев Ю.В. Воспитательная работа в учреждениях интернатного типа: Уч.-метод. пособие. - М.: Просвещение, 1984.
4. Ермаков В., Крюкова Н. Несовершеннолетние преступники в России. - Институт международного права и экономики им. А.С. Грибоедова, 1999.
5. Королёва В.М. К истории исследования вопроса о воспитании социально запущенных детей и подростков (20-е годы). Сб. КГПИ: Вопросы нравственного воспитания учащейся молодёжи. - Кемерово, 1974.
6. Козлов И.Ф. Педагогический опыт А. С. Макаренко: Кн. для учителя. Сост. и автор вступ. ст. В.М. Коротов. - М.: Просвещение, 1987.
7. Проблемы детского коллектива в русской и советской педагогической мысли: Общая редакция А.Ю. Гордина, Л.И. Новиковой. - М.; Педагогика, 1973.
8. Слободчиков В.И. Антропологическая перспектива отечественного образования. - Екатеринбург, 2009.
9. Северикова Н.М. А.В. Луначарский о воспитании: Метод. пособие. - М.: Высшая школа, 1990.

*«Разве удар - метод?
Нет, это только отчаяние».*
А. С. Макаренко.

Смыслоразножизненные установки педагога А. С. Макаренко в воспитании «невоспитуемых»

Как воспитывать невоспитуемых? Проблема 20-х годов ушедшего столетия. Она и сегодня остаётся «проблемой времени». Важным аспектом анализа деятельности в решении столь сложной проблемы является игнорирование педагогического знания и опыта А. С. Макаренко по изменению существующего положения детей и юношества в обществе в период глобального кризиса. Вспомним принципиальную позицию новатора педагогики: «Каждый воспитанный человек должен быть полезен обществу. Всякое иное положение есть обезличка, которая, к слову сказать, нигде не свила для себя такого крепкого гнезда, как в педагогике». Потому-то Макаренко считал, что необходимо создать «новую педагогику, совсем новую». Отслеживая сложившуюся ситуацию в стране, он с горечью констатирует: «Эта педагогика рождалась на всей территории Союза, но не везде нашлись терпение и настойчивость, чтобы собрать её первые плоды». «У нас нет воспитательной педагогики», – признает учитель. Макаренковед А. А. Фролов по этому поводу отметит следующее: «Это высказывание и следующий за ним обширный текст опускались в предшествующих изданиях его трудов. В 1936 г. в Московском областном пединституте он сказал: “...В интересах дела нужно отделить школьную педагогику классной работы от педагогики воспитания... Разделить эти две педагогики и определить их главные методы”. И ещё: «В своём последнем публичном выступлении, за три дня до смерти, на совещании учителей Ярославской железной дороги А. С. Макаренко говорил: “Я настаиваю, что вопрос воспита-

ния, методику воспитания надо совершенно отделить от вопроса преподавания. Тем более надо отделить, что воспитательный процесс совершается не только в классе...”»

Наши предки завещали нам: человек есть предмет воспитания, а миссия педагогики есть искусство делать человека нравственным и счастливым. На основе народных традиций, народной культуры возникало и развивалось педагогическое новаторство – живой родник педагогики.

В отличие от других педагогов, искавших пути решения этой проблемы, А. С. Макаренко целиком посвящает себя изучению детства как части общества. Он стремится привести воспитание в точное соответствие с развитием общества, осознавая неразрывную связь человека с обществом, поскольку «он, прежде всего, социален», «деятелен» и является «создателем общественных ценностей», а педагогическую мысль предполагал сделать мощным фактором ускорения социально-экономического прогресса. Свою животворящую веру в человека он адресует именно новой педагогике: «Я убеждён, что если в будущем кто-нибудь даст в литературе образ идеального человека, то и работа всех нас, педагогов, будет значительно облегчена».

Воспитательная педагогика Антона Макаренко, по его же словам, «рождалась не в мучительных судорогах кабинетного ума, а в живых движениях людей, в традициях и реакциях реального коллектива, в новых формах дружбы и дисциплины». Он сумел доказать это опытом собственной жизни.

Наше время нуждается в преобразованиях. Поэтому настоятельно требует от педагогов более высокого уровня профессиональной готовности к работе с детьми в режиме воспитания, реабилитации, коррекции и социализации. Для этого нужно понять и познать смысложизненные установки и социальную эффективность педагога-исследователя в решении проблем детства в контексте времени, в котором жил и творил А. С. Макаренко.

К сожалению, педагогические идеалы и уникальный воспитательный опыт практиков тех лет остались вне наших интересов. Поэтому и отношение к педагогическому наследию весьма непочтительное. Судите сами: «...был такой Ушинский - чем-то там великий в своё время, а ещё

Макаренко, который трудных подростков строил в шеренги и перевоспитывал». Такое объяснение в утрированной форме задаётся педагогической прессой. Главная причина проблемной ситуации в современном образовании: ПЕДАГОГИКА, лишившая себя важнейшей функции – «детоведения», и этим снявшая с себя обязанности на деле быть куратором и защитником детства.

Перед Макаренко ставят труднейшую задачу: как из невоспитуемого сделать нового человека? «В двадцатом году, - вспоминает Макаренко, - мне дали колонию для правонарушителей... Моё положение было очень тяжёлым...» Не случайно одна из первых глав «Педагогической поэмы» так и называется - «Бесславное начало колонии». Условия жизни открывали «простор для всяческого своеволия, для проявления одичавшей в своём одиночестве личности». А. С. Макаренко видел «безобразное горе выброшенных в канаву людей» и понимал, что маленький человек уже привык не рассчитывать ни на какое снисхождение, он привык только к враждебным стихиям. Детская преступность достигала устрашающих размеров. Естественно, нужна иная организация детской жизни - жизни не в простой толпе. Макаренко видел в этой самой организованности процессы и явления, которые определяют нравственность растущего человека, его поведение.

В колонию начинают доставлять будущих воспитанников не только из детского коллектора, «сплошь и рядом их привозят в чёрной карете и сдают из-под револьвера». В учреждения для «дефективных» (к таким относилась колония) направлялись не только совершившие правонарушение или беспризорные дети, но и так называемые молодые преступники. Макаренко, всмотревшись в них, понимает: проступки воспитанников не связаны с врождёнными пороками, а вызваны травмами, порочностью взаимоотношений, которые сложились на улице. Пробует вести диалог с собой на понимание проблемы: «Видели ли вы когда-нибудь ребёнка-преступника? По-видимому, видели, да и не одного. Жизнь больших городов, жестокая борьба за существование, убожество рабочих окраин и наряду с этой бедностью шуршащая жизнь городских улиц

со своими искушениями, - всё это изуродовало не одну детскую душу.

Но пробовали ли вы всмотреться в душу этих молодых преступников, подойти к ним поближе, просто, по-человечески; думали ли вы о том, как можно в современной, ещё довольно трудной жизни, без больших средств и помощи со стороны, привлечь их к труду, к полезной работе, не навязывая её им, а доказывая, что она вытекает из самой неизбежности живой, творческой жизни в обществе?

И если не пробовали - то послушайте, что сделал коллектив педагогов, заинтересованный своим делом, в условиях нашей, бедной ресурсами, но богатой возможностями и большим энтузиазмом, реальной действительности». (Из статьи А. С. Макаренко «Через труд и самоорганизацию - к новой жизни», 1925).

Понять педагогическую логику реабилитации таких детей и принять правильное решение по выработке стратегии и тактики работы с ними в современных условиях - вот чему нужно сегодня учиться у А. С. Макаренко. В своих размышлениях педагог придёт к выводу: нет детей-правонарушителей, а есть люди, попавшие в тяжёлое положение. Они имеют право на счастливую жизнь, они «не менее богатые, чем я... не менее, чем я, талантливые, способные жить, работать, способные быть счастливыми и способные быть творцами». Характеризуя их поведение, Антон Семёнович указывает на такие человеческие свойства, как стадность, разобщённость, равнодушие друг к другу, к общему имуществу, к примеру героического поведения, отсутствие организации, панику в момент опасности. В сложившихся условиях, в которых находились дети, педагог прекрасно понимал, что нельзя становиться рабом обстоятельств и тем более приспосабливаться к ним. Требовалось стремительно изменить сами обстоятельства. И тогда он меняет философию отношений с ними. Констатирует: его первые воспитанники - не только трудные подростки, но и во многом опасны. Они сознательно занижали возраст, чтобы не попадать под расстрельную статью за бандитизм. В самой колонии процветали воровство, драки, побеги, издевательства старших над младшими,

ложь, сквернословие, грубость и наглость. Многие из его первых воспитанников попали в колонию за вооружённые разбойные нападения, например - Белковский и Бендюк были взяты Макаренко из Полтавской тюрьмы, где отбывали сроки за участие в вооружённом нападении, позднее оттуда Антон Семёнович заберёт Калабалина. Среди первых воспитанников (13 человек) имели статью «Политический бандитизм» те, кто состоял членом национальных группировок, которые боролись против Советской власти.

Педагог определяет свою стратегию активного действия: 1) подойти к ним поближе, просто по-человечески понять (принцип «сожжённой биографии» - полное игнорирование прошлого и тем более прошлых преступлений); 2) убрать привлекательные штампы уголовной экзотики и романтику преступного мира; 3) взять верх над неуправляемой вольницей и уголовной стихией; 4) обрести себя в другом лице: «Я должен сделаться другим человеком», стать требовательным, суровым, твёрдым, по сути - стать для них значимым взрослым. («Суровость при определённых обстоятельствах выступает как самая большая гуманность, какую можно предъявить человеку»); 5) привлечь их к труду, к полезной работе, не навязывая её им, а доказывая, что она вытекает из самой неизбежности живой творческой жизни.

Придёт осознание сложившегося момента колониистского жизнеустройства: и всё же они - люди, и помочь им - дело святое. Как тяжело будет с ними, но и как прекрасно, потому что в этом - труд его души и жизни. Найдётся выход из сложившихся трудностей: только решительность, бесстрашие, принципиальность, бескорыстие, человеческий гнев и риск способны преодолеть у воспитанников такие скрытые человеческие пороки, как эгоизм, головотяпство, шкурничество, хамство – всё то, что разрушает человека.

Макаренко детально проработает проблему «правонарушителей», как запрос времени. Тем, кто привязывал данную проблему к дефективности детей, укажет на ошибки и назовёт подобное явление «вымыслом неудовлетворённых романтиков». Скажет: «Нет детей-правонарушителей, а есть люди, попавшие в тяжёлое положение. И всякий нормальный ребёнок, оказавшийся на улице без помощи,

без друзей, без опыта, с истрёпанными нервами – каждый нормальный ребёнок будет вести себя так же, как они». И ещё: «Нет проблемы воспитания правонарушителей, а есть проблема воспитания вообще». «В самой колонии мы никогда не употребляли таких слов, как «преступник»...».

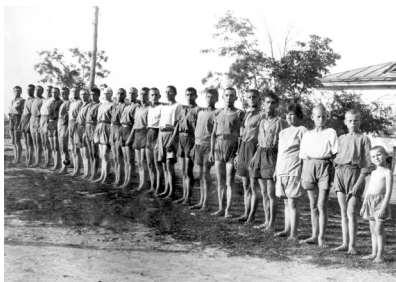
Кроме того, педагог выдвигает принцип: «Колония - открытая детская коммуна, без заборов и сторожей. Здесь никого не заставляют жить насильно. Кто не хочет работать и быть колонистом – проваливай из колонии». Это был принципиальный призыв настойчивости воспитателя, имеющего свою позицию. По этому поводу педагог предупреждает: «Человек плох только потому, что он находился в плохой социальной структуре, в плохих условиях. Я был свидетелем многочисленных случаев, когда тяжелейшие мальчики, которых выгоняли из всех школ, считали дезорганизаторами, поставленные в условия нормального педагогического общества, буквально на другой день становились очень хорошими, очень талантливыми, способными идти вперёд». И, наоборот, «самые лучшие мальчики в условиях плохо организованного коллектива очень быстро становятся дикими зверушками. Соберите самых лучших детей, поставьте около них плохих педагогов, и через месяц они разнесут и колонию, и детский дом, и школу, и этих педагогов». Понять педагогическую логику реабилитации таких детей и принять правильное решение по выработке стратегии и тактики работы с ними - и есть мастерство, то нужное, чему следует учиться у Макаренко, чтобы не допускать ситуации «униженных и оскорблённых».

Для него 20-е годы станут временем смелых педагогических поисков – временем «свободных инициатив». Из писем А. С. Макаренко к учительнице А. П. Сутак, которая активно пыталась вернуть педагога в Крюков: «Всё будет зависеть от того, насколько руководители просвещения окажутся не идиотами и не побоятся передать одну школу в руки свободной инициативы. Но когда у нас в России уважалась свободная инициатива? А пока не будет простора инициативы, никогда не будет новой школы. Это истина».

Коллеги не забыли прекрасного учителя, им было жаль, что он тратит свои силы на малолетних преступников. «Но

вся беда в том, что вопрос не решается для меня одним желанием. Я теперь человек крепкий, такой крепкий, каким Вы меня никак не представляете. Таким меня сделала колония. Вы как раз, сударыня, патетически восклицаете с уверенностью: «Что вам дала колония?» Столько дала, Антонина Павловна, что Вам и не приснится никогда. Я сделался другим человеком, я приобрёл прямую линию, железную волю, настойчивость, смелость и, наконец, уверенность в себе... Трёхлетний колони́йский опыт - это вся моя будущая работа. Что бы я ни сделал потом, начало всё-таки нужно будет искать в колонии. И даже не только в том смысле, что здесь чему-то научился и что-то пережил, но ещё и потому, что **здесь я сам над собой произвёл огромный важный опыт**», - пишет Антон Семёнович.

Там, под Полтавой, в колонии для правонарушителей, используя возможности «свободной инициативы», Антон Макаренко осуществил свой проектный замысел. К 5-летию своей колонии он с уверенностью рапортует о сделанном: представляет свой проект нового детско-взрослого сообщества - свободный человеческий коллектив, определяет принципиально новую теорию реабилитации и воспитания «детей беды». Через активное изменение условий жизни и саму жизнедеятельность, не ломая



характеров ребят, педагог смог привить им дух общности, дух гуманизма. Он жил с ними одной жизнью и, уча их, учился сам. В повседневной своей практике стремился не только понять их, но и приподнять, высветлить в них человеческое, доброе, порядочное, возможное.

Выработать стратегию опережающего действия в воспитании было нелегко. Макаренко отмечает: «Люди мы были самые обычные, и у нас находилась пропасть разнообразных недостатков. И дела своего мы, собственно говоря, не знали...» Пришлось проштудировать большое количество педагогической литературы и признать: «В моих

руках никакой теории нет и науки нет». Пришлось делать ставку на учительский талант и опыт. В своей «Педагогической поэме» он отмечает: «Мне нужны не книжные формулы, которые всё равно не могут привязать к делу, а **немедленный анализ и немедленное действие**». Такую педагогическую установку мог принять на себя только человек с опытом работы и, бесспорно, - талантливый. В те годы достаточно популярна была «Дидаскология» (наука об учителе), помогающая педагогу найти эффективные способы и средства воспитания нравственно-целостной личности, используя психотехнологический инструментарий.

О том, что А. С. Макаренко был знаком и активно практиковал методы популярной науки, свидетельствует такой факт. Вспоминает С. А. Калабалин:

«Помню эпизод, произошедший в 1921 г. Год был тяжелый, голодный. Нашей колонии приходилось испытывать большие трудности и лишения. Особенно было тяжело с продовольствием. И вот в это время одна воинская часть подарила колонистам сто пятьдесят копчёных кур. Вдруг выяснилось, что одна курица пропала из погреба. Подозрение в хищении могло пасть на доложившего о пропаже колониста Ивана Колоса, заведовавшего погребами и складами колонии. Колонисты провели дознание, но виновного не нашли.

Антон Семенович верил в честность Колоса и, чтобы выяснить, кто совершил воровство, приказал дать сигнал общего сбора. В течение трех минут шестьдесят четыре колониста встали в строй развернутой линией. Антон Семенович вышел к нам из своего кабинета. Прошёл от фланга к флангу, глядя себе под ноги, немного наклонив голову. Решительно отошёл от шеренги, ошпарив всех нас своим возмущенным взглядом, и заговорил:

- Я думал, что у меня есть коллектив, коллектив товарищей, уважающих себя. Нет. Вы еще не люди, вы микробы, способные пожирать друг друга. До какой подлости и низости мы дошли с вами, что сами же у себя тащим! Да еще что – подарок воинов, самих впроголодь живущих и в бой идущих. Ну, не черви ли после этого мы с вами? Так нет же, - я-то ни вором, ни микробом не хочу быть. Я – че-

ловек! И мое презрение к воровству поможет мне найти вора. Слышите? Стоять так! Я буду подходить к каждому из вас, а вы смотрите прямо в глаза!

Антон Семенович направился к правому флангу, и мне пришлось первому посмотреть в глаза. Примерно в середине шеренги он вдруг закричал:

- Выйди из строя! Мерзавец! Тебе больше всех есть хочется? Ты более нас голоден?! – разносил Антон Семенович выхваченного из строя нашего товарища по кличке Химочка.

- Я не ел её, - закричал Химочка, - я спрятал курицу!..

От этих слов Химочки мы оцепенели. В голове каждого из нас промелькнула мысль: как же Антон Семенович узнал вора? Гипнотизер, - так заключили многие.

Тем временем Химочка принес курицу, завернутую в лопухи.

- Так вот, - обратился Антон Семенович к Химочке, - ешь! Раз ты ее уже взял, прятал ее где-то, как хорек, мы ее отдадим тебе на полное растерзание.

Химочка не спешил выполнять распоряжений, медлил, отнекивался, клялся, что он сыт, и что-то ещё.

Антон Семенович подал команду:

- Колония! Стоять смирно до тех пор, пока Химочка съест курицу!

И сам стал рядом со мной с правого фланга.

Думается мне, что эта минута стоила самого большого напряжения не Химочке, не нам всем, а самому А. С. Макаренко. Он этой командой включил и нас в острый конфликт. Активно включил. На чью же сторону станут эти «серые человеки»?! Разум, общественный интерес взял верх над частным. Мы глазами требовали от Химочки исполнения приказа Антона Семеновича. Химочка начал кушать, а мы все почувствовали облегчение и стали ласково, улыбками подбадривать неудачного воришку...

Во время обеда кто-то из ребят подошел к Химочке с насмешкой.

- Ты, наверно, наелся курятины, - отдай мне свой борщ!

Через минуту этот шутник уже был в кабинете, и Антон Семенович журил его:

- Твой товарищ ради всех нас понес тяжкое испытание. Немного найдется среди нас готовых совершить такой подвиг, как съесть курицу перед строем своих товарищей как наказание. Химочка вырос на моих глазах, а ты ослеп. Подумай, чудак-человек!

- Я уже подумал, Антон Семенович. Грубо это у меня получилось. Как вы думаете, простит мне Химочка?

- Не знаю, попробуй, и зарекись...

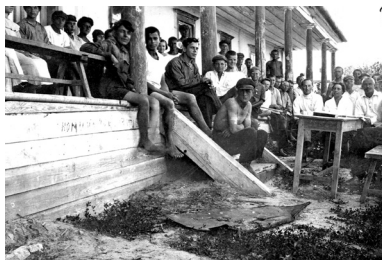
Какой хороший ступок чувства жизни!

Переписываясь с товарищами по колонии, я поддерживал связь и с Химочкой. В одном из писем, перед самым началом войны, в 1941 г., жена Химочки писала мне: «Всем хорош Ваня: и как муж, и как отец, и ответственный пост занимает, а вот, странное дело, курятины не ест...»

Прогнозировать тенденции положительных изменений у его воспитанников педагогу помогало внутреннее чутье и опыт самовыражения. Антон Семенович обосновывает это так: «Мой глаз был достаточно набит, и я с первого взгляда, по внешним признакам, по неуловимым гримасам физиономии, по голосу, по походке, еще по каким-то мельчайшим завиткам личности мог сравнительно точно предсказать, какая продукция может получиться в каждом отдельном случае из этого сырья».

Вот почему он был так внимателен ко всем деталям жизни воспитательного учреждения, к реальным явлениям и фактам.

Исходя из субъективной оценки брата, Виталия Макаренко, – колония им. Горького – «это добротный помещичий уклад плюс кадетский корпус». Сам же Антон Семёнович скажет так: «Нам удалось найти интересные и оригинальные формы внутренней организации; создать крепкую и дружную семью». **«Наш день – это строгий до минуты трудовой комплекс».** «Воспитательная работа в колонии построена на началах строгой организованности



Совет командиров

внутриколониистских отношений и работы» (требовалось воспитать привычки необходимости точного требования и точного исполнения, учёта и отчёта). И ещё одна очень важная особенность характеристики колонии тех лет: «Были у нас только две вещи, которые не вызывали сомнений: наша твёрдая решимость не бросать дела, довести его до какого-то конца, пусть даже и печального. **И было ещё вот это самое «бытие» – у нас в колонии и вокруг нас**».

В дальнейшем Макаренко признается, что «тогда совместное воспитание в колониях для правонарушителей было запрещено законом; наша колония была единственной в Союзе, проводившей опыт совместного воспитания».

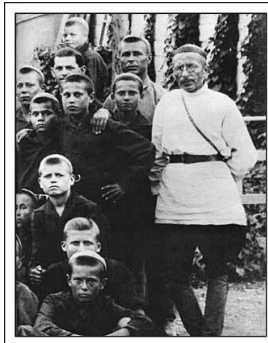
Вот как в 1924 году об этом пишет в своём очерке «Работа с беспризорными» Маро (М. И. Левитина): «В отношениях между обоими полами – простота и товарищество. Есть и влюблённость; о ней знают, говорят, её даже уважают. Одна девочка недавно вышла замуж за сторожа колонии – но это воспринято очень просто, без всяких намёков и шуточек. «Ухажёрство» в грубых формах пресекается самими же ребятами. Что касается вопросов пола, то

справиться с ними удаётся благодаря гимнастике, труду на воздухе, регулярному образу жизни. Благодаря участию детей в хозяйстве, к этим вопросам относятся просто и естественно, как к любому другому явлению природы». «Между воспитанниками и воспитателями царят тёплая дружба и равенство, соединённое с уважением. Вдохновителем всего дела является самоотверженный заведующий. Дети его любят, для них он и высший авторитет, и любимый друг, за него они готовы пойти на всё». И ещё одну важную деталь выделяет Маро-Левитина: «Из всех обследованных нами сельскохозяйственных колоний по чёткости и цельности педагогической работы на первом месте следует поставить колонию имени М. Горького, близ Полтавы, как опытно-показательное учреждение НКП УССР».



Да и сам Макаренко указывает на это: «Если в 1921 году обычный день в колонии был днём отчаяния, бессилия и страха, то уже в 1922 году обычный день в колонии был прекрасным днём, полным труда, доверия, человеческого товарищеского чувства и всегда – смеха, шуток, подъёма и очень хорошего, бодрого тона».

Подводя итоги за пять лет жизни колонии им. М. Горького, Макаренко отметит в своих записках следующее: «Колонийская коммуна представляет из себя прочно сбитое по-товарищески и дисциплинированное рабочее сообщество, непрерывно повышающее свой культурный уровень, в то же самое время всегда весёлое, с бойким настроением». Посетившая в эти годы колонию инспектор Наркомпроса Любовь Савельевна Джуринская была поражена не личностью завкола Макаренко, но советом командиров колонии, решения которого по самым острым практическим и моральным вопросам для колонистов были законом. «Какая страшная сила этот ваш совет командиров», – удивлялась инспектор, и была права. В колонии институт командиров, по сути своей – институт самоуправления, был серьёзнейшей, быть может, в большей степени, чем сам педагог, создавший его, воспитывающей силой.



По Макаренко, своё счастье человек заслуживает в упорной борьбе и преодолении трудностей, в том числе в борьбе с самим собой, со своими недостатками. Для достижения счастья нужны активность, поиски, желание действовать, воля, творческий азарт, горение... «Я хочу быть счастливым

человеком, но самый верный путь – поступать так, чтобы все остальные были счастливы, тогда и я буду счастлив». Достойный урок нравственности. Именно «человеческая личность» для Макаренко всегда являлась предметом педагогического раздумья и поиска образца «со всей её сложностью, богатством и красотой». Потому и предупреждал, что «к ней нужно подходить с более точными измерителями, с большой ответственностью и с большой наукой, а не в порядке простого тёмного кликушества». Личность растущего человека определялась им рамками воспитательной программы: уметь видеть в человеке богатые творческие возможности; уметь находить глубоко скрытые источники человечности (умственные и нравственные); уметь задавать качественно новые формы культуры «очеловечивания человека», выправления его характера в свободном человеческом коллективе. Вместе с тем он предугадывал, что «человеческое существо всё же чрезвычайно нежная штука, и наделать в нём всякой порчи очень не трудно». В воспитательной практике нельзя было это не учитывать. Предположим, что возникающие в жизни человека противоречия, как видим, разительные, но свойственные личности, имеют место быть. Это трудолюбие – лень; нравственность – бесчеловечность; любознательность – ограниченность; ответственность – разгильдяйство; доброта – злоба и многое другое, что задаёт раздвоение личности. В этом случае у Макаренко действовал метод «перековки» (выправления характера). Акт этого действия не может осуществляться эволюционно, на основе постепенных изменений. В этом смысле педагог различал развитие как обыкновенный рост, который необходимо учитывать, но и развитие как искусственный, взрывной процесс, специально организуемый в педагогических целях.

Макаренко выделяет два важных для воспитания компонента. Один из них он назовёт **«воспитанием сознания»**, подразумевая наличие правильного понимания того, как надо поступать. Другой компонент – «осуществление правильного поведения», который закрепляется в соответствующих положительных чертах характера и привычках. Следовательно: «единство опыта и сознания – условие формирования правильного поведения». Однако Антон Семёно-

вич предостерегает, что не надо ожидать быстрого результата правильного поведения вслед за воспитанием сознания. Человек сравнительно легко осознаёт, как нужно поступать, но когда приходится действовать, то он нередко поступает иначе, в особенности в тех случаях, когда поступок совершается не всенародно, а без свидетелей. Это несоответствие между сознанием того, как нужно поступать, и действительным поведением, Макаренко считал противоречием. Для его преодоления нужны специальные упражнения.

Личность не может вобрать в себя все знания, которыми обладает человечество, как не может она уметь делать всё. Любая деятельность глубоко индивидуальна. Индивидуальную работу Антон Семёнович видел не в «возне» с ребёнком, а в поиске и использовании таких его особенностей, которые способствуют активному включению в жизнедеятельность заданного сообщества. Вместе с тем Макаренко отмечает, что в педагогике существуют две формы страха. Одна – перед сложностью и многообразием индивидуальностей, она диктует стремление всех загнать в один шаблон, всех пустить ходить строем. И другая форма страха – она выражается в пассивном следовании за каждым индивидуумом, в боязни любых проявлений коллективности. Страх будет преодолен, когда наконец-то поймём, что коллектив как совместное бытие есть не самоцель, а необходимое пространство нормального развития ребёнка, становления его индивидуальности среди других, но значимых для него людей – сверстников и взрослых. Здесь инициатива и самостоятельность есть важнейший источник и стимул развития, а зарождающееся сообщество – это живое многообразное самовыражение людей, готовых к совместной выработке и реализации законов, традиций, ценностей и смыслов жизнеустройства. Самоуправленческое начало становится важным индикатором, оперативно реагирующим на происходящие в жизни процессы и изменения.

По мнению исследователя в области макаренковедения Людмилы Борисовой, «Макаренко вплотную подошёл к проблеме экзистенциальности личности, её непредсказуемости и свободы проявлений». Да и сам Макаренко подтверждает этот факт: «Вот эта самая личность, которая может на-



Пётр Павлович Макаренко родился 24 ноября 1888 года в с. Макаровка Харьковской губернии. Окончил Харьковскую гимназию, работал учителем, редактором, журналистом. В 1919 году переехал в Москву, где работал в Наркомпросе. В 1920 году был арестован, но вскоре освобожден. В 1921 году переехал в Одессу, где работал в Наркомпросе. В 1922 году был арестован, но вскоре освобожден. В 1923 году переехал в Москву, где работал в Наркомпросе. В 1924 году был арестован, но вскоре освобожден. В 1925 году переехал в Одессу, где работал в Наркомпросе. В 1926 году был арестован, но вскоре освобожден. В 1927 году переехал в Москву, где работал в Наркомпросе. В 1928 году был арестован, но вскоре освобожден. В 1929 году переехал в Одессу, где работал в Наркомпросе. В 1930 году был арестован, но вскоре освобожден. В 1931 году переехал в Москву, где работал в Наркомпросе. В 1932 году был арестован, но вскоре освобожден. В 1933 году переехал в Одессу, где работал в Наркомпросе. В 1934 году был арестован, но вскоре освобожден. В 1935 году переехал в Москву, где работал в Наркомпросе. В 1936 году был арестован, но вскоре освобожден. В 1937 году переехал в Одессу, где работал в Наркомпросе. В 1938 году был арестован, но вскоре освобожден. В 1939 году переехал в Москву, где работал в Наркомпросе. В 1940 году был арестован, но вскоре освобожден. В 1941 году переехал в Одессу, где работал в Наркомпросе. В 1942 году был арестован, но вскоре освобожден. В 1943 году переехал в Москву, где работал в Наркомпросе. В 1944 году был арестован, но вскоре освобожден. В 1945 году переехал в Одессу, где работал в Наркомпросе. В 1946 году был арестован, но вскоре освобожден. В 1947 году переехал в Москву, где работал в Наркомпросе. В 1948 году был арестован, но вскоре освобожден. В 1949 году переехал в Одессу, где работал в Наркомпросе. В 1950 году был арестован, но вскоре освобожден. В 1951 году переехал в Москву, где работал в Наркомпросе. В 1952 году был арестован, но вскоре освобожден. В 1953 году переехал в Одессу, где работал в Наркомпросе. В 1954 году был арестован, но вскоре освобожден. В 1955 году переехал в Москву, где работал в Наркомпросе. В 1956 году был арестован, но вскоре освобожден. В 1957 году переехал в Одессу, где работал в Наркомпросе. В 1958 году был арестован, но вскоре освобожден. В 1959 году переехал в Москву, где работал в Наркомпросе. В 1960 году был арестован, но вскоре освобожден. В 1961 году переехал в Одессу, где работал в Наркомпросе. В 1962 году был арестован, но вскоре освобожден. В 1963 году переехал в Москву, где работал в Наркомпросе. В 1964 году был арестован, но вскоре освобожден. В 1965 году переехал в Одессу, где работал в Наркомпросе. В 1966 году был арестован, но вскоре освобожден. В 1967 году переехал в Москву, где работал в Наркомпросе. В 1968 году был арестован, но вскоре освобожден. В 1969 году переехал в Одессу, где работал в Наркомпросе. В 1970 году был арестован, но вскоре освобожден. В 1971 году переехал в Москву, где работал в Наркомпросе. В 1972 году был арестован, но вскоре освобожден. В 1973 году переехал в Одессу, где работал в Наркомпросе. В 1974 году был арестован, но вскоре освобожден. В 1975 году переехал в Москву, где работал в Наркомпросе. В 1976 году был арестован, но вскоре освобожден. В 1977 году переехал в Одессу, где работал в Наркомпросе. В 1978 году был арестован, но вскоре освобожден. В 1979 году переехал в Москву, где работал в Наркомпросе. В 1980 году был арестован, но вскоре освобожден. В 1981 году переехал в Одессу, где работал в Наркомпросе. В 1982 году был арестован, но вскоре освобожден. В 1983 году переехал в Москву, где работал в Наркомпросе. В 1984 году был арестован, но вскоре освобожден. В 1985 году переехал в Одессу, где работал в Наркомпросе. В 1986 году был арестован, но вскоре освобожден. В 1987 году переехал в Москву, где работал в Наркомпросе. В 1988 году был арестован, но вскоре освобожден. В 1989 году переехал в Одессу, где работал в Наркомпросе. В 1990 году был арестован, но вскоре освобожден. В 1991 году переехал в Москву, где работал в Наркомпросе. В 1992 году был арестован, но вскоре освобожден. В 1993 году переехал в Одессу, где работал в Наркомпросе. В 1994 году был арестован, но вскоре освобожден. В 1995 году переехал в Москву, где работал в Наркомпросе. В 1996 году был арестован, но вскоре освобожден. В 1997 году переехал в Одессу, где работал в Наркомпросе. В 1998 году был арестован, но вскоре освобожден. В 1999 году переехал в Москву, где работал в Наркомпросе. В 2000 году был арестован, но вскоре освобожден. В 2001 году переехал в Одессу, где работал в Наркомпросе. В 2002 году был арестован, но вскоре освобожден. В 2003 году переехал в Москву, где работал в Наркомпросе. В 2004 году был арестован, но вскоре освобожден. В 2005 году переехал в Одессу, где работал в Наркомпросе. В 2006 году был арестован, но вскоре освобожден. В 2007 году переехал в Москву, где работал в Наркомпросе. В 2008 году был арестован, но вскоре освобожден. В 2009 году переехал в Одессу, где работал в Наркомпросе. В 2010 году был арестован, но вскоре освобожден. В 2011 году переехал в Москву, где работал в Наркомпросе. В 2012 году был арестован, но вскоре освобожден. В 2013 году переехал в Одессу, где работал в Наркомпросе. В 2014 году был арестован, но вскоре освобожден. В 2015 году переехал в Москву, где работал в Наркомпросе. В 2016 году был арестован, но вскоре освобожден. В 2017 году переехал в Одессу, где работал в Наркомпросе. В 2018 году был арестован, но вскоре освобожден. В 2019 году переехал в Москву, где работал в Наркомпросе. В 2020 году был арестован, но вскоре освобожден. В 2021 году переехал в Одессу, где работал в Наркомпросе. В 2022 году был арестован, но вскоре освобожден. В 2023 году переехал в Москву, где работал в Наркомпросе. В 2024 году был арестован, но вскоре освобожден. В 2025 году переехал в Одессу, где работал в Наркомпросе.



бузить, нагадить, наглупить, сожрать, которая требует узды и вожжей, она, проклятая, в то же время только на свободе может показать настоящие блески таланта». Свободная человеческая личность в свободном человеческом коллективе – и есть условие для проектировки личности, воспитания полноценного человека нормы. Касаясь темы человеческого характера, педагог рекомендует учитывать важные особенности: «если характер человека создаётся обстоятельствами, то надо, стало быть, сделать обстоятельства человеческими». И ещё: «Если с челове-

ка не потребовать многого, от него и не получишь многого». Макаренко – Горькому (24 ноября 1925 г.): *«Мы перекроили нашу жизнь по новым выкройкам, которые давно были заготовлены, а о воспитании и о его планах никто у нас серьёзно не беспокоился. Сейчас у нас вместо воспитательной системы только и есть, что несколько лозунгов, безобразно брошенных к ногам революции. К этим лозунгам давно уже пристроились несколько десятков бесталанных людей, а то и просто спекулянтов, которые вот уже несколько лет размазывают словесную кашу в книжках, речах и брошюрах и непосвящённому смертному представляются учёными...»*

Унижение человека, кем бы и ради чего бы оно ни производилось, должно встречать решительный отпор со стороны педагога, несущего ответственность за воспитанников. Не готовность постоять за себя, а борьба за них, за их будущее – и есть руководство к действиям. Но не скоро колонисты поймут смысл этой борьбы и тем более ее значимость. Отбрасывая устоявшиеся штампы о «дефективных», Макаренко признается себе и возьмёт за правило: «Не рисковать в педагогике – уже риск, и там, где нужно наказывать, педагог не имеет права не наказывать».

«В одно зимнее утро я предложил Задорову пойти рубить дров для кухни. Услышал обычный задорно-веселый ответ:

- Иди сам наруби, много вас тут!

Это впервые ко мне обратились на «ты».

В состоянии гнева и обиды, доведенный до отчаяния и остервенения всеми предшествующими месяцами, я размахнулся и ударил Задорова по щеке. Ударил сильно, он не удержался на ногах и повалился на печку. Я ударил второй раз, схватил его за шиворот, приподнял и ударил третий раз.

Я вдруг увидел, что он страшно испугался. Бледный, с трясущимися руками, он поспешил надеть фуражку, потом снял ее и снова надел. Я, вероятно, еще бил бы его, но он тихо и со стоном прошептал:

- Простите, Антон Семенович...

Мой гнев был настолько дик и неумерен, что я чувствовал: скажи кто-нибудь слово против меня — я брошусь на всех, буду стремиться к убийству, к уничтожению этой своры бандитов. У меня в руках очутилась железная кочерга. Все пять воспитанников молча стояли у своих кроватей, Бурун что-то спешил поправить в костюме.

Я обернулся к ним и постучал кочергой по спинке кровати:

- Или всем немедленно отправляться в лес, на работу, или убираться из колонии к чертовой матери!

И вышел из спальни.

После этого колонисты получали инструменты.

У меня мелькнула мысль, что лучше в этот день не рубить лес — не давать воспитанникам топоров в руки, но было уже поздно: они получили все, что им полагалось. Все равно. Я был готов на все...

К моему удивлению, все прошло прекрасно. Я поработал с ребятами до обеда. Мы рубили в лесу кривые сосенки. Ребята, в общем, хмурились, но свежий морозный воздух, красивый лес, убранный огромными шапками снега, дружное участие пилы и топора сделали свое дело.

В перерыве мы смущенно закурили из моего запаса махорки, и, пуская дым к верхушке сосен, Задоров вдруг разразился смехом:

- А здорово! Ха-ха-ха-ха!..

Приятно было видеть его смеющуюся румяную рожу, и я не мог не ответить ему улыбкой:

- Что здорово? Работа?

- Работа само собой. Нет, а вот как вы меня съездили!

Задоров был большой и сильный юноша, и смеяться ему, конечно, было уместно. Я и то удивлялся, как я решился тронуть такого богатыря.

Он залился смехом и, продолжая хохотать, взял топор и направился к дереву:

- История, ха-ха-ха!..

Обедали мы вместе, с аппетитом и шутками, но утренние события не вспоминали. Я себя чувствовал все же неловко, но уже решил не сдавать тона и уверенно распорядился после обеда. Волохов ухмыльнулся, но Задоров подошел ко мне с самой серьезной рожей:

- Мы не такие плохие, Антон Семенович! Будет все хорошо. Мы понимаем...»

Рассматривая «ситуацию с Задоровым» с педагогической точки зрения, А. С. Макаренко оценит ее критически: «не удержался на педагогическом канате», «сорвался», «совершил преступление». Он прекрасно сознавал, что избивание воспитанника воспитателем – дело, наказуемое законом. Такое если и возможно, то в экстремальной ситуации, где сила измерялась риском. Он бросил вызов, который оказался не под силу его воспитанникам, и те вынуждены были пересматривать свои взгляды на соотношение сил и признать свое поражение. В «Педагогической поэме» читаем: «ведь Задоров сильнее меня, он мог бы меня искалечить одним ударом. А ведь он ничего не боится, не боятся и Бурун, и другие. Во всей этой истории они не видят побоев, они видят только гнев, человеческий взрыв. Они же прекрасно понимают, что я мог бы и не бить, мог бы возвратить Задорова, как неисправимого, в комиссию, мог причинить им много важных неприятностей. Но я этого не делаю, я пошел на опасный для себя, но человеческий, а не формальный поступок».

Настоящий педагог всегда в раздумье, в поиске верного решения в столь сложном вопросе: наказывать или обойтись без наказания? Это точка предельного испытания себя праведного в разрешении конфликта между добром и злом. Самообладание и самоконтроль – весьма важные качества, сдерживающие развертывание насильственных действий.

Человек, обладающий жизненным опытом, стойкий и уверенный в своих жизненных планах, не станет рабом обстоятельств, а наоборот, заставит эти обстоятельства служить ему. Так и поступал А. С. Макаренко: стремился изменять сами обстоятельства в интересах дела. Вот как об этом говорит известный педагог Антон Калабакин: «В экстремальной педагогике есть метод взрыва, но именно как исключительный. Когда все традиционные методы исчерпаны, нужно сделать что-то экстраординарное. Но педагог, который наказывает ребенка, обязан дать ему понять: я наказываю твой порок, а тебя люблю. Ребенок разрешит себя наказать, простит наказание только тому, кому он доверяет, кого любит».

И еще: **«У Макаренко были тысячи различных педагогических приемов. Дети не знали, как поведет он себя в той или иной ситуации. Антон Семенович был непредсказуем, и это вызывало жадное их любопытство.** А мы, как мы себя ведем? Каков наш педагогический арсенал? «Встань, выйди из класса!» - вот и все. Скука...

Называющие себя педагогами, «проходившие» Макаренко в институте, забыли суть его главного принципа межличностных отношений. Игра. Борьба. Каждый ребенок сопротивляется педагогу, не хочет поддаваться его воздействию, и это закономерно. Плохо, если ребенок «пластилиновый», и каждый может вылепить из него все, что угодно. И когда в этой борьбе-игре педагог, преодолевая упрямство ребенка, развивает заложенную в нем искру таланта, самобытность, - это высшее педагогическое счастье».

Еще одна очень важная смысложизненная установка Макаренко на реабилитацию его «подопечных» сводилась к следующему: воспитанникам нужен был кумир либо идеальный образец, «с кого можно было бы делать жизнь». **Образец – это не образ другого, а образ себя через другого.** Это то, каким я хочу, стремлюсь быть. Для растущего человека образец имеет огромное значение, так как «становится образом собственного будущего» (В. И. Слободчиков). И такой образ был найден в лице А. М. Горького. Помогли коллективные чтения книг известных авторов тех лет.

Из писем А. С. Макаренко А. М. Горькому (1925 г.): «Выбирая Вас своим шефом, мы руководствовались не простым

желанием носить имя известного всему миру лица, а какой-то глубокой родственностью между Вами и нами. Эту родственность мы видим и чувствуем не только в том, что и Ваше детство подобно детству наших ребят, и не только в том, что многие типы в Ваших произведениях – это наши типы, но больше всего в том, что Ваша исключительная вера в человека, нечто единственное во всей всемирной литературе, помогает и нам верить в него...

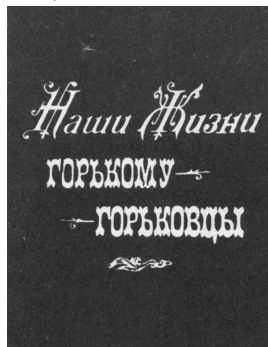
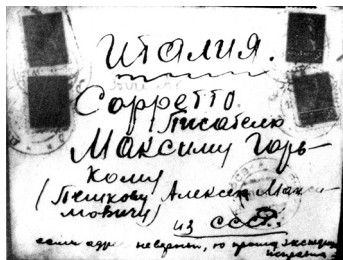
Теперь эта вера стала и верой наших хлопцев, она создает в нашей колонии здоровый, веселый и дружный тон, которому удивляются все, кто у нас бывает».

Дети Макаренко признали Горького своим. Он стал образцом поведения, идеалом высокого достоинства человека, примером для подражания в стремлениях к лучшей жизни, реальным противовесом пессимистических настроений и гнетущих иллюзий.

«Жизнь М. Горького, - пишет А. С. Макаренко в «Педагогической поэме», - стала как будто частью нашей жизни. Отдельные ее эпизоды сделались у нас образцами для сравнений, основаниями для прозвищ, транспарантами для споров, масштабами для измерения человеческой ценности».

А. С. Макаренко требовалось найти в душе каждого из ребят лучшие, самые чувствительные и возвышаемые струны и заставить их зазвучать. И в этом деле неоценимую услугу оказал ему М. Горький, возможно, даже не подозревая об этом. Несомненная истина А. С. Макаренко достойна идеала.

В своих заметках писатель Владимир Амлинский, отслеживая ситуацию, в которой оказался А. С. Макаренко, отмечает: «Как воспитатель, педагог знал расстояние от «можно»



Обложка альбома, подаренного М. Горькому, 1928г.

до «нельзя»... Он увидел их по-другому, глазами педагога, а может быть, и родителя. Увидел опустившихся, одичавших детей, а не романтизированных преступников. Он убрал привлекательные штампы, экзотическое убранство и ощутил суть трагическую и простую. И осознал, как тяжело будет с ними, но и как прекрасно, потому что в этом – труд его души и жизни. Копать в грязи и отмывать ее с людей. Не с романтическими босяками надо было работать, а с живыми, испорченными, исковерканными, хитроумными и пронизательными пацанами, с умудренной жизнью шпаной... Доверие – вот краткая суть его учительской и этической концепции».



Литература:

1. Амлинский В. К 100-летию А.С. Макаренко. «Педагогическая поэма» и «Неформалы». - Литературная газета, 16 марта, 1988.
2. Гриценко Л.И. А.С. Макаренко: педагогика трудного детства. - Волгоград, 2003.
3. Макаренко А.С. Педагогическая поэма. - М., 2003.
4. Полтавская трудовая колония им. А.М. Горького в документах и материалах (1920-1926 гг.). В 27 ч./ Авторы-сост.: О.П. Ермак, Л.В. Крамущенко и др. - Полтава, 2002.
5. Разговор от первого лица (из опыта работы С.А. Калабалина - воспитанника, соратника и последователя А. С. Макаренко). Сост. В. Морозов, МОИУУ. - М., 1990.
6. Калабалин А.С. Педагогические размышления./Сост. и ред. Л.В. Мардахаев. 2017.
7. Фролов А.А. Советское социальное воспитание: уроки истории и современность. // Журнал соучасного педагога "Имидж", № 4-5, 2002.

«Самая трудная вещь - требование к себе».

А. С. Макаренко.

Учитель-педагог: профессиональное самоутверждение

Обновление образования не может осуществляться вне исторической преемственности с отечественным педагогическим наследием. И в этом наследии неизменно присутствуют такие факторы, как совместное бытие детей и взрослых, слово-мысль, труд, дело, деятельность, символ, обычай, искусство, религия, природа, общение, игра, пример. Поэтому сегодня естественно – обращение к педагогическому опыту талантливых педагогов-мыслителей и практиков, труд которых был связан с воспитанием, защитой и реабилитацией детства. Это были подвижники, гуманисты, получавшие удовлетворение от служения своему Отечеству.

«В каждом человеке есть бубенчик, и, если его тронуть, человек зазвонит самым прекрасным, что в нём есть», – напоминает нам Максим Горький, большой знаток детской жизни, шеф колонии, которой руководил А. С. Макаренко. К педагогу-новатору М. Горький относился с симпатией, высоко ценил его творчество, с восхищением отзывался о его педагогической работе, о личности Макаренко. **«Удивительный Вы человечище, и как раз из таких, в каких Русь нуждается»**, – писал пролетарский писатель с пророческим воззванием потомкам. Однако самый именитый специалист в области воспитания окажется не только не понятым в своём Отечестве, но и отвергнутым. Ещё при жизни его опыт признают антисоветским с издевательской оговоркой: «...результаты хорошие, но методы никуда не годятся». А он останется верен себе, ибо был убеждён, что только от воспитания зависит будущее маленького человека, оказавшегося в беде.

Учитель-педагог – самый нужный на земле человек, тем более, если ребёнок в беде, и ему нужна защита. Защита детства – необходимая многовариантная педагогическая

деятельность профессионала. Трудности детства задаются не детьми. Трудности изобретают взрослые. Насильственный экстрим и есть причина многих детских несчастий, страданий, невзгод.

У каждого в детстве был Учитель. И даже тогда, когда вырос ученик, Учитель остаётся на всю жизнь его Учителем. «Он создал нас, он воспитал наш пламень. Поставлен им краеугольный камень. Им чистая лампада возжена...» (А. С. Пушкин). Передаются, даруются растущему человеку знания, опыт и мудрость наставника. Не учить, а только помогать учиться преодолевать трудности - и есть педагогика по передаче опыта.

А. С. Макаренко – человек образования. Его выбор – учительство, дело скромное, но великое. И идея к действию: «Дать детство здоровое, жизнерадостное, бодрое», что Макаренко считал «нашей обязанностью». Наблюдательность, умение ориентироваться, предвидение событий помогали педагогу действовать решительно и смело в достижении успешного результата. Многое требовало критического пересмотра с точки зрения науки и жизненного опыта. Образовательный потенциал педагога послужил ключом к пониманию ситуации с образованием в те времена и, в частности, проблемы человека и личности в условиях кризиса. Макаренко являлся обладателем энциклопедических знаний, об этом свидетельствует «Личное дело студента А. Макаренко» Центрального института организаторов народного просвещения. Обратимся к его «личному делу», где он даёт краткое изложение своих познаний учебных предметов приёмной комиссии института: *«Природоведение. Разумеется, совершенно свободно себя чувствую в области физиологии животных и растений... Астрономию знаю хорошо и занимаюсь практически в Полтавском музее. В общей биологии имею солидные знания. Несколько раз прочитал всего Дарвина, знаю труды Шмидта и Тимирязева... Читал Мечникова и кое-что другое. Химию забыл, но общие положения и новейшая философия химии мне хорошо известны. Читал Менделеева, Морозова, Рамзая. Интересуюсь радиоактивностью. Географию знаю прекрасно, в особенности промышленную жизнь мира и сравнительную*

географию. Свободно чувствую себя в области экономической политики. *История* – мой любимый предмет. Почти на память знаю Ключевского... Несколько раз прочитал Соловьёва. Хорошо знаком с монографиями Костомарова и Павлова-Сильванского... Вообще говоря, вся литература на русском языке мне известна... В области *политической экономики и истории социализма* штудировал Туган-Барановского и Железнова. У Маркса читал отдельные сочинения, «Капитал» в изложении. Знаком хорошо с трудами Михайловского, Лафарга, Маслова, Ленина. *Логику* знаю очень хорошо по Чепланову, Минто и Троицкому. Люблю *психологию*, считаю, что ей принадлежит будущее. Читал по психологии всё, что имеется на русском языке. С *философией* знаком очень несистемно. Читал Локка, «Критику чистого разума» Шопенгауэра, Штирнера, Ницше и Бергсона. Из русских добросовестно изучил Соловьёва (28 томов). О Гегеле знаю по изложениям. Люблю изящную *литературу*. Больше всего почитаю Шекспира, Пушкина, Достоевского, Гамсуна. Чувствую огромную силу Толстого, но не могу терпеть Диккенса. Из новейшей литературы знаю и понимаю Горького и А. Н. Толстого... В своей специальной области - педагогике - много читал и много думал...

В «Педагогической поэме» Макаренко пишет: «Я скоро пришёл к убеждению, что в системе трудовых колоний школа является могучим воспитательным средством». На основе этого пришло понимание и уверенность, что полное настоящее воспитание возможно только при опоре на достаточно полное образование, не менее чем по программе десятилетней общеобразовательной школы». Месяца через два, после приёма первых групп детей, Антон Семёнович объявил воспитателям, что пора приступить к школьному обучению. На одном из первых заседаний педагогического совета решили силами педагогов проверить знания воспитанников, составить программу и распределить детей по классам. По результатам проверки был вынесен вердикт: «В колонии много детей умственно малосильных». Уровень знаний был настолько разным, что педагоги до конца года переводили учеников из класса в класс. Занятия преимущественно проводились индивидуально. Была и ещё одна

проблема – необходимо было преодолеть нежелание воспитанников учиться. Опыт подсказывал, что путь к индивидуальной работе с учеником лежит только через индивидуализацию профессиональной подготовки учителя.



Ликвидация безграмотности

Несмотря на то, что Антону Семёновичу почти каждый день приходилось ездить в город по делам колонии, он часто присутствовал на уроках, а вечерами обсуждал их с учителями. Иногда он проводил занятия по арифметике или обществоведению, нередко после трудового дня с увлечением решал с ребятами задачи, которые сам удивительно быстро и интересно мог составить. Воспитанников это увлекало, и они подолгу засиживались с педагогом за учебниками.

Что делает нас понятными или непонятными в стремлениях к радости совместных с детьми открытий? «Воспитанник воспринимает вашу душу и ваши мысли не потому, что знает, что у вас в душе происходит, а потому, что видит вас и слушает вас», - подсказывает нам Антон Семёнович. Слово, интонация, взгляд, жест, улыбка, голос – психологический инструментарий педагога. Всегда ли мы знаем, какую мысль и какое чувство вызвали наши слово, взгляд, жест в каждом из наших воспитанников? А знает ли педагог, как выглядит ваше лицо в минуту радости, гнева, разочарования, удивления, скуки, огорчения? Всегда ли точно выражаем мы свои мысли и чувства, и как воспринимают нас наши дети? Потому и предлагает коллегам свою «педагогическую дидактику» в качестве руководства в учебно-воспитательном процессе, позволяющего находить новые проекции в образовании: научить детей учиться, научить любить и узнавать любовь, научить уважать самого себя, осознавать связь с другими людьми, подчинять свою жизнь определённым обязанностям, нести ответственность, научить человеческому достоинству,

научить быть счастливым.

В начале 1920 года любимым развлечением колонистов было разыгрывание шарад в спальне за занавесью-простыней. Потом Макаренко стал писать сценки из жизни колонии. Часто какой-либо проступок колониста изображался в комической форме. Виновный и его товарищи наглядно видели смешные, отрицательные стороны своего поведения. Сценки были написаны с большим юмором и неизменно возбуждали дружный смех. Умение говорить правильно и выразительно, умение жестом, мимикой, взглядом передать разнообразнейшие чувства и отношения, умение управлять своим психическим состоянием, видеть себя со стороны – всё это в значительной мере определяет успешность воспитательного действия, служебного этикета.

Педагогическое мастерство – комплекс умений учителя-педагога, который обеспечивает высокий уровень самоорганизации, помогает глубже, ярче, талантливее выразить себя, добиваться оптимальных результатов в работе. «Мастерство воспитателя не является каким-то особым искусством, это специальность, которой надо учить, как надо учить врача его мастерству, как надо учить музыканта». (А. С. Макаренко). Если ты обладаешь даром, чего другие не могут, поделись с другими. В этой сопричастности и рождается человеческое отношение к другому, как к самому себе, и к себе, как к другому. Твоё присутствие в другом должно быть прочувствовано им. В любой деятельности человека и в его поведении выделяется аспект связей и отношений с другими людьми. Они сложны и разнообразны, их различают по направленности или избирательности, по интенсивности, устойчивости, по степени их осознанности. Для педагога ситуация всегда в центре внимания.

Из воспоминаний С. А. Калабалина: «Мы, первые воспитанники, вступили в колонию малограмотными и чудовищно невежественными людьми, подростками и юношами от 12-20 лет. Несмотря на это, Антон Семёнович ухитрился за два года подготовить нас к поступлению на рабфак. И вот так, усталые, не всегда сытые, мы сидели вечерами на кроватях и при свете каганцов готовились

к поступлению на рабфак. Знаете ли вы, что такое каганец? В разбитом черепке горело вонючее масло – вот и каганец. Не очень-то хорошее освещение, но Антон Семёнович умел так излагать предмет, так увлекал нас, выходя за рамки учебника, что учёба не была для нас обузой, – это были чуть ли не спортивные, весьма увлекательные занятия. Все мы были взрослые люди, и Антон Семёнович иногда не стеснялся говорить со мной в таком тоне:



С.А. Калабалин, 1921 г.

- Красивый ты, Семён, и стройный, но дурак невероятный.

И так он произносил эти слова, что я не обижался и спрашивал:

- А что нужно делать, чтобы не быть дураком?

- Нужно учиться.

- Так я же учусь.

- Нет, нужно не просто «учиться», а учиться буквально каждую минуту и на каждом квадратном метре нашей необъятной земли. Нужно уметь читать. Вот прочитай мне такую-то книгу и перескажи то, что прочитал.

Я начинал пересказывать, и оказывалось, что я действительно не умею читать. И Антон Семёнович не просто учил нас, а учил читать, видеть и понимать – учил учиться. Зажёг он в нас жажду к знаниям – спасибо ему за это великое!».

По Макаренку, «новая» (советская) педагогика должна быть наукой целостной (синтетической), так как эта наука имеет дело с целостным человеком, который воспитывается не по частям, а «создаётся синтетически всей суммой влияний, которым он подвергается». А раз так, то проблема «раскладывания человека» на множество составных частей в процессе его изучения, воспитания и образования, придумывание названий этим частям, их «нумерация» и построение в определённую схему-систему – всё это, по мнению А. С. Макаренки, ничего не даёт педагогу на практике.

Незадолго до смерти (9 марта 1939 года), обращаясь к студентам Харьковского педагогического института, Антон Семёнович говорил: «Я чувствую себя педагогом не только прежде всего, а всегда и всюду педагогом. Моя литературная деятельность - только форма педагогической работы». Как педагог, он получил мировое признание. К трудам А. С. Макаренко стали обращаться представители различных областей научного знания о человеке и обществе. Его социально-педагогические открытия сегодня интересуют не только педагогов, но и социологов, политиков, психологов, экономистов, медиков, военных и религиозных деятелей. Реабилитационно-воспитательная практика и им созданный уникальный педагогический опыт возможен к применению как в исправительных учреждениях для несовершеннолетних правонарушителей, так и в широком социокультурном пространстве, в котором возможно саморазвитие и самореализация человека. По силе дарования, по глубине научной логики, красоте души А. С. Макаренко представляется нам самобытной личностью. «Суровая сдержанность и душевная отзывчивость, высокая взыскательность и мудрая снисходительность, гражданская гордость и критическое отношение к недостаткам» (В. Е. Гмурман, 1987 г.) – вот те человеческие качества, которыми он обладал. Педагогика для А. С. Макаренко – не только «сложное искусство», но во многом и «сложная и хитрая наука».

Сегодня в России нередко можно услышать утверждение, что А. С. Макаренко создал систему воспитания человека для тоталитарного общества, что в его системе нет свободного человека, нет индивидуальности, что его коллектив поглощает личность и растворяет её... Оставим на совести авторов происхождение этого бездумного, в сознании заданного предвидения. Антон Семёнович прогнозировал подобное и предупреждал: «К сожалению, мне приходится считаться с разрывом между теорией и практикой воспитания...»

Феномен Макаренко-педагога нередко пытаются объяснить харизмой его личности – его даром руководить людьми и вызывать к себе доверие не по должности, а в

силу каких-то особых личностных качеств. Харизматические лидеры как бы свыше призваны властвовать, управлять, распоряжаться, и это призвание не только не вызывает сопротивления у тех, над кем они властвуют, кем управляют и кому отдают распоряжения, а, напротив, порождает энтузиазм, веру в святость, непогрешимость, благородство лидера. В таком случае и А. С. Макаренко предстаёт как личность, в самой себе несущая успех воспитания, не нуждающаяся ни в концепциях, ни в помощниках... Если всё дело в харизме, то опыт А. С. Макаренко практически неповторим, – считают авторы пособия «Уроки Макаренко» Валерий и Владимир Луковы, Антонина Ковалёва (2006 г.). Конечно, А. С. Макаренко – уникальная личность. И харизма только подчёркивает его индивидуальность, о чём свидетельствует М. Горький. Колонисты его действительно любят, говорят о нём с такой гордостью, как будто бы сами его создали. У него суровая внешность, он неразговорчив, ему за сорок, у него большой нос, умные и острые глаза, сорванным и простуженный голос, он движется медленно, но всё успевает, всё видит, знает каждого колониста, характеризует его словами так, как будто бы делает моментальную фотографию его характера. У него, вероятно, развита потребность мимоходом, незаметно приласкать ребёнка, сказать каждому из них ласковое слово, улыбнуться, погладить по стриженной голове.



Созданная А. С. Макаренко воспитательная педагогика в человеческом измерении обусловлена стремлением к раскрытию возможностей каждого человека в потенциале его индивидуальности. Она интеграционна, системна, гармонична и имеет свою направленность на активное практическое действие. При всём этом Антон Семёнович предвещает: ищущая мысль педагога не должна быть прикована к одной лишь практике. Она непрерывно движется к идее, но уже более критически осмысленной, а от неё – снова к практике, но уже более гибкой и богатой. Как мастер, он

стремится помочь педагогам выработать свою стратегию и тактику практического действия, овладеть педагогической техникой. Он говорил: все мы хорошо знаем, что каждого человека нужно воспитывать. Следовательно, затруднение не в том, что нужно делать, а как сделать, а это и есть главный вопрос педагогической техники.

Рассуждение о том, что воспитательная педагогика А. С. Макаренко устарела – выдумка тех, кто ищет более лёгкие пути воспитывающей деятельности через развлечение, мероприятие, не насыщая жизнь детей событиями. Воспитанники Антона Семёновича проходили суровую школу жизни и приобретали привычку к труду, учились самостоятельности мышления не столько на уроках, сколько в реальной трудовой жизни. В результате в 12–15 лет они уже имели развитое экономическое мышление, знали механизм хозрасчёта, что такое самоокупаемость производства и бригадный подряд. Самое интересное – они упражнялись в демократических выборах директора предприятия из состава своего коллектива, на практике убеждаясь в преимуществах разумного сочетания народовластия с единоначалием. Принцип демократии для них был не декларацией, а образом жизни.

Педагогические методы и технологии в практике А. С. Макаренко были разнообразны. Здесь не было мелочей, всё продумано, всё точно по церемониалу. В своей практике педагог широко использовал символы, знаки, ритуалы, традиции, которые по своей сущности являлись специфическими средствами воспитания в детских коллективах. Особую группу традиций в детских учреждениях А. С. Макаренко составляли ритуалы почёта Красному Знамени. Как вспоминают его воспитанники, знаменосцам предоставлялось много привилегий: отдельная комната, лишний парадный костюм. Это была честь, оказанная коллективом, знак уважения и доверия. Из лучших ребят на определённый срок выбирался знамённый отряд. Под знаменем проводились па-



мятные дни для колонии и коммуны, торжественные собрания, праздники, походы, сдача рапортов, встреча новых воспитанников, вручение наград и даже наложение взысканий. «Меня раздражает – несут знамя, а Тарасов за столом президиума чинит карандаш», – писал Макаренко. Его много раз упрекали в том, что он не хотел дать детям достаточно свободы, знаний, комфорта. Обоснованно доказывали, что знамя не заменит ни еды, ни образования, ни крыши над головой, а он и не думал возражать. Потому что средоточием его работы было не знамя, а люди: знаменосец и тот, кто с верой пойдёт за ним под огнём к рейхстагу». (Артём Ермаков).

Великий педагог был новатором, он постоянно находился в поиске новых форм организации жизни коллектива. В возглавляемых им учреждениях они в первую очередь выражались в формах поведения – салюте, рапорте, приветствиях. «Эта установленная форма вежливости, – пишет Макаренко, – в деловых отношениях чрезвычайно полезна, она мобилизует волю, она заставляет человека себя чувствовать собранным, она подчёркивает тип деловых отношений, она учит человека различать: это дружба, это соседство, это любовь, это приятельство, а вот это – дела. И это вызывает особое уважение к делу». Большое внимание А. С. Макаренко уделял таким формам эстетического воспитания, как символы и атрибуты: значки, нарукавные вензели, отличительные знаки дежурных. Большую роль в нравственном воспитании в учреждениях А. С. Макаренко играла эстетика форменной одежды. Она объединяла воспитанников, определяла границы коллектива, способствовала воспитанию чувства чести коллектива и повышению ответственности каждого перед ним. Роль формы, как средства нравственного воспитания, в практике А. С. Макаренко имела большое значение: во-первых, трудно представить себе человека грязного, неряшливого, чтобы он мог следить за своими поступками; во-вторых, форма привлекает детей и потому, что в этом есть какая-то игра, и, следовательно, мо-



Красное знамя

близует воспитанников на совершение нравственных поступков. (В. Т. Кабуш).

В учреждениях А. С. Макаренко была разработана целая система сигналов, которые регулировали жизнь и деятельность коллективов. Среди них: «Собирайтесь все!», «На проверку!», «Общее собрание!», «Марш победы!», «Кончай работу!», «Сбор коллективов!», «В столовую!», «Подъём!», «Косну!» и др.

Индивидуальную работу Антон Семёнович видел не в «возне» с ребёнком, а в поиске и использовании таких его особенностей, которые способствуют активному включению в жизнедеятельность коллектива. Пора и нам научиться искусству переключать свои страсти и страхи с личностно-эгоистических на общественно-значимые, коллективистские, и тогда ситуация начнёт меняться к лучшему не только в образовании, но и в общественном развитии страны.

Педагогические знания и умения, приумноженные опытом, приводят к мастерству. Упражнения в потреблении и производстве мысли, слова, действия должны быть постоянными. Рефлексия каждого дня педагогу абсолютно необходима, так как побуждает его к творчеству. **Педагогика – наука разнообразная, подвижная, сложная, диалектическая, без догм, не терпит неприятия к себе.** Эти качества здесь и теперь следует рассматривать как проявление уважительного отношения к науке. В центре её всегда ребёнок – объект и субъект заботы. Профессиональная деятельность наставника – владеть способами преобразования и роста человеческой личности, её «самостояния» в жизни.



Почётный президент Международного Центра гуманной педагогики Шалва Амонашвили в своём обращении к участникам сбора последователей идей А. С. Макаренко скажет: «Меня очень беспокоят факты, которые ужаснули бы великого педагога: никогда в России не было столько правонарушителей среди несовершеннолетних в наш XXI век.

Никогда в России не было столько наркоманов, курящих, алкоголиков, сквернословов среди подростков, сколько в наше время. Каким же может стать общество середины этого века! Россия и весь мир нуждаются в спасателях поколения, которое именуется поколением Индиго, поколением Света. Такими спасателями я воспринимаю каждого, в ком зажигается СЕРДЦЕ Антона Семёновича Макаренко, кто пронизывается его идеями».

Как факт приходится утверждать, что проблемы дней наших схожи с теми, которые были близки А. С. Макаренко. И задача новых поколений - воспользоваться универсальными ценностями воспитательной педагогики творца. *Макаренко=знание* и есть указатель пути, того, как обходиться без конфликтов с законом. Требуется здравый смысл, понимание и разумное действие того, что советует педагог, к чему следует прислушаться: «человек должен уметь самостоятельно строить свою жизнь, неся ответственность за неё»; «каждый человек должен входить в жизнь, умея сопротивляться вредному влиянию. Не оберегать человека от вредного влияния, а учить его сопротивляться»; «установить здоровые отношения с окружающим миром и сформировать здоровую систему мотивов»; «человек воспитывается не по частям, а создаётся синтетически всей суммой влияний, которым он подвергается»; «правильное воспитание – это организация счастья»; «мы просим вообще считать педагогику наукой, которая нужна, прежде всего, нам, практическим работникам»...

Мысли Макаренко имеют практическую направленность при выборе профессионального совершенствования воспитателя. Это перенацеленность педагога, а значит, уход от теоретических постулатов к реальным опорным знаниям практики воспитания, как школы жизни и труда. Это универсальная форма передачи опыта наставника ученикам, чтобы профессионально владеть приёмами и способами педагогического действия. Этому способствуют такие важнейшие функции, как: чутьё (интуиция) предугадывать ход событий; идентифицировать (отождествлять) себя с воспитанником; владеть ситуацией и собой в ситуации; фиксировать внутреннее состояние подростка по внешним

проявлениям, понимать мотивы поступка; проектировать лучшее в человеке и вселять в него уверенность; уметь пользоваться своим эмоциональным багажом – техникой речи, жестами, движениями, выразительностью, своей представленностью. В то же время особую значимость в педагогической практике реабилитации и воспитания детей и подростков приобретает изучение педагогом качественных характеристик состояний и ситуаций в становлении и развитии индивидуальности, самобытности, индивида; умение использовать психолого-педагогический инструментарий, применяемый в диагностике, профилактике, коррекции, реабилитации детей на разных этапах онтогенеза в подкрепление педагогической стратегии.

Некоторые мысли опытного педагога-практика Антона Калабалина:

«Жить ради денег скучно. Радостно жить ради интересной работы, ради своей семьи, ради тех, кому ты можешь помочь, ради нашей Родины. Не надо стесняться этих слов. Когда они искренни, они возвышают Человека, наполняют его будни энергией радости и праздника. В нашей стране произошла ещё одна революция, в которой нравственность побеждена рублём, жадной наживы. Но не может нормально жить, расти страна, в которой погасло чувство патриотизма. Патриотизм – это глубокое понимание того, что для тебя сделали другие, твоя страна, поколения учителей, воспитателей... Патриот – это человек, который должен осознать, что не он сам себя создал. Всё, что у него доброго и хорошего, заложили люди, и не одно поколение».

«Это мы, взрослые, часто расписываемся в собственном бессилии, рубя с плеча: «Он трудный, что с него возьмёшь?» Просто такие дети требуют больше внимания, больше ухода, с ними надо больше повозиться, попотеть. Надо ребёнка разгадать, пробудить в нём человека и, если хотите, - творца».

«Воспитывать детей «трудных» - занятие не для слабонервных. Можно без конца спорить о причинах преступности. Нет такой страны, такого мирового сообщества, где бы не совершались преступления. Преступность сопровождает нас в реальной жизни, и из этих реалий надо исхо-

доть. Мы живём сейчас в чрезвычайной криминогенной стране с высоким уровнем коррумпированности и потому обязаны владеть педагогическими методами борьбы ради спасения наших детей от преступности. Здесь есть чему учиться у Макаренко. Надо уметь выделять воспитатель-



Выступление А.С. Калабалина

ные задачи, как это делал Антон Семёнович. Сегодня практика жизни показывает, что традиционные формы и методы предупреждения правонарушений исчерпали себя. Нужны кардинально новые подходы к решению этой острой проблемы. Сл

шком долго мы уповали на возможности правоохранительных органов с их карательными и запретительными методами. У них совсем другая цель. В жизни бывают ситуации, когда конфликт специально запрограммирован. Взрослые любой ценой пытаются сделать ребёнка во всём послушным, а он вдруг становится непослушным, неуправляемым, чужим. Здесь корень проблемы воспитания, когда подростки не могут найти общего языка со своими родителями и разрешают свои проблемы в кругу своих сверстников. Часто лидером уличной компании подростков становятся представители криминала. Для подростка авторитет – это образ человека сильного, умного, честного, представительного, способного защитить и помочь. Надо понять, что подростку нужен такой взрослый – сильная положительная личность, идеал для подражания. Для подростка важно самоутвердиться в среде сверстников: заявить о себе, выделиться, понравиться друзьям. Им привлекательна атмосфера, в которой отражаются такие необходимые аспекты жизни, как совместность, спонтанность, непосредственность поведения. Этим они требуют перемены отношения к себе. Нельзя игнорировать их надежды. Мы, взрослые, должны помогать им приобретать социальный опыт, учить самостоятельно постигать жизнь, самоопределяться. Надо видеть перспективу на несколько

лет вперёд. Если же мы где-то напортачили, что-то не так предусмотрели, это обернётся сломанными судьбами”.

Несколько лет назад в Омскую область приехала группа немецких скаутов во главе с Франком Кренером, чтобы отладить контакты по молодёжному обмену. Кто бы мог подумать, что этот далёкий сибирский край Германия изберёт местом для перевоспитания своих девиантных подростков. Суть этого реабилитационного проекта в том, чтобы без изоляции подростка от внешнего мира, а всего лишь изменив привычную для него среду обитания, деятельности и сферу общения, попытаться переключить его на другой уровень мышления и поведения. Попробовали. Первым социальным педагогом был сам Франк. Он приехал в местечко таёжной глубинки Седельниково со своим подопечным Кристианом. Они взяли в аренду усадьбу и прожили здесь 9 месяцев. Первый опыт показал, что проект имеет право на существование. Пришло понимание: время пребывания здесь зависит от степени социальных проблем у ребёнка и хода воспитательного процесса. Оно колеблется от шести месяцев до года. Немцы расширили свои усадьбы, купленные у местных жителей, покинувших таёжную глубинку, и теперь здесь всегда живут немецкие подростки и их социальные педагоги. Здесь они выращивают картофель и прочие овощи, разводят домашний скот и птицу, купленные у сельчан. Завели лошадей. В каждом доме живут кошки и собаки. Ребята к ним так успевают привязаться, что некоторые даже увозят своих любимцев с собой. Любопытно, что эти животные за короткий период общения с немцами привыкают к их речи и очень хорошо понимают обращение на немецком языке. Сибирская перековка характера здесь учит многому: постоянная работа по самообслуживанию и обязанности по дому (топить печи, кормить животных, доить коров, приносить воду, покупать продукты), поэтому свободного времени у них очень мало, и некогда заниматься «плохими» делами. Здесь они учатся по-новому смотреть и оценивать жизнь. Вместе с сельскими ребятами учатся в школе и через общение овладевают русским языком. Сфера общения способствует реабилитации педагогической. Программа по-

казала свою эффективность, причём без промаха и сбоя. Возвращаясь в Германию, дети переоценивают смысл жизни и охотно включаются в нормальную деятельность, возвращаются к учёбе.

Общество сильно делами учителей. Превосходные уроки педагогического наставничества показывают: чем благоприятнее складывается вхождение в специальность УЧИТЕЛЯ-ПЕДАГОГА, тем чаще возникает потребность стать профессионалом. И ощутимой становится потребность в постижении опыта вершителя своей «педагогической поэмы», как продукта смысложизненного со=бытия детей и взрослых.



*Гости из Германии в Педагогическом музее
А.С. Макаренко*

Литература:

1. Горький А.М. По стране Советов / Собр. соч. в 18 т. - М., Госполитиздат, 1952.
2. Бессонова Т. В Сибирь на перековку. - Мир новостей, 7 октября, 2000 г.
3. Личное дело студента А. Макаренко. - Учительская газета, 3 декабря, 1955 г.
4. Балабанович Е.З. А.С. Макаренко. Очерк жизни и творчества. - М., Госкультпросветиздат, 1951.
5. Детский дом: уроки прошлого. Сборник / Сост. Г. Мыльникова. - Моск. рабочий, 1990.

*“Не старайтесь быть любимым учителем,
старайтесь быть хорошим учителем,
и любовь детей сама придёт к вам”.*

А. С. Макаренко.

Педагогика любви и дисциплины

Когда людям делаешь добро, поступаешь по совести, то переживаешь удовлетворение и радость, ощущаешь себя счастливым человеком. Счастье – это соучастие в добрых человеческих делах. Мера поступка всегда определялась по справедливости. Поступил справедливо, тогда и совесть спокойна. Жизненные этические ситуации складываются или создаются в реальной деятельности детей вместе со взрослыми. Опыт собственного поведения подтверждает факт того, что **поведение человека есть самая решающая вещь в воспитании**, будь это взрослый или подросток. Когда человек понимает, что поступил неправильно, раскаивается и переживает чувство стыда, душевное смятение, внутренний дискомфорт. Это и есть результат воспитательного действия.

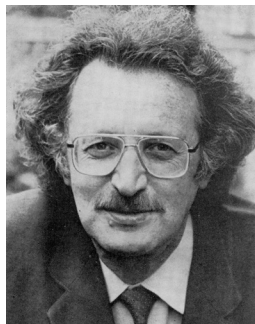
Проблематика, которая задана темой - плод долгих раздумий: в чём сила педагогики? Так сложилось, что на протяжении многих лет в педагогике негласно существовали противоположные научные парадигмы, представляющие смыслообразующий контекст воспитания. С одной стороны - приверженцы возрождения лучших и значимых педагогических традиций «свободного воспитания», где главное - это гуманизм, свобода, любовь, демократия, саморазвитие, поддержка, сотрудничество... С другой стороны - представители, принимающие те же ценности, но в другом контексте: сторонники развития макаренковской педагогики («которая нужна прежде всего, нам, практическим работникам») во времени, педагогики, которая ориентирована в воспитании на программы человеческой личности, педагогики дисциплины и свободы, уважения и требования, солидарности и ответственности, педагогики

жизнеспособного со-бытия детей и взрослых, педагогики труда и заботы, педагогики с перспективой, способной «опережать общество в его человеческом творчестве» (А. С. Макаренко).

Противоречия существовали, существуют и сегодня в сложившихся парадигмах, но жизнь вносит свои коррективы в подходы к воспитанию детей и педагогические действия взрослых. И это важно. Именно это позволяло педагогике идти по пути развития и поиска даже тогда, когда приоритеты отдавались одной из сторон.

Сегодня редко приходится слышать хорошие слова о советском прошлом. У каждого человека своё собственное восприятие времени, в котором он жил, и оценки событий, которые происходили каждодневно. Человек - созидатель, творец, деятель. Он своим трудом создавал материальное благополучие страны даже тогда, когда роль человека низводилась до уровня винтика в государственной машине. Удивительное дело: не потерялись здравомыслие, чувство человеческого достоинства в человеке, потому что сохранились душа, духовность, дух в народе, отеческие традиции, педагогические приоритеты народности в деле воспитания.

Ещё в старину было замечено нашими предками: из «тела душевного» вставало «тело духовное». Труд жизни начинается с труда души – с любви, и уж потом - труд рук и ума. Вот и Симон Соловейчик в своём педагогическом творчестве делает ставку на любовь: «ЛЮБИ, УМЕЙ ЛЮБИТЬ». Его интересуется мир детства, где мудрая и вечная любовь сама находит в себе и силы, и опыт для решения сложных проблем. Тяжёлое детство без любви, без радости делает человека на всю жизнь нравственным калекой. Порой человек даже очень сильной воли не способен избавиться от последствий «несчастливого детства». Вот почему Симон Львович всю свою жизнь искал чудодейственное педагогическое средство от детского горя и неустанно твердил: «Главное - это любовь и же-



Симон Соловейчик

ление сделать детей счастливыми». И в своём манифесте «Человек свободный» (1994) дал краткие, исчерпывающие ответы на вопросы: «Что является высшей ценностью образования? – «Свобода». Кого следует воспитывать?» – «Человека свободного». Вместе с тем он, как исследователь, пристально изучает процессы, происходящие в мире современных подростков, в котором свои отношения, свои взгляды, свои правила, свои интересы, ценности. Его педагогика – поиски и раздумья, рекомендации и установки на новые подходы к воспитанию. Педагогическая проблематика становится литературным хобби. Это способствует продвижению педагогических знаний по самым актуальным запросам времени в обстановке непринуждённости и сотрудничества. Об этом свидетельствуют его многочисленные книги и публицистика: «Час ученичества», «Фрунзенская коммуна», «Учение с увлечением», «Трудный возраст», «Воспитание по Иванову», «Педагогика для всех» и др. Здесь же следует напомнить, что С. А. Соловейчик был инициатором и активным строителем Всесоюзного движения педагогов «Педагогика сотрудничества» и преуспел на этом поприще.

Период «перестройки» в образовании можно связать с началом реставрации давно позабытой идеи «свободного воспитания». Вспомним российских стратегов этого направления: «Критериум педагогики есть только один – свобода» (Л. Н. Толстой). На вопрос «Что такое идеальная школа будущего?» Константин Вентциль отвечал: «Дом Свободного Ребёнка». Василий Сухомлинский указывал на тот факт, что воспитание в школе порой превращается в «ожесточённую войну» между педагогом и ребёнком по той простой причине, что никакие духовные нити не связывают тех и других, и душа маленького человека остаётся «застёгнутой на все пуговицы». Потому и считал, что «рядом с каждым питомцем должна стоять яркая человеческая личность». В «Заповедях учителя» Ш. А. Амонашвили отмечается: «Проявляйте живой интерес к жизни ребёнка, к его радостям и огорчениям, стремлениям, успехам, неудачам, к его личностным переживаниям; при необходимости содействуйте, помогайте, выражайте радость, со-

чувствие... Устанавливайте с каждым ребёнком личные, доверительные взаимоотношения...» Обсуждая манифест С. Соловейчика «Человек свободный», Олег Газман уделит особое внимание проблеме человеческой свободы как ценности образования: «Современное гуманистическое представление о человеке предполагает рассмотрение его и как существа природного (биологического), и как социального (культурного), и как экзистенциального (независимого, самосущего, свободного). Ключевой характеристикой этого третьего измерения является свободоспособность – умение независимо строить свою судьбу, отношения с миром, реализовывать собственное жизненное предназначение, осуществляя свой выбор.

Такая постановка вопроса принципиально важна для педагогики вообще, для гуманистической (антропоцентричной, детоцентричной), в частности...»

Проверяя себя историей, мы хотим понять суть запросов времени и событий, происходящих в образовательной практике, начиная с советского времени (как в период «застоя», так и в горбачёвскую «перестройку», которая привела к развалу Союза и постперестроечного нашего бытия) до сегодняшних дней. Время зеркально отразило жизненный путь, пройденный страной. Обновление действительно требовалось как тогда, так и сегодня. Демократизация становится целью, средством, гарантом необратимости процессов перестройки всего и вся. В образовании это отказ от концепции «винтика» ради концепции человека как высшей ценности общества. Была предоставлена возможность свободы педагогического экспериментирования с целью перевести школу в режим развития, но с условием реализации идеи гуманизации школы. Концепция модернизации образования в дальнейшем сформулировала государственный заказ: «Развивающемуся обществу нужны современно образованные, нравственные, предприимчивые люди, которые могут самостоятельно принимать ответственные решения в ситуации выбора, прогнозировать их возможные последствия, способны к сотрудничеству, отличаются мобильностью, динамизмом, конструктивностью, обладают развитым чувством ответственности за

судьбу страны». Все эти пафосные слова станут инструментом плановых изменений в самом образовании, но не более чем лозунги или призывы. Общая беда была вызвана экономическими трудностями. Отсюда - потеря основ материальной и духовной культуры. Общество раскололось по уровню материального достатка. Преступления против детства - омерзительное явление в силу своей противостественности: в действительности детство должно быть защищено главным опекуном страны - государством. Однако мы столкнулись с формальным, показушным гуманизмом и гуманизацией по сущности проводимых реформ. Торговля детьми станет привлекательным бизнесом. Особенно преуспеют здесь медицинские работники, действующие нагло, цинично, без оглядки на закон, не боясь ответственности. Суть преступления: производство из эмбрионов человека препарата, который помогает при болезни Дауна, излечивает импотенцию, оказывает омолаживающее воздействие на стареющих дам. Женщины за деньги прерывали беременность на 5-м, 6-м и даже на 7-м месяце, когда плод уже развивался и дышал. В получении необходимых материалов проблем не было.

На Сахалине трое подонков украли пятилетнего мальчика, вывезли его на мотоцикле за город, поселили в шалаше и две недели насиловали. Потом вскрыли ему вены, пили кровь и, наконец, задушили.

В детскую больницу имени Филатова был доставлен шестилетний мальчик с тяжёлым ранением. Медики установили, что его кто-то ударил кухонным ножом. Вычислить преступника не составило большого труда. В своей квартире по подозрению в истязании ребёнка был задержан его отец, инспектор следственного изолятора.

О подлинных масштабах детского бедствия можно судить по материалам средств печати и иных коммуникативных источников конца девяностых и начала двухтысячных годов. Кто-то сказал о беспризорных детях: «Человеческий мусор. Когда его много, это не просто беда – это конец». И вновь появился призыв к равнодушным людям: «Все на помощь детям!», но не от лица государства, а из уст волонтеров. «Детоведческая» наука оказалась не-

состоятельной по отношению к «детям беды» с точки зрения подлинной гуманности. Ключевой элемент «нового педагогического мышления» не сработал. Голос «педагогики сотрудничества» в поддержку волонтерского движения так и не был услышан.



А.А. Католиков

Как-то на заседании телевизионного «круглого стола» по теме «Пусть наша доброта не минует их» высказал свою точку зрения на ситуацию «трудного детства» представитель МВД: «Некогда воспитывать, успеваем только карать». На эту реплику отреагировал Народный учитель А. А. Католиков: «Разве виноват ребёнок, что он брошенный? К нам в детский дом уже трёхлетки поступают «комочками зла», которые трудно оттаивают.

Уже нет у ребёнка веры в справедливость. Он живёт в мире, где есть только обиды и обвинения... Подумать только! За что? За то, что никто не растил, не воспитывал – ни в школе, ни в семье, ни в детдоме...»

Обречённые и вновь одичавшие унижением и малодушьем взрослых новые «дети беды». А. С. Макаренко назовёт подобную ситуацию ёмко и справедливо: «концентрированное детское горе». И, действительно, в этой концентрации будет всё: губительное, омерзительное, скверное, пошлое...

До 1984 года государство сокращало количество детских домов. В 90-е «лихие» их стало не хватать. Начали спешно открываться приюты, ночлежки, реабилитационные центры, спецшколы для девиантных детей, расширилась сеть зарубежного усыновления. Из сводок МВД тех лет: «На территории России действует около 30 тысяч преступных группировок несовершеннолетних. Четверть их – дети моложе 14 лет». Записки волонтера: «Среди обитающих на улице появилась и непрерывно увеличивается совершенно новая, может быть, самая влиятельная категория – те, кто на улице и вырос. Прошедшие тюрьму и

вернувшиеся на улицу внедряют среди своего обитания именно тюремные установки. Это и есть боевой авангард тех, кого «малолетки» зовут «старшаками». Оба термина – проекция категорий и смыслов уголовного мира. Сейчас нелегко найти группу ребят, в которой бы не жили или периодически не находились 18-20-летние».

«Преступления против детей приобретают всё более изощёренный садистский характер, что вызывает жестокую, но адекватную ответную реакцию. Информационные источники характеризуют случай в Иркутске: «Девятилетний мальчик убил молотком собственную мать, когда та крепко спала. Убил умышленно, заранее продумав все детали. Выяснилось, что мать вместе с отчимом буквально истязали ребёнка. В качестве наказания подолгу не давали еды. Могли привязать к кровати и уйти из дома на целый день. Мальчик на жестокость ответил жестокостью».

В памяти сохранился жуткий случай, который не даёт покоя сердцу. Девочку лет пяти мать привела в чистое поле и оставила там. Был март, а девочка – только в ситцевой рубашонке. К вечеру добралась она до ближайшей деревни. Обошла все дома с протянутой ручонкой, надеясь на помощь и доброту людей. В последнем доме от неё тоже отмахнулись. Вечерело. Морозило. Она пристроилась у поленницы дров, укрывшись половой тряпкой, и тихо плакала. Помочь ей было некому. Утром хозяйка дома вышла во двор и остолбенела, увидев замёрзшего ребёнка с льдинками слёз на лице. У женщины случился инфаркт. Деревня от стыда почернела. Всеобщая безнравственность и равнодушие. Опомившись от случившегося, приняли на себя все хлопоты похорон этого безвинного существа.

Как жить в любви, если её нет? Куда пропадает то чистое и светлое, что делает нас людьми? «Уметь любить» есть нечто важное в образовании, в человеческих отношениях. Потому и напоминает нам С. Л. Соловейчик, что необходимо осмыслить эту категорию в педагогике. «Уметь любить» не всем даётся в равной степени проявления. Любовь – чувство индивидуальное, личностное и произрастает из самых глубин души, воспитывается, передаётся из рук в руки... Учить любить – нравственная категория, этическая

по своей исключительности непримиримости к злу. Поэтому учить умению любить есть дидактика педагогики воспитания, очеловечивание человека, фактически – любовь в действии. «Мы должны уметь любить, знать, как можно любить, – говорил А. С. Макаренко, – мы должны к любви подходить, как сознательные, здравомыслящие, отвечающие за себя люди, и тогда не может быть любовных драм... Мы должны учиться, как нужно любить».

В постсоветское время приоритетными ценностями образования становятся новые установки на его развитие: «педагогика свободы и любви»; «свободное развитие»; «самоопределение»; «педагогическая поддержка»; «личностно-ориентированное образование»; «педагогические инновации» и др. Предвестником этого стало повсеместное разоблачение культа личности и промахов сложившейся административно-командной системы застойных лет. Симон Соловейчик пишет об этом так: «Система держалась на терроре, который непосредственно касался не всех. А для полной перековки каждого без исключения человека нужна была ещё и огромная система поголовного перевоспитания...» По прогнозам Симона Львовича, это «принудительная коллективизация всего и всех».

Здесь требуется справка. Понятие «перековка» действительно использует А. С. Макаренко - взамен идеологемы «перевоспитание» как выправление характера. В этом смысле он различал развитие как обыкновенный рост, который необходимо учитывать, но и развитие как искусственный, взрывной процесс, специально организуемый в педагогических целях. Понятие «коллектив» тоже идеологема советской власти, и это осознавал Макаренко. Он начал использовать это понятие только после 1924 года, внеся в него собственный смысл. Вот как пишет об этом С. Соловейчик: «В самом деле, при слове «коллектив» первая ассоциация – А. С. Макаренко. Возьмите любой авторитетный словарь и найдёте следующее: Макаренко разработал теорию и методику коммунистического воспитания в коллективе».

Надо отдать должное Симону Львовичу: он не поддался соблазну бросить камень обвинений по адресу Макаренко, как это сделали другие, а встал на сторону его защиты. В

статье «История воспитательной катастрофы» читаем: «В маленьком мире, созданном творческой волей Макаренко, свободное развитие каждого подростка действительно было залогом свободного развития всех. Макаренко был для воспитанников символом свободы: иных привозили в колонию из тюрьмы, сдавали из-под нагана, в колонии ни решёток, ни охраны, и каждый мог уйти, уехать, бежать, ему ничто не угрожало. Макаренко-коллектив и развивался свободно – не было образца и примера, а с инструкциями Макаренко обращался сурово. Свободное развитие сводных детей! Трудное, с конфликтами, эксцессами, бедами, но всё-таки свободное. Макаренко освобождал угнетённых беспризорщиной детей от страха перед жизнью, перед сверстниками, перед взрослыми, он давал им сладостное чувство доверия, без которого нет свободного человека, – доверия к взрослым, своим товарищам, своему труду, ко всей жизни доверие. Коллектив – это цель и дисциплина, необходимая для достижения цели. Чем сильнее чувство цели у всех – тем меньше необходимости в дисциплинарных мерах. Цель макаренковского коллектива была предельно ясной: выжить! Выжить за свой счёт, своим трудом. Макаренко не ставил перед детьми цели воспитывать друг друга, он всегда повторял, что воспитание должно быть незаметным. Общей целью были хозяйство, завод, хозрасчёт. И это важно понять... Коллектив – это прекрасно, но у него нет сердца. Сердце бывает только у человека. Сердцем макаренковского коллектива был сам Макаренко. Он жалел, он любил детей, а когда надо было, защищал иных от коллективного бессердечия. Макаренко был великий педагог, он создал теорию и методики сердечного детского воспитания». Такая оценка педагогического смысла нашего великого соотечественника С. Л. Соловейчиком объективна и справедлива.

Макаренко умел и сам себя защищать. За каждым его словом ищи мысль, идею событие, подсказку. Уникум Макаренко и сегодня помогает нам жить праведно. Труд, рождённый любовью и выполненный с любовью, приносит добрые плоды.

Некоторые мысли гениального практика
в записную книжку.

О новом обществе – «по характеру человеческих взаимоотношений не только выше, но и сложнее, и тоньше старого общества». **О новом человеке** – «новое отношение к человеку, новая позиция человека в коллективе, новая о нём забота и новое внимание». **О колонии им. Горького** – «открытая детская коммуна, без заборов и сторожей». **О воспитании** – «воспитательный процесс совершается не только в классе, а буквально на каждом квадратном метре нашей земли». **О сиротстве** – «только тот, кто в детстве потерял семью, кто не унёс с собою в длинную жизнь никакого запаса тепла, тот хорошо знает, как иногда холодно становится на свете, только тот поймёт, как это дорогого стоит – забота и ласка большого человека, человека – богатого и щедрого сердцем». **О парной педагогике** – «воспитатель может иметь некоторое значение, но и оно никоим образом не может характеризоваться только как влияние человека на человека». **О себе** – «за 30 лет работы в педагогике скопилось немало мыслей, наблюдений, предчувствий, анализов, синтезов». **Прогнозы трудностей** – «теперь уже ясно, что чем более блестящи будут успехи колонии и коммуны, тем ярче будет вражда и ненависть ко мне и к моему делу».

В конце 80-х годов, в канун 100-летия А. С. Макаренко, возникает дискуссия о нём и его педагогическом наследии. Она была вызвана появлением книги-пасквиля Ю. П. Азарова «Не подняться тебе, старик», где автор призывает «перечитать Макаренко» – «по-настоящему талантливого педагога советского тоталитарного режима», называя его апологетом педагогики сталинизма. «Перестройщики» педагоги торжествовали по случаю своей победы, не взяв во внимание особенности времени: даже в условиях плюрализма мнений существует естественная черта между правдой и ложью, преступать которую безнравственно. Самая тяжёлая форма оскорбления – публичная. Профессор Азаров прагматично использовал эту форму в качестве пропагандиста своих парадоксальных взглядов, идей, установок на практические действия, дискредитируя правду и низвергая устоявшееся, традиционное. Поэтому и выпускает в

свет новый объёмный трактат под названием «Педагогика любви и свободы», где, собственно, 178 страниц сплошной злобы на А. С. Макаренко. Цель проста: потеснить «Педагогическую поэму», очернить автора. И, действительно, книги Макаренко после его большого юбилея не издавались в России пятнадцать лет. Показушный гуманизм, клевета и чёрная зависть с вызовом «не подняться тебе, старик» не позволили доктору педагогики возвыситься на пьедестал почёта и признания, хотя так хотелось стать «великим».

В 2003 году при непосредственном участии Макаренковского Центра-музея в Москве выходит из печати книга без купюр, восстановленная по прижизненным изданиям и рукописи А. С. Макаренко «Педагогическая поэма».

А. С. Макаренко – блестящий педагог-диалектик, и его богатейший опыт свидетельствует о том, что процесс воспитания сплошь состоит из противоречий и конфликтов. Но искусство воспитательного действия как раз и направлено на то, чтобы эти противоречия, противоположения правильно преодолевались, а личное и общественное не противопоставлялось бы друг другу, а соответствующим образом гармонизировалось. Согласно Макаренко, гармония – это своего рода предпосылка человеческого счастья. Не учитывать всё это в педагогике, как тогда, так и сегодня, нельзя. Всё проверяется на опыте и подтверждается опытом, и любовь тоже. Вот что говорит по этому поводу и над чем предлагает поразмышлять А. С. Макаренко: «Сколь десятков веков живут люди на земле, и вечно у них беспорядок в любви! Ромео и Джульетта, Отелло и Дездемона, Онегин и Татьяна... Когда это кончится? Когда, наконец, на сердца влюблённых будут поставлены манометры, амперметры, вольтметры и автоматические быстро действующие огнетушители? Когда уже не нужно будет стоять над ними и думать: повесится или не повесится».

В дополнение к вышесказанному предлагаю вашему вниманию некоторые мысли известного немецкого педагога Бернхарда Бюба, высказанные в интервью журналу «Шпи-



гель»: «Главные ценности нашего общества – справедливость, свобода, правда. И вторичные добродетели – послушание, пунктуальность, любовь к порядку... Когда вторичные ценности больше ничего не значат, это наносит обществу огромный ущерб. Происходит перекося то в сторону авторитарного стиля воспитания, то в сторону попустительства. В области педагогики немцы в течение последних 40 лет слишком большое место отвели любви. Оказалось, что её одной недостаточно. Теперь придётся опять обратиться к дисциплине.

Я сам долгое время считал, что для воспитания детей любовь важнее дисциплины. Я был приверженцем идеи, что детям нужно предоставлять максимально возможную свободу самоопределения, причём в максимально демократической среде без всякой иерархии. Опыт показал, что я был не прав, и мне пришлось не без труда расстаться с прежними иллюзиями. Я всё больше убеждался, что дисциплина – это основа воспитания. Дисциплина открывает двери к счастью, которое даёт человеку успешный результат... Дисциплина может оказать целительное воздействие на лишённых ориентиров детей, а таких сегодня очень много... К сожалению, в Германии тень Гитлера до сих пор мешает нам рассматривать дисциплину как нечто само собой разумеющееся. Однако будущее страны зависит от возвращения к дисциплине».

В своём интервью Бернхард Бюб затрагивает и другие аспекты современной педагогики, столь важные для воспитания воспитательной действительности.

Дети должны признавать авторитеты и подчиняться им. Творческая работа с детьми оказывается в загоне, поскольку большинство ребят воспринимают своих учителей и родителей как аниматоров, которые в первую очередь должны их развлекать.

Безусловное повиновение – выражение из языка каких-то извергов, оно абсолютно неприемлемо в педагогике. Но такие понятия, как послушание и боязнь наказания, не следует исключать из педагогического процесса... В основе либеральных взглядов на образование – повсеместная критика советского образа жизни в сопоставлении с западными моделями и ценностями. «Если бы мы попытались нарисо-

вать сферу ценностей советской педагогики и наложить её на сферу ценностей педагогики западного общества, то, по всей вероятности, они совпали бы на 90-95%. Но кое-какие «несущественные» несовпадения всё-таки остались. Наши несовпадения определяются принципиально противоположным отношением к вопросу, кто «главнее» – личность или коллектив» (Анатолий Ермолин). Несомненна этическая основа поиска справедливости в решении поставленного вопроса, где особую роль играют личности, которые выступают катализаторами истины.

«И тогда всплывает образ Макаренко, подаривший нашей стране метод тоталитарной педагогики». А раз так, то требовалось убрать Макаренко из педагогики, представить его в образе «трагической одинокой фигуры», «своеобразной советской педагогической Меккой», неким «сверхруководителем, незаметно, но фатально и мощно влияющим на народные массы», что «изобилует комплексом парадоксов, анализ которых способствует пониманию феномена успеха соединения несоединимости», а именно соединения принципиально несводимых понятий – коммунистический коллективизм и гуманизм. Но ему удалось достичь этого. (С. В. Кульневич, Т. П. Лакоценина).

Что примечательно: немецкий педагог на основании длительного, проверенного им самим опыта, не говоря ничего о Макаренко, приходит к выводам, что так явно отставал в педагогике наш великий соотечественник. А мы всё ещё пользуемся стереотипами мышления вне всякой объективности.

Не воспринимайте меня сторонником авторитарных стилей в образовании. Я защищаю естественное в педагогике, потому что вырос на макаренковских традициях. И преклоняюсь перед той педагогикой, которая через искусство воспитания в лице воспитателя ведёт к преобразованию души человеческой, делает человека нравственным и счастливым.

Литература:

1. Газман О.С. Педагогика свободы: путь в гуманистическую цивилизацию XXI века. Сборник № 6 серии Новые ценности образования, ред. Крылова Н.Б. – Инноватор, 1996.
2. Ермолин А.А. Как расколдовать «зомби». – М, 2004.
3. Кульневич С.В., Лакоценина Т.П. Воспитательная работа в современной школе: от коллективизма к взаимодействию. – Воронеж, 2006.
4. Макаренко А.С. С любовью и тревогой. – Киев, 1989.
5. Соловейчик С.Л. Человек свободный. Педагогический манифест/Первое сентября, 1994.
6. Соловейчик С. Л. История воспитательной катастрофы. – Новое время, № 46, 1989.
7. Шрейдер Ю.А. Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. – М, 1990.
8. Беркова И. Демократия или принуждение?/ Учительская газета, 02.09.2007г.

*«Антон Макаренко - это жало
во плоти каждого теоретика».*
В. Зюнкель.

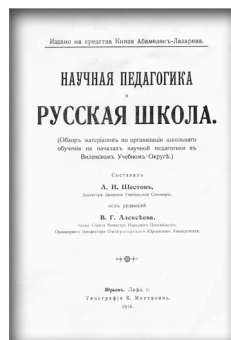
Педагогика должна быть педагогикой здравого смысла

Для А. С. Макаренко практика являлась важнейшим структурным элементом педагогического познания, она диктовала логику и направление исследования. Требование Макаренко вывести теорию воспитания из практики противоречило доминирующим в педагогике схемам. Например: «Педагогическая наука сборная. Голова этого тела заключается в моральных идеях, органы питания - в психологии, органы движения - в физиологии. Из этой троицы источников должны быть выводимы все начала, управляющие воспитанием, в ней должны быть отыскиваемы основания, оправдывающие одно педагогическое направление и осуждающие другое». (Юркевич П. Д. Курс общей педагогики. - М., 1869).

Заслуга А. С. Макаренко как методолога педагогики заключалась в том, что он определил и показал значимую роль практики в воспитательном процессе и тем самым опроверг традиционное представление о необходимости выведения педагогики из других наук. Когда он утверждал, что только практика может подтвердить правильность педагогической теории, многие не понимали его и обвиняли в нигилизме, в отрицании теории, в стремлении превратить педагогическую науку в искусство.

Из письма А. С. Макаренко к Т. В. Турчаниновой.

«Я не смотрю на педагогику как на искусство. Не смотрю! Я на неё смотрю как на педагогику, хай она скажется, но пускай перестанет быть такой скучной... Теорию я так



высоко ценю, что даже самому страшно становится. Только то, что у них есть, - это не теория, а болтовня...»

На основании первых результатов, полученных в колонии Горького, Макаренко приходит к выводу: мало «исправить» человека, необходимо воспитать его так, чтобы он стал активным деятелем новой эпохи. По его мнению, «воспитание в том и заключается, что более взрослое поколение передаёт свой опыт, свою страсть, свои убеждения младшему поколению. Именно в этом и заключается активная роль педагогов». Главные положения его теории основывались на сочетании уважения и требовательности к воспитаннику, вере в человека и его возможности, на принципе воспитания в коллективе и через коллектив. Уважение к воспитаннику - это, прежде всего, умение доверять человеку, видеть положительные стороны его характера и поведения, уметь опираться на эти качества, выстраивая воспитание, верить в безграничные возможности совершенствования человека. Научить человека владеть собой, разумно управлять своими чувствами и поступками - всё это и составляло основу его воспитательной педагогики.

А. С. Макаренко рассматривал воспитание как организацию всей жизни детей, где «вся жизнь» - это сложнейшее переплетение отношений: производственных, культурных, правовых, педагогических и др. Чтобы объединить всё лучшее, здоровое, что есть в отношениях между людьми, необходимо выявить общие, основополагающие элементы. Для Антона Семёновича такими элементами являлись свобода и справедливость. Вспомните, что говорил о себе Макаренко: «У меня была свобода. Хотя какая-то, но была. Без неё не было бы ни колонии Горького, ни коммуны Дзержинского...»

Справедливость Антон Семёнович не противопоставлял свободе, как модно сегодня, а сочетал их. Без справедливости нет защищённости личности и общества как единого целого.

Постоянный поиск необходимых средств, приёмов и методов воспитания, его организационных форм привёл педагога к новому пониманию дисциплины как дисциплины движения вперёд, борьбы и преодоления трудностей. По его мнению, свободу нельзя противопоставить дисциплине.

плине. В связи с этим Антон Семёнович говорил: «Дисциплина часто противопоставляется свободе. Это неправильно». И далее: «Дисциплина есть свобода...», в этом он видел одну из самых сложных проблем теории и практики воспитания. Ссылаясь на беседу с А. М. Горьким, Макаренко в следующих словах передаёт суть проблемы, сформулированной писателем: «Вот главный вопрос: соединить стремление человека к свободе с дисциплиной - вот такая нужна педагогика». Свобода и дисциплина, свобода и ответственность (а в ответственности отражается отношение человека к дисциплине), не будучи противоположностями, выражают две взаимосвязанные стороны единого целого - поведения и деятельности человека.

В формуле А. С. Макаренко «дисциплина есть свобода» следует различать два аспекта: первый связан с пониманием дисциплины как условия для свободы личности. «Дисциплина есть свобода, она ставит личность в более защищённое, свободное положение и создаёт полную уверенность в своём праве, путях и возможностях именно для каждой отдельной личности». Дисциплина в этом случае выступает в качестве условия развития личности («дисциплина нужна, чтобы каждый отдельный человек развивался») и развития коллектива («дисциплина необходима коллективу для того, чтобы он лучше и быстрее достигал своих целей»).

Второй аспект связан с самим процессом диалектического превращения дисциплины в свободу внешнего требования во внутреннее, в свободное требование личности к самой себе. Именно этот процесс имел в виду Макаренко, когда писал: «Этот путь от диктаторского требования организатора до свободного требования каждой личности от себя на фоне требований коллектива, этот путь я считаю основным путём в развитии советского детского коллектива».

Выдвигая последнее положение, А. С. Макаренко тут же отмечал, что «коллектив как можно скорее должен переходить к форме свободного коллективного требования и к требованию свободной личности к самой себе».

Проблема свободы и дисциплины особенно заявила о себе в первые годы становления советской школы. Это объяснялось тем, что среди части педагогов того времени

были как сторонники теории свободного воспитания, так и представители авторитарной педагогики. И те, и другие подходили к решению представленной задачи метафизически, противопоставляя свободу порядку, а порядок - свободе. Отслеживая обстановку, А. С. Макаренко писал об этом так: «Мы сумели развить до невиданных пределов гуманитарные, высоконравственные принципы воспитания. Мы не уступили ни разболтанному, анархическому «свободному» индивидуализму, ни формалистическим соблазнам внешней муштровки. Мы сохранили настоящую, глубокую любовь к нашим детям».

В 30-е годы государственная политика в области образования меняется – коммунистическое воспитание объявляется общепартийной и общегосударственной задачей. Один из основных сталинских постулатов тех лет гласил: «воспитывать молодёжь в духе доверия к руководству Российской коммунистической партии». Такой подход принципиально противоречил многим установкам Макаренко.

Гражданская активность, которую воспитывал великий педагог в самоуправляющихся коллективах-коммунах, ничего общего не имела с формированием человека-винтика. Все процессы в обществе – суды над врагами народа, шпиономания, подозрительность друг к другу – всё это отражается на жизни школы. Дисциплина начинает рассматриваться как подчинение ребёнка воле тех требований советского государства, которые закрепляются в «Правилах для учащихся». В середине 30-х годов резко снижается возраст применения уголовного наказания к несовершеннолетним (начиная с 12-летнего возраста), уличённым в совершении краж, в применении насилия, причинении телесных повреждений, увечий, в убийстве или в попытках к убийству.

Из беседы писателя Р. Роллана с И. Сталиным.

Писатель: «Если я правильно понял, над детьми нависла угроза смертной казни. Я могу понять мотивы, которыми Вы руководствовались, желая внушить страх тем, кого раньше нельзя было привлечь к ответственности, и особенно тем, кто делал из детей пособников пре-

ступлений. Но не все понимают это. Люди боятся, что закон уже вошёл в силу, и дети могут стать жертвой злоупотребления властей, распоряжающихся их жизнями по своему усмотрению...»

Вождь: «В стране в условиях обостряющейся классово-вой борьбы враг идёт на привлечение детей к реализации своих коварных замыслов, и партия вынуждена была прибегнуть к крайним мерам. Повсюду возникают подпольные банды подростков человек по пятнадцать; объединяясь, они вооружаются ножами для того, чтобы убивать ударников — лучших мальчиков и девочек (и не по политическим мотивам, а просто за то, что те «ударники», хорошие ученики). Их подстрекают взрослые, которым платят наши враги... Как быть? Нам понадобится два или три года, чтобы искоренить всех этих разбойников. И мы добьёмся своего. Но для этого необходимо внушить страх. Мы должны были принять этот репрессивный закон, грозящий смертной казнью детям-преступникам, начиная с 12-ти лет, и особенно их подстрекателям». (Вопросы литературы. – 1989, № 3).

Ребенок, отгороженный от действительной жизни, принимал на веру всё, что происходило на его глазах, чему его учили взрослые. А. С. Макаренко приводит потрясающий пример из жизни маленькой девочки, дисциплинированность которой проявлялась в подозрительном отношении к родителям — она видела в них шпионов и уже созрела до того, чтобы донести на них. «Таня - несчастное создание. Ей десять лет. Это дитя ведёт со своим отцом следующий разговор: «Теперь мы должны быть бдительными. Теперь очень нужно искать шпионов, быть бдительными». - «За кем же ты хочешь следить?» - «За всеми, а также за тобой и мамой». - «Ну и как, я могу быть шпионом?» - «Конечно, ты можешь быть». (Хиллиг Г., 1989).

Из отзыва А. С. Макаренко на книгу Н. К. Крупской «Заветы Ленина в области народного просвещения». - М., 1924.

«Если бы только изучение коммунизма заключалось в усвоении того, что изложено в коммунистических трудах, книжках и брошюрах, то тогда слишком легко мы могли бы получить коммунистических начётчиков или хвасту-

нов, а это сплошь и рядом приносило бы нам вред и ущерб.

Одно из самых больших зол и бедствий, которые остались нам от старого капиталистического общества, - это полный разрыв книги с практикой жизни.

Поменьше «руководства», побольше практического дела, т.е. поменьше общих рассуждений, побольше фактов и проверенных фактов, показывающих, в чём, при каких условиях, насколько мы идём вперёд или стоим на месте».

(Фотокопия рукописи из архива А.С. Макаренко).

В 1936 году А. С. Макаренко выступает перед профессорами, преподавателями, научными сотрудниками Высшего коммунистического института просвещения:

«Вы говорите: учение марксизма-ленинизма верно. Но не прячьте педагогику за великими именами гениев марксизма. Ведь они не являются специалистами - профессорами педагогики. Их высказывания в области воспитания — это высокие идеи человечества, а не практическая педагогическая наука. Нельзя глубочайшую философию их учения выдавать за педагогическую технику. Не закрывайтесь ими и не снижайте их учения. Они создали методологию и дали задание, а вы пока ничего не сделали, чтобы его выполнить, ничем не ответили на задание».

Успешность воспитания в 30-е годы определялась тотальностью средств, используемых школой. Слепое выполнение приказа, автоматизм действия ученика - эти нормы культивируются и пропагандируются в педагогической печати.

«Говорить много детям бесполезно, надо сразу прививать навыки дисциплины, организованности в процессе работы... Первое время хорошо приучить детей делать все по счёту: «Раз!» - поднимают крышку парты, как один; «Два!» - встают; «Три!» - выходят из-за парты; «Четыре!» - стройной линеечкой идут из класса... Сбор тетрадей у очень многих хороших учителей организован так: при счёте «Раз!» - на каждой парте тетради кладутся направо вместе; при счёте «Два!» - тетради передаются конвейером с парты на парту, начиная с задних, а с первых парт собираются дежурными». (Е. И. Войкова, 1940).

Макаренко прогнозировал, что работоспособная, научно обоснованная теория воспитания может быть создана на основе обобщённой практики. Он пишет об этом так: «За тридцать лет моей педагогической работы я пережил 200 тысяч часов рабочего напряжения, через мои руки прошло более 3000 детей. Я, воспитатель, потратил последние 15 лет на практическое применение и уточнение педагогической системы воспитания. Я создал для этого с большим трудом опытный коллектив, который оправдал все мои положения». Великий педагог являлся сторонником активного педагогического действия и успешно делал то, что по-настоящему не осознано даже в современных условиях: расширял предмет педагогики и сферу воспитания, отчётливо видел их роль в процессе формирования человека и общества.

Справедливости ради скажем, что споры о творчестве А. С. Макаренко идут на протяжении многих лет с разной степенью интенсивности. Всё было: оголтелое шельмование, зависть, злоба, очернительство, клевета, подлость. Не было правды, не было и справедливости. Справедливость всегда безвозмездна. Потому-то бескорыстие для Макаренко легло в основу человеческих отношений с самых первых

дней его учительства. Он меньше всего думал о собственной выгоде, свято верил в то, что нельзя быть счастливым в одиночку, строить своё благополучие за чужой счёт. Поэтому и возникла идея провести в Центре-музее его имени диспут в рамках макаренковских сред. Тему обсуждения определили так: **«Значение научной теории воспитания А. С. Макаренко в современной педагогике и в современном социальном проектировании».**



*Татьяна Кораблёва,
президент Российской
Макаренковской
ассоциации*

Из рабочих записок журналиста Нины Целищевой:

«Татьяна Кораблёва напомни-

ла о многочисленных дискуссиях, в которых обсуждалось творчество А. С. Макаренко, о многих негативных публикациях, которые до сих пор появляются в прессе. В частности, недавно в газете «Наша семья» учительница пишет: «Ну, а что Макаренко? Ну, перевоспитал двух проститутток...» Такое вот «знание» его теории и такое к нему отношение...»

Константин Зискин:

«Работая над программой по истории педагогики, мы не выделили педагогическое творчество Макаренко отдельной темой, а поставили его в ряд с другими практиками воспитания. Феномен Макаренко - один из серьёзных феноменов. Как публицист Макаренко интересен. **Но ни в статьях его, ни в «Педагогической поэме» никакой теории я не нашёл: это хорошие газетные статьи, легко написанные, с интересными примерами о бытовых достижениях педагога.** В научной работе я хочу видеть схемы, таблицы, логику в системе рассуждений. Если мне кто-нибудь покажет логические рассуждения автора, состоящие хотя бы из трёх пунктов, я готов признать это наукой.

Макаренко, бесспорно, обладает талантом хорошего писателя, он блестящий организатор. Но не он разработал теорию детского самоуправления, в конце XIX века широко использовались различные его формы. В трудах Макаренко педагогической теории нет. Есть набор банальных истин, с которыми можно согласиться, а можно и не соглашаться. Это абсолютно бытовые достижения, кустарные представления...»

Алексей Рыжов:

«Одна из ведущих идей теории Макаренко - проблема коллектива: в какой степени коллектив был важным средством формирования личности во времена Макаренко и остаётся таким сегодня. **Макаренко жил и работал в период жёсткого прессинга со стороны партии и государства, все установки в области воспитания исходили сверху.** Трудно сказать: смог бы он претворить в жизнь свои идеи, если бы жил в иную эпоху. В те времена

коллектив создавали не сами воспитанники колонии, а педагоги. Перед подростком была дилемма: либо он принимает законы коллектива, живёт и трудится по ним, либо изгоняется из этого коллектива».

Людмила Маленкова (автор более 100 публикаций по проблемам воспитания и таких популярных книг, как «Воспитание в современной школе», «Я – человек», «Педагоги, родители, дети», «Право и подросток» и др.):

«В теорию Макаренко я погрузилась давно. Пятый том его сочинений - это энциклопедия воспитания, что подтверждает опыт ленинградской Фрунзенской коммуны, опыт детских домов Семёна Калабалина, педагогических отрядов, работающих с трудными подростками... Да, в его научных трудах нет графиков, таблиц, процентов. **Его теория по форме публицистична - строгая научность, технологичность, выверенные тридцатилетней практикой педагогические рекомендации и техники.** Наши нынешние огромные издержки в воспитании человека обусловлены тем, что мы отошли от живой теории и практики Макаренко и во многом превратили педагогическую науку в словоблудие, в мертвечину ничего не говорящих схем, графиков, таблиц, в которых нет места ни ребёнку, ни учителю...»

Иосиф Гликман:

«В наших школах редко встретишь коллектив, созданный по подобию макаренковского. А без этого нельзя воспитать человека. **Сегодня по стране бродят миллионы бездельников, не умеющих трудиться, учиться, отвечать за свои поступки.** А сколько невоспитанных людей с дипломами, с аттестатами о среднем образовании стали преступниками, нарушителями закона, неписаных правил социального бытия. Решая задачи воспитания, Макаренко облагораживал среду, окружающую ребёнка, тщательно выстраивая коллективные основы по сугубо научным «лекалам» теории воспитания, которую позже сформулировал в своих трудах...»

Владимир Морозов:

«Наш Центр-музей имени А. С. Макаренко не стал мемориальным пантеоном, а служит сегодня активным пропагандистом научной теории и практики воспитания. Мы принимаем многочисленные группы на экскурсии в Педагогическом музее: учителей, школьников, студентов педвузов, иностранные делегации. Приобщаем широкие круги населения к наследию нашего великого соотечественника. Образовательный потенциал Центра многообразен: здесь все эти годы кипит жизнь - педагогические мастерские, консультации, макаренковские среды, педагогический кино клуб, лекторий, проектная и экспериментальная деятельность, участие в конкурсах, в тематических мастер-классах и круглых столах и многое другое. Наследие А. С. Макаренко давно и заслуженно является классикой мировой педагогики. Его творчество помогает нам искать пути восстановления нормального, полноценного детства в наше непростое время.



К нам в музей приходят студенты педвузов и часто задают вопрос: «Почему педагогика в вузе - самая неинтересная наука? А у вас интересно!» Как же надо перегрузить её пустословием, схемами, графиками, таблицами, чтобы наука о детях, о детстве, о возвращении человека стала «самой неинтересной»... Нужно новое глубокое прочтение Макаренко. Нужно вернуть его в педагогику...

Валентина Максакова:

«Человек может быть счастлив только тогда, когда он вместе с людьми. Такова сущность человека, его природа. **Макаренко было важно вернуть своих сорванцов в человеческое общество, сделать их людьми социальными. У этих детей не было детства.** И коллектив в этой ситуации должен был защитить их от жестокости, одиночества, сделать нормальными членами общества. Гений Макаренко в этих труднейших условиях создал такое

объединение людей - общину, коммуны, как угодно назовите, - которое стало защитой детям, пространством их социальной адаптации».

Эмилиано Меттини:

«Современное общество потребления зашло в тупик: оно живёт узкопрагматичными целями - пойти в магазин, купить, съесть или, попользовавшись чем-то, выкинуть. Только не нужно искать в этих словах недооценки материальной заинтересованности. От бесцельного существования общество деградирует, люди впадают в депрессию. **А Макаренко показал, как сделать человека счастливым: открыть пространство для инициативы, дать ему радость корпоративного (коллективного) труда, общую цель, совместное преодоление трудностей и свято верить в то, что нельзя быть счастливым в одиночку, строить своё благополучие за чужой счёт. Всё это перестраивает, совершенствует взаимоотношения людей, среду, а в итоге - и общество».**

Виктор Слободчиков:

«Хотел бы предупредить педагогов: легкомысленное, бездумное употребление словечка «личность» приводит к большим бедам. Сегодня за этим словом стоит этакий раскрепощённый, самовлюблённый социальный индивид, который пуще зеницы ока бережёт свою драгоценную «индивидуальность», а точнее - свой индивидуализм, и оттого пребывает на грани одичавшего одиночества. На самом же деле личность - это человек социально зрелый, предельно ответственный перед собой и перед другими, с кем он встретился в этой жизни. Если человек безответственен, это не личность, а всего лишь «полуфабрикат». Личность в западном представлении и в том, какое сложилось в нашей культуре - разные понятия. В нашей культуре - это продукт религиозно-духовной философии. Вот и появляются в нынешнем педагогическом сознании чудовищные кентавры. Произнёс слово «личность» - и всё понятно. Да ничего не понятно! Сразу хочется спросить: что вы имеете в виду, произнося эти звуки (даже не слово!)? И начинает-

ся «борьба мышей с кошками»: Макаренко, дескать, личностью не занимался, штамповал всех по одной модели. Хотел бы призвать педагогов к осторожности: **ЕСЛИ ПРОИЗНОСИТЕ СЛОВО «ЛИЧНОСТЬ», - ТУТ ЖЕ КОММЕНТИРУЙТЕ, ЧТО ИМЕЕТЕ В ВИДУ...**

После революции были уничтожены все традиционные человеческие сообщества - община, церковь, даже семья, все естественные формы, основы, которые выращивали человеческое в человеке. У человека вне сообщества людей ничего человеческого не остаётся. Неслучайно Андрей Платонов утверждал: «Без меня народ не полный...» Ущербный народ. Как и «я» без народа.

Не стоит уговаривать «историков педагогики» полюбить Макаренко. Но мы призываем тех, кто работает в области теории педагогики, к осведомлённости и к объективности. Сегодня много развелось любителей «придумывать теории». А надо исходить из жизни, из объективных закономерностей. Гуманитарным наукам свойственны ценностно-смысловые основы. **Теория А. С. Макаренко родилась из гениальной практики: он умел научить человека поступать нравственно, потому что иначе человек не может. Таков его выбор...**

Антон Калабалин:

«Нельзя писать историю педагогики, не поварившись в её «котле». Отдайте профессии лет 20, и вы поймёте, что Макаренко - не «поверхностный» газетчик, а гениальный теоретик, подсказавший человечеству простой, изящный, очень прозрачный и ясный путь к тому, как воспитать хорошего, разумного, деятельного человека. И вы одарите студентов счастьем быть хорошими учителями, профессионалами со здоровой педагогической позицией. Сегодня у нас - разброд и шатания в области воспитания. Наши «спецы» от науки с серьёзным видом утверждают: если подросток живёт на Ярославском вокзале - это его выбор, его право поступать, как считает нужным. Какая «широта» педагогического мышления! Какая «вариативность нравственного выбора»: будь ты хоть рэкетиrom, бомжом, киллером... А мы, педагоги, будем с либерально-оптимистиче-

ским спокойствием взирать на это самоистребление... И это - «педагогика»?

Макаренко обвиняют в поверхностности, в отсутствии теории в его трудах. Ниспровергатели всех времён и Шекспира обвиняли в банальности сюжетов. **В «Педагогической поэме» на каждой странице - теория, выверенная технология, дельный совет. Надо только уметь читать...»**

В дискуссии, отстаивая свою точку зрения на проблему, её понимание, приняли участие люди разных возрастов и разных убеждений. Высказывались разные взгляды, иногда противоречивые, определялись подходы готовых решений, с которыми можно соглашаться или не соглашаться. Это был живой и очень полезный диалог. Участники диспута согласились с тем, что у Макаренко - мощнейшая теория воспитания: она технологична, воспроизводима, а главное - гарантирует результат. Она прочно базируется на принципах природосообразности, на закономерностях развития детей. Это теория огромной этической силы: эмоциональные переживания хозяйственных забот порождают у подростков ответственность, чувство долга, принадлежности к коллективу. И - совесть. Мерило её - поступок наедине с собой как критерий нравственно-этической и эстетической воспитанности человека.

Теоретическое наследие и прикладная педагогика именитого соотечественника - кладёзь воспитательных возможностей нашего образования, действительно уникального, бесценного. Я не знаю, почему мы от этого отказались! Нравственная и духовная реабилитация человека растущего, взрослеющего, взрослого - сложная и ответственная задача педагогики воспитания. Макаренко был суровым критиком недостатков в теории педагогики, недостатков в практике педагогической работы. И вместе с тем он зло высмеивал носителей педагогического обскурантизма, которые, слабо разбираясь в вопросах воспитания, с видом знатоков пренебрежительно говорили о педагогике. В одной из своих записных книжек он с иронией отметил: «О любви писать так же легко, как о педагогике. Эти темы

всем одинаково известные. В этих делах все великие специалисты».

Вот как вспоминает Иван Андреевич Каиров об отношении Антона Семёновича к педагогической науке:

«Расскажу о некоторых моих встречах с Макаренко в 1937 году. Работал я тогда на кафедрах педагогики Московского педагогического института имени Ленина и Московского университета. Встречи проходили на университетской кафедре. Беседы были интересными и поучительными, а в ряде случаев и спорными. О чём шла речь?



Макаренко часто спрашивали: кто он, педагог или писатель? Спросил и я.

- Я - педагог, - ответил он, - я не переменил профессии. Я только переменил род оружия.

Как-то я спросил Антона Семёновича, что он считает в педагогике наиболее важным.

- Важно всё, - ответил он и тут же добавил: - Меня увлекает воспитание, в сущности, это дело лёгкое.

Я попробовал было возразить, наоборот, мол, очень это трудное дело - воспитание.

- А я вам докажу, что лёгкое, - сказал Макаренко, - возьму вот на днях самую отсталую школу, пойду туда директором. Приду, соберу всех ребят и скажу: вот я ваш директор, что будем делать со школой? И нарисую им такую картину наших задач, такую красоту нашей жизни, интересных дел, трудностей, так распишу, что дух захватит. Всех подниму на штурм - ребят и учителей. В помощники возьму пару толковых, боевых ребят из колонистов. И через год вы не узнаете школы. Таково моё воспитание. Ученики должны видеть, что всё, что я от них требую, я могу сделать сам. Это нетрудно, если ему отдать всю жизнь.

- Так вот это, пожалуй, и есть самое трудное, - заметил я».

А. С. Макаренко никогда не был рабом педагогических, раз и навсегда установленных канонов, всегда искал новое, оригинальное решение возникшей задачи. Известно,

например, что кратчайшее расстояние между двумя точками есть прямая. Всегда ли это верно для двух педагогических точек? По-видимому, не всегда. В педагогике, например, действовало правило: провинился ребёнок - накажи, не проходи мимо. Проступок-наказание, и воспитатель с воспитанниками квиты. Антон Семёнович в этом случае подходил по-своему. Часто он не наказывал, а заставлял провинившихся посидеть и подумать о своём проступке, осознать его, а наказания не было, так как оно уже было ненужным.

В одной из бесед зашла речь об учебнике по педагогике для педагогических институтов. Антона Семёновича очень интересовал этот вопрос.

«- Сначала надо решить, на какой научной основе должен быть построен учебник, - заметил он.

- По-видимому, на основе тех научных данных, которыми располагает советская педагогика.

- Ну, тогда эта книга устареет ещё до того, как увидит свет, - возразил Макаренко. - Жизнь бурно идёт вперёд, растут и повышаются требования. Быстро растут и развиваются дети. Значит, надо строить на перспективных задачах воспитания, которые будут предъявляться к педагогике и школе.

- Я считаю, - говорил далее Антон Семёнович, - что учебник должен писать один или два человека, а не коллектив. В противном случае получится не учебник, а сборник статей.

И, улыбаясь, предложил:

- Вот давайте с вами вдвоём и напишем учебник по педагогике. Я беру на себя весь вопрос воспитания, а вы - всё остальное.

Но коллектив кафедры уже заканчивал составление учебного пособия, и вопрос, к сожалению, остался нерешённым». (И. А. Каиров).

Воспитательная педагогика Макаренко - педагогика здравого смысла, из чего и надо исходить. Время критических переоценок и мнимых, лицемерных заявок с позиции «кто есть кто» - уходит. Время изменяется, а с ним и человек. Тип человека-приспособленца, потребителя - не наша

типология человека и не наш образ жизни. Только историческое сознание, как плод педагогической образованности, позволит учителю вдохновиться уроками прошлого. История знает немало имён замечательных учителей. Их эффективный опыт и мудрые рекомендации, оставленные нам, нужны сегодня. Ситуация, сложившаяся с самим детством, вновь и вновь вынуждает нас возвращаться к педагогике воспитания, которая может обгонять общество в его человеческом творчестве. Это понимают даже те подростки, которые волею судьбы оказались в критической ситуации. Исповедальное от подростка: «Самое страшное - попасть в мир суррогатов и почувствовать себя одиноким и никому не нужным». Вот истоки одиночества и одичания человека растущего, истоки ручейка, который со временем превращается в широкую реку обиды, печали и слёз, отторжения от семьи, вечного ощущения великой несправедливости. Глубоко понимая детскую психологию, А. С. Макаренко отмечал, что в подавляющем большинстве случаев положение брошенных детей сложнее и опаснее, чем положение сирот. Здесь есть над чем задуматься?

Литература:

1. Баранов Вадим. Свобода и дисциплина, или “Эксперимент мирового значения». - Учительская газета, 19.10.1989.
2. Жураковский Г.Е. Педагогические идеи А.С. Макаренко. – М., АПН РСФСР, 1963.
3. Каиров И.А. Слово о Макаренко. – М., АПН РСФСР, 1963.
4. Педагогическое наследие А.С. Макаренко. Сборник научных трудов Тираспольского пед. инст. им. Т.Г. Шевченко. - Кишинёв, 1987.
5. Целищева Н.И. Кто он, Антон Макаренко: автор научной, природосообразной теории воспитания или публицист-газетчик? Диспут в ЦВР им. А.С. Макаренко. // Народное образование. Макаренко альманах, № 1, 2009.
6. Хиллиг Гётц. Макаренко и власть. - Народное образование. Макаренко альманах, № 1, 2009.

*“Если ребёнок хорош,
то этим он обязан воспитанию,
своему детству”.*
А. С. Макаренко.

Воспитание: особенность воззрений

Воспитание – явление историческое. Оно появилось на этапе возникновения общества и прошло вместе с ним длительный путь развития.

Воспитание – феномен педагогический, так как относится к научной области педагогического знания и рассматривается как специфическая человеческая деятельность по реализации целей образования в разных социальных условиях: в школе, в семье, в социуме, на производстве...

Воспитание – процесс социальный. «Воспитывает всё: люди, вещи, явления, но прежде всего и больше всего – люди». (А. С. Макаренко).

Воспитание – дело ответственное. «Из всех насилий, творимых человеком над людьми, убийство – наименьшее, тягчайшее же – воспитание». (М. А. Волошин).

Воспитание – категория вечная. «Всё лучшее в людях даётся воспитанием, так и всё плохое в человеке даётся тоже воспитанием. Дело в том, что невоспитания вообще нет». (С. А. Калабин).

Содержательным материалом воспитания всегда являлась жизнь людей во всех её проявлениях на протяжении всей истории существования общества. Воспитание гражданина своего Отечества теснейшим образом было связано с освоением языковых и культурных традиций народа, укладом жизни, почитанием образованности, религиозности (в христианстве это формирование человека по образу и подобию Божьему), усвоением и воспроизводством культурных ценностей и социального опыта прошлых поколений, готовностью человека к самостоянию, к самовоспитанию. В этой системе должны быть максимально учтены все духовные потребности, все социализирующие фак-

торы становления и развития растущего человека. Если жизнь – главный воспитатель ребёнка, то и задача воспитателя состоит, прежде всего, в организации этой жизни: подлинно гуманной, заботливой, осмысленной, основанной на следовании своим идеалам.

В воспитании необходим совместный поиск с детьми лучших образцов опыта жизни, лучших ориентиров постижения духовной культуры и выработка на этой основе норм, правил, законов жизни, которые выполняются по внутреннему нравственному побуждению. В совместной деятельности выстраивается пространство доверия между взрослыми и детьми, возникает взаимопонимание. Большое значение для результативной деятельности педагога имеют его чутьё, интуиция, такт, находчивость и всё, что пробуждает порыв к творчеству.

Педагогика – научная школа воспитания, базис знаний, умений, навыков наставника в реализации педагогического метода в неповторимых ситуациях и при невероятных обстоятельствах. В этой части педагогика есть искусство через творчество и мастерство профессионала. Именно такой мастер-универсал способен осуществить синтез науки и искусства при решении педагогических задач. Важнейшая заповедь педагогики – оставаться человеческой, хотя бы потому, что главное здесь – человек, и он есть предмет воспитания, а наука созревает до той степени, когда взор человека невольно будет обращён на воспитательное искусство. (К. Д. Ушинский).

Наш великий соотечественник и авторитет в области образования К. Д. Ушинский считал, что нельзя преувеличивать влияние школы на развитие ребенка. По его мнению, «мы сильно заблуждаемся, если думаем, что жизнь ребенка в школьном возрасте вся принадлежит школе; нет, школа имеет только весьма небольшую долю в том естественном развитии дитяти, на которое гораздо большее влияние оказывают время, природа и семейная жизнь. Школа не имеет права вторгаться в чуждую ей область и мешать своими уроками влиянию других великих воспитателей человека: природы и жизни». Тем самым великий педагог предостерег нас от возможных ошибок в поисках

перспектив нашего образования, а именно – от того, чтобы делать ставку только на обучение.

Эффективная организационно-управленческая структура школы, школьной жизни, подходы к обучению и развитию ребенка есть личностный и профессиональный капитал учительства. У нас много талантливых педагогов, являющихся носителями инновационного опыта. Они готовы делиться своими идеями и практическими навыками в создании такой школы, где в центре внимания находится не столько обучение, передача знаний учащимся, сколько их развитие. Так, например, Т. П. Войтенко, учитель и ученый из Калуги, считает, что дети должны быть сильнее и мудрее взрослых, что школа должна быть другой, не традиционной, когда учитель лишь передает ученикам то, что знает и умеет сам. «Нужна принципиально иная педагогика, ключевым моментом которой должна быть идея СВОБОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ». И еще: «Педагог всегда выступает перед ребенком в позиции не только значимого взрослого, но и носителя целей образования. В школе, ориентированной на обучение, приобретение учащимися знаний обеспечивается посредством передачи этих знаний учителем; в школе, ориентированной на развитие личности учащихся, ведущим средством является личность учителя. Невозможно передать ребенку то, чем педагог сам не владеет. Для помощи ребёнку в его самопознании и самостроительстве ему необходимо общение с педагогом, обладающим большой личностной силой и зрелостью.

В своё время профессор В. В. Кумарин отмечал: «Сторонники «воспитывающего обучения» хорошо понимали, что, пока существует хотя бы призрак теории А. С. Макаренки, их победа не может считаться окончательной». Это показатель педагогического невежества. А ведь А. С. Макаренко энергично настаивал на том, что проблемы воспитания нельзя ограничивать рамками урока, так как воспитательный процесс, по его словам, совершается не только в классе, но и на каждом квадратном метре нашей земли. Отслеживая ситуацию положения дел в московских школах в 30-е годы с воспитанием, он определил своё видение проблемы. 23 марта 1938 г. в «Правде» появилась

статья А. С. Макаренко «Проблемы воспитания в советской школе». В ней он писал: «Как правило, коллектив учащихся школы не должен превышать тысячи. Школы-гиганты следовало бы разукрупнить, чтобы каждая имела своё лицо, чтобы дети были знакомы друг с другом, чтобы учителя узнавали в коридоре тех, кого они воспитывают, чтобы весь школьный коллектив дружески общался на школьных праздниках, на литературно-художественных вечерах, в кружках, чтобы крепла дружба и уважение друг к другу в совместной творческой работе всего коллектива».

Макаренковские материалы содержат в себе немало ценных мыслей и идей конструирования разных вариантов воспитательных систем, учитывающих запросы современной модернизации российского образования. А. С. Макаренко, бесспорно, оставил нам феноменальное наследие в области организации воспитывающей деятельности, и именно это вызывает необходимость продолжать научное осмысление его педагогического наследия. Свои достоинства как педагога он оценивал скромно: «я не педагогический мыслитель», «обыкновенный интеллигент, обыкновенный учитель».

В одной из последних своих статей, написанной во второй половине марта 1939 г., педагог снова возвращается к главному вопросу своей жизни: «Что значит воспитать ребёнка?» Вот как отвечает на этот вопрос Антон Семёнович: «Можно воспитать для счастья, можно воспитать для борьбы. Можно воспитать для индивидуальной борьбы. И можно воспитать для общего счастья и для общей борьбы. Это все очень важные и очень практические вопросы. У нас много старых представлений о ценностях человека, о его достоинстве. Итак, цель воспитания как будто ясна. Каким должен быть советский гражданин? Несколько совершенно ясных признаков: активный, деятельный, осмотнительный, знающий, коллективист. Но не только способность к действию, нужна и большая способность к торможению, тоже отличная от старой способности. Очень важная способность к ориентировке, широкий взгляд и широкое чутьё. Пути воспитания. Конечно, на первом плане общая сумма правильных представлений,

сумма правильных знаний. Знания приходят из учёбы и ещё больше из замечательного советского опыта, из газеты, книги, из каждого нашего дня. Многим кажется, что этого достаточно. Это действительно много. Наша жизнь производит самое могучее впечатление на человека и действительно воспитывает его. Но мы не можем останавливаться на этих достижениях, мы прямо должны сказать, что без специальной заботы о человеке, заботы педагогической, мы многое теряем».

Из наследия советской школы в памяти остались не только подвиги выдающихся педагогов в защите детства, но и долгие годы господства административно-командной системы, приведшей к длительному застою страны. Весь трагизм последствий, сказавшийся на образовании – это функционирование школьных учреждений в режиме единообразия, единомыслия и единоначалия. На школу возложили не свойственную ей функцию быть центром воспитания, заставили принять на себя обязанности руководства жизнью учеников всюду: на уроках, во внеклассных учреждениях, на улице и даже в семье. Финал последствий: сформировавшаяся система тройного отчуждения – школы от общества, ученика от школы, учителя от ученика. Выход из создавшегося положения только один – инновационное совершенствование всей системы образования (проектирование развивающего и развивающегося образования).

Возросло число педагогических инициатив: стали создаваться новые программы обучения, консолидироваться общественные силы, заинтересованные в развитии образования, создаваться новые типы школ с прогрессивными формами обучения самых разных детей... Акцент в школьном образовании был сделан на развитие способностей у детей и универсальные способы деятельности в процессе обучения и воспитания. «Обучение решает задачи формирования общих и специальных способностей, адекватных разным видам деятельности, а воспитание – задачи формирования у индивида социально полезных качеств». (В. И. Слободчиков).

Если мы хотим действительного обновления нашего образования, то следует инициировать режим поиска но-

вых организационных форм воспитывающей деятельности. Искать способы дешёвого качественного образования – идея особого исключения либо рудимент бюрократического мышления. Само понятие «воспитание» в нашем представлении чаще всего ассоциируется с понятием «деятельности» (самостоятельной, целенаправленной, коллективной, активной, организационной, разносторонней и др.). Воспитание как руководство деятельностью определяет цель и содержание деятельности, формы и способы её. Руководя воспитательной деятельностью, направляя её, педагог тем самым создаёт условия для педагогического процесса: успешного взросления детей и подростков; успешного становления и развития личности. «Побудительная регуляция определяет, какое действие совершается... Выработать побудительную силу надлежащих идей – важнейшая цель воспитания». (С. Л. Рубинштейн).

Таким образом, воспитание по своей сути полидеятельностно, мотивом движения к выбору той или иной деятельности служит насущная человеческая потребность, вытекающая из самой неизбежности бытия людей. В нынешней школе качество воспитательной работы не устраивает самих учителей, детей и их родителей. Вот как оценивают сложившуюся ситуацию учителя педагогического лица из г. Азов: «Зачастую воспитательная деятельность педагога является бесцельной для учащихся. Это происходит либо по причине навязанности цели воспитаннику педагогом, либо по причине того, что цель педагога, взрослого сводится к тому, чтобы «занять», «заполнить» досуг, «охватить» какой либо деятельностью. Часто мероприятия проводятся для детей и не становятся событиями их жизни. Их «отбывают», «отсиживают» (или «отстаивают»), а не проживают. Их цель в лучшем случае известна только педагогу. В этом и есть разница между воспитанием событиями (они наполнены смыслом) и воспитанием мероприятиями (их цели не ясны, дети их принимают как знак уважения к взрослым). Событие причастно вечности, мероприятие всегда временно».

Отслеживая реальную ситуацию школьной жизни, приходишь к пониманию: о воспитании часто судят с позиции количественного показателя проведённых мероприятий, за-

данных к исполнению «сверху». Такой подход к воспитанию фиксируется понятием «формальная организованность». Здесь уместны для понимания данной дефиниции вопросы о нравственных взаимоотношениях взрослых и детей: что есть нравственно или безнравственно? кого мы называем личностью? откуда берутся «безличности»? что такое совесть и ответственность? Вопросы, требующие раздумья и осмысления в рамках нравственного регулятора. Именно нравственная ответственность разделяет личность и безличность. Можно выделить четыре вида нравственной ответственности: человека перед другим человеком, человека перед обществом, человека перед самим собой и общества перед человеком. (Ю. Г. Кудрявцев). Здесь и приобретает благородное и возвышенное в человеке – потребность действовать по совести, по справедливости. Человеческое благородство одерживает верх над злом и подлостью. Вот почему проблема нравственной ответственности сегодня значима как никогда в силу своей исключительности в решении проблем по снижению риска в детско-подростковой среде.

И вновь обратимся к классике. «Напрасно мы хотим выдумать воспитание, - писал К. Д. Ушинский, – воспитание существует в русском народе столько же веков, сколько существует сам народ – с ним родилось, с ним выросло, отразило в себе всю его историю, все его лучшие и худшие качества. Это почва, из которой вырастали новые поколения России, сменяя одно другим».

Наш великий педагог глубоко верил, что настанет время, когда «потомки наши будут с удивлением вспоминать, как мы долго пренебрегали делом воспитания и как много страдали от этой небрежности». Воспитание человека-гражданина неотделимо от личного нравственного потенциала человека, от лучших его душевных качеств: честности, порядочности, принципиальности, совестливости, отзывчивости на чужую боль, нетерпимости к злу и неправде. История свидетельствует, что на протяжении многих лет в обществе складывались неписанные кодексы чести, которые определяли уклад жизни человека, оценки, требования к поведению человека. И если кто нарушал их – применялась форма «устыдительного наказания» через

покаяние, раскаяние, обращение к совести, стыду, порядочности, ибо каждая из этих категорий есть соблюдение законов и нравственных норм. Чтобы более успешно решать задачи современного образования, давайте принципиально менять педагогическую практику с опорой на гуманистические идеалы и традиционные ценности.

Научная школа интересов педагогики – *детство*, социальная практика – *детовожделение* и *детоведение*. Отсюда и приоритетные задачи:

- защита детства как системы, гарантирующей соблюдение прав детей;
- развитие личности и индивидуальности в целенаправленных процессах воспитания и обучения;
- обретение растущим человеком своего социального статуса вне всякой неуспешности.

Только при такой позиции и наборе действий педагогика вправе называть себя наукой о воспитании детей.

В постсоветское время в среде учёных и педагогов возникло стойкое негативное отношение к понятию «воспитание», накрепко связанное с идеологией коммунистического прошлого. Поэтому, по их мнению, в деидеологизированном, а именно - демократическом обществе школа должна заниматься только обучением. Этим обусловлено предубеждение: как бы ни призывали школу заняться воспитанием, она этого никогда не сделает лучше семьи. Именно в семье дети усваивают социальный опыт – социализируются. Да и истоки поведения – правильного и неправильного, должно-го и недолжного, нравственного и аморального – находятся, прежде всего, в семье.

Семья – это то место, где должен царить мир, а с ним и благополучие детства. Но сегодня это только проекции и наши надежды. Жизнедеятельность семьи, её стабильность, её социализирующие функции, её воспитательный потенциал максимально зависят от близких ребёнку



С.А. Калабалин: «Наше родительское дело - поддерживать детей в их добрых устремлениях»

взрослых – родителей. Семья – это пространство совместной жизни детей и взрослых, где создаются условия здорового образа жизни, здорового детства, тёплых и дружеских взаимоотношений, радость отцовства и материнства, как раз то, что соотносимо с понятием «человеческое со-бытие».

Семьи, как и люди – разнообразны. Микроклимат семьи складывается из множества факторов, часто негативно влияющих на благополучие среды: семейные девиации; отсутствие материального достатка; искажение жизненных ценностей; распад супружеских связей; несоблюдение обязанностей по отношению к детям или отказ от детей; эмоциональное отчуждение, несущее в себе зло, ненависть, насилие. Неслучайно Э. Фромм высказал такую мысль: «Родители дают жизнь, но они же могут её забрать или сделать невыносимой; родители способны на чудеса любви – и никто не может причинить большего вреда, как они». Семейное благополучие – это не состояние материального достатка, не уровень развитости качества жизни, не показатель возможностей удовлетворения своих основных потребностей – это образ жизни конкретной семьи, где протекает жизнедеятельность ребёнка, чувствующего свою значимость для окружающих.

Проблемы семьи и воспитательный потенциал родителей постоянно находятся в центре внимания педагогической науки. Научные исследования по семейной педагогике и психологии нашли своё отражение в сфере семейного просвещения, гармонизации отношений семьи и школы. К сожалению, жизненные ценности, символизирующие суть семейного благополучия, не претерпели изменений в лучшую сторону. Феномен «семейное образование» не стал гуманитарной парадигмой развёртывания образовательной деятельности в области семейного бытия детей и родителей, построенного на принципах равенства сторон и личной свободы. В современных научных источниках западной педагогики, социологии и психологии, в которых анализируются детско-родительские отношения, отражены проблемы, воплощающиеся в конфликты, скандалы, наказания и даже в избиение детей. В связи с этим в странах Западной Европы приобрели популярность антипедагоги-

ческие теории, где авторы, пользуясь своей доказательной базой исследования, утверждают следующее: любое воспитание – это насилие, негативно сказывающееся на психическом развитии ребёнка, а любая педагогика – это теория и практика такого насилия. Попытку осмыслить механизмы скрытой жестокости в воспитании детей и корни насилия осуществляет немецкий исследователь Алис Миллер в книге «Вначале было воспитание». «Мое глубокое убеждение в том, что любое воспитание приносит вред, основывается на следующем опыте: все педагогические рекомендации более или менее отчетливо свидетельствуют, что за ними скрываются многочисленные, по-разному выраженные потребности воспитателей, удовлетворение которых лишь препятствует свободному развитию детей. Это происходит даже в тех случаях, когда взрослые искренне убеждены в том, что действуют исключительно в интересах детей.

Вот перечень этих неосознанных потребностей:

1. Заставить других страдать за собственные унижения.
2. Получить возможность на кого-то изливать отрицательные эмоции, вытесненные в детстве в подсознание.
3. Иметь под рукой живое существо — объект для манипулирования.
4. Не допустить прорыва *вытесненного в подсознание* в сознание, т.е. не позволить лишиться себя иллюзии относительно собственного, якобы счастливого, детства (это выражается опять-таки в неосознанном желании подтвердить правильность родительских принципов воспитания путем их применения на собственных детях).
5. Уйти от страха неизвестности, которую несет с собой свобода.
6. Убить живое начало в душе ребенка (в своей душе оно уже вытравлено).
7. Отомстить за перенесенную душевную боль.

Поскольку в любой системе воспитания реализуется хотя бы одна из перечисленных потребностей, каждая из этих систем как нельзя лучше подходит для того, чтобы *сделать из воспитанника хорошего воспитателя*. Но никогда ни одна из них не будет способствовать формированию по-настоящему свободного человека. Ведь если

ребенку проповедовать мораль, он приучается проповедовать мораль, если предостерегать его от чего-либо, он тоже будет со временем предостерегать людей от чего-либо, если с ним ругаться, он тоже будет ругаться со всеми, если его высмеивать, он тоже будет высмеивать других, если его унижать, он будет делать то же самое с другими, если убить его душу, он научится убивать душу. Свою, чужую или обе вместе — это зависит только от него.

Все это отнюдь не означает, что ребенок непременно должен быть полностью предоставлен сам себе. Нужно только с уважением относиться к его личности, проявлять терпимость к его чувствам и воспринимать его потребности и обиды как свои собственные. *Искренность родителей, ощущение себя свободными людьми — вот что естественным образом заставляет ребенка сдерживать себя и соблюдать правила приличия.* С помощью педагогических догм такого эффекта не добиться».

Заменить воспитание психотерапией и стать «тем, что я есть», реализуя свой потенциал самостоятельно, не подавляя личной свободы каждого члена семьи, — такова логика сторонников конфронтации двух противоположных идей: воспитания и его альтернативы — психотерапии. Сущность свободного подхода сводится к тому, что все участники семейных отношений имеют полное право вести себя в соответствии со своими взглядами и интересами (независимо от возраста) при условии, что такое поведение не ограничивает свободы остальных участников отношений. Согласно этой точке зрения, каждый человек исполняет своё конечное, всеобщее и индивидуальное предназначение, реализуя себя таким, какой он есть. Предоставляя ребёнку свободу и автономию, мы тем самым даём ему возможность учиться на собственных ошибках, выбирать, предвидя последствия своего выбора в отсутствии внешнего руководства над ним.

Из книги «Вначале было воспитание»:

«Знаете, я вот сейчас спрашиваю себя, а может быть, то, что мы называем педагогикой, есть способ осуществления власти, и может, лучше не ломать голову, выдумывая новые методы воспитания, а больше писать о скрытых

способах осуществления власти?»

«Именно это я и попыталась сделать в своей книге», - ответила я. Трагизм судьбы «воспитанного» человека заключается в следующем: даже в зрелом возрасте он не способен понять, каким образом им манипулировали в детстве и как он теперь манипулирует своим ребенком. Это обстоятельство хорошо используют всевозможные государственные и общественные институты и в особенности тоталитарные режимы».

Несколько иная точка зрения на проблему воспитания в семье присутствует в работе представителя из Финляндии Ю. Хямяляйнен «Воспитание родителей: концепции, направления, и перспективы» (1993). Не совсем обычно автор представляет тему значимости воспитания родителей. Воспитание он предлагает понимать и определять в языке как слово, несущее позитивный смысл, имеющее отношение к развитию человека. Воспитание, основанное на унижении человека, нам не нужно, от такого оттенка следует освободить и само понятие «воспитание». Воспитание – это рост личности человека, и он осуществляется при участии родителей. Автор напоминает нам, что «воспитание родителей» – международный термин, под которым понимается помощь родителям в исполнении ими функций воспитателей собственных детей, родительских функций. Акцент делается на важности процесса: «воспитание родителей не означает унижения или подчинения, а только способствует росту личности». Право родителей на воспитание означает, что они в первую очередь несут ответственность за развитие, здоровье и благополучие своих детей. Воспитание родителей имеет своей целью помочь им реализовать свои права и свои обязанности (статья 26 Декларации ООН по правам человека). Главная задача, считает автор – помочь родителям в выполнении ими функций воспитателя. Эта область воспитания взрослых охватывает и родителей, и детей, и семью в целом. Счастливое детство возможно только в счастливом доме.

Считаю важным представить кратко ещё одну работу, затрагивающую проблему педагогики воспитания: Н. Б. Крылова, Е. А. Александрова «Очерки понимающей педагогики». Это – книга-исследование, и ищущий читатель най-

дёт здесь для себя приближение к творчеству в педагогике. У авторов своя принципиальная позиция: «Для нас термин «понимающая педагогика» стал выражением активных разноплановых поисков лучшими педагогами многих стран в разные исторические времена такого образования, которое всецело соответствовало бы в первую очередь природе и культуре ребёнка, а не социальному заказу государства или ожиданиям и требованиям взрослых». Осуществляется попытка осмыслить две разные, противостоящие друг другу парадигмы воспитания: одна предполагает реализацию ценностей свободы, сознательного выбора ребёнка, уважения его личности, признания его экзистенциального равенства со взрослым и другими людьми (равенство сторон общения и общего дела). Другая признаёт доминантами авторитет взрослого и целенаправленное воздействие на ребёнка в структуре взаимных отношений, где ребёнок выступает в роли «ведомого», а взрослый – как руководитель, ведущий, что допускает принуждение и давление на ребёнка в тех случаях, когда он делает иной выбор, а не тот, который видится взрослому. Здесь только взрослый определяет содержание и формы образования, он лучше знает, что нужно ребёнку, поэтому может и не учитывать его интересы. И, наконец, творческий педагог всегда в поиске, ищет способы разобраться в самом себе, простроить стиль общения с детьми, с коллегами. И здесь мы можем рассчитывать на рекомендации авторов: поддержка ребёнка бессмысленна вне сотрудничества, а сотрудничество взрослого и ребёнка невозможно без свободы, а сама свобода достижима только в рамках поддержки и сотрудничества. И всё это обеспечивается гражданским обществом и государством, которые создают демократические условия образования в школе.

«Воспитание в широком смысле – это многогранный процесс постоянного духовного обогащения и обновления – и тех, кто воспитывает, и тех, кого воспитывают, причём этот процесс характерен глубокой индивидуальностью явлений: та или иная педагогическая истина, верная в одном случае, становится нейтральной во втором, абсурдной – в третьем. Такова природа нашего педагогического дела».

(Из рабочих записей В. А. Сухомлинского).

Новаторство в педагогике - дело сложное и ответственное, но искать новые пути в педагогической практике необходимо. Когда-то в этом деле в авангарде было движение «педагогика сотрудничества», которое во многом преуспело. Педагогика воспитания – универсальная форма интеграции (синтеза) опытных образцов воспитывающей деятельности в интересах детства. Попробуем



*Все лучшее в детях
дается воспитанием*

представить подобное действие: если возьмём сочетание опыта воспитательной педагогики А. С. Макаренко с воспитательным опытом нравственного действия В. А. Сухомлинского, то в качестве результата получим воспитательное искусство современного педагога-творца. Вот к такой педагогике надо стремиться и надо её создавать. Да и выращивать профессионалов надо, их не так много, поэтому особенно велика их ценность. В учителях мы ищем не только специалиста-предметника, но и неповторимую личность – духовно богатую, которая нужна нашим детям.



В.А. Сухомлинский и его ученики

Литература:

1. Газман О.С. Гуманизм и свобода. - Первое сентября, 24.01.1995.
2. Войтенко Т.П. Возвращение к ребёнку (Опыт реализации идеи свободного образования). – Калуга, 1999.
3. Лукьянова В.С., Остапенко А.А. и др. Воспитываем здоровое поколение. Из опыта работы педагогического лица. - Краснодар: Просвещение-Юг, 2005.
4. Кумарин В.В. Педагогика: необходимость перемен. - Коммунист, № 15, 1987.
5. Лордкипанидзе Д.О. Педагогическое учение К.Д. Ушинского. - М., 1954.
6. Хиллиг Г. В поисках истинного Макаренко. Русскоязычные публикации (1976-2014) / Гётц Хиллиг. - Полтава: Издатель Шевченко Р.В., 2014.
7. Крылова Н.Б., Александрова Е.А. Очерки понимающей педагогики. - М.: Народное образование, 2001.

*«Мы должны требовать от человека
идеального поведения».*
А. С. Макаренко.

Преемственность опыта Учителя в педагогической деятельности ученика

Не вышло и из Карабанова агронома. Кончил он агрономический рабфак, но в институт не перешел, а сказал мне решительно:

— Хай ему с тем хлебоборбством! Не могу без пацанов бутыл. Сколько еще хороших хлопцев дурака валяет на свете, ого! Раз вы, Антон Семенович, в этом деле потрудились, так и мне можно.

Так и пошел Семен Карабанов по пути соцвосовского подвига и не изменил ему до сегодняшнего дня, хотя и выпал Семену жребий труднее, чем всякому другому подвижнику.

А. С. Макаренко

В 1925 году С. А. Калабалин закончил рабфак сельскохозяйственного института, но работа в сельском хозяйстве привлекала его меньше, чем деятельность воспитателя. Поэтому он решил не поступать в институт, а возвратиться в колонию. Под руководством А. С. Макаренко в колонии им. М. Горького он начал свою педагогическую деятельность. В 1926 году его призывают в ряды Красной Армии. Служил он на станции Ереськи, под Полтавой, был активным участником всех спортивных соревнований. Его успехи в спорте не раз были отмечены наградами и призами. Участвуя в лыжных соревнованиях, он получил травму и после лечения был демобилизован. Возвратился работать в колонию им. М. Горького, поскольку другой работы, кроме работы с детьми, для себя не мыслил.

В 1928 году С. А. Калабалин дал торжественную клятву А. С. Макаренко посвятить свою жизнь борьбе с детской

беспризорностью и нищетой – **жить для тех, из среды которых вышел сам**, чтобы и они жизнью своею землю украшали. Проработав некоторое время в колонии, он по поручению А. С. Макаренко стал заведовать общежитием на станции Комаровка под Харьковом. В этом общежитии жили подростки — выпускники детских домов и коммун. В Комаровке Семен Афанасьевич работал около года, затем его перевели на работу в Будянскую колонию им. В. Г. Короленко. Там был воспитателем, а потом заведовал учебно-воспитательной частью.

После открытия коммуны им. Ф. Э. Дзержинского Калабалин получил приглашение Макаренко поработать некоторое время в коммуне воспитателем. Подтверждение этому – воспоминания коммунара Л. В. Конисевича:

«Спортивную жизнь в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского возглавлял Семен Калабалин, воспитанник колонии им. М. Горького. Огненный танцор с фигурой Аполлона, безгранично смелый во всех делах, никогда не унывающий, пышущий здоровьем, сильный, с прекрасной строевой выправкой, он, как никто из руководителей коммуны, соответствовал этой роли. К нему тянулись, желая подражать и походить на него. Гимнастика, легкая атлетика, лыжи, бокс, борьба, плавание, морские «бои», походы — все он умел и с успехом передавал нам, младшему поколению. Очень многие благодарны ему за это».

В феврале 1931 года С. А. Калабалин по совету Макаренко переезжает в Ленинград и работает старшим воспитателем колонии в Детском селе, а с марта 1932 года – в Сосновой поляне, в школе-колонии № 66 для



С.А. Калабалин – сотрудник Макаренко в коммуне им. Ф. Дзержинского



Прием нового воспитанника

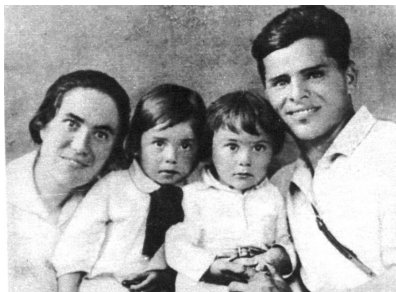
трудновоспитуемых детей.

Вспоминает Тимофей Иванович Агафонов, завуч школы-колонии № 66:

«Колония представляла нечто очень убогое в педагогическом отношении: побег, кражи, азартные игры, приводы в милицию — вот краткая характеристика колонии на осень 1931 г., когда я приступил к работе в ней... Обращаюсь в сектор детских домов Ленгорсовета и прошу дать мне двух-трёх хороших воспитателей. Обращаюсь раз, два... Обращаюсь в пятый раз, но тщетно: нет воспитателей.

Наконец-то мне повезло. Зав. сектором детских домов товарищ Грузовский, указывая с лукавой улыбкой на чёрного атлета, сидящего у дверей кабинета, произнёс шёпотом: «Может быть, вот этот чудак подойдёт вам?» - «А что это за чудак?» - осведомляюсь я. - «Да поговорите... Чудаковатый какой-то...» Я подсаживаюсь к «чудаковатому» человеку и обращаюсь к нему: «Скажите, пожалуйста, Вы, кажется, изъявляете желание работать воспитателем в детском доме?» - «Да». - «Может быть, условия нашей колонии подойдут Вам? Она всего лишь в часе езды от Ленинграда. Расположена в прекрасной усадьбе, она...» Описываю её так, чтобы не оттолкнуть, а расположить кандидата. Но он, прервав меня, заявил: «Это меня не интересует. Как там ребята?» - «Ребята? Ничего. Работать с ними можно», — отвечаю я осторожно. - «Тогда не поеду к вам. Мне нужно такое учреждение, чтобы можно было там поработать, засучив рукава. Трудные условия мне нужны», — отрубил «чудаковатый» педагог. В ответ на это я схватил его за руку и выпалил: «Оно такое и есть!» - «Хорошо. Но ответ дам после того, как посмотрю колонию. Можем проехать прямо сейчас?»

Через два дня Семен Афанасьевич привез семью: жену Галину Константиновну, дочурку Леночку и сыночка Костика, того са-



Семья Калабалиных

мого, которого весной 1934 г. психически больной воспитанник в состоянии припадка убил. Об этом упоминается на последних страницах «Педагогической поэмы».

В первые же дни работы Семёна Афанасьевича жизнь в школе-колонии стала преобразовываться. Групповые воспитатели не знали, куда себя деть, так как их воспитанники покидали их и следовали по пятам за Семёном Афанасьевичем, вокруг которого как-то особо закипела жизнь колонии. Все было ново и интересно для воспитанников. Он ввел отрядную систему, образовал совет командиров, развернул соревнование между отрядами, придумав какой-то очень наглядный и, главное, эмоционально захватывающий ежедневный учет результатов соревнования.

На фоне той устоявшейся педагогики, которой мы, сотрудники, пытались «взять в руки» и сломить злую волю вчерашних беспризорников действовала калабалинская педагогика, которая полностью разрушила стену между ним — воспитателем, и ими — воспитанниками. Его слова и дела они стали воспринимать, как «путёвку в жизнь», постепенно становясь обычными мальчиками, целеустремленными, дисциплинированными. Совершенно прекратились побегі. Больше того, многие «бегуны» стали возвращаться и упрашивать, чтобы их приняли в колонию, так как они «очень хотят жить в ней».

Примерно через год колония превратилась в образцовую. Ленгорово стал направлять в неё делегации по обмену опытом, и педагоги с большим восхищением отзывались обо всем, что видели в ней».

Сохранились дневники Семёна Афанасьевича, которые он вёл во время работы в школе-колонии № 66. Они описали многие факты его работы как педагога, приёмы воспитания коллектива и отдельных воспитанников.

Из дневника С. А. Калабалина:

«В 1931 г. я спросил разрешения у Антона Семёновича на испытание своих сил, опыта, а, главное, действия системы, которую имел возможность изучать, — системы Антона Семеновича, но в других условиях и не под его началом. Окажусь ли я достойным учеником своего учителя? Оправдаю ли его доверие и надежды?»

В Ленгорово я просил предоставить мне место воспитателя в одном из худших по своей организации детских домов. Такое учреждение под титулом «бб-я школа-колония для трудновоспитуемых детей» нашлось. Положение было действительно трудное. В Ленгорово меня предупредили, что это учреждение подлежит расформированию, – так оно неисправимо запущено. Если удастся наладить там работу, то Ленгорово готово еще на год отсрочить ликвидацию школы-колонии. Я обещал уложиться в более короткие сроки.

Это была типичная малина-ночлежка, скопление воришек, которые день проводили в городе, занимаясь воровским промыслом, а к ночи сползались в колонию. Мои попытки собрать ребят для знакомства и беседы были безуспешными. Засады в столовой не приносили пользы, так как ребята просто не являлись туда, не нуждаясь в нашей пище.

Карауля у корпуса, я пытался помешать ребятам выходить в город, но они и мимо меня не проходили, и в корпусе их не оказывалось. Воспитатели сидели по своим квартирам-бастионам и не подавали никаких признаков жизни.

И вот на третий день своего безуспешного блуждания по колонии я натянул волейбольную сетку на столбы, надул мяч и стал играть в надежде, что кто-нибудь из ребят соблазнится и составит мне компанию. Это было около шести часов дня, когда, как правило, ребята начинали сползаться домой. Однако ко мне никто не подошел.

Вдруг где-то совсем близко задребезжал сигнал, как-то тревожно, взхлеб. Окна второго этажа спален распахнулись, и в них показались букеты мальчишеских голов. Все, кто был во дворе, стремглав бросились в дом. Со второго этажа хором закричали: «Бык! Бык! Убегай!»

И я увидел во дворе огромного быка. Он шел, горделиво останавливаясь, загребал передними ногами землю и забрасывал ее на свою могучую спину. Он шел в мою сторону. «Бежать!»

И вдруг я подумал, я побегу от этого зверя и... делать здесь мне больше нечего. Позор, слава труса взметнется мне вслед стоголосым улюлюканьем трусливо торчащих в окнах мальчишек.

А бык подошел к сетке и стал играть рогами. Пока бык развлекался сеткой, намотав ее на рога, я лихорадочно искал выхода. Бык развернулся ко мне задом, а я схватил его за хвост и стал ногами бить по его ногам и сдавленным голосом уговаривать вернуться на хозяйственный двор. Я решил, что только вместе с его хвостом оторвусь от быка. Через некоторое время мне удалось укротить его и погнать в стойло.

А когда я вернулся во двор, то ко мне подошли несколько ребят и, не скрывая своего любопытства и восторга, заговорили:

- Вы в самом деле не испугались нашего быка?

- А здорово вы его!..

- А все-таки испугались, да, испугались?

- Да как вам сказать... Вообще-то струхнул. А потом решил, что если таких телят бояться, то лучше и на свете не жить.

- Ого! Это теленок называется! Ничего себе теленок. Так он же лошадь заporол! Когда он вырывается, так дядя Гриша специальный знак дает, чтобы люди убежали, — затараторил курносый мальчишка,

- Так я же не знал, что его надо обязательно бояться. Если бы знал, то вместе с вами побежал бы на чердак.

Эффект был неожиданный, но нужный.

- Идемте к нам в спальню, - баском проговорил угрюмый мальчик, в котором без труда угадывался «авторитет». Я пошел.

Но что-то похожее на общее собрание состоялось только через несколько дней. А до этого собрания я интриговал ребят, входил в их гуцу, разламывал ледок отчуждения то шуткой-прибауткой, то трудовыми и игровыми вспышками разрушал «авторитет» вожаков, распознавая их, высматривал будущих командиров, влюблял в себя толпу.

А потом уже пошли настоящие собрания, заседания совета командиров, борьба за каждого члена коллектива и воспитание коллектива.

5 мая 1932 г. во двор колонии ворвались пять легковых автомобилей. Это была первая экскурсия иностранцев. Приехали педагоги Англии. Покидая колонию, они остави-

ли следующую запись: «Мы чрезвычайно заинтересовались колонией и остались под большим впечатлением от организации дела воспитания детей, царящей атмосферы дружбы и доверия между заведующим и детьми и отсутствием суровой дисциплины и наказания...»

Что же случилось, что за такое время учреждение, являвшее собою дурную малину, где 150 ребят развлекались игрой в карты, пьянкой, воровством, преобразилось? И не только преобразилось, а было признано образцово-показательным?

А произошло то, что произошло с Иваном Царевичем, когда он испил живой воды. Система организации детского коллектива А. С. Макаренко, возникшая на Украине, оказалась одинаково живительной и в детских учреждениях Ленгорono. Применил я эту систему в 66-й школе-колонии, как говорится, слово в слово. Результаты были воистину изумительными. В 1934 г., в год самого убедительного успеха, в год моего предполагавшегося личного рапорта Антону Семёновичу, собравшемуся навестить мою колонию, мне был нанесён страшный удар. Мой трёхлетний сын стал жертвой садиста-подростка, присланного наказу убийства из приёмника. Сказалось то, что он уже успел совершить не одно подобное преступление.

Какой-то угодник от педагогики тут же, у еще открытой могилы моего первенца, посоветовал бросить это проклятое дело. Ничего, мол, хорошего из этих беспризорников не получится, а вот так, как вашего сына, всех нас поубивают. Им все можно. Я так посмотрел на этого педагогического дьячка, что он не на шутку струсил и, не дожидаясь погребения, скрылся.

Нет, я не бросил поля брани, не отступил, не изменил педагогическому долгу. И не пищал. Антон Семенович писал мне тогда: «Дорогие мои, я не пишу вам слова утешения, я с вами, чувствуйте меня рядом с собой, как чувствую я вас, ваши плечи, ваши сердца. Бывает иногда в жизни такая заваруха, что, кажись, выхода нет, хоть погибай, или отступай. То и ценно в нас, что мы отступать-то и не приучены. Верю тебе, Семен, найди в себе силы перенеси это страшное горе, помоги Гале...»

Со всех концов я получил в эти дни письма от своих воспитанников по колонии имени Горького. Думаю, что этот поток доброй, товарищеской поддержки был результатом подсказки Антона Семеновича...

Однако в 66-й школе-колонии для трудновоспитуемых детей, где произошла трагедия, остаться было невыносимо.

В августе 1934 года С. А. Калабалин перешел на работу в детский дом № 54 Сталинского района города Ленинграда, где проработал завучем до мая 1935 года.

Работа завучем мало привлекала С. А. Калабалина – прирожденного воспитателя, умевшего уже в начале своей педагогической деятельности найти подход к самым трудным подросткам. Его тянуло к большому, настоящему делу.

По ходатайству А. С. Макаренко, тогда помощника начальника отдела воспитательно-трудовых колоний при НКВД УССР, Калабалин назначается начальником учебно-воспитательной части Винницкой колонии.

Об этом он пишет: «Мне было поручено открытие детской колонии для рецидива в Якушенцах. В этот период я часто общался с Антоном Семеновичем и был свидетелем, как он не просто руководил отделом, а создавал методику воспитания во всех ее подробностях...»

Выводя своего друга и ученика в образе Карабанова, А. С. Макаренко оценит работу С. А. Калабалина так:

«Карабанов — начальник колонии. Замечательный человек. Если про себя я говорил, что мастер, а не талант, то Карабанов в первую очередь талант. Расскажу вам такой случай. В 1937 г. я руководил всеми колониями Украины. Вызвал из Ленинграда Карабанова: «Бери новую колонию, будешь работать там». — «Хорошо». Дал я ему старый совхоз (с. Якушенцы). Ничего там не было. Я решил: Карабанов человек сильный. Дал я ему «лучших ребят». Со всей Украины собрал... настоящих «жуков», которые со мной без мата принципиально не разговаривали. Парню 14-15, но у него в кармане отмычка и водка. Месяц я продержал их в приемнике, окружив высоким забором, часовых поставил. Наконец, получаю телеграмму от Карабанова: «Можно привозить».

Ночью они прибыли в Винницу. Карабанов подал к

станции два грузовика. Приехали. Накормили их, уложили спать. Утром проснулись — кругом степь, пусто. И бараки.

...Карабанов ушел на село. Ребята заявили: жить здесь не будем, пошли, братцы, на вокзал... Пошли пешком, целой ватагой. А чекисты за ними на автомобиле поехали, все уговаривать продолжают.

Прибежал Карабанов: «Где хлопцы?» Схватил первого попавшегося коня, без седла, поскакал за ними. Видит — идут хлопцы по дороге. Он спрыгнул с коня. Поскользнулся и упал. Лежит. Те к нему: что такое? Пробуют поднять. Стонет. Потом говорит: «Снесите меня в колонию». Понесли в колонию. Всей гурьбой пошли. Принесли. Осторожно опустили его, а он и говорит; «Ну, спасибо, что донесли, не хотелось мне пешком идти». Ребята буквально обалдели. А он увидел самого курного и говорит: «Почему ты такой красивый?» Ребята еще в больший восторг пришли. Карабанов говорит: «Ну что же, идите в Винницу». — «Ну, пойдем». — «А, может быть, позавтракаете, а потом пойдете? — «Ладно, отчего не позавтракать».

...Через три месяца я приехал к нему туда с ревизией, посмотрел на них. Дисциплина, что надо. Все очень вежливы, приветливые, все читали «Педагогическую поэму».

Я не стал спрашивать Семена, как он это сделал. А у ребят спросил: «Ну-ка, скажите, какое у вас главное достижение?». — «Наше главное достижение — Семен Афанасьевич!» (смех).

Вот это настоящий талант. Не мастер, а именно талант, которому подчиняются самые тяжелые, самые вредные. И из них он делает хороших людей. Мы посылали ему самых трудных, а он делал с ними буквально чудеса...

В эти годы С. А. Калабалин ведёт активную переписку с Антоном Семёновичем. Сохранившиеся письма раскрывают удивительную историю дружбы двух талантливых людей - учителя и ученика:

«Каждое личное письмо Антона Семёновича ко мне, — вспоминает Калабалин, — было полно советов и подсказок по методической организации детского учреждения. В них предусмотрено решительно всё: дозировка света,

воздуха, жилой площади, расстановка кроватей, пошив костюмов, встреча новичка, примерное содержание первой беседы с ним, методика привлечения подростков к общественной деятельности, нормы нагрузок, организация первого урока в школе и т.д.).

В 1938-м С. А. Калабалина арестовывают и обвиняют в антисоветской агитации среди воспитанников. При аресте изымается вся имеющаяся в доме переписка с А. С. Макаренко и с его друзьями по колонии им. М. Горького. Однако незадолго до ареста он шлёт весточку своему учителю. Вот что он в ней пишет:

«20.12.37 г. Дорогой Антон Семенович! Моё моральное состояние нарушено основательно, и я вечно нахожусь в состоянии помилованного. Это не вяжется с моей натурой, тем более, что я в своей работе честен и самоотвержен...»

Содержание этого письма – «загадка, которую ещё следует разгадывать», – утверждает исследователь-макаренковед С. С. Невская. Нет сведений, которые могли бы пролить свет на те события, в связи с которыми Калабалин пишет о своём состоянии «помилованного». Письма, изъятые при аресте, до сих пор не найдены.

Судьба была благосклонна к Семену Афанасьевичу – в тюрьме он провёл только месяц.

Из дневников Г.К. Калабалиной:

«Осень 1937 года была очень тревожной. По всей нашей стране начались аресты. Вдруг было предложено снять со стены в корпусе портрет секретаря ЦК ВЛКСМ Александра Косырева, которого я знала с молодости, как стойкого борца за дело партии, потом портреты наших полководцев: Якира, Тухачевского, Блюхера, Егорова. Затем арестовали Касиора, именем которого была названа наша колония, и следом за ним был арестован Председатель Совнаркома Украины П. П. Постышев. Мы ничего не могли понять, как все они вдруг стали «врагами народа». Начались аресты в аппарате нашего Винницкого управления НКВД. В ноябре 1937 года Семёна вызвали в Управление. Я в тот день была дежурным воспитателем по колонии, Семён обещал, что, освободившись от дел в Управлении, купит билеты в кино, чтобы мы с ре-

бятами после обеда пошли в Винницу на кинофильм, и в 4-е часа вечера он должен был встретить нас.

В 10 часов он уехал, а в 2 часа дня, когда я проводила обед, мне сказали, что какие-то люди вскрыли кабинет и рылись в столе Семёна. Я поняла – случилось страшное: Семёна арестовали и идет обыск. Я собралась с силами и продолжала проводить обед. Обыск провели в доме без меня. Дома была Оля, Шура и дети. Конечно, ничего не нашли, кроме книги с рассказами о Болшевской Коммуне имени Ягоды, который был арестован, как враг народа, а также фотографию брата Семёна – Ефима, кавалера четырёх Георгиевских крестов, в военной форме со всеми орденами. Кроме этого, забрали всю переписку с А. М. Горьким и А. С. Макаренко. Я в это время была в положении – ждала первого сына - Антона. Когда я пришла домой, всё было перевернуто вверх дном. Сделалось до боли обидно, грустно, тоскливо, жутко. Детишки сидели испуганные, расстроенные. Я успокоила их, приласкала. Вместе с Шурой и Олей привела в порядок квартиру и отправилась в город в управление НКВД – узнать, что с Семёном, где он? Мне ответили коротко – «он арестован». Не помню, как я вернулась домой. Всё, что вчера ещё было ясным, понятным, сегодня стало чёрным и страшным. Что ждет его, моего самого родного? Где он сейчас Я глубоко была уверена и хорошо знала, что Семён ни в чём не повинен, но в то же время доказать что-либо было невозможно. Утром мне объявили, что я освобождена от работы, как жена репрессированного.

Начались для меня и всей нашей семьи очень тяжелые времена. Как жить? На какие средства?

Утром пришла дочка Леночка из садика в слезах и сказала, что в детский садик больше не пойдет, потому что все ребята говорят, что её папа «враг народа» и что с ней никто не хочет играть. Знакомые, встречаясь со мной на улице, спешили перейти на другую сторону, чтобы не навлечь на себя подозрения. Работникам колонии и воспитанникам было запрещено общаться со мною. Зарплату мою и Семёна за прошедший месяц не дали, сказали, что дадут только тогда, когда я покину территорию колонии. С каждым днём жить становилось всё труднее. Скудный запас

продовольствия подходил к концу. Несмотря на всё это, во мне жила вера, что правда должна восторжествовать, Семён должен освободиться. Со мною оставалась моя семья, верные друзья – сестра Оля с мужем, бывшие воспитанники, которые работали в городе и помогали нам продуктами, а также нынешние воспитанники моего корпуса, где я работала воспитателем. Хотя им было строго запрещено приходить ко мне, но они вечерами через форточку передавали молоко и печенье для малышей. Попытки устроиться на какую-либо работу были безуспешны: жену репрессированного на работу не брали. Каждый день я ходила в тюрьму, передать что-нибудь Семену из одежды, чтобы получить его роспись в получении передачи и убедиться, что он жив и никуда не отправлен.

Положение становилось всё труднее. И тут я вспомнила, что когда-то работала (в 1929 году) в ВУЦИКе под руководством Г. И. Петровского. Он был очень внимательным и заботливым человеком по отношению к нам – молодым. Я написала ему письмо, рассказала обо всех своих трудностях и попросила помощи в устройстве на работу, чтобы содержать свою семью. И буквально через неделю за мной прислали машину из Винницкого облоно для оформления документов. Я ещё раз убедилась в исключительной порядочности и человеческой чуткости настоящего товарища - Григория Ивановича Петровского. В облоно мне была предложена работа воспитателя в Соколовском детском доме...»

17 марта 1938 года Семен Калабалин напишет первое после ареста письмо своему учителю:

«Дорогой Антон Семенович!

Спасибо за письмо. Оно мне сообщило о том, что Вы физически нездоровы, что меня страшно огорчило, но зато Вы на свободе. В Виннице вдруг пошли слухи, что якобы Вы арестованы! Ужас, что со мною творилось!»

Слухи об аресте Макаренко, сообщенные С. А. Калабалиным, – совершенно неожиданная для макаренковедов информация, так как угроза ареста существовала в 1936-37-м, но дело было закрыто, и Антон Семенович уехал на постоянное место жительства в Россию.

В этом же письме содержится ценнейшая информация о том, что же произошло с Калабалиным:

«На первом допросе мне предложили дать объяснения о моей контрреволюционной деятельности. Так как я понятия не имел, что говорить, я попросил следователя поделиться со мной, чем он располагает. Он заявил, что следствие располагает сведениями о моих антисоветских настроениях и о том, что я вел антисоветскую агитацию среди детей. Я назвал этот бред анекдотом. На втором допросе и на последующих двух вопрос о контрреволюции не всплывал.

20.02.38 г. следователь мне заявил о том, что, вероятно, меня придется освободить, дело прекратить и 2.03.38 г. меня освободили».

В это же время, пишет далее Семён Афанасьевич, в колонии происходили следующие события:

«Хлопцы взвыли, — за что арестовали нашего Семёна Афанасьевича?! Кое-кто из местных работников от себя промямлил (слово написано неразборчиво) «враг», — ему заплевали глаза. Колония в течение трёх дней окружена милицией. Воздвигли карцер. На работу и в школу не пошло 50 % детей. Пошли попойка, игра в карты, грабежи и воровство».

Семен Афанасьевич с болью сообщает Макаренко, что *«все, что было сделано за два года – рухнуло, как рушатся на пожаре горящие стропила».* Что же было после ареста, каким он вернулся, на какие деньги жил, где работал, что стало с Винницкой колонией? И об этом пишет Калабалин, переполненный гневом, не выбирая выражений, ибо его арест имел дорогую цену: развал детской колонии, бездушные и равнодушные к детским судьбам:

«2.03 я свободен. 3.03 встречаю товарища Морозова, начальника областного УНКВД, который, тепло пожав мою руку, заявил, что он был против моего ареста, но, благодаря настойчивым требованиям отдела трудовых колоний, он пошел на арест. 7.03 я уже заведующий Соколовского детского дома, разбитый, уставший и бездежный (после тюрьмы расчет дали полный, удержали за что-то почти всё). Давыдова я уже не застал в колонии

– сняли за развал колонии и из-за ненависти к нему ребят. Управляющий теперь Вронский».

В конце письма Калабалин заключает:

«Коротко почти все. При встрече расскажу с подробностями. И все же я хотел бы работать в России и недалеко от Москвы и Вас. Желаю быстрого выздоровления. Целую всех от всех. Ваш Семен».



Г.К. Калабалин среди детей Соколовского детского дома

Из записных книжек А. С. Макаренко:

«Подвиг. Это очень грустное зрелище. Калабалин делает чудеса. Его ребята по-новому смотрят, – это человеческий коллектив. Но как он невыносимо одинок, этот Семен. Кругом бедность и даже вши, барское попечительство, лень, болтовня и жадная, подлая карьера...»

С. А. Калабалин не оставлял надежды вернуться работать в колонии системы НКВД, работа в Соколовском детском доме тяготит его.

В следующем письме Антону Семеновичу, которое он пишет 20 марта, просит совета:

«Дорогой Антон Семенович!

Как Вы мне посоветуете: обратиться с письмом к товарищу Ежову по вопросу становления моих прав на работу в трудколонию НКВД, конечно, с изложением и всей прекрасной «штуки», разыгранной со мной? Не могу без трудновоспитуемой братии. Арестован я был только для того, чтобы скомпрометировать меня перед детьми, но этого не получилось, а одно лишь успели – развалить колонию... Сидеть в Соколовке – ужасно тяжело. Чувствую себя, как на высылке. Это же работа не по вкусу и выбору. Я оказался перед фактом свершившимся. Когда меня освободили, то Галя со всей свитой была уже в Соколовке. Напишите о себе, как Ваше здоровье и зачем это нужно было ломать рёбра. Будьте здоровы, дорогой отец...»

На приведенные выше письма, по всей вероятности, А. С. Макаренко не сумел ответить, ведь пишет же он Шерш-

неву, что «долго не писал», «был тяжело болен»!

27 марта 1938 года Калабалин в своем письме интересовался здоровьем своего учителя:

«Как Ваше здоровье? Очень прошу Вас и меня держать в курсе лечения. Вам болеть запрещается. Если бы можно было послать свое ребро – они у меня еще крепкие. Читал Вашу замечательную статью в «Правде» («Проблемы воспитания в советской школе» от 23 марта 1938 года). Ну до чего же мудро.

...Школа не является организующим центром, ни началом морали коллектива и индивидуума. Скорее она является собою место безнаказанного разгула.

Сколько бы я мог привести трагических случаев из быта школы.

...Что если бы удалось мне получить одну из школ и в разрезе Вашей статьи дать образец сооружения такой школы, о которой мы все мечтаем?

С этой задачей я бы несомненно справился. Я бы добился цели и дал бы стране настоящую школу и настоящих людей.

Подумайте, Антон Семенович!

Потихоньку работаю. Дело мое забывается. Хотел было написать наркомму, а теперь уже не хочется. Жаль только колонию, детей. Все угробили, и так жестоко.

К Вам обязательно соберусь, хотя бы к началу зимы – пока прихожу в себя и работаю».

Но и на это письмо ответа не было, или – оно не дошло.

20 апреля 1938 года Семен Афанасьевич, заподозрив невероятное, за что позже будет извиняться и корить себя, с болью писал:

«Дорогой Антон Семенович! Итак, Вы не пишете. Объяснения в голову лезут самые жуткие. Думается мне, что Вы решили прекратить всякое общение с человеком, задержанным органами НКВД. Но ведь это только трагическая случайность в жизненной практике чистокровного советского человека, самоотверженного и до конца преданного своей социалистической отчизне. Да в противном случае я бы не жил в пограничном районе, куда без прописки НКВД не ступишь. Все мы, как говорят, ходим под НКВД».

Известно еще одно письмо Калабалина этого периода (от 20 июня):

«Дорогой Антон Семенович!

Хотел было не писать Вам, а дожидаться от Вас ответа. Так нет, не выдержало сыновье сердце. Почти каждую ночь я вижу Вас во сне. То Вы приехали к нам, то у Вас в Москве, то мы с Вами в Полтавской колонии. Вы не пишете, а мне тревожно за Вас. Как Ваше здоровье? Залечили ребро? Почему не пишете? Может, я Вас чем обидел?..»

На это письмо Макаренко ответил, о чём можно судить по содержанию письма Калабалина от 9 августа 1938 года:

«Доехал благополучно и сразу же взялся за устройство Вашего приезда.

1. Комната есть, на полах, три окна, два столика, кресла, кровати. Будет электросвет.

2. Хозяйева: дед, баба и дочь-девятиклассница. Культурное семейство. В этом же доме будете иметь: молоко, сметану, масло, курчат, мед, овощи. Кухарка есть, прачка тоже. Уборка комнаты обеспечена. Яички. Графины для воды есть, самовар есть.

3. Двор. Дом снаружи будет побелен. Открывая калитку, сразу попадаете в джунгли фруктовых и декоративных насаждений и цветов. Короче говоря – все в Вашем вкусе.

Прошу торопиться. Ведь летних дней осталось считанное количество.

...Все на ходу, все закручено. Ждем Вас.

О цене на комнату я не говорю, но она будет (за два месяца) в среднем 30 рублей.

Обнимаю – обнимаем.

Ваш Семен».

Вероятнее всего, Макаренко и Калабалин встречались в Москве, и Антон Семенович пообещал ему ещё раз встретиться.

Но уже 15 августа Макаренко сообщил о неприятной истории, которая произошла с ним:

«Дорогой, милый, родной Семен!.. Я уже собрался на днях уезжать, достал нужное разрешение... но случилась большая неприятность: среди бела дня на одной из глав-

ных улиц, без всякого предупреждения со стороны судьбы, без всякого предчувствия, – я грохнулся в обморок – прямо на трамвайной остановке... Домашние мои, конечно, всполошились, всполошили Союз, и возле меня завертелось целых четыре врача. Это произошло 10 августа.

Разговоры со мной ведутся тяжелые. Запретили писать, читать, играть в шахматы, волноваться. Сейчас пишу тебе украдкой, только потому, что на минуту остался один дома. Признали у меня тяжелое переутомление мозговых сосудов – все на нервной почве, хотя, как ты знаешь, я очень редко нервничал. Хуже всего то, что пугают Галю: такие обмороки, говорят, не должны повториться, – это звучит отвратительно

Я понимаю, голубок, что тебе неприятно и досадно: приготовился к гостю, а гость какие-то дамские обмороки закатывает. Но что я могу поделать? Мое положение еще неприятнее, я хочу, чтобы ты мне посочувствовал.

...Все-таки меня больше всего беспокоит, что я подвел тебя и вместе с тобой, наверное, еще несколько человек. Моральные твои страдания... Что я могу поделать, страдай, по дружбе ты мне это недоразумение простишь, но ведь ты влез в материальные расходы. Если ты хочешь хоть немного меня успокоить и порадовать, сделай дружескую милость: сообщи, сколько ты изстратил денег на разные подготовки. Очень тебя прошу об этом.

Осень для меня вообще погибла, на это приходится махнуть рукой. Но весной, я уверен, даже врачи посоветуют мне поехать к тебе, ведь к тому времени все их процедуры должны вернуть мне нормальное состояние. Сейчас, между прочим, я чувствую себя очень неважно: пусто в голове, досадно и как-то неприятно легко возле сердца, и, кроме того, стал злой, страшно со мной разговаривать.

Прости, дорогой, да, собственно говоря, старость штука непростительная. Поцелуй своих и передай горячий привет и извинения».

Из переписки А.С. Макаренко и С.А. Калабалина:
«Соколовка. 19.08.38.

Дорогой, родной мой Антон Семенович! Мои сыновьи чувства Вам. Крайне возмущен поведением Вашей старости. Вы должны немедленно придать её линчеванию врачей всех мастей и степеней. Пусть они заливают водами, сжигают огнями, убивают током под самым высоким напряжением – пусть вообще они ее укротят...»

«Соколовка. 06.09.38.

Дорогой Антон Семенович. Так долго не писал, потому все ждал сына, чтобы сообщить Вам об этом. В ночь с 5 на 6.09.1938 в 23.45 мин. по местному времени на свет появился Антон Семенович Калабалин (№ 1), с чем Вас и поздравляю...»

«Соколовка. 10.10.38.

Итак, я мечтал иметь собственного Антона Семеновича, и он есть. Да еще какой Антон. В моем сыне Антоне будет сосредоточена вечная любовь к Вам, память.

Я украшу его душу букетом черт Ваших, только Ваших, высоких идеальных человеческих черт. В нем моего должны быть: сила физическая, Галина скромность, Ваши интеллект и гуманность».

«Москва. 06.10.38.

Милые, славные Калабалины! Хочется очень знать, как началось воспитание моего долгожданного тезки, как идет прибавление в весе и какие черты Калабалиных уже можно наблюдать в этом молодом гражданине СССР. Я думаю, что, в общем, ему можно позавидовать. К тому времени, когда он вырастет, в нашей стране будет на каждом квартале университет, а шелковые галстуки будут сваливаться с неба. Рассчитываю также, что и с Гитлером мы к тому времени покончим начисто, привет и поздравление с благополучным открытием жизненного плавания. Всегда страшно жалею, что не удалось погостить у Вас, и мечтаю, что весной или летом это мне обязательно удастся...»

«Соколовка. 20.10.38.

Дорогой Антон Семенович Я люблю Вас. Я Вас чувствую в доме, в своем мышлении. Я к Вам обращаюсь ежедневно за советами. Буду умирать – в объективе моего последнего луча жизни будет Ваше имя и облик вместе с кровными моими – жена, и дети, мать. Я очень люблю дни

полтавских сражений со вшами, тифом, зимой и люблю всех участников этих, давно минувших горячих дней. Обнимаю. Ваш Семён».

Из письма А. С. Макаренко П. П. Архангельскому:
«Москва. 25.10.38.

Дорогой Павлуша! Спасибо тебе за письмо... И ещё большое спасибо за подарок. Это замечательно мило у тебя вышло: прислать мне законы Эндишпиля. Послезавтра я уезжаю в Кисловодск – не гулять, лечиться. Все меня уверяют, что оттуда я возвращусь совершенно здоровым человеком...

Семен часто пишет, хвастается своим сыном, и, мне кажется, в нём никаких изменений не произошло. Это больше всего мне не нравится. При всей своей богатой натуре он всё-таки засох на скучном детдомовском подвиге. Очень явно ощущается в нём, что он не получил высшего образования и сам не растёт... Это было бы не так плохо, если бы у него беднее была натура. В общем, из него вышел довольно сентиментальный человек, он чересчур часто умиляется. А все же он замечательный, благородный и сильный человек...»

«Кисловодск. 2.11.38. Родной Семен!.. Спасибо, дорогой, за память и за любовь, я тебя крепко люблю и горжусь твоей человеческой силой... Напиши, как дела в детском доме. Думаю здесь написать рассказ о Карабанове...»

«Соколовека. 28.12.38.

Дорогой Антон Семенович!

С Новым 1939 г. поздравляю Вас и всех Ваших домочадцев. Желаю здоровья, радости и успехов в Вашей творческой жизни.

Как давно Вы нам не писали. Все ли у Вас благополучно? Ведь теперь не я лишь с Галей ждем Ваших писем. Ведь у Вас есть внук, да еще Антон. А какой хороший пацан!

Как хочется показать его Вам. Смеется, никогда не плачет. Казак! Не будете писать, пожалуйюсь ему.

С 13.12. по 18.12. в Виннице происходило совещание по ОБЛОНО директоров и завпедов 20 д/домов.

Стоял и мой доклад. Одно скажу, что моя унаследованная от Вас творческая педагогика вызвала у докладчиков

тысячи ко мне вопросов и – лучшие с умным потерять, нежели с дураками найти. Но наш детдом занял 1-ое место по области. Меня назначили внештатным... инспектором-консультантом».

Письмо без даты. Начало января 1939 г.

«Дорогой Семен!

С Новым годом тебя поздравил, - получил ли ты мою телеграмму? Я послал телеграмму и Шершневу, но он давно мне не пишет...

Спасибо хоть ты меня не забываешь. Очень рад твоим семейным и производственным успехам, это всегда меня наполняет гордостью.

Недавно в Москву приехала на экскурсию группа работников детских домов и колоний Полтавщины. Многие меня помнят по Полтаве. Говорят, что во всех колониях Полтавской области заведена наша система – командиры и даже сводные отряды. Завели они все это рановато, хорошие вещи у нас принято заводить через пять лет после смерти авторов. Черт с ними, даже для распространения совета командиров я умирать не хочу.

Что значит: «Меня назначили внешкольным инспектором-консультантом?», как темно нынче пишут! Значит ли это, что ты ушел из Соколовки, или не значит? А если не значит, какой из тебя выйдет в черта инспектор?

Я живу скучно. Писать ничего не хочется, меня все равно не читают читатели, Зои (персонаж из «Педагогической поэмы». – В.М.) принципиально не читают и пишут гадости в «Комсомольской правде».

Писать скоро ничего не буду. Пробавляюсь разными пустячками далеко не первого сорта. Надо накопить достаточно энергии, чтобы взяться за моих врагов по-настоящему, никак не сосредоточусь на хорошей теме.

В марте собираюсь поехать в один дом отдыха, здесь есть под Москвой приличный, а на май закачусь в Ялту и, честное слово, буду лежать на травке и плевать на кипарисы.

Пиши, не забывай. Привет Гале, Антону и всем прочим твоим наследникам.

От Гали привет и поцелуй всем соколовцам. Твой А».

«Соколовка. 21.01.39.

...Странно поведение Шершневца. Я неоднократно пытался завязать с ним переписку, но безуспешно. Вот Павлуша – это умница человек. Я его страшно люблю. Из всех горьковцев он один остался верным холостизму.

Неужели в Полтавской обл. есть отряды и другие дорожные нам вещи?

Из Соколовки я не ушел, а инспекторство мое заключается в том, что ОБЛОНО периодически командировает меня в тот или иной д/дом для помощи».

Дарственная надпись автора на титульной странице «Книги для родителей»:

«Дорогим моим Калабалиным, которые уже сами с родительскими усами, не в назидание, а просто на память – в прошлом педагога, а теперь просто от старика, любящего Вас, - А. Макаренко».

25 января 1939 года Семен Афанасьевич в письме к Макаренко сообщал, что направил в отдел трудовых колоний НКВД СССР товарищу Яцкевичу письмо и далее пересказал его приблизительное содержание:

«24.01.39 г. годовщина моего ареста. Пишу о своей безвинности и спрашиваю, есть ли какая-либо возможность восстановиться в правах на работу в НКВД. Трудно Вам представить мое состояние. Мне кажется, что я продолжаю быть подследственным, подозрительным. Я жду повторного ареста, хотя не чувствую за собой никакой вины. Состояние убийственное. Я не нахожу себе минуты душевного равновесия. Роковой вопрос «За что?» сверлит мои мозги. Я буквально недалек от помешательства. И до сих пор, пока я не объяснюсь и не получу авторитетного ответа, вероятно, мне не успокоиться. Плюс к сему я не нахожу полного применения моим силам в нормальном детском доме. Я прошу Вас, коль это хоть в какой-либо мере допустимо, сообщить с товарищем Яцкевичем и сказать ему о моей педагогической и советской чистокровности и преданности. Галя почему-то не советует писать. Но я дальше не могу».

Ответ на это письмо пришел 2 февраля. Антон Семенович спешил успокоить своего любимца:

«В голову мне не приходило, что ты можешь так волноваться по поводу прошлогодних обстоятельств твоей биографии, я на твоем месте не волновался бы и забыл все, но совершенно понимаю, что в детском доме тебе скучно и неинтересно. Поэтому буду все-таки рад, если из нашей переписки с Яцкевичем что-нибудь выйдет. Сегодня я отправил ему длинное письмо, в котором рассказываю, какой ты педагог. Предупреждаю, что ты человек горячий и лодырей и шкурников не любишь, пишу также и о том, что ты – сторонник моей системы. Приложил, конечно, и твое письмо.... Вчера я получил орден, поэтому, может быть, особенного страха или отвращения к нашей системе у Яцкевича не обнаружится. Почти уверен, что он что-нибудь сделает, разговаривать с ним лично, думаю, было бы хуже, я произвожу на некоторых людей отталкивающее впечатление... Но если даже получится осечка, падать духом не нужно, будем думать что-либо другое...»

Семена Афанасьевича это письмо порадовало, он счастлив, взволнован награждением А. С. Макаренко орденом Трудового Красного Знамени. В письме от 9 февраля 1939 г. Калабакин признался:

«От Ваших писем мне легче и бодрее переживается».

А в письме от 27 февраля сообщал:

«Яцкевич молчит, а мне не сидится. Как-то все сразу: и грустно, и страшно, и грустно... Облоно влюблено в меня, но мне от этого не легче. Когда лают собаки и проходят мимо окон люди, я переживаю страх. Отчего это? Ведь я видел страхи и научился переживать их. Что ж это такое? Я очень честно трудился и тружусь».

Последнее письмо А. С. Макаренко было написано 28 марта 1939 г.

«Я в последнее время по обыкновению заматался и долго тебе не отвечал. Спасибо, что не обращаешь внимания на мое свинство и пишешь. В общем, твои дела как будто идут полным ходом. Яцкевич мне не ответил, и это, конечно, квалифицированное хамство, ничего не поделаешь, и напоминать ему не хочу, тем более что по всему видно, мы с тобой ему не ко двору, у него, веро-

ятно, какие-нибудь другие есть «соображения». То, что он молчит, между прочим, меня даже утешает. Это значит, что все равно ты с ним не сработался бы. Стоит ли в таком случае лезть на разные рожны? Вообще думаю, что тебе не нужно нервничать, по опыту знаю, что лучше бывает там, где трудно, и лучше оканчивается там, где работается...»

«Соколовка. 1 апреля.

Дорогой Антон Семенович! Мне только иногда хочется быть в выгодном положении перед другими – я Ваш сын. Ревную иногда Вас и все.

В моем подшефном Немировском детдоме дела идут хорошо. Работу свою я понемногу записываю. Веду наблюдения за личностями детей, коллективом, за удачными воспитателями, о системе организации детских коллективов, перспективах, традициях. Веду переписку с воспитанниками бывшими и т.д. Готовлю статьи в прессу. В следующем письме вышлю Вам «комплимент» по Вашему адресу одного мудреца от педагогического журнала «Комуністична освіта».

Следующего письма не было. 1 апреля 1939 года А. С. Макаренко не стало. 4 апреля 1939 года Антона Семеновича хоронили.

Семен Калабалин примчался проводить в последний путь своего учителя, отца, друга. Поезд опаздывал. Калабалин догнал траурную процессию уже на кладбище.

В мае 1939 года в связи с необходимостью постоянной деятельности в комиссии по изучению педагогического наследия А. С. Макаренко Калабалин переехал под Москву и принял детский дом № 3 Мосгороно на станции Барыбино. С момента переезда под Москву начинается новый этап жизни С. А. Калабалина – период самостоятельных поисков. Здесь развивалось и совершенствовалось его педагогическое мастерство.

С. А. Калабалин – Г. К. Калабалиной.

«Москва. 10.05.39.

Дорогая Галочка и детки!

Сегодня я был принят начальником группы детских домов МОСГОРОНО с исключительной теплотой. Мне было

предложено принять детский дом в Барыбино на 500 человек. Дом этот стоит у них, что называется, поперёк горла своей запущенностью. Я дал согласие и завтра с инспектором еду туда на смотрины. Своё впечатление и решение сообщу завтра специальным письмом.

Я уже заполнил анкету, написал биографию и был представлен перед лицом зам. зав. МОСГОРОНО, который любезно принял меня и добивался от меня объяснения, что я буду делать в Барыбино во имя наведения порядка и сохранения двух миллионов бюджета.

Я, как мог, так и растолковал ему.

Затем меня пригласил Наркомпрос - там предложили организовать новый детский дом для испанских детей. От этого я отказался, так как считаю, что с нашенскими мне работать будет легче.

Сегодня был в больнице у Галины Стахиевны Макаренко. Здоровье её неважно, но значительно лучше прежнего. Тебе и деткам она кланяется и целует.

Сейчас буду писать письмо Терскому, Татаринову и некоторым коммунарам, Соколову и Смене, с предложением сотрудничать со мною. Тебе работа в колонии будет, но с условием, что ты сначала отдохнёшь, а потом уж и за работу. Лучшие Леночку приготовишь для русской школы. Между прочим, школа в Барыбино внутри детдома...

Как дела в колонии? Всё ли благополучно? Пиши на адрес Макаренко. Как твоё здоровье и деток? Мои вы славные! Успел кое-что сделать по делам А. С. Макаренко. Только что говорил по телефону с Колбановским (психолог). Хороший, милый человек. Завтра вечером приглашён к писателю и редактору Лукину. Если успею вернуться из Барыбино – пойду на встречу с ним.

К первому июня я жду вас к себе. Ни за что не оставайся дольше. Я без вас тут не смогу жить. Понятно?

Передавай привет всем детям и работникам.

Обнимаю и целую.

Ваш Семён.

Из воспоминаний воспитанника Барыбинского дома № 3 Мосгороно К. Петухова:

«Его появление в Барыбино было совершенно неожидан-

ным и новым, по сравнению с его предшественниками. Если те в первую очередь принимали друг от друга хозяйство, то Калабалин с этим делом не торопился. Прежде всего он стал знакомиться с детьми и принял их под свою ответственность не по спискам, как это делали другие директора, а лицом к лицу с каждым. А их было в детском доме около пятисот.

Всех нас очень удивило познание и молниеносное разоблачение всех наших мальчишеских «секретов». Он заглядывал в топку печек, приподнимал матрасы, раскрывал тумбочки, и вскоре на полу образовалась большая куча, состоящая из самопалов, рогаток, острог, сухарей, са-модельных игральных карт. К нашему удивлению, мы не услышали от него привычной ругани и упреков. Калабалин укоризненно покачал головой и с украинским акцентом горестно сказал: «Не добре у вас, хлопцы...» Он указал на кучу и с уверенностью приказал: «Сегодня же уничтожить. Исполните? Можно не проверять?... Ну, добре!» Когда за ним закрылась дверь, разгорелась словесная битва, чуть не дошедшая до настоящего боя. Но первый приказ нового директора был с честью выполнен, а сухари съедены в честь примирения.

Через несколько дней на лесистом пригорке у спуска к реке было организовано собрание-встреча, на котором присутствовали не только воспитанники и педагоги, но и все сотрудники детского дома. Семен Афанасьевич рассказал нам об Антоне Семеновиче Макаренко, о себе и познакомил всех с Галиной Константиновной - женой, педагогом и другом по работе.

Он говорил о нашей настоящей жизни с каким-то особым обаятельным юмором, вызывая аплодисменты и смех даже у скептиков. Но когда Семен Афанасьевич сказал, что на пустыре будут цвести красивые цветы, вырастут аллеи деревьев, большой фруктовый сад — заходи, рви, ешь, сколько твоей душе угодно, — это показалась фантастикой. И в то же время нельзя было не поверить этому доброму, шутливому, с искрящимися глазами человеку.

И он развеял сомнения: «Все, о чем я вам говорил, — это не сказки — пояснил Калабалин, — нам придется рабо-

тать, много работать, самим для себя, и я выдвигаю лозунг: «Не пиццать!» Кто за этот лозунг?»

Все подняли руки. Одни с радостью, другие с неохотой. Вскоре жизнь в детском доме стала совершенно иной — радостной, бодрой, трудовой — по-макаренковски».

Из записок С. А. Калабалина:

«Детский дом расположен в замечательных природных условиях. С запада, с севера и с востока покой детдома оберегают стройные сосны, ели и нарядные березы с тонкими побегами ветвей, как с распущенными косами. У подошвы пригорка, на котором разместились постройки детского мира, нежится река Северка. К югу, прямо к солнцу, из леса с зелеными шапками крыш, как будто приготовился к маршу строй красивых зданий детского дома. В семь часов особенно звонко рвутся в утреннюю синь зовущие звуки сигнала на подъем. «Ночь прошла, вставать пора. Убирайся, ободряйся, будь готов к труду». Четыреста упругих мальчиков и девочек, улыбаясь весеннему солнцу, расчерчивают двор геометрическими линиями трудового радостного движения.

Сигнал на утренний обход. Дежурные по детскому дому в составе воспитателя товарища Д. И. Бородкиной, юркого, приземистого, улыбающегося командира 8 отряда Ротта и дежурного члена санитарной комиссии обходят спальни.

Отряд выстроен. Командир отряда № 1 Аносов встречает дежурного командира: «Товарищ дежурный командир, в первом отряде ночь прошла благополучно. Отряд готов к утреннему обходу». Дежурный Ротт отдает салют. Ему отвечают двадцать крепких голосов.

Ни пылинки, ни моришки — дежурство не может упрекнуть детей в недобросовестной уборке.

Ротт подает команду: «Первый отряд может быть свободным».

Отряд отвечает: «Есть». И так все 22 отряда.

Сытный завтрак окончен, и сигналист играет сигналы на работу: «За лопату, за топор, во дворе гудит мотор, день учебы и труда — н-а-ч-и-н-а-л-с-я».

Первая смена в школе — дисциплина отличная. Рабо-

тают упорно. Ведь каждый класс — это боевая единица, которая на доске межотрядного соревнования ведет упорные бои с противником: ленью, плохой учебой, грубостью и т.д.

Остальная часть ребят работает в мастерских, готовит уроки, убирает территорию двора.

Черноволосый Горшков, исполняющий обязанности завхоза, юлою мечется по детскому дому. Его разыскивают: тому нужна лопата, другому — лошадь, а он скрылся. По его адресу мечут упреки, «бюрократам» называют. А Горшков на конюшне конюха «пилит» за плохой уход за конем. Федоров Витя «ворочает» делами кирпичного завода. Шакальский и Сергеев Коля руководят посевной. Каждый занят своим делом, порученным ему коллективом во имя счастья коллектива.

А с 7 часов вечера работают кружки. Духовой (30 человек) готовит марши, кружок народных инструментов (30 человек) ведет свои занятия. Хоровой, драматический, джаз... Остальные пишут газеты, читают книги, рисуют, пляшут...

В совете командиров разбираются вопросы жизни детдома: сколько тысяч сделано кирпича, почему плохо работает транспорт.

Совет командиров постановляет: принять участие в распространении билетов 14 лотереи Осоавиахима. Коллектив работников подписал на 1000 рублей, ребята — на 400.

21 час 30 минут. Сигнал: «Сдать рапорта». Весь детдом в сборе.

Командиры 22 отрядов докладывают о прожитом трудовом дне.

Всего нарушений по детдому — 12: получили плохие оценки по учебе. Решили всем сбором не иметь плохих оценок. Это — позор!

День закончен. Сигнал — спать. После труда мир счастливого детства спит спокойно. Лес шумит. Северка тихо «говорит».

Судьба Марии Александровны Бесчастновой – прекрасная иллюстрация к словам С. А. Калабалына: «Макаренко сделал из меня человека, а я из вас хочу сделать хороших людей».

В голодные тридцатые годы шестилетняя Маша осталась сиротой и оказалась в приюте где-то под Харьковом. Группу детей, особенно истощенных и больных, привезли с Украины в Москву и определили в Ростокинский детский приемник. Маша чудом выжила. Когда пришло время учиться, ее отправили в Барыбинскую детскую колонию, здесь она пошла в первый класс. Никто не объяснил тихой девочке, что она, просто потерявшая родителей, будет подчиняться законам, применяемым к малолетним правонарушителям. За высоким забором в Барыбине находился целый городок, где под охраной НКВД за колючей проволокой существовали шестьсот детей и подростков. Каждый день через забор кто-то убегал, каждый день кого-то сажали в карцер за побег. Местное население боялось ездить на подводах мимо колонии, беглецы жестоко грабили крестьян, забирая даже одежду и обувь. Взрослые ребята дрались, проигрывали в карты подушки, одеяла, ботинки малышей. Отнимали скудные пайки: два прозрачных куса белого хлеба, крохотный кусочек масла и сахар. Девочки-подростки спали с воспитателями. Им завидовали другие – у них были теплые пальто и обувь.

По ноябрьской снежной жиже Маша бегала и в школу, и в столовую босиком. Летние сандалии порвались, а зимние ботинки выдать не торопились. Над колонией, очевидно, шефствовал Военно-морской флот – привозили дырявые тельняшки, брюки клеш и бушлаты, в которых даже палубу мыть стыдно. Но блатные находили в этом особый шик. Начальство не приезжало месяцами. В корпусах печи топились плохо, о дровах нужно было заботиться самим. Спальню согревали своим дыханием двадцать одиннадцатилетних девчушек.

Приютские дети обижались только на судьбу, ведь сравнить свою жизнь с нормальной они не могли.

Новый директор колонии Семен Афанасьевич Ка-

лабалин несколько дней ходил по барыбинской территории инкогнито, присматривался. Блатную жизнь он знал не понаслышке: Макаренко когда-то взял его к себе из тюрьмы. Воспитанники решили, что приехал «новый



*М.А. Бесчастнова
- заместитель по
учебно-воспита-
тельной работе,
мудрый советчик,
инициатор и органи-
затор добрых дел в
Педагогическом музее
А.С. Макаренко*

мент», и не придали этому никакого значения: охрана и начальство часто менялись. А Калабалин на четвертый день собрал всех в грязном клубе, не здороваясь, со сцены назвал всех паразитами, которые даром кормят вшей, и под общий свист и улюлюканье предложил начать новую жизнь: самоуправление, труд, дисциплина.

Через несколько дней заборы в колонии сломали, был избран совет командиров, воспитанники занялись сельским хозяйством. За грамотность и красивый почерк Машу выбрали секретарем совета. Дрожащим голосом она прочитала на первой линейке приказ о сборе щавеля. Увидела недоумение и издевку на лицах колонистов. Потом-то она вместе с председателем совета командиров Валентином Удальцовым, ставшим впоследствии генералом, главным штурманом ВВС, уверенно подписывала и договоры с соседним колхозом, и другие важные

документы.

Семен Афанасьевич научил своих питомцев прежде всего уважать в себе личность. Колония была преобразована в детский дом № 3. Самых отъявленных великовозрастных бандитов куда-то перевели. Остались обездоленные, с искалеченными судьбами дети. О работе ученика Макаренко знали многие, скоро в детском доме стали появляться оступившиеся, сбившиеся с пути дети известных родителей.

В эти годы Маша впервые поняла, какое счастье, когда о тебе заботятся. Калабалин знал каждого, вникал во все: заглядывал в классы и мастерские, ел с воспитанниками

из общего котла, удивлял своими знаниями в сельском хозяйстве, мастерил, показывал, как печь хлеб и сажать цветы. А если случалось, что директор забывал имя воспитанника, то обращался: «Сынок! Дочка!» – и это было очень близко к истине.

У ребят появилась возможность в свободное время заниматься любимым делом. Маша шила не только постельное белье в мастерских, но и юбки себе и подругам, увлеченно читала стихи Лермонтова в кружке художественного слова, рукодельничала.

Воспитанники детского дома ставили «Без вины виноватые» А. Н. Островского, пели в хоре, играли на музыкальных инструментах в оркестре, изучали авиацию, занимались художественной гимнастикой и волейболом, а летом отдыхали в Крыму.

Калабалин добился, что в детском доме открыли восьмой, девятый и десятый классы. Маша проучилась в восьмом две четверти, когда Калабалина назначили директором одного из московских детских домов с усиленным режимом. Это было тяжелое расставание. Многие родители решили забрать своих трудных подростков, не надеясь на нового начальника. Маша тогда дружила с Татьяной Волковой, дочерью директора крупной московской фабрики, попавшей в Барыбино за воровство. Когда она только появилась в детском доме, Семен Афанасьевич попросил Машу помочь Татьяне освоиться. Дружба так связала девушек, что Татьяна отказалась уходить домой без Маши. Семья Волковых удочерила ее. Вместе подруги, ставшие сестрами, каждое утро ездили в школу через всю Москву – со Смоленского бульвара в Сокольники, чтобы видеться с Семеном Афанасьевичем.

Работа в Барыбинском детском доме была налажена, и С. А. Калабалину предложили работать в детском доме № 60, в Сокольниках. Сюда направлялись мальчики, исключенные из московских школ. В этом детском доме Семен Афанасьевич проработал до начала Великой Отечественной войны.

К Калабалиным в Сокольники, в школу-колонию № 60, съезжаются со всех концов страны бывшие горьковцы.

Из записок С.А. Калабалина:

«В первый день войны уехали от меня гостившие в моей семье Задоров (П. П. Архангельский), Голос (И. Г. Колос)... На второй день войны я подал заявление в Сокольнический райком ВКП(б) о зачислении меня в ряды Красной Армии.

Литература:

1. Вигдорова Ф.А. Дорога в жизнь. Это мой дом. Черниговка. Повести. - М.: Сов писатель, 1972.
2. Лукин Ю.Б. Два портрета. - М., Московский рабочий, 1975.
3. Калабалин С.А. Бродячее детство. - М., 1968.
4. Разговор от первого лица (из опыта работы С.А. Калабалина - воспитанника, соратника и последователя А.С. Макаренко). Сост. Владимир Морозов. МОИУУ. - М., 1990.
5. Слово об учителе и о себе. К столетию со дня рождения А.С. Макаренко. Сост. В.В. Морозов. Московский областной политехникум. - Электросталь, 1989.
6. Морозов В.В. Воспитательная педагогика Антона Макаренко. Опыт преемственности // Документальное педагогическое исследование. - М., Егорьевск, ЕФ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2007.
7. Хандрос Б.Н. Формула таланта, или Повесть о сыне и отце. - Киев, Весёлка, 1991.

*“Я в тысячу раз был большим инженером душ,
когда из слякоти делал людей”.*

А. С. Макаренко.

Воспитательная педагогика

А. С. Макаренко: новая мотивация

«Педагогика А.С. Макаренко — это гуманитарная технология, технология построения условий выращивания, становления и развития собственно человеческого в человеке». (В. И. Слободчиков). Поэтому и важно сегодня глубокое смысловое понимание всего наследия, созданного им и оставленного нам, восстановление прерванной связи времён. Надо разобраться во всём: в просчётах, ошибках, которые, возможно, и были в условиях его времени, проанализировать их, понять его душевные испытания, переживания, страдания прежде, чем судить. И при этом выявить каждый факт его биографии «без купюр» и увидеть то естественное, составляющее суть самого человека, личности в потенциале; вновь и вновь задуматься о его профессиональном мастерстве в работе с детьми и взрослыми, о его высокой нравственно-психологической, философской, педагогической культуре. Всё это, несомненно, поможет возвращению А. С. Макаренко к нам, в нашу педагогическую действительность.

Подмосковный Егорьевск — уникальное место возрождения прогрессивных педагогических традиций, заложенных когда-то здесь С. А. Калабалиным и Г. К. Калабалиной — учениками и последователями А. С. Макаренко, его идей, традиционных ценностей и приоритетов. Именно они привнесли на егорьевскую землю идеи макаренковской педагогики, создав своеобразную Мекку



Егорьевск

для паломничества равнодушных и любознательных людей (макаренколюбов и макаренковедов), советских и зарубежных, в далёкой от большой цивилизации глубинке под названием Клемёново. Педагоги Калабалины не только сохранили самобытность учительских традиций, но и обеспечили развитие новых, ими созданных. Жизненные ценности, нравственные нормы, правила жизни усваиваются, если достойно организовано воспитание. Выстраивая детдомовское со-бытие в Клемёнове, Калабалины на основе опыта доказали: становление человеческого в человеке происходит в условиях содержательно продуманной, максимально педагогизированной и духовно насыщенной среде совместной жизни детей и взрослых. Уважительные отношения между педагогами и детьми, доброта, любовь, человечность создают атмосферу, где растущий человек чувствует себя защищённым, нужным, значимым. Это достигается за счёт профессионализма и человеческих качеств учителей.

У талантливых педагогов есть чему поучиться. Давно назрела необходимость в поиске современного содержательного аспекта педагогики воспитания. Наследие А. С. Макаренко заняло высокое положение в науке о воспитании благодаря тому, что вопросы педагогической практики и методики воспитания рассматривались им в органической связи с методологическими и теоретическими проблемами педагогики. Этот важный факт породил и необычайную трудность в освоении его наследия. По мнению культурологов, А. С. Макаренко - «феноменальный креатив». По числу переводов педагогико-художественных произведений на языки ведущих стран Антон Семёнович занимает одно из достойных мест. В нашей стране деятельность заслуженного соотечественника оценивается более чем скромно, и это притом, что его педагогика, по мнению современников - оптимистична, целеустремлённа, технологична.

Из письма А. С. Макаренко воспитаннику-коммунару Фёдору Борисову: «Я уверен, что люди... научатся жить лучше и дольше, но всё равно они будут жить приблизительно так, как и я, с той же полнотой радости и горя, то есть полнотой ощущений... Самое главное - надо уметь ви-

деть прелесть сегодняшнего и завтрашнего дня... У человека должна быть единственная специальность - он должен быть большим человеком, человеком настоящим». Подлинник данного письма находится в архиве семьи Калабалиных. Пожалуй, строчки, обращённые к ученику, воспринимаются его духовным завещанием каждому из нас.

Осуществление принципа единства природы, человека и общества и есть тот путь развития ребёнка, проверенный временем и подтверждённый практическим опытом правильной организации воспитания и образования в целом. Основной приоритет деятельности современной школы - обучение. В нашем образовании сегодня преобладают идея равнодоступности образовательных возможностей. Успешность подготовки и проведения ЕГЭ есть результат успеха, который стимулирует получение материальных дивидендов и всевозможных дополнительных благ. А что с воспитанием? И в качестве оправдания слышится: это удел семьи, а для школы обучение и есть воспитание, очевидная цель которого - самоорганизующийся процесс, где растущий человек исполняет своё конечное, всеобщее и индивидуальное предназначение, реализуя себя таким, какой он есть: свой ум, индивидуальные дарования, способности и устремления. Следовательно, при такой системе самореализации, без должной педагогической заботы со стороны взрослых, дети часто остаются предоставленными самим себе или наедине с собой. Представленный аспект проблемы - нравственный. Он связан с отношением учителя к себе как личности с её индивидуальными способностями, качествами; с пониманием значимости своей педагогической миссии по отношению к детям, с приобретением и утверждением своих профессиональных качеств и компетенций учителя. При решении образовательных задач на своих уроках учитель способен на многое: вызвать интерес к получению знаний; пробудить высокие духовные стремления; дать примеры нравственного образа жизни, примеры доброты, милосердия, человеческого достоинства, патриотизма и гражданственности; научить правильно понимать смысл своей жизни для преодоления возникающих трудностей. Подоб-

ная форма «воспитывающего обучения» вполне приемлема и самодостаточна по своей сути.

Растущий человек не есть пассивный объект педагогических мероприятий, он, как говорил А. С. Макаренко, - «субъект воспитания», а значит, активный участник преобразований в школе и успешный стратег собственного личностного развития.

Если мы действительно хотим обновления нашего образования, следует инициировать поиск новых организационных форм воспитывающей деятельности. Само понятие «воспитание» в нашем представлении чаще всего ассоциируется с понятием «деятельность»: самостоятельная, целенаправленная, коллективная, активная, организационная, учебная и пр. Деятельность человека связана с предметом познания и преобразования действительности, ибо включает в себя и человеческое поведение, которое складывается в соответствии с социальными нормами, правилами, действующими в обществе. Один из самых распространённых приёмов, который использовал Макаренко в работе с подростками, назывался «воспитание ответственностью». Без ответственности, отмечал педагог, не может быть настоящей деятельности. По его установкам, ответственность требовалась и на производстве, и в классе, и в школе, и в сводной бригаде. «Если такого единства ответственности нет, если нет полной гармонии ответственных лиц, то может получиться игра, а не серьёзное дело». Митинговая стихия с красивыми словечками, с броскими призывами и лозунгами, как воспитательное средство воздействия на растущее поколение и молодёжь - дело неоправданное, бесполезное, вредное. Это и есть свидетельство отсутствия профессионализма, да и где его получить, если у нас воспитание не является профессиональной деятельностью.

Давно в макаренковском сообществе появилась необходимость создать именно здесь, в Егорьевске, «Ресурсный центр воспитательной педагогики А. С. Макаренко» и тем самым увековечить его имя. Этим действием мы отдадим дань памяти нашим заслуженным учителям - землякам, педагогам-профессионалам Семёну Афанасьевичу и Галине Константиновне Калабалиным. Существование

такого центра необходимо для дальнейшей разработки теоретического и практического наследия А. С. Макаренко и его учеников и последователей. Почётной миссией центра следует считать приобщение широких кругов населения к новому пониманию образовательного опыта, к использованию огромного педагогического ресурса практики воспитания человечности, необходимого для того, чтобы стать гармоническим человеком, человеком нормы.

Целевая установка:

непрерывное педагогическое самообразование педагога как профессионала, владеющего опытом работы с детьми в различных жизненных условиях и ситуациях.

Базовые направления деятельности:

1. *Теоретико-педагогическое* - разработка основ наследия Макаренко, обобщение опыта продолжателей и носителей его педагогических традиций, приоритетов как воспитательной концепции.

2. *Образовательное* - удовлетворение запросов на воспитание, реабилитацию и социализацию детей и подростков средствами дополнительного педагогического образования.

3. *Просветительское* - утверждение в воспитательной стратегии общечеловеческих ценностей, таких, как гуманизм, гражданственность, трудолюбие, интернационализм.

4. *Социально-организационное* - формирование социально-нравственных ориентиров в работе с молодёжью, навыков социального поведения.

5. *Культурологическое* - культивирование детско-взрослых со-бытийных общностей.

Задачи практического действия:

1. Разработка системы программных мероприятий, увязанных между собой по срокам, ресурсам и планируемым результатам.

2. Конструирование модели «Егорьевск - город и район - единое воспитательное пространство возможностей для детей и молодёжи».

3. Создание учебных программ по освоению антропотехнических знаний и методов полипрофессиональной педагогической деятельности.

4. Разработка концепции заочной школы повышения квалификации воспитателя-профессионала (антропотехника).

5. Реализация проекта «краудсорсинг» в целях создания интеллектуального ресурса способностей тех, кому эта работа интересна, кто хочет в ней проявить себя.

Концепты развития:

*Макаренко-знание - в поисках новой практики образования:

а) раскрытие образовательного смысла и перспектив социально-педагогического проекта А. С. Макаренко;

б) раскрытие антропологического смысла и общего строя гуманитарной технологии в педагогике А. С. Макаренко.

*Макаренковедение - сбор и хранение достоверных знаний о жизни, деятельности и творческом наследии педагога-мастера.

*Проектно-исследовательская деятельность школьников, студентов, молодых педагогов, аспирантов в социально-педагогической сфере.

*Профессиональный педагог - это антропотехник, который умеет практически работать с процессами образования и развития способностей (счастье и профессия).

*Педагогизация пространства как необходимое условие развивающихся инновационных систем воспитания.

Наследие талантивого педагога и социального реформатора Антона Семёновича Макаренко давно и заслуженно стало классикой мировой педагогики. Может, и нам стоит подтвердить факт величия нашего соотечественника «делом государственной важности»?

Часто педагоги говорят о трудных подростках: «неподдающийся», «неисправимый», «невоспитуемый», «трудновоспитуемый»... Весь этот набор эпитетов и есть показатель педагогического бессилия, признак профессиональной неспособности. Феномен поведенческих отклонений сложен и противоречив, потому-то любое педагогическое действие необходимо подвергать анализу, осмыслению. Нельзя унижать человеческое достоинство и провоцировать подростков на протестные формы, которые вызывают

враждебные чувства и ведут к конфликту. Несправедливо говорить о детях так, словно они нуждаются в нашем снисхождении. Из всех задач в области воспитания задача понимать детей, их запросы, интересы, проблемы, желания - остаётся самой важной в педагогике. Можно сердиться на них, строго спрашивать за проступки, строго наказывать за плохое и дерзкое. Нельзя допускать одного - быть равнодушными к ним. Ничто так не губит, не развращает их, как равнодушие, хотя бы тщательно спрятанное. Они нас порой сильно раздражают, ставят в тупик. Но если помнить, знать, какой это важный период в жизни растущего человека!.. Это время, когда активно формируется своя система ценностей (культура в собственных границах); возникает желание быть взрослым («я уже взрослый, а потому взрослым не доверяю»); стремление достигать цели (принадлежать сообществу себе подобных на условиях полноправного его участника и жить по её законам); появляется потребность в унификации личностного (признание права собственности на свой внешний вид, на самовыражение при помощи своеобразного эпатажа: жестов, движений, позы, походки, манеры); тобой движет порыв как можно раньше познакомиться с тайными сексуальной жизни без оглядки на возможные последствия (ты становишься как бы страдающим существом, находящимся во власти какой-то силы, но в действительности сила, которая тобой владеет, от тебя же и исходит).

Кризис подросткового возраста означает для детей преодоление жизненных препятствий. И помочь им в этом способен взрослый, будь это учитель, родитель или иной наставник. Надо только стать воспитателем, захотеть им быть, поставить цель, овладеть арсеналом приёмов и средств разумного педагогического действия. Желание, труд, способности и усилия, изучение опыта передовой практической педагогики сделают вас сильными, уверенными в осуществлении себя как воспитателя-профессионала.

В научной и публицистической литературе подростковый возраст часто называют «переходным», «критическим», «трудным». И это действительно так. Возникают межпоколенческие и возрастные разногласия. «В эти пе-

реломные моменты развития ребёнок становится относительно трудновоспитуемым вследствие того, что изменение педагогической системы, применяемой к ребёнку, не поспевает за быстрыми изменениями его личности». (Л. С. Выготский). Именно в этом возрасте заявляют о себе характерные особенности личности - ощущение взрослости и стремление к самостоятельности. Необходимо делать ставку на педагогику, как программу, «которая может и должна опережать общество в его человеческом творчестве» (А. С. Макаренко).

Реализацией лучших макаренковских педагогических традиций занялись ученики нашего великого соотечественника Семён Афанасьевич и Галина Константиновна Калабалины. Счастливое соединение огромной любви к детям с блестящим талантом даровано было им, педагогам от Бога. Вспомним трилогию Ф. А. Вигдоровой о педагогах Калабалиных. В прологе читаем: «Отрадно смотреть на выращенное тобою дерево, на дом, построенный твоими руками. Ну а если перед тобою человек, которого ты вырастил? Был бесшабашный парень, сорвиголова, вчерашний бандит. И вот он теперь - сильный, с большим сердцем и смелым разумом, облагороженный культурой, книгой. Человек, который сам воспитывает других, находит и выращивает в них лучшее». Здесь же писательница отмечает главное в педагогике С. А. Калабалина: «Разные есть воспитатели, разные учителя. Семён воспитывает не уговором, не объяснением, а собою, самой жизнью своей...» И ещё отметит очень важную деталь: «Страстность - по-прежнему главное свойство его натуры». Страстное желание изменять среду к лучшему, жертвенность ради достижения цели, влияние на других людей, на окружающую обстановку и одновременно - стремление быть сподвижником, созидателем осуществления своих идеалов в любых обстоятельствах. Всё это и определяется понятием «пассионарность».

Данный термин введён в научный оборот Л. Н. Гумилёвым для объяснения особенностей процесса этногенеза. По Гумилёву, пассионарность - одна из форм духовности, необходимый признак гуманности. «Бывают люди - растения, люди звери и люди боги. Последняя категория - пас-

сионarii. Именно они возвышают остальных над мерзостями растительного или животного существования». А теперь попробуем соотнести всё это со страстной натурой С. А. Калабалина. Ещё в бытность Макаренко он дал ему клятву посвятить свою жизнь тем, из среды которых вышел сам. «Сколько ещё хороших хлопцев дурака валяет на свете, ого! Раз, вы, Антон Семёнович, в этом деле трудились, так и мне можно». Это было подвижничество, которое явно носило пассионарный характер. Воспитанники Калабалиных всегда помнили главные уроки своих учителей: как жить, как вести себя в той или иной ситуации. Потому что эти учителя учили их не назиданиями: они жили рядом, в детдоме, по их поступкам дети определяли свою линию поведения, причём самым естественным образом, без принуждения. По свидетельству тех, кто знал Семёна Афанасьевича и Галину Константиновну, они были чрезвычайно требовательны к себе и всегда придерживались макаренковской позиции: твоё собственное поведение есть самая решающая вещь в деле воспитания. О своей работе спустя много лет они напишут: «На нашей совести нет ни одного пятна, которое помешало бы нам смотреть открытыми очами в глаза Родины, в глаза десяти тысяч воспитанных нами граждан». Оптимистическая вера в человеческие возможности, доверие, уважение к личности помогали им в исправлении недостатков в людях. Неожиданны, эффективны, остроумны были в их арсенале методы и приёмы воспитания.

Наши предки называли совесть голо- сом бога в человеческой душе. Совесть обнаруживает себя в качестве одобряющего или порицающего начала. Нравственная удовлетворённость появляется тогда, когда человек осознаёт, что поступил по доброй воле, в соответствии с собственными нравственными убеждениями, а его убеждения не противоречат существующей в обществе морали. Именно такое чувство обязывало Ф. А. Вигдорову стать адвокатом совести, защищать



Фрида Вигдорова

А. С. Макаренко от лжи, клеветы, нелепых обвинений и унижений, отстаивать истинность его воспитательной педагогики. Добиваясь справедливости, она знакомится с педагогами Калабалиными. Завязывается дружба на многие годы. Она желает понять смысл педагогических традиций великого нашего современника и их преемственность учениками. В педагогах Калабалиных её поразило многое: супружеская пара, которая превосходно дополняла друг друга в педагогических делах; они - люди активной жизненной позиции; педагогическая пассионарность и мастерство воспитателей в их нравственных качествах и др. Потому и захотела об этом поведать людям через художественное слово, доказывая, что практика Макаренко может работать в любых условиях и в любое время, в годы разрухи и мирной жизни, в колониях правонарушителей и в обычных детских домах... А педагоги Калабалины - достойные ученики своего имени того учителя, продолжатели традиций воспитательной педагогики во времени. И, конечно, вот то отличительное от учителя - «воспитание собою, самой жизнью своей... и вот так, без оглядки, отдаёт себя. Да, но ведь он и берёт - у жизни, у людей, у книги, у ребят». Пожалуй, это важнейшее открытие писательницы Фриды Вигдоровой в отношении педагогики Калабалиных. В дальнейшем она скажет об этом так: «Та же страстность отличала каждое слово, та же убеждённость и вера в силу воспитания».

«Дорога в жизнь» - первая повесть трилогии, где уже само название говорит о многом. Дорогу выбирает идущий. Для педагогов Калабалиных это путь к жизненным и социокультурным преобразованиям вместе с ребятами. Выстраивая дорогу в жизнь, требовалось определить указатели предстоящих больших перемен. По Макаренко это «совершенно ясная педагогическая программа, причём перспективная, способная увлечь, захватить детей, действовать на их чувства, вызвать ожида-



ние хороших перемен». Перспектива, как и мечта - это образ желаемого будущего, а образ обладает огромной силой эмоционального воздействия. Благодаря этому создаётся атмосфера оптимистической устремлённости в будущее, на фоне которой развёртывается совместная деятельность детей и взрослых. И в этом потоке времени неизбежно требуется здоровый смысл действенной педагогики - воспитательной по своей сути.

Вторая повесть трилогии - «Это наш дом». Педагогический домострой не только определял жизнь детского учреждения, но и ставил воспитанника в позицию активного участника и соиздателя новых условий жизнедеятельности, а не просто потребителя, иждивенца. Правила домашнего устройства и нормы поведения принимались всеми обитателями Дома, и уже это обеспечивало им хозяйственный и педагогический успех.

«Домострой» обязывал культивировать труд как главную ценность и смысл жизнеустройства. И это давало возможность привить детям такие социально-значимые качества, как трудолюбие, стремление к самостоятельности, отвращение к праздности, тунеядству и лени.



А также создать здоровое детское сообщество, коллектив, то, без чего ребёнок не может полноценно развиваться. Опыт Калабалиных свидетельствует о том, что по мере развития в коллективе возникают условия, ведущие к преобразованиям самого коллектива, а именно, к смене одной формы совместности к более высокой - СО-БЫТИЙНОЙ ОБЩНОСТИ. Возникает ощущение всеобщего счастья в пределах Дома. Вот почему Дом - единственный и главный дом детства со своим укладом и традициями, и надо беречь свой дом, очищать свой дом, хранить в сердце свой дом...

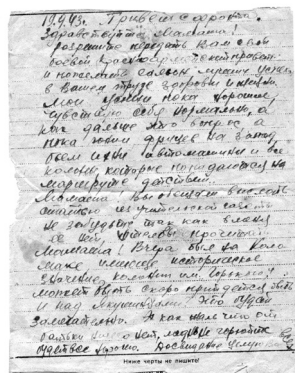
И ещё одно важнейшее качество педагогов Калабалиных - являть собою пример того, как работать, как жить. Это и было той человеческой ценностью, которая выража-

лась в способности отдавать себя другим. Этим же определялся путь к нравственному подвижничеству - откликаться на чужую боль, облегчать страдания, поддерживать и помогать в трудные моменты жизни, залечивать душевные травмы детей.

Повесть «Черниговка» - третья часть трилогии. Здесь важнейшая проблема смысла жизни и судьбы педагогов рассматривается с позиции времени, выпавшего на их долю и всей страны. Годы войны. Это испытание на стойкость и выдержку, на бережное сохранение взаимного чувства любви двух любящих людей. «Черниговка» стала для Семёна, ушедшего добровольцем на фронт, верным спутником жизни, ангелом-хранителем его «Я», а для ребят - директором детского дома и матерью для всех в одном лице. Духовное единство вселяло уверенность и веру в праведность возложенного на себя дела, а макаренковское «Не пицать!» - закон жизни и традиция памяти.

Из дневника Г. К. Калабалиной: «Знаете, когда люди очень любят друг друга, когда люди очень верят друг другу, есть ниточка, которая связывает их. У меня была глубокая уверенность в том, что мой Семён жив. Он не может погибнуть, такого не может случиться. И вот эту веру поддерживали и мои воспитанники. Они в своих письмах с фронта мне писали: «Галина Константиновна, отец жив, он выживет, он обязательно будет вместе с нами» (Борис Тайманов). «Уверенности в том, что отец вернётся, у меня больше, чем для этого надо. Ждать осталось ещё немного. Будем ждать...» (Паша Прокопенко)».

В сентябре 1943 года они встретились. В Москве, в квартире, где жил А. С. Макаренко. Вряд ли это была случайность, скорее, это благовестие, дар Божий любящим сердцам. Вот как это произошло. Она написала статью



Письмо на Урал с фронта
Г.К. Калабалиной



«Дорогой сынок! Пусть эта карточка напомнит тебе тех, для которых ты самый близкий, родной друг.»
1942 г.

о своём детском доме для одной из московских редакций. Неожиданно пришёл вызов - приезжайте в Москву. Галина Константиновна остановилась у жены Антона Семёновича Макаренко. «Иду по Москве, а сердце стучит: «Может быть, встречу Семёна». Возвращаюсь и спрашиваю: «Никто не приходил?» Сняла пальто - звонок. Открываю дверь: на пороге стоит Семён. Я только и сказала: «Я была уверена, что тебя встречу». Мы бросились друг к

другу». В те самые дни он получил орден за проведённую операцию. Надо думать, что была ему свыше дана ещё одна награда, о которой он просил, - встреча с женой.

Уходили на фронт её повзрослевшие воспитанники, а с фронта нередко приходили «похоронки»... Горе серебрило виски педагога-матери - погибали на фронте её воспитанники, её сыновья. В феврале 1943 года сгорел в истребителе любимец ребят Федя Крещук (похоронен в Колпино). Перед вылетом на задание он просил командование передать письмо его матери, если он не вернётся из боя. Матерью он называл Галину Константиновну.

Из письма Фёдора Крещука: «Когда человек идёт в бой, он вспоминает самое родное и близкое... Я вспоминаю Вас, потому что всё самое святое, всё, что дороже жизни, сочетается у меня в Вашем образе. Родная! Я всё помню, и ничего не забыл. Я помню, как Вы читали нам Диккенса, как хлопотали, чтобы повкуснее накормить, как приходили ночью в нашу спальню, чтобы поправить спустившееся одеяло, как радовались всякому «отлично» или «хорошо», которые ставили нам учителя. Мы не были для Вас чужими, мы были для вас свои, родные. Я не знал матери, этой матерью стали Вы. Сейчас знаю, у меня есть мать. От этого на душе тепло, так хочется биться за счастье, за Вас, за Родину, которая имеет таких женщин, как Вы. Это письмо придёт к Вам, если я

не вернусь. Через несколько минут я вылетаю. Я думаю только о жизни, я не думаю о смерти. Но, может быть, мне придётся повстречаться со смертью. Что ж, я не дрогну. Я не посрамлю Вас, милая женщина, воспитавшая меня. Как бы хотелось видеть Вас, вместе отпраздновать победу. Но надо смотреть правде в лицо: война есть война, война требует жертв...



Фёдор Крещук

Спасибо, родная, за всё. ПРОЩАЙТЕ!

Ваш сын Федя Крещук».

Галине Константиновне - от командования воинской части, в которой служил Федя Крещук: «Лейтенант Фёдор Крещук часто рассказывал о Вас. Посылаем Вам его документы для получения пенсии, как его матери. Мы знаем, что не Вы родили Федю, но он - Ваш сын и Вы - его мать».

Из письма с фронта воспитанника Коли Фадеева: «... Прежде всего, я хочу Вам сообщить, что меня выделили в списки для поступления в пехотное училище в городе Свердловске, т.е. я буду через год, полтора лейтенантом. Итак, моя карьера лопнула, не быть мне тем, кем хотел я быть, но раз Родина требует – значит, нужно, а раз нужно, надо выполнить во имя моего народа».

Выписка из картотеки потерь офицерского состава: командир взвода 169 стрелкового полка первой гвардейской дивизии гвардии лейтенант Прокопенко Павел Акимович, 1925 года рождения, погиб 18.10.1944 года. Похоронен в д. Новинники Марьямпольского района Литовской ССР.

Почтовая карточка: «Ваш сын Прокопенко Павел Акимович погиб на фронте, героически сражаясь с немецко-фашистскими собаками. После его смерти я нашёл в его полевой сумке фотокарточки, которые решил отослать Вам, так как он свой адрес оставил на ваше имя. Я боец его взвода и был с ним в дружеских отношениях. Он много рассказывал о вас. Алексей Васильевич Максименко».

Павел Прокопенко был усыновлён педагогами Калабалиными, с отличием окончил школу, получив среднее

образование, превосходно рисовал и, возможно, мечтал стать художником, увлекался музыкой, но - увы - война!

По материалам газет фронтовых лет: «Ночью в дверь Галины Константиновны постучали. — Кто там? — спросила она. Ответил незнакомый мужской голос: — Борис Тайманов. — Она смотрела и не верила своим глазам. Неужели это Тайманов, один из её первых воспитанников? То был вихрастый мальчуган, отчаянный задира. — Так это всё-таки ты? — растерянно говорила она. — Ну, что это я, сама не знаю, что говорю, Боря! — и Галина Константиновна, смеясь и плача, бросилась к нему на грудь. На другой день жители города, раскланиваясь с нею, внимательно вглядывались в высокого юношу в парадной форме лётчика, бережно ведущего её под руку. Они шли в школу, потом они побывали детском доме. — Я тебя совсем замучаю сегодня, — смеясь, говорила Галина Константиновна. — Мне всем хотелось тебя показать, ты понимаешь, сынок, ведь ты же мой, Боря, мой... — Ваш, — солидным басом ответил лётчик. — Вполне. И с вами я пойду хоть на край света.



Борис Тайманов

Вечером директор городского радиоузла объявил: — Внимание! У нашего микрофона бывший воспитанник детского дома, лётчик бомбардировочной авиации, гвардии старшина, дважды орденоседец товарищ Тайманов. Весь город, затаив дыхание, слушал рассказ Тайманова о том, как он бомбардировал вражеские объекты. Когда Тайманов вернулся в детдом, его увели в самую большую и тёплую спальню, посадили на табурет у печки, в которой весело потрескивали дрова, и заставили рассказывать всё-всё с самого начала. А тем временем Галина Константиновна принесла письма, полученные с фронта от своих воспитанников: танкиста Пети Кононенко, красноармейца Алёши Крутилина, Коли Фадеева, радистки Наташи... Писем было очень много. Они были адресованы ей и ребятам. Она брала письмо того, чьё имя было названо, и начинала читать бесконечно дорогие ей строчки. И казалось, что все они, отсутствующие, тоже собрались тут, вокруг печи. Потом

дети стали рассказывать Тайманову о своих делах. Сначала они смущались: ведь он такой большой, фронтовик, орден на груди, будет ли ему интересно? Но Тайманов слушал внимательно, задавал вопросы, здесь всё было ему интересным, родным, и дети осмелели. Они рассказывали, что минувшим летом заработали 2500 трудодней в колхозе; что директора двух заводов, на подсобных хозяйствах которых они тоже работали, объявили им благодарность; что хранилище до отказа забито овощами, которые вырастили дети; что все в городе мальчишки играют игрушками, сделанными в детдомовской мастерской. Сотни дел, сотни историй! Галина Константиновна слушала эти рассказы детей, и перед ней вновь и вновь проходил весь огромный путь, пройденный детским домом.

Семён Афанасьевич напишет ей на Урал: *«Мы ещё поживём. Нам есть во имя чего жить — ДЕТИ. Их миллионы, и они ждут нас, настоящих мастеров и настоящих отцов. У меня хватит силы, чтобы наполнить любое скопление детворы чувствами отца, обнять их любовью, оградить строгостью и сделать из них достойнейших сынов нашего великого Отечества...»*

Он вернулся к делу, от которого его отлучила война. Прекрасно понимал, что воспитательная работа в такой «семье», какой стал детский дом, сложна и многогранна. Вот почему никогда не занимал позицию стороннего наблюдателя педагогического процесса, был всегда в гуще событий, переживал с детьми самые разнообразные и сильные чувства: доверие, терпимость, горе, радость, дружбу. Неутомимый труженик, вечно ищущий, талантливый от природы, он всегда был неудовлетворён сделанным, горел желанием добиться большего. Свободно мог раскрыть зависимость поведения воспитанника от обстоятельств его жизни, места и положения в детском коллективе, его личных притязаний и возможностей, умел удивлять и поражать ребят, а если надо, и покорять их.

Из воспоминаний воспитанника Клемёновского детдома Бориса Савельева: «...У меня нет родителей, но было много воспитателей. Я их помню. Но больше всех в мою память и душу вошла семья педагогов Калабалиных. Нет, я не выбирал их, не отдавал особого предпочтения. Они

вошли сами собой, как будто это было предрешено заранее, и вошли навсегда...»

Педагоги Калабашины учили своих воспитанников жить в традициях макаренковской педагогики: в труде, в ожидании успехов, в заботе, с верой в завтрашнюю радость, которая способна сделать лентяя - тружеником, боязливого - смелым, беспечного - ответственным, колеблющегося - решительным. Калабашины видели в каждом своём воспитаннике большой «диапазон возможностей».

«К воспитанникам надо относиться, как к собственным детям. Нельзя быть воспитателем, если ты не можешь относиться к ним, как отец - строго, требовательно, но с любовью... Я довольно часто спрашиваю себя: а так ли я поступил бы со своим сыном или дочерью?» (С. А. Калабин).

«Я думаю, счастье в том, чтобы делать людей счастливыми. Не ищите лёгких путей в жизни, будьте там, где вы нужнее. Приступая к новой работе, подумайте не о выгоде своего положения, а о том, будет ли окружающим с вами хорошо. Если людям с вами легко, если от вашего присутствия тепло, то вы можете считать себя счастливыми». (Г. К. Калабашина).

«Воспитать человека - значит руководить практикой жизни человека». «Не может быть воспитания, если не сделана центральная установка о ценности человека». (А. С. Макаренко).

«Мой оптимизм не в том, чтобы не видеть плохого, а в том, чтобы видеть всё, но не терять веру в людей, во всё хорошее» (С. А. Калабин).

Пассионарий педагогического действия задаётся там, где возлагаются надежды на опыт тех людей, кто способен показать нам образцы достижения истинной человечности через воспитание. Оптимистическая гипотеза макаренковской веры в человека помогала педагогам Калабашиным в идеале все-лять эту веру растущему человеку, как завет: уметь самостоятельно строить свою жизнь, неся ответственность за



неё перед другими. Пассионарность, по Гумилёву, лежит в основе всяких деяний, оставляющих следы в истории. Предельная искренность и максимальная объективность сполна отражена в эпистолярном наследии наших педагогов-соотечественников, обыкновенных, но обладающих «талантом оптимиста прекрасного порыва в будущее (А. С. Макаренко).

Литература:

1. Виноградова М.Д. А.С. Макаренко об изучении личности воспитанников // Сов. Педагогика, 1978, №3.
2. Левитов Н.Д. Вопросы психологии характера. - М., 1952.
3. Макаренко А.С. С любовью и тревогой. Сб. / Сост. А.К. Романовский, А.Т. Губко. – Киев, 1989.
4. Калабалин С.А. Педагогическое наследие и современность. Первые Калабалинские чтения / Сост. и ред. Л.В. Мардахаев. – М.: Перспектива, 2013.
5. Чудновский В.Э. Смысл жизни и судьба. - М.: Ось-89, 1997.
6. Это принадлежит вечности... Теория и методика воспитания в пед. наследии А.С. Макаренко / Под общ. ред. М.Ю. Красовицкого. - М.: Логос, 2002.

*«Истинная причина дефективности отношений
лежит в нарушении гармонии интересов
между личностью, родом и обществом».*
А.С. Макаренко.

Сиротство... как оно есть

Традиционная форма воспитания ребёнка-сироты в «обычном» детском доме признаётся сегодня «не адекватной потребностям развития детей» - такова точка зрения тех учёных, которые доказывают негативные последствия институционального воспитания. Основная их установка: воспитывающиеся в сиротских учреждениях дети отстают от своих сверстников по основным показателям интеллектуального, эмоционального и социального развития. Лишённые опыта семейной жизни и семейной поддержки, они испытывают огромные трудности при последующей адаптации к «широкому социуму». В связи с этим детским домам выдаются самые жёсткие характеристики: «детдом - знак беды», «детдом - тюрьма, зона для невинных детей», «заведение, где детей не развивают, а «консервируют» в четырёх стенах», «детдомовец» - клеймо по жизни» и т.п. И постоянно приводятся устрашающие цифры статистики на предмет преступности и самоубийства. Благополучие дома определяется тем, насколько ребёнок обеспечен вниманием, заботой, человеческим теплом и защитой со стороны взрослых, устроителей домашнего очага. Статус государственного учреждения должен быть чётко задан и соответствовать своему назначению, а дети, по сути, должны стать «государевыми детьми».

Сиротство, зародившееся, как явление биологическое, в наше время приобретает форму социального явления. Там, где царит невежество, жестокость, неуважение к человеку, бескультурье и пьянство, трудно вырасти нормальным человеком. Тягости взрослой жизни бумерангом отражаются на детях. И от того, как взрослые относятся к ребёнку и какое место он занимает в их жизни, зависит благонадёж-

ность детства. Факты свидетельствуют: именно семья является одним из мест психического травмирования детей. Для растущего человека утрата семьи - это трагедия. Он испытывает душевную боль, обиду на родителей, на всех окружающих его людей, на жизнь в целом. Часто причиной жестокости в детско-родительских отношениях становится стремление родителей «эффективно воспитывать». И воспитывают, вплоть до полного вытеснения своего ребёнка из семьи. Многие дети признавали, что неоднократно переживали состояние, близкое к отчаянию, и видели выход из этих проблем в полном разрыве с родителями.

Социальные сироты - дети-изгои, которые живут, не зная любви. *Безродность* - фактор необратимых и негативных последствий, связанных со стечением обстоятельств, не зависящих от ребенка, но predetermined, когда он в поиске смысла собственной жизни, своей судьбы. И если нет рядом человека, который научил бы ребёнка любить, то сам он никогда не сможет этому научиться. «Беспредельной потребностью любви» назвал Л. Н. Толстой вечно желанное чувство, так необходимое начинающему жизнь человеку.

Социальные сироты - дети экстремальной ситуации, живущие без любви, без семьи, без заботы и попечения родителей, в постоянном страхе и недоверии к людям. Это дети, доведённые до отчаяния и одичания в своём одиночестве. «Это детская и подростковая недолюбленность (и вообще нелюбленность). Это незащищённость, прозябание на жутких социальных сквозняках», - так высказывает своё ощущение сиротства бывший воспитанник Загорского детского дома, а ныне доктор психологических наук, профессор А. В. Суворов.

Сам я тоже родом из детдомовского детства. Для каждого из нас утрата семьи - это трагедия, испытание себя на прочность, выдержку от душевной боли. Как бывший детдомовец, скажу: сирота, сиротство - уничижительные слова. Ребёнок не должен повсеместно ощущать себя в такой представленности: убогим, жалким, вечно нуждающимся в повышенном внимании, сочувствии, сюсюкании... Такое внутреннее состояние вполне преодолимо арсеналом антропотехнических средств с чёт-

кой установкой, с верой в лучшее завтра. Если не решать подобную проблему, то у таких детей формируется и закрепляется **«комплекс сиротства»**. Ведь деградация детско-родительских отношений идёт по линии кровного родства, так как большинство детей-сирот - это дети, брошенные родителями. На основании своих ощущений и собственного сиротского опыта попробую обозначить основные признаки этого явления.



Я – ребенок, Я – человек!

Сиротство – это:

- сформировавшийся стереотип невосполнимости утраченного, который порождает неуверенность, тревожность, мнительность, беспокойство в прохождении жизненных событий;

- состояние душевно-духовной неустроенности, неудовлетворённости, доходящее порой до отчаяния. Отсюда - переживания своей несостоятельности (участь, доля), незащищённости (судьба-злодейка), заброшенности (линия жизни), отчуждённости (жизнь без друзей, одиночество);

- отсутствие позитивных жизненных перспектив, ценностных суждений и ориентаций: учебных и познавательных интересов, эмоционально-чувственных проявлений по отношению к другим;

- разрушительно действующая психология иждивенца: «Я сирота, и все мне обязаны».

Сегодня часто приходится слышать: «Никакой, даже самый хороший детский дом не заменит ребёнку семью». Конечно, в детском доме нельзя создать полноценную семью, да и зачем? Перед ним и не стоит такая задача. Обратимся за советом к педагогической классике. «Сиротское заведение есть строго воспитательное заведение, а не департамент, не богадельня, не казарма и даже не простое учебное заведе-

ние... Высокая гуманная цель его: по возможности заменить детям родителей, воспитать и вывести их на такую дорогу в жизни, где они смогут быть деятельными, честными и полезными членами общества». (К. Д. Ушинский). «Нужно просто сделать детский дом органической частью общества, создавшего его и за него ответственного». (А. С. Макаренко).

Педагогика - такая наука, которая постоянно требует соавтора, и в этом качестве воспользуемся рекомендациями учёного-психолога В. В. Абраменковой: «Если всмотреться в недалёкое прошлое дореволюционной России, то обнаруживаем поразительное разнообразие форм учебно-воспитательных учреждений. И среди них пансионаты. Это были частные заведения закрытого типа, в которых при достаточно высоком уровне обучения акцент ставился прежде всего на задаче, сформулированной ещё итальянскими гуманистами, - «ревностное изучение всего, что составляет целостность человеческого духа». Каждый из пансионатов имел своё лицо и своё реноме, которое свято оберегалось. Это были Центры духовной педагогики, воспитания нравственной личности, человеческой личности. В русских пансионатах контакты родителей и детей были редкими, но регулярными». И ещё одна важная мысль Веры Васильевны в контекст нашей темы: «В истории нашего образования и культуры есть примеры, что у большинства наших народов существовал обычай осознанного удаления ребёнка (преимущественно мальчика) от родительского дома - либо в другие семьи, либо в специальные воспитательные дома. Может быть, наши предки усвоили мудрое изречение: **«ребёнок не игрушка, не тиран и не твоя собственность, это душа, данная тебе на хранение».**



*Для нас Кремёново -
малый уголок Родины*

Вернуть детям тепло отчего дома по силам и ДЕТСКОМУ ДОМУ, но при условии: он не должен быть казармой или присутственным местом детей. Детский дом - это ДОМ, без всяких определений, со своим статусом, укладом и традициями. «Действительно Дом, а не

учреждение или заведение только для интернирования неблагополучных детей. Дом, который может стать подлинным пространством становления собственно человеческого в человеке». (В. И. Слободчиков). Опыт педагогов Калабалиных подтверждает, что «комплекс сиротства» преодолевается созданием педагогически насыщенных условий нормального развития, выстраиванием позитивных отношений и связей детей и взрослых в детском учреждении, способствующих коррекции психологических травм детей и подростков.

Такую со-бытийную педагогику действия мне (и моим братьям) пришлось ощутить на себе, будучи воспитанником Клемёновского детского дома. По сути, это педагогика Отца и Матери детского Дома, где директор - хозяин Дома, а значит, в ответе за всех и за каждого в отдельности; воспитательница



Детдомовское со-бытие

- духовная наставница детей, для каждого ребёнка - олицетворённая любовь. Наш Дом - это живая общность, сплетение и взаимосвязь наших жизней, внутреннее духовное единство, неразделённость и неслиянность разных и самостоятельных форм жизни, где личность обретала истинную ценность своего развития, где зарождались человеческие способности, позволяющие человеку стать и быть хозяином, распорядителем и автором собственной жизни.

Установленный педагогами С. А. и Г. К. Калабалиными своеобразный «домострой» не только определял жизнь детского учреждения, но и ставил воспитанника в позицию активного соучастника и созидателя новых условий жизнедеятельности, а не просто потребителя, иждивенца. Правила домашнего устройства и нормы поведения согласовывались и принимались на общем собрании Дома, что обеспечивало хозяйственный и педагогический успех. «Домострой» обязывал культивировать труд как главную ценность и смысл жизнеустройства. И это давало возмож-

ность привить детям такие социально-значимые качества, как трудолюбие, стремление к самостоятельности, отвращение к праздности, туеядству и лени, а также учило беречь и сохранять здоровое детское сообщество, то есть то, без чего подросток не может полноценно развиваться. Вот и Макаренко рекомендует: «надо организовать в семье не только отношение между равными, но и отношения между слабыми и сильными - маленькими и большими, а это не так просто». Если воспитанник испытывает эмоциональное благополучие в сообществе равноценных и близких ему людей, то их ценности и нормы воспринимаются, как свои собственные, а любая потеря или жизненная неустроенность воспитанника не означает для него одно лишь лишение, а становится активным побудителем к конструктивным переменам и преодолению своей слабости.

Организовать детскую жизнь как опыт, воспитывающий определённую группу привычек, - таково было основное требование наших педагогов, и в этом они видели смысл и сущность воспитания. Постоянная тренировка к правильным действиям становилась для воспитанников жизненной нормой. Со-бытийная общность способствовала зарождению действенной дружбы и духовного родства не только на время детства, но и на всю жизнь.

Советы А. С. Макаренко тем родителям, которые готовы взять в свою семью ребёнка из детского дома: **«Положите его, как собственного, забудьте о том, что не вы его родители, и, самое главное, не воображайте, что вы его благодетельствовали. Это он пришёл на помощь вашей «косой» семье (однодетной), избавив её от опасного крена».**

По мнению Антона Семёновича Калабалина, «сегодня важно изучать и применять опыт коллективного воспитания. Этот опыт востребован, но игнорируется, а ведь этот опыт наших талантливых педагогов доказал, что в казённых учреждениях дети могут быть счастливы. Человеческий фактор - решающий в воспитании детей-сирот. Если во главе детского дома стоит не формальный руководитель, а настоящий ОТЕЦ, то такой детский дом станет настоящим, подлинным Домом. Таким Домом для обездо-

ленных ребят стал детский дом, возглавляемый С. А. и Г. К. Калабалиными. Поэтому я считаю недопустимым разрушение системы детских домов и школ-интернатов». (Из выступления на «круглом столе» в Совете Федерации РФ, в комиссии по международному, техническому и гуманитарному сотрудничеству, 2009 г.).

Литература:

1. Абраменкова В.В. Социальная психология детства: развитие отношений ребёнка в детской субкультуре. - М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: издательство НПО «МОДЕК», 2000.

2. Гордеева А.В., Морозов В.В. Прикладная реабилитационная педагогика: Учебно-методическое пособие. - М.: Академический Проект, 2004

3. Голик А.Н. Социальная психиатрия сиротства. - М.: Лаборатория Базовых Знаний, 2000.

4. Детский дом: уроки прошлого. Сборник / Сост. Г. Мыльникова. - М.: Моск. рабочий, 1990.

5. Матвеев В.Ф., Гройсман А.А. Профилактика вредных привычек школьников: Кн. для учителя. - М.: Просвещение, 1987.

6. Минкина Н.А. Воспитание ответственностью: Учеб. пособие. - М.: Высшая школа, 1990.

7. Морозов В.В. Реабилитационно-педагогический процесс в образовательных интернатных учреждениях. Автореферат. - М.: Издательство Академии повышения квалификации и переподготовки работников образования, 2001.

8. Каким должен быть детский дом сегодня? Материалы Всероссийского конкурса инновационных проектов по совершенствованию деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Общ. ред. В.В. Морозова. - М.: ФИРО, 2012.

9. Слободчиков В.И. Серия «Материалы для педагогических размышлений». Выпуск № 2 Очерки психологии образования. - Биробиджан: Изд-во БГПИ, 2003.

*«Необходима... логика,
которая метод педагогики
выводит из наших целей».*
А. С. Макаренко.

Как вести растущего человека по ступенькам взросления?

Мир детства и мир взрослых – взаимосвязанные части человеческого бытия. Кризис детства возникает тогда, когда предпринимаются попытки организовать этот мир по образу и подобию уже состоявшегося мира взрослых. Мир детства – ключ ко многим волнующим проблемам взрослой жизни. Взаимоотношения в пространстве Детства и Взрослости отличаются специфическими особенностями: наша педагогическая деятельность в мире детства изобилует ошибками. Рассуждая на эту тему, Д. И. Фельдштейн отмечает следующее: «Однако следует признать, что в целом мы всё ещё плохо знаем социальную ситуацию функционирования и новые характеристики процесса развития современного ребёнка». Серьёзной проблемой философии и психологии, несомненно, является мир детского сознания, духовная жизнь ребёнка. В книге «Ребёнок открывает мир» Е. В. Субботский пишет: «Мир детского сознания недалёк. Он рядом, он внутри нашего взрослого мира. Он смотрит на нас глазами ребёнка. Говорит нам его голосом. Выражает себя в его поступках. Как заглянуть в этот мир? Способ только один: жить, говорить, действовать с его посланцами-детьми. Хотя бы «извне», косвенно по признакам, намёкам «расшифровывать» его. Раскрыть заветную дверь в мир детского сознания. Не заглянув в этот мир, нельзя не только воспитывать других – невозможно понять самого себя».

Как-то на семинарских занятиях я предложил студентам в качестве задания попробовать окунуться вместе с детьми в атмосферу детства, понять, почувствовать себя на некоторое время ребёнком. Что получилось? Вот некоторые мысли из состоявшегося диалога:

«Каждому из нас, хоть на миг, захотелось увидеть загадочную планету под названием ДЕТСТВО. Все мы были когда-то маленькими детьми, и целью нашей жизни была игра. Мы играли везде, где это было возможно, и играли во что угодно. Сюжет игры придумывался легко, ведь мы воображали, повторяли действия взрослых, за которыми наблюдали, у которых мы учились, сами того не ведая. Мы жили в местах с богатой природой: извилистые реки с рыбками, утками, домашний очаг с утварью, с животными - курами, коровами... Вспоминаются луга с полевыми цветами, плодородные сады, жужжащие насекомые. А сколько было детей от мала до велика. Наплывают воспоминания: мы – маленькие дети в длинных маминых юбках, с платками на плечах, с веночками на головах. Сейчас я – фея, кружусь, танцую, очень весело, со мной мои друзья. Но вот платок с плеч превращается в пиратский атрибут, воплощающий смысл игры, и я плыву по бескрайним просторам песчаного карьера, напоминающего бушующее море. А какие были интересные походы за сокровищами! Мы верили в легенды и искали новых приключений. Сама природа, атмосфера вокруг, мои друзья делали нас такими волшебными, сказочными».

«Вспоминаю игры: «Русская лапта», «Казаки-разбойники», «Бояре, а мы к вам пришли», «Прятки», «Палочки-стукалочки» и многие другие. Вряд ли сегодняшние дети смогут рассказать о правилах этих игр. А мы узнавали их от своих родителей, братьев и сестёр, соседей, которые брали в руку лапту, становились в один ряд с мальчишками и девочками – и игра разгоралась».

«Я работаю более 10 лет воспитателем в детском саду и часто задумываюсь о смысле воспитания, и через опыт пришло понимание: воспитатель – это тот, кто постоянно заботится о внутреннем мире каждого ребёнка, его душе. Воспитание и есть духовное питание внутреннего мира маленького человечка. Я учу своих детей видеть красоту своей природы, чувствовать её, соотносить то прекрасное, которое связано с ней, учу бережно относиться к каждому цветку, кустику, дереву. Воспитываю в детях чувство любви к своей малой Родине, стране. Ведь без па-

мнени о прошлом, не может быть будущего. Как это прекрасно – закладывать благодать роста будущих характеров, поддерживать их своей любовью, отдавать им, этим неутомонным созданиям, тепло своего сердца. Вспомнить только эти бесконечные «Где? Когда? Почему?», энергию, бьющую через край! Она заставляет забыть всё, даёт ощущение вечной молодости! И как замечательно – жить радостным ощущением того, что ты воспитатель!»

«Я считаю, что воспитатель – это своеобразный волшебник, немного сказочный и одновременно реальный, который открывает детям дверь в мир взрослых. Он добрый, любит и понимает детей. Дети все разные, и у каждого свой характер, свои причуды, и чувства разные. Научиться принимать детей такими – значит, в душе всегда ты должен оставаться ребёнком, уметь таковым быть. Иначе не примут, не пустят в свой мир. Общась с детьми, я, как воспитатель, тоже учусь жить в этом мире, строить наши взаимоотношения».

«Вот уже много лет я работаю воспитателем, и это дело – моя профессия и моё призвание, мой образ жизни. Я никогда не сожалела о том, что моя жизнь проходит среди детей. Находясь в детском учреждении, я забываю все проблемы и огорчения, ощущаю себя всегда энергичной, молодой, мне нравится находиться в мире детских интересов. Здесь я чувствую себя нужным специалистом, значимым человеком для детей, и это подтверждает, что я счастливый человек!»

«Детство – это особый мир, своеобразная культура в культуре, область, полная загадок и непознанных явлений. Это мир, устроенный по своим правилам поведения, воспринимаемый как реальность. Он преобразует в своём воображении предметы действительности. Например, палка становится для ребёнка самолётом или лошадкой, и этим самым ребёнок одушевляет окружающий мир, внося в него эмоциональную окраску. Целью детства в целом и каждого ребёнка в частности является ВЗРОСЛЕНИЕ - освоение, присвоение, реализация взрослости. Главная задача для взрослого мира - обеспечить это взросление».

Человек - венец творения, созданный по образу и подобию Божьему. Он призван творить и созидать. По убеждению Ф.

М. Достоевского, «без зачатков положительного и прекрасного нельзя выходить человеку в жизнь из детства...» И не зря в народе говорят: личностью не рождаются, личностью становятся. В раннем детстве ребёнок активно познаёт мир, интенсивно обучается и учится – играя. С точки зрения научной психологии, личность нельзя представить без её телесного воплощения – индивида. Точно так же личность не мыслима без субъекта. Личность и субъект – проекции человека, отражающие способы его бытия: как члена общества, носителя отношений к миру, к другим людям, к себе, с одной стороны, и как источника активности, носителя познавательной и предметно-практической деятельности – с другой.

Вот и А. С. Макаренко подчёркивает, что особое значение имеют «проектирование личности» и «перспективные линии воспитания». С его точки зрения, «воспитать человека – значит, воспитать у него перспективные пути». И ещё: «Главные основы воспитания закладываются до пяти лет – и то, что вы сделали до пяти лет – это 90 % всего воспитательного процесса, а затем воспитание человека продолжается, обработка человека продолжается, но, в общем, вы начинаете вкушать ягодки, а цветы, за которыми вы ухаживали, были до пяти лет».

Этих же позиций придерживался и В. А. Сухомлинский, который считал, что важнейшие, душевные движения развивающегося человека закладываются в возрасте от 2-х до 5-ти лет.

«Воспитание, понимаемое в самом широком смысле этого слова, должно, в сущности, быть основным стержнем, вокруг которого строится всё развитие личности ребёнка», – отмечает Л. С. Выготский. В возрастном плане воспитательный процесс конкретизируется в зависимости от основного соотношения, которое он назвал «жизненной ситуацией развития». С одной стороны, личность во всей совокупности достигнутых ею характеристик и способностей (биологических, познавательных, эмоциональных, практически социальных, в том числе нравственных), с другой – новые социальные условия и требования, с которыми личность сталкивается на новом возрастном этапе. Взаимодействие личности с новыми условиями и требова-

ниями является источником её дальнейшего развития по всем показателям.

Стать человеком добра! - достойная и, может быть, самая гуманная задача педагогики. Добродетели надо учить в раннем детстве. Данная установка далеко ещё не в полной мере осознаётся педагогами и родителями. Всё начинается с детства и с того, как воспитывался растущий человек в годы детства. Он - то, что делает из него воспитание. Ф. М. Достоевский в «Дневнике писателя» отмечает следующее: «Детям так всё облегчают – не только всякое изучение, всякое приобретение знаний, но даже игру и игрушки. Чуть только ребёнок станет лепетать первые слова, и уже тотчас начинают его облегчать. Вся педагогика ушла теперь в заботу об облегчении. Иногда облегчение вовсе не есть развитие, а даже, напротив, есть отступление». Писателя волнует проблема педагогики «облегчённого воспитания», «не ведёт ли «облегчённое воспитание» к издержкам в развитии личности?». Анализируя проблему и основываясь на своем опыте постижения человеческой психологии, А. В. Толстых обращает наше внимание на два существенных момента облегчённого воспитания: «Зададимся вопросом: с каким ребёнком легче? С инициативным, деятельным, любознательным, подвижным или с пассивным, бездеятельным, равнодушным? Ответ столь же очевиден, сколь и неутешителен: легче с ребёнком, который является послушным орудием в руках взрослого, простым исполнителем его воли. Но детское послушание – сомнительное благо, если учитывать не сиюминутные интересы взрослых, а перспективу развития детской личности. Облегчая себе и ребёнку жизнь в малом, мы сами, хотим того или нет, плодим завтрашние большие проблемы, создавая будущие трудности. Если реализовать на деле все пункты родительской власти - не бегай! не шуми! не озоруй! не говори глупости! - то в результате мы можем получить лишь поколение людей, только страдающих физической и умственной гиподинамией. К счастью, в реальности добиться от ребёнка полного послушания удаётся немногим!

Второй момент связан с материальной стороной дела. Дети, как известно, целиком и полностью материально зависимы от своих родителей. Эта привычная ситуация в

современной жизни отличается изрядными перекосами. Тенденции облегчённого воспитания вызвали к жизни и такое явление, как инфантильное самосознание».

По мнению американского психиатра Эрика Бёрна, в каждом человеке как бы живут одновременно три состояния его «Я» (эгосостояния): «Родитель», «Взрослый», «Дитя». Важной характеристикой здесь является возможность так называемых переключений: в одной ситуации человек может фигурировать как «Родитель», в другой - как «Дитя», в третьей – как «Взрослый». «Дитя – это непосредственность, нерешительность, баловство, игры. Ребёнок наивен, но умеет проявлять характер своей непосредственностью, капризами, своеобразным бунтующим вызовом к требованиям окружающих. Поэтому он лучше чувствует, кому можно оказать доверие, и легко раскрывает фальшь. Особые отметки: женщины, которые сохранили в себе состояние «Дитя», - очаровательны, даже если некрасивы, а мужчины – остроумны.

Постепенно рядом с «Дитя» формируются компоненты «Взрослого» - умение что-то делать, разумно рассуждать, серьёзно относиться. И «Родителя» - подражание родителям в обращении с куклами и младшими детьми (опека, помощь, нравоучения, похвала, наказание). Когда ребёнок увлечён, его поведением руководит «Дитя», а контролирует и одёргивает «Взрослый».

Со временем компонент «Взрослого» разовьётся настолько, что ребёнок сможет действовать с его позиций: «Взрослый-Взрослый» - серьёзно разговаривать и самостоятельно выполнять свои обязанности по дому, «Взрослый-Дитя» - советовать, «Взрослый-Родитель» - принимать советы. С возрастом значение компонента «Дитя» уменьшается, «Родителя» - увеличивается, и над ними явно доминирует «Взрослый». Согласно мнению Г. Г. Воробьёва, специалиста в области социальной кибернетики, - «родители часто путают две вещи: сюсюканье и ласка. Первое – плохо, оно нарушает обратную связь, не позволяет ребёнку сравнивать себя со старшими, учиться на своих ошибках, создаёт чувство вседозволенности и может превратить его в маленького тирана. Второе – необходимо, оно не позволяет

объятья, ласки, нежность, поцелуи из потребности превратить в ритуал, сохраняет до конца жизни прочную родственную связь, заставляет детей ухаживать за немощными родителями не просто из чувства долга, а из любви, в силу физической привязанности, чувства «плоти от плоти».

Можно только сожалеть, когда родители суровы к детям, не улыбки, держат их на расстоянии, чтобы закалить характер. Характер, может быть, будет закалён, но с деградацией компонента «Дитя» - единственного, что сохраняет в личности естественность». И надо помнить: характер растущего человека формируется воспитанием в основном до 10-летнего возраста. Безропотное подчинение взрослым с позиции «Нельзя» вызывает у ребёнка перенапряжение нервной системы, и приводит к срывам в поведении. Американские психологи в своих исследованиях установили, что половину всей воспитанной части характера даёт мать, 28 % - отец, 3 % - школа, остальное – бабушки и дедушки, другие родственники и знакомые, друзья и сверстники. Школа, в основном, даёт знания и совершенствует то, что уже воспитанно. (Г. Г. Воробьёв).

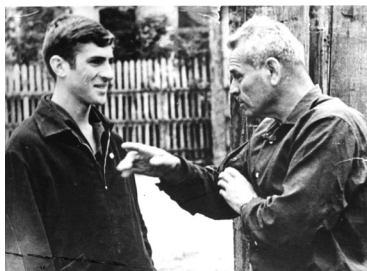
Оптимизация сети образовательных учреждений идёт много лет. Меняются министры, управленцы образования, директора школ, постоянно что-то реорганизуется методом слияния в образовательные комплексы, а проблемы остаются неразрешёнными. На передний план выходит приоритетная педагогическая составляющая - воспитание. А рецептов улучшения ситуации всеобщей проблемы пока нет. Школа воспитывающая на сегодня только в проекциях. Чтобы научить ребёнка чему-то новому, воспитать в нём хорошие качества, воспитатель сам обязан обладать ими. Вот как об этом рассуждает А. С. Макаренко: «Не думайте, что вы воспитываете ребёнка только тогда, когда с ним разговариваете или поучаете его... Вы воспитываете его в каждый момент вашей жизни... Как вы одеваетесь, как вы разговариваете с другими людьми и о других людях, как вы радуетесь или печалитесь, как вы общаетесь, как вы смеётесь... - всё это имеет для ребёнка большое значение. Воспитание детей требует самого серьёзного тона, самого простого и искреннего. В этих

трёх качествах должна заключаться предельная правда вашей жизни. Самое незначительное прибавление лживости, искусственности, зубоскальства, легкомыслия делает воспитательную работу обречённой на неудачу». И ведь прав Макаренко. Сегодня доминируют в стране не духовные потребности, а материальные возможности. Родители озабочены не духовным здоровьем детей, а проблемой финансового достатка. У детей возникают искажённые представления о доброте, справедливости, порядочности, честности. Нет идеалов в воспитании, нет и знаковых образцов для принятия и подражания. И это притом, что у нас уникальное отечественное педагогическое наследие и духовно-нравственная культура.

Согласно педагогическим установкам, успех ребёнка в дошкольном детстве во многом зависит от того, насколько взрослые понимают единство природного и социального в проявлениях у ребёнка способностей, их конкретное соотношение. Одного понимания здесь недостаточно. Индивидуальная система способностей самых разных детей и вызывает трудность. Усвоение социальных норм происходит на основе подражания. Дети копируют взрослых по хорошим и по плохим поступкам, и плохой пример всегда заметен, притягателен. Усилия педагога учить детей быть примером для других, не делать того, чего не желаешь себе, избегать зла и зависти, уметь просить прощения, поступать честно - всё это может потерять смысл после одного неверного действия взрослого человека. Воспитывают не только слова, с которыми мы обращаемся к детям, но и наши дела, наши поступки, наш образ жизни, где свидетелями выступают дети. Мы подчас учим одному, а наши поступки убеждают совсем в другом. «Самое упорное натаскивание человека на похвальных мыслях и знаниях - пустое занятие», - предупреждал А. С. Макаренко. Организовать детскую жизнь, как опыт, воспитывающий определённую группу привычек, - таково было основное требование педагога, и в этом он видел сущность воспитания. Постоянная тренировка в нравственных поступках приводила к тому, что привычка к правильным действиям становилась для его воспитанников жизненной нормой.

Находясь среди людей, человек не может обойтись без правил, которые определяли бы, как он должен себя вести. Эти правила достаточно разнообразны: правила личной гигиены, культуры поведения, общественной жизни, морали и права. Кроме этого, имеется множество правил поведения, которые не записаны ни в каких актах: они живут в сознании общества, в его традициях, обычаях, нравах. Именно нормы, принципы, идеалы побуждают нас поступать определенным образом – часто «по совести». Такие побуждения неразрывно связаны с нравственными оценками и самооценками того, что есть норма, и того, что нельзя допускать, что претит нравственным требованиям и идеалам. Если бы выполнение нравственных норм не влекло за собой объективной оценки поведения (положительной или отрицательной), то требования морали превратились бы в благие пожелания. Именно оценки придают морали реальную значимость. Таким образом, непосредственным регулятором человеческого поведения является нравственная норма, действующая либо как прямой запрет тех или иных поступков (например, оскорбляющих достоинство человека), либо как указание на необходимый в данной ситуации образ поведения (например, оказание помощи попавшему в беду). Нравственный регулятор служит тому, как должен вести себя человек, руководствуясь определенными моральными мотивами и установками, действующими в обществе. И тогда становится очевидным, что всякое отклоняющееся поведение человека – это несоответствие моральным идеалам и нравственным нормам данного общества.

Наша педагогическая деятельность в мире детства изобилует ошибками. И для семьи, и для школы самый напряжённый, и сложный, и опасный – подростковый возраст. В это время происходит конституционная перестройка организма, наступает половая зрелость, формируется миропонимание, вырабатываются нравствен-



*Калабалин Семён Афанасьевич
в каждом из воспитанников
видел прежде всего ЧЕЛОВЕКА*

ные нормы и решается множество проблем, с которыми сталкиваются подростки на пути взросления. Существенные перемены в жизни общества сказываются на детстве. Чем хуже жизнь взрослых, тем сильнее срабатывает бумеранг опасностей на детей. Оказываясь во власти обстоятельств, непонимания, недоверия к миру взрослых, дети ломают сложившиеся нормы устоявшегося бытия и ищут иные пути, обычно в среде себе подобных, и там обретают безопасность и покровительство. Эти подростки ещё не понимают, какой «стиль» поведения у новых друзей, какая цена их «уважения»... Но для таких ребят это выход, и свою новую жизнь они считают вполне нормальной. «Я знал подростков, – писал В. А. Сухомлинский, – несчастных через одиночество. Мир взрослых был для них недостижим и непонятен». Для подростков характерно стремление отстаивать своё право на индивидуальность, уникальность, при этом не быть как все. Таким образом они самоутверждаются, чтобы инициировать чувство собственной значимости. Пример тому – исповедь одного из подростков под названием «Записки интеллигентного мальчика»: «Я – молодой 16-летний раб. Да-да, именно раб... Я не принадлежу себе. Я принадлежу хозяину... Всё, с чем я соприкасаюсь, принадлежит ему. Мне принадлежат моё тело и моя душа, но тело можно наказывать, душу оскорбить. Телесно и духовно я зависим. Я безгласен. Я не могу возразить, я несвободен в выборе, я не могу распорядиться собой и своим временем. Я свободен только ночью, когда мечтаю о будущем, но даже ночью я должен убедиться в том, что мой хозяин уснул и ему не придёт в голову говорить со мной «по душам». Все слова о моих правах, свободе — фикция... Я не вправе выбирать свою судьбу. Вы боитесь, что я стану бомжом, бродягой? Вовсе нет. Я хочу учиться, работать, встречаться с друзьями. Я хочу жить. Хочу жить по общим для всех законам... Говорят, что мы – потерянное поколение. А мне очень хочется потеряться и потерять всё то, что черно и лживо. Отец один раз в сердцах обозвал меня Павликом Морозовым и пригрозил выгнать из дому, если я ещё раз вынесу сор из избы. Нет, сор надо не только выносить из дому, где живёшь. Но ещё тщательно мыть после этого руки! Ах, как

бы я хотел, чтобы меня выгнали! Чтобы не видеть больше притворства. Но даже выгнать нельзя. Это же издевательство: грозиться выгнать, а потом с боем возвращать... (далее - претензии к взрослому миру, проявления бунтарского духа, обида и презрение всего и вся: «вы ничего не сделали...», «вы банкроты, духовные импотенты...», «вы создали замкнутую систему дьявола, где мы обречены на вымирание...»). При всём этом юноша выявляет и оценивает ситуации жизни, в которых оказался сам и его поколение, ищет и находит тот идеал устойчивой системы убеждений, проявляющейся в стиле поведения. «Если бы я был политиком, я организовал бы партию для молодых. Комсомола давно нет. Давайте создадим союз пацанов! Для нас, кому от четырнадцати и более, чтобы решать свои проблемы. Я устал от пустых разговоров. Я хочу стать собой. Я хочу стать тем, на что способен».

Помочь подростку взрослеть - пожалуй, в этом и проявляется родительская мудрость. Подростковый возраст всегда ищет новизны, острых ощущений жизни, романтики, нуждается в кумирах и героях. Поддержать их в этих добрых устремлениях - педагогическая задача для взрослых. Подростки очень хотят, чтобы считались с их мнениями, желаниями, настроениями. Они не переносят недоверия, пренебрежительного тона, насмешек, нотаций, особенно в присутствии друзей. Подросткам в силу возрастных особенностей в некоторые периоды присуща неадекватная оценка своих возможностей и себя как личности. Надо уметь понимать и принимать их мир, их тревоги и сомнения, их радости и печали, их переживания и увлечения. Уметь выслушать и согласиться, переубедить, если ошибается. Подчас грубость является своеобразной формой борьбы за свою самость, за утверждение своей взрослости. Они всячески протестуют, когда их постоянно контролируют, наказывают за мелочное, требуют послушания, подчинения, не считаясь с их желаниями и интересами. Вот оно, поле педагогической активности.

Важнейшая жизненная потребность подростка - иметь свою значимую группу сверстников или такое сообщество, где тебя понимают и принимают, как своего. Именно здесь,

по выражению одного из участников подросткового объединения, они находят убежище от чрезмерной опеки со стороны взрослых. «Я взрослый, а поэтому взрослым не доверяю», – это одно из наиболее символических утверждений, отражающих, как в зеркале, ключевое противоречие подросткового возраста. В подобных сообществах возникают свои «нормы» жизни, утверждённые самими детьми. Участие взрослых, как правило, здесь не предусмотрено. Такие подростковые группы наиболее замкнуты и трудно принимают в себя новичков, что часто создаёт особое пространство одиночества вокруг подростка с трудностями в общении. Взрослый должен быть другом детей, но другом особым, отличным от друга-сверстника. Это обусловлено не только различием социальных позиций взрослого и взрослеющего человека, но и той особой психологической функцией, которую должен выполнять взрослый. Потому и считаю важным приобретением, разработку совместно с родителями и школой «Декларации семейного образования», где будет чётко задано следующее: «Ребёнок – не игрушка, не тиран и не твоя собственность, это душа, данная тебе на хранение» (мудрое изречение предков). И ещё: «Ребёнок – это живой человек. Это вовсе не орнамент нашей жизни, это отдельная полнокровная и богатая жизнь. По силе эмоций, по тревожности и глубине впечатлений, по чистоте и красоте волевых напряжений детская жизнь несравнимо богаче жизни взрослых». (А. С. Макаренко). Небезынтересны мнения и других авторитетов: «Мы слишком много обращаем внимания на дурное и тёмное и не столько боремся с ним, сколько боимся его, – вот почему оно так обильно и так властно над нами! Необходимо оберегать детей от такой печальной ошибки, разъедающей нас». (А. М. Горький). «Всё, что мы делаем для улучшения взаимоотношений с ребёнком, всегда будет иметь исключительное значение и для его отношений со сверстниками». (Аллан Фромм).

Прогнозировать трудности подросткового возраста в ходе изменений в психическом развитии весьма сложно, как и вести растущего человека по ступенькам взросления. Современная школа, учительство, семья и родители оказались в ситуации «педагогического дефолта». Несостоятель-

ность, прежде всего, сказалась на отсутствии возможностей противостоять натиску негативного влияния на детей со стороны таких мощных воспитателей, как электронные информационные сети. Педагогическая общественность давно выражает свою обеспокоенность складывающейся ситуацией: психика растущего человека может навсегда утратить способность по-настоящему общаться с людьми в реальной жизни. По глубокому убеждению А. С. Макаренко, каждый человек должен входить в жизнь, умея сопротивляться вредному влиянию. Не оберегать человека от вредного влияния, а учить сопротивляться – такой была принципиальная позиция выдающегося педагога. К сожалению, мы проигнорировали то важное, а именно – его уроки «человеческого сопромата», и лишили себя возможности иметь профессиональный багаж пользователя при выстраивании взаимоотношений с подростками, при решении их проблем на уровне профессионала. Ошибки взрослых впоследствии могут отражаться на состояниях и способах поведения детей. Вот некоторые фрагменты высказываний тех, кто вступает во взрослую жизнь: «Грустно видеть, что все мы меняемся, и часто – не в лучшую сторону. Хотя я знаю, что это нормально для человека. Стало не хватать радости в жизни. Раньше ее было хоть отбавляй, а теперь словно ее кто-то слишком сильно отбавил – может, это я сам. Мне не хватает разнообразия в жизни. Моя жизнь – сплошная скука...»; «Я не люблю покой, но иногда его не хватает. Покой навсегда – такого мне не нужно никогда, но периодически он должен быть, а его нет»; «Не хватает пространства. Я ищу чего-то, а этого нет. Я знаю, что это «что-то» где-то есть, но оно не появляется передо мной. Нету многого. Нет силы воли, нет уверенности в себе. Нет уверенности в завтрашнем дне»; «Мне не хватает внимания. Любви. Открытости. Времени. Уверенности в будущем. Серьезного общения с людьми. Спокойствия. Понимания. Сочувствия. Откровенности с собой. Смелости на какие-то поступки. Оптимизма. Другой себя»; «В своих мыслях я знаю, как надо, как стоит жить и что делать, но воплотить это в жизнь очень сложно. Мне не хватает волшебства. И уверенности, что все, что я делаю, правильно и праведно»; «Моя жизнь начинается только тогда, когда я выхожу из школы».

Приведенные размышления подростков о себе отражают их жизненные запросы, желания, потребности, разочарования. Ясно одно: многим из них не хватает понимания реальной жизни. Обыденное и бессобытийное существование сопровождается усилением напряженности, тревожности, конфликтности, неуверенности в себе. Не самоопределившиеся, без опыта переживания ситуативного одиночества, испытывающие трудности в решении собственных проблем и при выборе возможностей преобразований. Их страшит будущность, которая представляется неизвестностью и непредсказуемостью в их воображении и ожиданиях. Им скорее хочется все получить в готовом виде от неизвестного благодетеля, и тогда сама жизнь станет другой, а именно той, которая рождается в их фантазиях! Реальная жизнь страшит подростков, а виртуальная – притягивает, увлекает. Отсюда и огромное желание самоутвердиться в социальной сети, по-новому увидеть и оценить себя, свои способности, представления о способах жизнеустройства, чувствах и формах поведения. Социальная сеть дает им шанс быть внутренне защищенными от мира взрослых. Здесь свобода, новые ощущения жизни, свободный поиск друзей, чувственное восприятие нового в движении времени, доступная реализация способов невербальной коммуникации с помощью знаков и символов, самореализация в отношениях с людьми без особой избирательности и др. С позиции педагогов, здесь необходим поиск альтернативы. Ее нам подсказывает писатель Владимир Амлинский: «Без воспитанного в детстве вкуса в жизнь выходят люди эстетически и этически глухие». И действительно, воспитание молодого поколения – дело не только государственное, но и личное, касается каждого из нас. Чтобы воспитание было делом успешным, требуется воспитание воспитателей. Эта область педагогики затрагивает интересы и таких общественных сфер, как интернет и телевидение. Движение к лучшему возможно там, где есть противодействие, где есть сопротивление, где развито чувство нравственной ответственности не только за себя и свои интересы, но и за другого, за такого нелегкого, трудного, неблагополучного, незащищенного, отклоняющегося... Восхождение взрослого к ценностям жизни наших подростков – залог

решения многих их проблем, встающих на жизненном пути. Каждый растущий человек - особенный в своих трудностях, но он не безнадёжен. Сущность воспитывающей деятельности сегодня – человеческая личность. Результат – достойное поведение. Средоточие разрешения многих проблем «трудного» детства – народная мудрость, которая и должна составить общекультурный контекст воспитательной педагогики. Вот почему педагогизация общества становится назревшей проблемой времени, без которой невозможны гуманитарные преобразования в стране. Хочется верить, что важнейшие события в стране и в мире станут поворотной точкой на пути к большим переменам к лучшему.

Из дневника подростка:

«В нас столько всякого наносного,
В нас столько всякого ненужного,
В нас столько всякого нарочного,
В нас столько всякого хорошего.

А люди ходят и не верят нам...

Они большие и сухие,
Они гуляют, как по берегу,
Вокруг бушующей стихии».

И в качестве резюме - еще одна примечательная мысль Владимира Амлинского: «Всякий раз, общаясь с ними, мы оставляем в их сознании след – так же, как наши отцы оставили след в нашей душе. След не только словом или поступком, но и своим внутренним миром, духовным опытом». Вот оно, рациональное зерно для поля живой педагогики. Требуется посадить и взрастить его, и как можно скорее. Это и есть реальное движение к преобразованиям.

Литература:

1. Аплетасев М.Н. В поисках нравственного смысла жизни: Книга учителя. - Омск: Изд-во ОмГПУ, 1997.
2. Братусь Б.С. Аномалии личности. - М.: Мысль, 1988.
3. Воробьёв Г.Г. Молодёжь в информационном обществе. - М.: Мол. гвардия, 1990.
4. Демакова И.Д. Пространство детства: проблемы гуманизации. - Москва-Ижевск: Академия повышения квалификации и переподготовки работников образования, Республиканский центр развития образования, 1999.
5. Психологические проблемы выявления и коррекции отклоняющегося поведения школьников: Сб. науч. тр. / Ред. Д.И. Фельдштейн и др. - М.: Изд. АПН СССР, 1980.
6. Субботский Е.В. Ребёнок открывает мир: Кн. для воспитателя дет. сада. - М.: Просвещение, 1991.
7. Расчётина С.А. Социальная педагогика - развивающаяся область образования. Под ред. К.Д. Радиной. - Псков: ПОИПКРО, 1998.
8. Толстых А.В. Взрослые и дети: парадоксы общения. - М.: Педагогика, 1988.
9. Учимся общаться с ребёнком: Руководство для воспитателя дет. сада / В.А. Петровский, А.М. Виноградова и др. - М.: Просвещение, 1993.
10. Фромм Аллан. Азбука для родителей. - Л.: Лениздат, 1991.

*«Идя навстречу детскому интересу...
мы оказываемся как раз на путях новейшей педагогики».*
А. С. Макаренко.

Детско-взрослые взаимоотношения в информационном пространстве: совместное восхождение к сотрудничеству, к воспитанию добродетелей



Возрастающие объёмы знания и их использование позволили создать такой мощный информационный источник-ресурс, как Интернет (глобальная информационная сеть). Активное внедрение информационных и коммуникационных технологий внесло глубокие изменения во все сферы жизни человека, в том числе и в образование. Сегодня отечественное образование претерпевает изменения, ориентированные на информатизацию. Происходит становление новой модели – информационная глобализация образовательного пространства, где влияние глобальной сети на человека - не только сладостное явление, но может быть и пагубным. Компьютер прочно вошёл и утвердился в жизни наших детей, завлекая доступностью информационной и телекоммуникационной инфраструктуры, перестал быть предметом роскоши и стал для мно-

гих предметом первой необходимости. С каждым годом возрастной диапазон пользователей стремительно расширяется. Расширяется и сфера услуг компьютерных развлечений и досуга. Заявили о себе и серьёзные проблемы: чрезвычайно быстро распространяется компьютерная зависимость самых разных людей. Типология проявления интернет-зависимости следующая:

- пристрастие к виртуальным знакомствам – избыточность знакомых и друзей в сети (в виртуальном мире человек чувствует себя комфортнее, чем в реальной жизни);
- навязчивая потребность в сети (онлайновые азартные игры, аукционы и др. в зависимости от настроения и желания пользователя);
- информационная перегрузка (навязчивый web-серфинг) – бесконечные путешествия по сети, поиск информации по базам данных и поисковым сайтам, что приводит к привыканию, за которым следует ухудшение настроения и психические расстройства;
- игровая компьютерная зависимость (психологи отмечают, что каждый двадцатый пользователь «подсаживается» на виртуальную игру);
- возможность анонимных социальных интеракций (здесь особое значение имеет чувство безопасности при осуществлении интеракций, включая использование электронной почты, чатов и т.п.);
- реализация собственных представлений, фантазий, невозможная в обычной жизни (ролевые игры в чатах);
- широкая возможность поиска собеседника, удовлетворяющего практически любым критериям (важно отметить, что нет необходимости удерживать внимание одного собеседника, так как в любой момент можно найти нового);
- кибер-сексуальная зависимость – непреодолимое влечение к посещению порнографических сайтов (количество сетевых ресурсов с порнографическими материалами сверхдопустимо).

Никакие проблемы молодёжи не могут быть только молодёжными. «Секрет творчества – в сохранении юности. Секрет гениальности – в сохранении детства: детской интуиции на всю жизнь» (П. А. Флоренский). Существу-

ет множество факторов, и нельзя решить проблему молодых людей, используя только один из них и игнорируя остальные. Необходимо информационное питание – надо определиться с тем, как сделать реальный мир добрее. Интернет-зависимости – явление многоликое и чрезвычайно сложное. Пагубные привычки быстро перерастают в болезненные состояния психики, аффективный компонент поведения. Ситуация осложняется ещё и тем, что зачастую дети с подобными трудностями имеют нарушения не в одной, а в нескольких сферах, и выявление их характера требует специальных исследований. Практические психологи выделяют три основные причины депрессивных отклонений в сфере эмоциональных психических состояний у интернет-зависимых детей:

- наличие постоянной потребности в компьютерной игре и одновременно с этим - невозможность полного удовлетворения данной потребности;
- субъективное переживание на сознательном уровне практической бесполезности компьютерных игр наряду с невозможностью прекращения этого увлечения в силу наличия психологической зависимости;
- неадекватное отношение к себе в результате несоответствия «я – виртуального».

Мы видим, что представленный комплекс нарушений весьма сложен. Поэтому реабилитация поведения таких детей должна начинаться, прежде всего, с коррекции психической патологии. Основной подход – комплексный. Он осуществляется путём целенаправленного применения психолого-педагогических средств и приёмов с непременным использованием прикладных медицинских знаний. «Оздоровление детей дополняется воспитанием», которое «растворяется в лечении психолого-педагогическими методами воздействия» (Л. С. Выготский), а «работа врача, психолога и педагога объединяется здесь в одно целое» (В. П. Кашенко).

«Почему объектом всех педагогических исследований является ребёнок, а не его жизнь»? Это тот вопрос, который давно интересовал А. С. Макаренко. Вот и Януш Корчак об этом: «Ребёнок превосходит нас силой чувств. В области интеллекта он, по меньшей мере, равен нам, ему

недостаёт лишь опыта». Детство - и есть сама жизнь, и от того, как взрослые относятся к ребёнку и какое место он занимает в их жизни, зависит благополучие детства.

Семья в России является одним из мест психических расстройств и травм детей. Факты свидетельствуют: дети систематически испытывают агрессию, несправедливость, придирки, грубость, оскорбления и давление со стороны родителей. Мир близких им людей для них недоступим и непонятен. Многие дети признавали, что неоднократно переживали состояние, близкое к отчаянию, и видели выход из этих проблем в полном разрыве с родителями. Дети подросткового возраста активно стремятся защищать себя, свои позиции и интересы, требуя равенства сторон и личной свободы. Именно эта проблема является предметом соперничества и конфликта и не способствует конструктивному решению вопроса. Потому подростки ищут свои способы самоутверждения и успокоения с помощью компьютера. Макаренко предупреждал: «Человек не может быть воспитан непосредственным влиянием одной личности, какими бы качествами эта личность ни обладала...» Чтобы обеспечить ребёнку условия полноценного, здорового, нормального детства нужен другой взрослый, такой: лучший и значимый – духовно богатый человек, способный понять, принять, помочь, готовый обеспечить безопасность ребёнку и придать уверенность в преодолении разрывов между жизнью в прошлом и верой в лучшее настоящее и, конечно, творить вместе с детьми педагогику реального гуманизма.

Добротель – важнейшая черта характера и способность человеческой личности. Воспитание добротелей сегодня есть насущная потребность времени. Делать мир добрее – вокруг себя, для других, для общества в целом – процесс, дающий счастье взрослым и детям. «Воспитание – дело трудное, но это, прежде всего, дело, деловая деятельность, доступная каждому взрослому...» (А. С. Макаренко). Взрослый – творец ребёнка. Но сотворить ребёнка возможно только в совместной деятельности с ним. Совместное создание прецедентов успешной деятельности укрепляет веру ребёнка в себя. Добротель есть критерий нравственной надёжности челове-

ка. Спасение детей и молодёжи от нравственного и духовного оскудения выводит нас на осмысление истинно гуманистической системы воспитания. С. Т. Шацкий: «Воспитание и жизнь – всё-таки понятия не вполне тождественные. Воспитание – это жизнь более умная, более осмысленная, чем обыденная жизнь. В обычной жизни мы можем горячиться, заблуждаться, совершать непоправимые проступки, нами могут руководить страсти и эмоции, но не мысли. Воспитатель, в отличие от обычного человека – человек мудрый, имеет знания и опыт жизни и умеет передать этот опыт другим. Сейчас мы находимся в таком положении, когда дети живут не своей детской жизнью, общаясь с книгой, природой, сказкой, увлечённостью трудом, а живут жизнью взрослых. Не понимая этой жизни и не разбираясь в ней, они принимают эту жизнь со всеми её хорошими и дурными сторонами. При этом дурные стороны нашей жизни, как наиболее яркие и внешне более понятные, находят в детях невольных, но верных последователей... Чем хуже жизнь взрослых людей, тем губительнее она сказывается на детях. Тяжесть нашей взрослой жизни, вторгаясь в детство, и разрушила его. Отсюда – злорадство, брань, азартные игры, кражи. Наша жизнь движется вперёд толчками. Этими толчками являются выдающиеся случаи жизни, как радостные, так и печальные. Анализируя эти случаи жизни, находя выход из них, мы движем жизнь вперёд». Педагогическая деятельность С. Т. Шацкого по своей сути была первой попыткой создать в условиях России воспитательную детскую общность «трудных» детей и подростков с одной благородной целью – вернуть детям детство. Созданная им школа-колония «Бодрая жизнь» помогла воспитанникам разносторонне развить свои способности, дала им трудовую закалку, научила справляться с неудачами, вызвала интерес к искусству, культуре. С. Т. Шацкий успешно использовал идеи педагогики среды как надёжный способ связи воспитания с жизнью.

Обновление в образовании не может осуществляться вне истории-



С.Т. Шацкий

ческой преемственности с отечественным педагогическим наследием. Многие из него отвечают современным требованиям воспитания и реабилитации детей. В педагогической традиции отчётливо выступают такие факторы образования, как совместное бытие детей и взрослых, слово-мысль, труд (действие, дело, деятельность), обычай и традиция, искусство, религия, природа, общение, игра, пример, и всё то ценное, что могут наследовать и применять другие. Поэтому естественно обращение к образовательному опыту талантливых педагогов-мыслителей и практиков, труд которых был связан с реабилитацией и защитой детства. Востребованию подлежат конкретные идеи и практический опыт талантливых педагогов, актуальность которых несомненна в наше столь сложное для детства и страны время. Важнейшей предпосылкой воспитания является вера ребёнка, подростка, молодого человека в своего старшего наставника (духовника). Через его деятельность формируется «зона доверия» между детьми и взрослыми, путь к их взаимопониманию. Педагог-наставник вызывает это чувство, если никогда не злоупотребляет чувствами ребёнка, сознательно не причиняет ему боль. Ребёнок в этом случае может свободно выражать свои чувства и быть самим собой. Любовь составляет важнейшую сторону межличностных отношений. А для ребёнка очень важно знать, что его любят. Именно семье принадлежит важнейшая роль в социализации ребёнка. Воспитательный приоритет остаётся за семьёй, и в соответствии с этим надо строить все отношения и решать проблемы наших детей с родителями, а также и в школе, и в социуме. Важно уметь любить каждого ребёнка, но это сложно. Надо хотя бы постараться принять дитя со всеми недостатками, пороками. От того, примем ли мы его душой или нет, зависит и то, примет ли он нас, а значит, и наши воспитательные воздействия. Педагог-наставник должен владеть искусством воспитания, стать полипрофессионалом, то есть овладеть опытом работы в различных педагогических условиях и ситуациях. И действительно необходимо осваивать педагогическую технику этой специализации, иначе сегодня нельзя. Детству нужны организаторы, которые не на словах, а на деле способны пойти на союз с ребятами, могут добивать-

ся оптимальных результатов в достижении воспитательных целей и задач, умеют практически руководить процессами образования и развития способностей детей.

P.S. Как-то я принял участие в работе «круглого стола» по теме «Психология лидерства. Интернет-пространство как доступная среда для проявления лидерства» в Первом Московском кадетском корпусе. По дороге купил газету «Комсомольская правда», а там - на удивление большая статья в унисон с нашей темой: «Подростковые оргии», да и подзаголовок соответствующий - «Что нужно знать родителям, чтобы ребёнок не попал в беду». Удачное совпадение, а значит, проблема актуальная, свеженькая. С неё и начал...

Литература:

1. Андреев К.А. Информ-глобализация в образовании: факторы риска и собственно реабилитация. Науч. консультант Морозов В.В. - Народное образование, № 9, 2010.

2. Артамонова Е.Г. Психологический портрет цифрового поколения России в системе образовательных отношений. - Профилактика зависимостей. Учебно-методический электронный журнал, № 1, 2017.

3. Бессонова В.Т. Профилактика интернет-зависимости старших подростков - Социальная педагогика, № 6, 2010.

4. Зарецкий В.В., Булатников А.Н. Реабилитация и ресоциализация несовершеннолетних с зависимостью от психоактивных веществ. - Профилактика зависимостей. Уч.-мет. электр. журнал, № 2, 2017.

5. Мир детей - отражение мира взрослых. Всероссийская конференция, посвящённая 130-летию А. С. Макаренко. - Профилактика зависимостей. Уч.-мет. электр. журнал, № 2, 2018.

6. Морозов В.В. Подростки в конфликте с законом. - Профилактика зависимостей. Уч.-мет. электр. журнал, № 1, 2017.

7. Слободчиков В.И. Антропологический смысл и духовно-нравственные основы семейной жизни. - Профилактика зависимостей. Уч.-мет. электр. журнал, № 2, 2017.

«Мы старались, как только могли, сделать их жизнь в колонии наполненной и прекрасной. Они имели свой театр, свой оркестр, в колонии было изобилие цветов, молодёжь была красиво одета. Они стали наиболее передовыми людьми во всей округе и оказывали очень благотворительное влияние на окружающее население, которое уважало их за общительность, изобретательность, за весёлый нрав и весёлое обращение».
А. С. Макаренко.

О педагогике сексуального просвещения

Человек сексуален. Это важный факт на понимание обстоятельств сексуального поведения ребёнка, особенно-стей возраста подростка, когда он один на один остаётся со своими сексуальными проблемами. Для самого ребёнка важно знать о себе, как человеке определённого пола. Поло-ролевая идентификация в процессе воспитания и социализации - важное направление на ознакомление детей с половыми различиями. Не следует фиксировать внимание ребёнка на строении половых органов, скорее всего, надо определиться и рассказать о различиях между мальчиками и девочками. Именно родители испокон веков развивали у ребёнка представление о принадлежности к своему полу, при этом в мальчике поощряли мужское (маскулинное), а в девочке - женские черты характера (фемининное). Здесь очень важно, чтобы мальчики воспринимали мужские образцы поведения а девочки - женские. Необходимо учитывать характерную особенность возраста в проявлении маскулинных или фемининных качеств, и продумать определённую систему различных дел и занятий. У детей, как правило, нет интереса к различиям в строении их тел. Поэтому сексологи даже рекомендуют разрешать детям пользоваться совместно туалетом, мыть разнополых детей вместе. Причём лучше начинать это с самого раннего детства. Ребёнок должен привыкнуть к тому, что в обнажённом теле нет ничего неприличного, и в то же вре-

мя понимать, что быть обнажённым во многих ситуациях неуместно, неприлично, некрасиво. Взрослым следует помнить: чрезмерное запретительство, излишняя стыдливость, боязнь обнажённого тела могут иметь последствия в интимной жизни.

В подростковом возрасте надо уметь готовить ребят к половой зрелости, а именно - в доступной форме информировать о подростковой сексуальности. И. С. Кон выделяет три важнейших компонента: половое поведение, то есть поступки, в которых проявляется и реализуется половое влечение (когда начинается половая жизнь, каковы стадии её развития, её интенсивность и т.д.); психосексуальные установки и ориентации, то есть отношение людей к вопросам пола, нормам половой морали: эти установки различаются по степени осознанности и существуют как на уровне культуры, так и на уровне индивидуального сознания. Эротические фантазии и переживания, которые часто бывают неосознанными и изучаются, главным образом, клиническими методами. Безусловно, подростка нужно подготовить к требованиям взрослой жизни. Моральная зрелость растущего, взрослеющего человека - воспитывается. В обиходе моральности лежат нравственные установки: *не делай другому того, чего не хочешь себе самому, живи и не мешай жить другим, не наноси им ущерба, не создавай неудобства, не доставляй неприятностей*. Такой этический подход порядочного отношения к людям задаёт нам в качестве руководства специалист в области социальной кибернетики Г. Г. Воробьёв. Он писал: «Прежде всего молодёжь хочет быть самостоятельной и свободной от каких-либо и чьих-либо ограничений и запретов, кроме тех, которые она накладывает на себя по своему выбору и желанию. Эта неумная жажда свободы нередко приводит к недоразумениям и конфликтам. То, что называется моральной зрелостью, достигается не сразу: утверждая собственную свободу, не посягай на свободу других».

Немаловажно и то, что во многих цивилизованных странах строго соблюдается установленный принцип: в моральном отношении делай всё, что хочешь, но не нарушай закон и не оскорбляй чувств других (придерживайся уровня до-

зволненного). Жизнь - полигон испытаний. Самовоспитание чувств - это и физическая, и духовная, и интимная жизнь человека растущего, и наше осторожное и деликатное педагогическое соучастие, где взрослые обязаны быть на высоте профессионального примера значимого лица. Наша педагогика на протяжении многих лет представляла ребёнка как идеальное существо и, находясь под влиянием христианских традиций, оберегала его целомудрие. Отсюда следовала установка, что ребёнок - невинное существо, совершенно чуждое половой жизни. Уже это позволило видному учёному начала XX века Павлу Петровичу Блонскому признать: **«Традиционная половая педагогика есть, собственно говоря, отсутствие половой педагогики... Педагог сплошь и рядом сказочно невежествен в половом вопросе»**. Его статья «Половое воспитание: невежество и ханжество - плохие воспитатели» была написана в 1919 году и опубликована в журнале «Народное просвещение». Вот некоторые поучительные мысли автора:

«Ребёнок есть существо, имеющее слабые сексуальные ощущения, но, с другой стороны, вследствие разлитости этих ощущений по телу он весь сексуален».

«Характеризовать половую жизнь ребёнка – значит, перечислять половые «аномалии»... В педагогике, кажется, уже получила признание опасность телесных наказаний и борьбы в сексуальном отношении. Знаменитый рассказ Руссо, приводимый чуть ли не во всех книгах по половому вопросу, вполне заслуживает этого благодаря типичности. С другой стороны, общеизвестно, как детские жестокости и насильничества связаны с сексуальностью. Ребёнок - садист и мазохист...»

«Гомосексуализм числится в списке половых психопатий. Но всякий педагог знает «институтские нежности» с их влюблением, зацеловыванием и ревностью, короче говоря, с их сафизмом...»

«У ребёнка имеется сексуальность, но она совершенно иная вещь, нежели сексуальность взрослого. Разлитость сексуальных ощущений, автоэротизм, онанизм, подглядывание и самообнажение, садизм и мазохизм, фетишизм, гомосексуализм и половое чувство по отношению к

ближним родственникам, особенно родителям, - наиболее типичные части сексуальной жизни ребёнка».

«Наша задача состоит, прежде всего, в том, чтобы познать действительность, и при этом именно познать её, не плача, не негодуя и не радуясь, вполне объективно. Лишь объективное познание действительности может научить нас преодолевать всё плохое в ней; ложь же никогда не будет полезной учительницей».

«Я за половое просвещение, но я предупреждаю, что оно, в лучшем случае, слабое средство, а в худшем - досадная и глупая пародия».

«Человек есть сексуальное существо, и ему нет никаких оснований перестать быть таковым, поскольку в его сексуальном чувстве нет животных атавизмов».

«Идеализм юношеской любви, связанный с глубоким уважением к личности любимого человека, есть прекрасная школа полового воспитания».



П.П. Блонский

П. П. Блонский - человек исключительного дарования и огромной эрудиции. Вопросы педагогического просвещения и диапазон их возможностей, заданных учёным, приобретают сегодня особую значимость на обеспечение эффективности семейного образования в условиях общества потребления, где эрос стал атрибутом, событием, товаром, суррогатом, нормой существования без комплексов и табу. Павел Петрович советует и предупреждает нас о возможных сексуальных проблемах, которые были сто лет назад и живут до сей поры: «Не видеть того, что есть, невозможно: наблюдатель детской жизни встречается с детской половой психологией, как с фактом. В этом случае аскету-педагогу остаётся одно из двух: или лицемерить и, вопреки очевидности, игнорировать факт или приходить в ужас от испорченности и страшных грехов «выродка»-ребёнка. Разве только в вопросе о своих доходах люди лгут так неограни-

ченно, как в половом вопросе, где ханжество и притворство свили себе самое прочное гнездо. С другой стороны, аскет-педагог часто из половой жизни ребёнка создаёт трагедию, полную всяческих ужасов, и ещё не так давно традиционная половая педагогика была почти сплошь педагогическим террором. Метод умалчивания и метод застрашивания - самые обычные методы традиционной аскетической педагогики».

Книга доктора Альберта Молля «Половая жизнь ребёнка», изданная в России в 1909 году, привлекает не только своим объёмным исследованием очень важной проблемы, где представлены интересные мысли и различные точки зрения на проявления половой жизни ребёнка с момента рождения, но и то, что даётся в качестве рекомендаций-советов, которые явно носят запретительный характер. Вот и Павел Блонский даёт свою нравственную оценку тем, кто является носителем и просветителем подобного. В своей статье он пишет об этом так: «Не расточайте малюткам двусмысленных ласк в виде поглаживаний и похлопываний их по голому телу, особенно по половым частям... Не увлекайтесь поцелуями. Не кормите детей возбуждающими кушаньями и напитками. Не наполняйте на ночь их мочевого пузыря и желудка. Не спите с ними в общих постелях. Не устраивайте им тёплых и мягких постелей, на которых они валялись бы утром. Не шейте узких панталон детям. Не затягивайте своих дочерей в корсеты. Не подучивайте их к эксгибиционизму в форме всевозможных декольте. Не посылайте их на балы и не переутомляйте их спортом. Не устраивайте себе доходов с продажи детям и подросткам порнографических изделий. Пусть в вашей живописи и скульптуре голая женщина не фигурирует так безмерно часто... Не развратничайте и не сквернословьте хотя бы при детях. Не соблазняйте детей и не развратничайте с ними. Не раздражайте полового любопытства детей окутыванием в таинственный покров половой жизни ребёнка. Не оставляйте ребёнка одиноким в его половой жизни. Не держите его в невежестве. Не давайте ему возможностей узнать впервые о половых вопросах из уст соблазнителя. Не разобщайте полов в деловой жизни. Не культивируйте уха-

жёрства и «жениханья». Не воспитывайте из своих дочерей самок для спальни и легальных проституток... Однако нет нужды увеличивать список этих советов. Все они **бесполезны**, пока в современном обществе женщина - предмет купли и продажи, а брак - коммерческая сделка...

С переходом страны в советскую формацию большевики дали людям немислимую по тем временам *свободу*: любви и секса (женщинам не запрещалось оказывать платные интимные услуги, проституция становилась ремеслом, росло количество публичных домов и притонов для «особой публики»); уравнивались в правах зарегистрированный брак и свободное сожительство, а расторжение брака становилось исключительно лёгкой процедурой (сексуальный союз не предполагает ни долга, ни верности, ни обязательности совместной жизни, которую любой из супругов может разрушить по своей воле, - таковы были положения закона Советской России о браке и семье. Обязанности супругов друг перед другом за свою семью теряли смысл должного и сущего. «Одной из мер Советского правительства была отмена брака, - писала в 1927 году великая балерина Айседора Дункан. - Там двое людей расписываются в книге, а под подписью напечатано: «Эта подпись не возлагает никакой ответственности ни на одну из сторон и может быть аннулирована по желанию каждой из них». Такой брак является единственным соглашением, на которое может пойти всякая свобододолюбивая женщина, и единственной формой брака, под которой я когда-либо поставила бы свою подпись». Гражданские браки признавались молодой республикой как важное завоевание, хотя и несли они опасные последствия для семейных отношений, для детства, для устойчивости общества в целом.

Довольно широкое распространение в годы «свободной любви» получила так называемая теория «стакана воды». По этому случаю Ленин оправдывался: «Конечно, жажда требует удовлетворения. Но разве нормальный человек при нормальных условиях ляжет на улице в грязь и будет пить из лужи? Или даже стакана, край которого захватан десятками губ?»

В первом десятилетии Советского государства отмечается рост детской безнадзорности, беспризорности и пре-

ступности и, как, следствие, систематическое употребление алкоголя и наркотиков несовершеннолетними и молодежью, проявления аморального поведения в половой жизни (ранний секс и проституция). Профилактическая работа в эти годы фактически отсутствовала. Ещё в царской России проституция, как и преступность, объяснялась, согласно декларируемой теории, биологическими, наследственными характеристиками лиц, занимающихся ей, поэтому и борьба велась не с ней, как с социально аномальным явлением, а с её конкретными носителями. Так представляет свои выводы исследователь В. А. Попов, рассматривая проблемы профилактики социальных отклонений молодёжи в 20-е годы прошлого столетия. Причина всех трудностей объяснялась просто: безработица и нищета трудящихся масс, отсутствие мер по охране материнства и детства, наличие устоявшихся «фрейдистских» взглядов, согласно которым «жизнь и деятельность индивида всецело детерминируются половым влечением, так называемым либидо». Отрицая брак и семью как ненужные институты, государство, тем самым, устанавливало право на полную свободу сексуальных отношений. Гендерная проблематика советской печати в те годы свидетельствует, что тема сексуального поведения подростков и молодёжи была далеко не однозначной, но нуждалась в понимании сущего, деликатного, интимного. Судите сами: А. А. Василевский «Проституция и новая Россия» (1923), А. М. Василевский «Половое воспитание ребёнка» (1924), А. Ирвинг «Возрастной и национальный состав проституток» (1925), «Сексуальная педагогика» (1926), Б. В. Цуккер «Проституция. Её причины и борьба с ней» (1927), Д. О. Футер «О детях-наркоманах» (1925), М. Н. Гернет «Сотня детей-наркоманов» (1925), Р. М. Зиман «О кокаинизме у детей» (1926), П. И. Люблинский «Преступления в области половых отношений» (1925).

Поскольку половое воспитание - категория педагогическая, то и её детерминант, обозначенный, как **психосексуальное развитие индивида**, нуждается в познании и информированности (сексуальной просвещённости), чтобы преодолевать доминирующие факторы полового невежества. Данная проблема привлекает серьёзное внимание

своей актуальностью. Сексуальность - жизненная ценность человека. Она не должна сопровождаться ощущением греховности и вины. Педагогический смысл сексуального воспитания - овладение нормами, предписывающими должное поведение для представителя данного пола, а именно: правильное реагирование на особенности поведения своей половой идентичности, проявление эротических чувств, сексуальной потребности и способов её удовлетворения, формирование половой самооценки. Вопросы нравственно-полового воспитания для педагогики не являются второстепенными, они всегда подвергались оценкам классиков педагогики и психологии - как зарубежной, так и прогрессивной отечественной. Проблематика гендерных представлений, отношений полов в обществе, половая социализация детей, ролевые гендерные установки современных подростков, гендерная идентичность, семейное насилие и семейное благополучие, вопросы реабилитации и профилактики и многое другое, всё то, что становилось потенциалом необходимых знаний для каждого ученика и учителя.

Растущий человек - это формирующаяся индивидуальность со своими неповторимыми психическими особенностями, обособленным миром интимных ощущений и чувств, продуманным пониманием своей взрослости, восприятием нравственных принципов самобытия. Безусловно, здесь, в вопросах сексуального просвещения, от взрослых требуется профессиональная выучка, деликатность в отношениях, осторожность в действиях, педагогический такт и умения.

Молодёжь имеет право самостоятельно и независимо формировать и формулировать приемлемые и желательные нравственно-сексуальные нормы. Единственной обязательной нормой может быть ответственность



*Е.Ф. Григорович и А.С. Макаренко
«Поэзия любви»*

за характер и последствия разделяемых с другим человеком сексуальных отношений без принуждений и насилия. Здоровая сексуальность способствует полноте жизни и продолжению рода, неотделима от всех возможностей нормальной и полноценной жизнедеятельности супругов. Зигмунд Фрейд справедливо отмечал, что схематически внутренний мир личности образован тремя слоями, которые он назвал «ид», «эго» и «супер-эго». Первый слой подобен бурлящему котлу - это желания, которые стремятся немедленно воплотиться в действия. Но «эго», или «я», ставит между желаниями и действиями замедляющий фактор - мышление. А «супер-эго», или «сверх-я», включает в себя самонаблюдение, самооценку, совесть, стремление к идеалам. В сущности, супер-эго играет в нашей жизни ту же роль, что в жизни ребёнка его родители.

Любовь - это то традиционное, что считается высшей формой отношения между мужчиной и женщиной, базисом общения. Рассуждая о предпосылках возникновения чувства любви и её значимости, А. С. Макаренко писал, что человеческая любовь «не может быть выращена просто из недр простого зоологического полового влечения. Силы «любобной» любви могут быть найдены только в опыте неполовой человеческой симпатии. Молодой человек никогда не будет любить свою невесту и жену, если он не любил своих родителей, товарищей, друзей. И чем шире область этой неполовой любви, тем благородней будет и любовь половая».



Г.С. Салько-Макаренко

Историко-педагогическое наследие позволяет в образной форме иметь представление о важнейших знаниях на пропедевтическом уровне, что, несомненно, обеспечит успешное восприятие основных идей, которые задавались авторами педагогической мысли. Можно по-разному относиться к их взглядам и к их идеям, принимать их или

критиковать, отвергать или замалчивать. Невозможно одно - оскорблять, опошлять автора. Оценка опыта требует взвешенного аналитического подхода и педагогического этикета. И следует постоянно помнить: педагогика всегда на страже интересов детства.

Практический предмет воспитательной педагогики по характеру и специфике - ДЕТСТВОВЕДЕНИЕ. Это - важный шаг к пониманию: как научиться взрослым возвышаться до детства. И надо принять за установку: «Детство - это страна, где всё остаётся ТАК и ТАМ». (М. Цветаева). Это - совместное участие школы и семьи в предупреждении нравственной деформации детей, противоправного поведения подростков. Это - всеобщее признание: каждый ребёнок - ценность! Нам надо учиться любить всяких детей: больных, слабых, неуспевающих, шалунов... Мы должны знать, как им помочь. И помнить: всё - и хорошее, и плохое, и никакое - берёт своё начало в детстве.

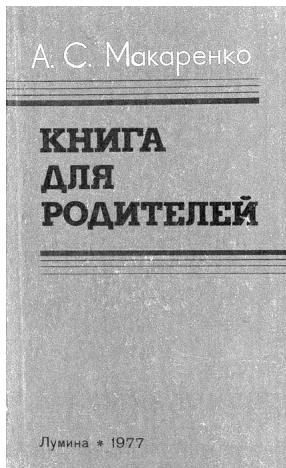
Советы родителям от А. С. Макаренко:

«Половое воспитание не представляет особенного труда и требует простоты и бесхитростности воспитателя. Мудрствуя лукаво, можно в данном случае только повредить. Всяческие попытки раскрывать перед детьми «тайну» вредны, нелепы и результатов не достигают».

«Надо с самого раннего детства создавать тормоза, умение владеть собой в этом вопросе, а это значит, не говорить об этом и не спрашивать родителей».

«Целомудрие, которое необходимо воспитывать у юношей, и уважение к родителям несовместимы с откровенными разговорами о половых отношениях».

«Только умение любить и ненавидеть помогает отличить добро от зла. Создаются люди активного действия. Надо уметь любить любовь, знать ей цену».



«Юноши и девушки должны знать, что любовь - большое, красивое чувство...»

«Люди, воспитанные без родительской любви, часто искалеченные люди».

Абстрактный морализм, ханжество, лицемерие, враньё по отношению к детям со стороны взрослых, заданная ими позиция, резко осуждались педагогом Макаренко. «Главное несчастье не в том, что перед ребёнком обнажается половая тайна, а в том, что она обнажается в самой безобразной, циничной и безнравственной форме».

Понимание растущего человека, живущего в определённых общественных условиях, требует необходимого умения его знать, исходя из понимания характера в его психическом складе. Владея методом наблюдения, педагог фиксирует индивидуальные психические особенности подростка, его отношение к действительности, к людям, к себе самому. Черты характера человека включают в себя наиболее существенные черты и качества, навыки и привычки, отличающиеся ярко выраженной сознательностью. Они очень разнообразны, сложны, динамичны. Наблюдение - активная форма чувственного познания. Оно предполагает ряд неразрывно связанных между собой этапов деятельности наблюдателя: постановку цели и определение основных задач наблюдения; выбор объекта и ситуаций, в которых проявляются его особенности; определение вида наблюдения, наименее влияющего на испытуемого и обеспечивающего сбор необходимой информации (например, включённое, скрытое, перекрёстное наблюдение), создание необходимых условий; фиксацию данных; обработку и интерпретацию полученной информации; формирование выводов исследования. Итогом целенаправленных наблюдений за детьми педагогом становится характеристика. По утверждению А. С. Макаренко, цели воспитания «должны выражаться в проектируемых качествах личности, в картинах характера и в тех линиях развития их, которые определённо намечаются для каждого человека». И, пожалуй, главное, что следует усвоить: изучая характер человека, необходимо ответить не только на вопрос, что собой этот характер представляет, но и на вопрос, что от него

следует ожидать, в каком направлении он должен развиваться. Макаренко это было важно и как педагогу, и как писателю, потому он и стремился дать более правдивую (объективную) характеристику своим воспитанникам и своим героям художественных книг, стремился дать ясное представление о человеческом в человеке, подчёркивая особенности внешнего облика, положительные и отрицательные стороны жизни, привычки, особенности строения тела, черты лица. Он стремился познать наличие индивидуального в каждом, склонности и интересы, способности к развитию, к самоопределению, их культурный контекст жизни, сложности и неоднозначности внутреннего мира. Весьма важен для педагога был фактический материал: мотивы поведения, поступки, действия, отношения, символы. Всё это позволяло воспитанникам обретать социальный опыт, учиться отличать и идентифицировать себя с другими, принимать (или не принимать) нормы, ценности, регулировать своё поведение. Особенности социального и индивидуального взаимодействия в определённой ситуации, преднамеренно ориентированные на поведенческую реакцию других, интересовали Макаренко, и он это фиксировал в своих дневниках, рассчитывая, что «пригодятся когда-нибудь».

Порой здравый смысл не способен понять того, что возникает в мозгах у отдельных людей, готовых очернить, осквернить человека, через присущие им свои нормы, оценки и собственный взгляд на мораль, вне понимания действительности или намеренно. Попробуем образно представить себя на месте Макаренко в колонии малолетних преступников на начальном этапе её создания, с выдуманными своими сладострастными фантазиями, в образе суперсексуала... Бред? А вот и нет. Журналист радио «Свобода», Борис Парамонов представил себя в роли автора своей теории вероятностей. Это предвидение подразумевалось, как протестное действие, основанное на интуитивных знаниях для собственного самоутверждения.

«В лагерях «педагогами» называли людей, сидевших за гомосексуализм, который, как известно, до самого недавнего времени был в России уголовно наказуем».

(Закон начал действовать только с марта 1934 года, за «мужеложество» - со сроком наказания до 5 лет, а до него существовали правила «свободной любви», с установкой, что в частную жизнь не должно вмешиваться государство. Правда, наказание было предусмотрено, если сексуальные действия осуществлялись в отношении несовершеннолетних для всех лиц, кто являлся насильником, а не только к гомосексуалистам).

«Макаренко писал книги, а книги, тексты страшно выдают авторов, обнажают всю их подноготную, особенно касательно авторских сексуальных склонностей... Книга Макаренко «Педагогическая поэма» полна такими проговорками. Я читал её с карандашом в руках - и отметил шестьдесят четыре случая, описывающих красоту мальчиков...» «Читая «Педагогическую поэму», вольно или невольно начинаешь обращать внимание, что почти на каждой странице встречаются красивые мальчики со стройными мальчишескими талиями, пружинными талиями, хорошими подвижными талиями и смазливými мальчишескими лицами».

(А. С. Макаренко на подобные упрёки приходилось отвечать литературному критику Ф. Левину: «Я не принимаю вашего упрёка в том, что в моей повести много красивых. Я такими вижу детей - это моё право. Почему вы не упрекаете Льва Толстого за то, что у



него так много красивых в «Войне и мире»? Он любил свой класс, я люблю моё общество, - многие люди кажутся мне красивыми. Докажите, что я ошибаюсь». И ещё: «Никогда не забывайте аксиомы: «Стремление к красоте, крепко заложённое природой в каждом человеке, есть лучший рычаг, которым можно повернуть человека к культуре...»)

«Есть в «Педагогической поэме» одна знаменитая сцена, которую все помнят: как Макаренко ударил воспитанника Задорова. Сколько ж по этому поводу наговорили разных

жалких слов, сколько всяких псевдодискуссий провели. Я же полагаю, что соответствующая сцена и весь этот сюжет о возможности насилия в педагогике в книге Макаренко представлен эвфемистически. Не исключено, что Макаренко не только бил своих беспризорников, но и убивал. Недаром он носил револьвер... Макаренко был не педагог-воспитатель, он был лагерный пахан, а его колония была воровской малиной. Конечно, он навёл в ней железный порядок, так что мог обдурить любую комиссию».

(В качестве мнения оппонента воспроизведу значимые для объективности мысли философа Наты Борисовны Крыловой: «Основная теория Макаренко - принцип параллельного с ребёнком действия. Этим обеспечивалась **свобода и самочувствие воспитанника**. В этой связи можно вспомнить о понимании С. И. Гессеном связи свободы и принуждения. Эта связь будто бы подтверждается практикой колонии. Правда, мы бы этот факт объяснили по-другому. Макаренко был педагогом от природы, он интуитивно понимал, что одно принуждение, даже облачённое в форму полуигры-полуреальности, не будет принято подростками, в детстве познавшими вольность и анархию. Именно поэтому Макаренко реально обеспечивает всем колонистам богатое пространство внутренней, впервые по-настоящему осознанной свободы и права выбора. И именно это стало основой горячей любви и уважения воспитанников к Макаренко. Он заменил им не только отца, он их искренне любил и показал, что считает их равными себе»).

«Макаренко не зря назвал свою колонию именем Горького. В пёстрой биографии знаменитого писателя он, надо полагать, выделял момент декларативного босячества как некое потребное его воспитанникам сверх-Я: босяк, беспризорный сделался хозяином жизни. Вот в чём была социалистическая перспектива работы Макаренко, да и всей тогдашней большевистской работы: не хозяин на земле, не хуторянин-семьянин, а не помнящий родства босяк с железяками».

(У Антона Семёновича Калабалына другое мнение: «Я полвека проработал учителем - в школах, детдомах, колониях... Каждый год читаю «Педагогическую поэму» и каж-

дый раз открываю что-то новое. Бытует такое мнение: мол, Макаренко работал в колонии, с бандитами... Чушь! В той колонии не было никаких решёток, и Антон Семёнович разрешал уйти в любое время, если кому не нравится. Бывало, и уходили. Но возвращались. А вот в тюрьму больше ни один не попал (сравните этот показатель рецидива с нынешним временем). И воспитанники были в большинстве своём нормальные ребята. Суть его работ не раз пытались выразить в двух словах: педагогика жизни, педагогика ответственности, преодоления (недаром же его любимым девизом было «Не пиццать!»). Он предложил свой ответ в давнем споре педагогов: добр или зол ребёнок изначально? Макаренко был уверен, что ребёнок ни добр, ни зол. Он таков, каким делает его общество, коллектив. Впрочем, простота эта обманчива. Его далеко не все понимали при жизни, не торопятся использовать его опыт и сегодня. Почему? Пожалуй, его заботило воспитание настоящих граждан, которые будут созидать и творить. Думал не о внешних эффектах, а опекал воспитанников всю жизнь. Возродил понятия чести, долга, которые тоже попали в опалу как старорежимные. А однажды врезал воспитаннику, пытавшемуся его унижить. Между прочим, это был знак потрясающего уважения. Колонисты уважали силу и смелость (при этом чуть ли не каждый из них был сильнее Антона Семёновича) и рассуждали так: если директор меня не наказал, то он меня не уважает... Детей, которые привыкли только красть, он учил трудиться. Он умел создавать коллектив единомышленников, привлекать на свою сторону тех, с кем можно вести всех остальных. Макаренко относился к воспитанникам с уважением, но и величайшей любовью. Ведь если я люблю, то я требователен, я хочу, чтобы ребёнок нашёл своё место в обществе, стал счастливым. Да только любовь бывает разная: сегодня любят гладить по головке... Это удобно, но бесполезно»).

«Конечно, человек, который сексуально эксплуатирует воспитанников, воспитателем не может быть назван».

Да, с такой установкой Парамонова нельзя не согласиться, - это преступник. Но свой посыл он адресует именно Макаренко, без всяких доказательств, кроме субъективного представления и личных выводов, взятых

из общего текста литературных работ писателя-педагога отдельными цитатами. Колония им. М. Горького, по его оценкам – «гомосексуальный гарем». Попытки осквернить, унижить, оболгать, извратить и придать всему этому, особенному, форму должного - это, по сути, настоящая издёвка, унижение, которое со временем перерастает в критическую массу недовольства. Отсюда и наши предположения для понимания обстоятельств. Часто люди в своих неблагоприятных поступках винят кого угодно, только не себя. Попробуем объяснить.

Из материалов Бориса Парамонова видно, что он не является сторонником «платонической любви», но подозрительно свою ненависть к гомосексуализму переносит на других людей, на тех мужчин, кто имеет дело с детьми по педагогической работе. Негативное видится ему во всём, а позитивное принципиально не замечается. Такое бывает, когда человек в детстве пережил насильственные действия со стороны кого-то из мужчин, родственных ему. Так или иначе, на бытовом уровне совершенно очевидно, что похожее явление вполне может возникнуть в семье, где отец суров, властен и даже жесток, а мать - любящая и нежная. В таких обстоятельствах естественна сильная привязанность к матери и настороженное, недоброжелательное отношение к отцу. Поэтому Фрейд считал, что у подобных мальчиков формируется комплекс Эдипа в результате вытеснения в раннем детстве влечения к матери и, соответственно, враждебность к отцу как к сопернику. Отсюда изменчивая психика: человек постоянно находится в протестации недоумения, подозрительности, недоверия и вражды к людям, которые воспринимаются им как извращенцы.

Мне приходилось отвечать на подобные слухи-мифы представителям кинематографа и журналистам. Вот как писала «Комсомольская правда» (2003) в небольшой заметке «Он слишком «любил детей»:

«Директор Центра им. Макаренко Владимир Морозов считает обвинения учителя в педофилии «наследием перестройки»: - Говорили, и что Любовь Орлова - лесбиянка, и её супруг Александров - гей. Я об этом не ведаю. А Макаренко к богеме не имел отношения, ему навесили ярлык не столь

изящный. Ну, представьте, зачем тогда Антону Семёновичу надо было ежедневно писать длиннющие любовные письма будущей жене Галине Салько? А потом в стужу и слякоть носить их за несколько вёрст на почту. Почитайте их, два тома опубликованы под названием «Ты научила меня плакать».

Вывод: там, где есть ложь, нет места нравственности. Если нет нравственного совершенства, тогда наступает деградация и с ней - самодовольство. Такой человек не в состоянии реально оценивать самого себя и становится пленником самомнения. Этот человек не способен вести диалог с собственной совестью. Результат: обесценение человека.

В романе «Пути поколения» Антон Семёнович раскрывает через образ Бакурина свои поиски истины, заблуждения, искания, свою любовь, - считает учёный-макаренковед Светлана Невская. «Были в его жизни и потери брата-белогвардейца, эмигрировавшего за границу, и запущенная старость матери, и презрение к семье, родовому инстинкту, и весёлые иронические эпизоды встреч с женщинами, которые, по его словам, только начинали его любить, но никогда по-настоящему не любили; были и горячая, благодарная любовь к Галине Стахивне Салько, искренняя отцовская дружба с её сыном Львом, так же, как у героя романа Бакурина, дружба с Алёшей - сыном любимой женщины. Об отношениях в семье А. С. Макаренко можно судить по его переписке с Галиной Салько. 29 августа 1931 года она писала Антону Семёновичу: *«Так счастлива, что жизнь послала мне тебя - большое и незаслуженное счастье. И не только мне, но и Лёвке. Спасибо, родной, за себя и за него. Лёвка ещё, вероятно, не совсем понимает, что ты для него, но он поймёт, когда будет старше. Ты сделал его человеком - студентом - это всё твои заслуги. Мою жизнь ты украсил счастьем и радостью».*

Развитие, совершенствование личности - вот тема, глубоко волновавшая педагога-писателя. В бытность Макаренко в литературе существовало модное увлечение «физиогномикой», позволяющей раскрыть «тайны» характера человека по некоторым внешним приметам - выражениям лица, бровей, глаз, характерным особенностям поведения, привычкам, походке, речи и многого другого из знаковой

системы получения информации о человеке. Подобным инструментарием владел и Макаренко. Многих удивляла редкая проницательность Антона Семёновича, его способность «читать» по глазам. Примечателен эпизод, который произошёл на лекции Макаренко в Московском клубе железнодорожников. «Антон Семёнович получил анонимную записку интимного содержания. Не оглашая её, он попросил автора назвать себя, чтобы договориться о встрече. Никто не отозвался. Тогда Макаренко сказал, что найдёт писавшего сам. Он подошёл к рампе, оглядел ряды сидящих - а зал был набит до отказа - и обратился к одному из присутствующих:

- Записку написали вы. Вот мой адрес...

Потом он объяснил, что найти анонимного автора ему было нетрудно. Все лица выражали интерес, любопытство, только одно - растерянность...» (А. Б. Ложечко, 1963).

Если Макаренко сумел так безошибочно разобраться в переживаниях постороннего человека, затерявшегося в большой толпе, то насколько же тонко он знал психологию своих воспитанников?

Друг и соратник А. С. Макаренко - Николай Эдуардович Фере в письме к Г. С. Салько писал: «В каждом присылаемом в колонию Антон Семёнович искал прежде всего те стороны его интеллекта, которые помогли бы поднять, сделать воспитанника. Конечно, он видел и то, что «от самца и самки», но никогда не смаковал, как это делали и, к сожалению, делают и сейчас». (Архив Макаренко в РГАЛИ).



Н.Э. Фере

В начале XX века в России достаточно популярна была комплексная экспериментальная наука об учителе - ДИДАСКОЛОГИЯ. Дидаскологи считали: нельзя серьёзно относиться к ребёнку и несерьёзно - к учителю. И вот в 20-м году при педологическом институте в Москве создаётся факультет по изучению труда учителя. Руководство взял на себя Т. Г. Маркарьян. В короткий срок он создаёт множество студий психотехники и автогогики. По сути, он проводил с учителями то, что сейчас

мы называем профессиональными педагогическими тренингами. Ставка была сделана на педагогическую технику - комплекс умений, который помогает учителю глубже, ярче, талантливее выразить себя, добиться оптимальных результатов в работе. Владение педагогической техникой помогало педагогам через то, что видят и слышат воспитанники, донести до них свои мысли и душу. «Если бы мы захотели подвергнуть критике существующую педагогическую технику, мы не в состоянии этого сделать просто за отсутствием объекта». И причину такого положения А. С. Макаренко видел в том, что педагогическая «теория ограничилась декларированием принципов и общих положений, а переход к технике был предоставлен творчеству и находчивости отдельных педагогов». Новые идеи не стали общепризнанными в научных кругах педагогической системы. Возникли сомнения, а затем и обвинения: «проводники буржуазного индивидуализма», «затуманивают мозги детям», «занаученность» и др. Дидаскологов обвинили в педагогическом невежестве а затем предали забвению. Однако проблемы современного образования уже сейчас требуют вводить в вузах спецкурсы-тренинги на развитие умения понять и принять ребёнка, адекватно взаимодействовать с ним, сочувствовать, сопереживать, передавать ему жизненный опыт, регулировать его психическое состояние. Для этого стоит создавать специальные педагогические мастерские во главе с мастером-полипрофессионалом И такая столь деликатная тема, как «Сексуальные аспекты взросления», которая вызывает смущение у взрослых (они затрудняются беседовать с учениками об этом), возможно, требует реальной проработки в педагогической мастерской, причём - ненавязчиво и с юмором.

П. Блонский, В. Бехтерев, А. Выготский, А. Макаренко считали, что нужна «новая педагогика», такая, где сама педагогика - это живая жизнь, а педагог - живая душа. Ситуация с педагогикой лежит в проблемах той современной действительности, с которой сталкивались очевидцы поиска новизны. Они видели пути нового в естественнонаучном знании. Научная теория воспитания, согласно их убеждениям, - это не просто совокупность форм и методов,

а прежде всего теория, основанная на фундаментальных знаниях о человеке во времени, генетическом развитии. А основное содержание реализации этой идеи - создание обществом условий естественного проявления способностей человека. Потому и возмущались, что о педагогике, как науке, не стесняется говорить всякий, не знающий её. Она и сегодня заформализована нудным наукообразием, а душу ребёнка мы сковываем надуманными системами, высокомерными поучениями и нравоучениями. Просвещать – значит, изучать свет, быть светлым лучом для других. Человек не рождается с готовыми нравственными чувствами: они воспитываются. **Человек - есть мера всех вещей.**

Литература:

1. Александрова Р.И. Перестройка: духовно-нравственный потенциал. – Саранск, 1990.
2. Блонский П.П. Половое воспитание: невежество и ханжество - плохие воспитатели. - Народное образование, № 7, 1990.
3. Гадасина А.Д. Плоды запретов: подростки и секс. Кн. для учителя. - М.: Просвещение, 1991.
4. Кон И.С. Дружба: этико-психологический очерк. - М.: Политиздат, 1987.
5. Ложечко А.Б. Воспитатель, учитель, боец. - М.: Госполитиздат, 1963.
6. Левитов Н.Д. Вопросы психологии характера. - М.: Академия пед. наук РСФСР, 1952.
7. Морозов В.В. Педагогика - предмет раздумья и поиска делать человека нравственным и счастливым. - Профилактика зависимостей. Уч.-мет. электр. журнал, № 2, 2017.
8. Парамонов Б. Педагог Макаренко. - rujibs.com: Наука. Образование. Культурология, 2018.

*«Испорченный ребёнок -
это фетиш педагогов-неудачников».*
А. С. Макаренко.

Эстетика поведения и этика счастья

Ребёнок стремится познать себя, а через себя - других людей. Самопознание - способность чувствовать и понимать состояние другого человека, сопоставлять себя с ним, с другими людьми. Происходит это путём сопереживания и проявляется в форме действенного сочувствия и искренней сорадости. Самопознание - это и собственное чувствование себя, осознание своих действий, поступков, потребностей к самоутверждению, к оценке своего поведения. В пору самоосмысления приходит понимание, что жизнь серьёзна и разнообразна, и если действия человека совпадают с мысленным идеалом, он радуется, испытывая внутреннее удовольствие. «Человеческое «Я» суть начало активное» (М. Горький) - это нравственный рост, движение, действие. Через это человек способен к творчеству. Развивается эстетическое чувство и с ним - стремление реально воплотить любые замыслы и на этой основе проявить свои способности, найти возможности их реализовать.

Как воспитать самого себя? Растущий человек не есть пассивный объект заданных воспитательных мероприятий, он, по оценке Макаренко, *«субъект воспитания»*, а значит - активный участник преобразований действительности, стратег собственного личностного развития. «Нужно заставить себя мыслить, видеть, смотреть, находить, размышлять. Для этого, прежде всякого другого действия, нужно победить в себе лень». «Ленивый человек - гадость, ленивый талантливый человек - ужас!» (А. С. Макаренко). И ещё одно важное пожелание от учителя-педагога: «Мы хорошо знаем, насколько веселее и счастливее живут люди, которые многое умеют делать, у которых всё удаётся и спорится, которые не потеряются ни при каких обстоятельствах, которые умеют владеть вещами и коман-

довать ими. И наоборот, всегда вызывают нашу жалость те люди, которые перед каждым пустяком становятся в тупик, которые не умеют обслуживать сами себя, а всегда нуждаются то в няньках, то в дружеской услуге, то в помощи, а если им никто не поможет, живут в неудобной обстановке, неряшливо, грязно, растерянно». Это предупреждение нам, взрослым, о том, что их участь определяется нашей воспитательной работой.

Коммуникативность немыслима без диалога, без необходимости обращаться друг к другу, общаться. Каждый жест, взгляд, наше настроение работают на наш авторитет. Факторы вежливости способствуют созданию здорового микроклимата в отношениях людей. Неуживчивость, упрямство, пренебрежительный тон, грубость, хамство, цинизм - визитная карточка порочности человека, его невоспитанности. Человек вправе видеть в себе свои недостатки и бороться с ними. Выдающийся русский философ Иван Александрович Ильин отмечал, что самое

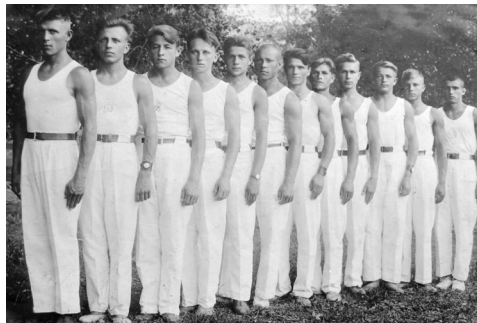


важное в воспитании - это духовно пробудить ребёнка, воспитать личность, перед которой были бы бессильны все соблазны и искушения современного сатанизма. Самообразование

Вот и А. С. Макаренко свидетельствует: «дитя воспринимает вашу душу и ваши мысли не потому, что знает, что у вас в душе происходит, а потому, что видит вас и слушает вас». Организуйте общение так, чтобы ваша поза, жесты, мимика подкрепляли ваши слова. Тщательно подбирайте нужные слова, понятные детям. Умение слушать надо не только показывать, ему надо учить. Опыт подтверждает, что большинство из нас не слышат друг друга, потому что не умеют слушать.

Человек может говорить красиво или некрасиво, его движения могут быть изящными или неуклюжими, манеры - изысканными или вульгарными, отношение к окружающим - доброжелательным или грубым. Почему происходит так? Всё надо понимать диалектически, «а

диалектику без противоречия представить невозможно», существует борьба противоположностей, и это нельзя не учитывать. Наши слова обладают способностью обобщать и в то же время обозначать индивидуально неповторимое. Наряду с констатацией неоспоримых проявлений человеческого величия и достоинства приходится отмечать то, что отнюдь не красит человека. Преодолевать эти самые противоречия – значит, идти к истине и добиваться её.



Слово - не только средство связи. Слово заставляет человека плакать и ликовать, радоваться и страдать... Слово позволяет уверовать в свою силу, помогает твёрдо стоять на земле. В детстве надо учить ребёнка правильно произносить трудные слова, и тогда дефекты речи и неверные звуки быстро исчезают. Нарушение правильного чтения слов и непонимание их смысла (дислексия) - факт, свидетельствующий, что в мозгу ребёнка происходят сложнейшие нарушения. Детей надо воодушевлять к исправлению нарушений чтения всеми доступными способами, стимулируя и поощряя их усилия. Есть достаточное количество разработанных для родителей методик по развитию речи у детей. Дислексия преодолевается постепенно, по мере созревания мозга и под действием совместных усилий взрослых и детей. Пушкин писал: «учитесь властвовать собою». Но как? Как достичь этого великого умения? «Власть над собою начинается тогда, когда человек действует не интуитивно, не по прихотливому настроению, но твёрдо зная, что так и только так должен он поступать. Тут важно уметь владеть и телом, и духом». (А. В. Алексеев, 1975).

Интонация, экспрессия - форма, в которую облекается слово - имеет отнюдь не второстепенное значение. Подчас нам приходится слушать неграмотную, невыразительную и крикливую речь с неправильным произношением, неправильными ударениями и погрешностями в стилистическом отношении. А. С. Макаренко говорил, что педагогу надо ставить голос, чтобы уметь управлять им, уметь точно выражать свои мысли, чувства, отношения. Чёткость, образность речи, эмоциональность изложения, правильная расстановка ударений и пауз - всё это и есть настоящее культурное воспитание. Сам же педагог признавался, что специально занимался с актёром, до тех пор, пока не научился произносить такие фразы, как «иди сюда» или «можете идти» с различными интонационными оттенками голоса, мимикой лица, позы, жеста. «Должен сказать, что я тут научился поневоле, и я знал, что значит сказать «ЗДРАВСТВУЙ» сухим, сдержанным тоном и «ЗДРАВСТВУЙ» - спокойным, добрым тоном; или: «Всё. Можешь идти» - сдержанным, но мягким тоном. Всё это практика. И если вы поставите перед собой несколько таких интересных задач и поупражняйтесь, то это будет очень неплохо. Я неоднократно заставлял упражняться своих сотрудников в подобного рода вещах». (А. С. Макаренко).

Иногда в качестве своеобразной защиты или для связи слов человек использует мат или матерную брань. Эти ругательства отличаются особой унизи́тельностью и оскорбительностью для тех, кому приходится их выслушивать. По этому поводу справедливо писал А. С. Макаренко: «Матерное слово» есть неприкрашенная мелкая, бедная и дешёвая гадость, признак самой дикой, самой первобытной культуры. Циничное, наглое, хулиганское отрицание и нашего уважения к женщине, и нашего пути к глубокой и действительно человеческой красоте». Мотивы употребления нецензурных выражений различны: всевозможные сексуальные отклонения, переживания психического напряжения, сексуальной неполноценности, неудовлетворённости, приёмы вызова сорвать свою злость, достигнуть полноты правды за счёт окружающих, получить психологическую разрядку или некий эффект и мн. др.

Медики предупреждают родителей, что вредная привычка употреблять нецензурные выражения формируется у подростков главным образом из-за неправильного поведения взрослых. Нередко ребёнок, впервые услышав неизвестное ему особое слово, обращается к родителям за разъяснением его смысла, но не получает внятного ответа. Нельзя ругать его за этот вопрос и высказывать возмущение. Само слово надолго западёт в память, при удобном случае он обратится за разъяснением к людям посторонним и, возможно, получит непристойный ответ. Эту ситуацию Антон Семёнович разъясняет нам следующим образом: «Сущность этого несчастья не в том, что перед мальчиком обнажается половая тайна, а в том, что она обнажается в самой безобразной, циничной и безнравственной форме... И любовь такой юноша видит с заднего двора, с той стороны, где человеческая история давно свалила свои первобытные физиологические нормы». Обращаясь к родителям, Макаренко советует: «Ваше собственное поведение - самая решающая вещь. Не думайте, что вы воспитываете ребёнка только тогда, когда с ним разговариваете, или поучаете, или приказываете ему. Вы воспитываете его в каждый момент вашей жизни, даже тогда, когда вас нет дома. Как вы одеваетесь, как вы разговариваете с другими людьми и о других людях, как вы радуетесь или печалитесь, как вы общаетесь с друзьями и с врагами, как вы смеётесь, читаете газету - всё это имеет для ребёнка большое значение».

Воспитанные морально-этические качества человека свидетельствуют о культуре чувств, о знании и соблюдении общих форм культуры поведения людей в обществе. Воспитание в контексте культуры предполагает саму жизнь, а не подготовку к ней. По рекомендациям от Макаренко, «культурное воспитание ребёнка должно начинаться очень рано, когда ребёнку ещё очень далеко от грамотности, когда он только что научился хорошо видеть, слышать и кое-как говорить. Хорошо рассказанная сказка - это уже начало культурного воспитания... Конечно, каждое культурное начинание должно доставлять и радость. Умение соединять эту радость с большой воспитательной пользой и должно составить главное умение родителей».

Однажды в 30-х годах в Харькове сын привёл знакомиться с родителями свою невесту. Барышня была прелестна! Хорошенькая, с умными глазами, открытой улыбкой, одета с большим вкусом, манеры безупречные, начитанна, к тому же играет на фортепиано. Родители жениха забеспокоились: не выйдет ли неприятностей, не из белогвардейской ли она семьи? «Она из коммуны Дзержинского. Сирота. Из беспризорников, - успокоил сын. - Просто их там так воспитывают...»

Практические результаты воспитательной педагогики А. С. Макаренко впечатляют нас до сих пор. Этическая культура человека растущего и человека взрослеющего - осознанный ими выбор, утверждение ценных норм и образцов поведения в соответствии с их потребностями и возможностями самореализации в меняющемся мире, осознанный выбор на преодоление унифицированной обеднённой духовной жизни. Возрождение забытых и появление принципиально новых способов организации жизни, усвоение и соблюдение прав и обязанностей по отношению к другим - всё это способствовало формированию высокой нравственной культуры человеческой личности. «Мои коммунары были франты, и я требовал не только чистоплотности, но и изящества, чтобы они могли ходить, стоять, говорить. Они были очень приветливыми, вежливыми, джентльменами. И это совершенно необходимо». (А. С. Макаренко).

Дефицит нравственности определяется духовной незрелостью. Духовно невоспитанные люди, совершив тот или иной безобразный поступок, не испытывают угрызений совести и неловкости, им не бывает стыдно за содеянное. Призыв людей доброй воли: **«За нравственность!»** - это призыв за сохранение человеческого в человеке: благородства, великодушия, бескорыстия, добродетели, справедливости, совестливости, ответственности, чести и достоинства, всего того, что возвышает человека. Главным компонентом управления самим собой является человеческая воля. Однако есть добрая воля, есть злая воля, и тогда возникает законный вопрос: какие же чувства надо культивировать в себе и какие подавлять? Размышляя на эту тему, писатель Виктор Розов признался, что этот вопрос - не из лёгких.

Он сослался на пример, когда родители запретили юноше встречаться с девушкой, которую он полюбил, и юноша бросился под поезд. О нравственных последствиях самоубийства, о смысле человеческого бытия с надеждой и верой, с тем, что позволяет справиться с критической ситуацией и не потерять себя в жизненных обстоятельствах - об этом и ведёт писатель серьёзный разговор.

«Чем был вызван поступок юноши, каким чувством был он движим? Чувством отчаяния, чувством отмищения, желанием хотя бы ценою своей жизни сохранить самостоятельность? Мне думается, именно последним. Но такая смерть - не выход из положения. В чём-то это акт эгоизма. А где же любовь к девушке? Где мысль об отце и матери? Натиск чувств погубил его. Ему всё равно, выносим мы ему оправдательный приговор или осуждаем. Смерть - это протест, конечно, сильный, но героизм это или малодушие, я не знаю. Видимо, и то и другое.

Я знаю случаи, когда из-за неразделённой любви вешаются, топят, стреляются, принимают яд. Я могу это понять, но не хочу прощать. На мой взгляд, это слепота чистейшего эгоизма. В юности мне приходила мысль о самоубийстве на почве неразделённой любви. Скажу больше, я совсем близко подходил к краю пропасти. Что меня оставляло на этом краю пропасти? Мысль о близких мне людях, о том потрясении и страданиях, которые я мог бы им принести. Я должен был страдать сам, страдать беспрельдно, но не перекладывать свои страдания на других, ни в чём не повинных людей. Позднее, значительно позднее, я понял, что эти мои страдания также счастье жизни, её полнота, сила, красота. И они проходят».

К нашему сожалению, число самоубийств в России всё ещё велико. А ведь это самый тяжкий, с точки зрения христианской морали, грех. Много самоубийц среди них детей и молодёжи, и эта ситуация по-особенному тревожит душу каждого неравнодушного человека. Высшим, более действенным сдерживающим началом во спасение должен быть человеческий дух, определяющий полную гармонию личности. Дух этот может не находиться в прямой зависимости от образования и культуры. Человек должен

быть с чистой и светлой душой и нравственно здоровым, а это воспитывается.

Существует нравственная связь этики и эстетики. В моральных чувствах выражаются эстетические качества человека, всё то, что его волнует, с чем он сталкивается в жизни, его выбор: любить или ненавидеть, радоваться или страдать, быть внимательным или безразличным, вежливым или грубым. Хорошее, доброе, гуманное - как семя: оно прорастает. «Хорошие качества составляют существенное богатство души, но только воспитанность служит для них оправой». (Дж. Локк).

В письме к младшему брату А. П. Чехов изложил, каким условиям должны удовлетворять воспитанные люди:

1. Они уважают человеческую личность...
2. Они сострадательны...
3. Они уважают чужую собственность...
4. Они чистосердечны и боятся лжи...
5. Они уважают себя с тою целью, чтобы вызвать в другом сочувствие...
6. Они не суетны...
7. Если они имеют в себе талант, то уважают его...
8. Они воспитывают в себе эстетику...

Одежда, речь, походка, жест - всё должно быть в рамках приличия. А это особое искусство - быть человеком. «Уметь ходить, уметь стоять, говорить, уметь быть вежливым - это не пустяк», - таков поучительный вывод от Макаренко. Само бытие доказывает, что образование и культура сильны своим единством в достижении полноты человеческой жизни - счастливой, интересной, полезной и содержательной. Человек не рождается с готовыми нравственными чувствами, они воспитываются. Человек способен руководствоваться в своей жизни законами красоты, развивать в себе как внутреннюю, так и внешнюю культуру. Для этого человеку нужны знания, чтобы быть образованным и культурным, нравственно воспитанным. Воспитание культурных привычек есть показатель духовно-этической зрелости личности. Следование правилам этикета является существенным элементом культуры поведения. В правилах этикета отражена совокупность зна-

ков внимания и уважения к людям. Жизненный этикет каждого дня: «здравствуйте», «добрый день», «спасибо», «извините», «как дела?» и другие элементы вежливости давно стали нормой общения. Здесь уместно вспомнить слова Сервантеса: «Ничто не обходится нам так дёшево и не ценится так дорого, как вежливость».

В нашем житейском обиходе мы часто придерживаемся обычая предков при встрече здороваться через рукопожатие. Первоначальный смысл этого жеста был таков: смотри, моя ладонь раскрыта, в ней нет оружия, я не враг тебе, я - друг! И сейчас рукопожатие - символ дружелюбия. По тому, как человек пожимает руку, можно получить существенную информацию о нём. Один схватывает руку, словно добычу, и долго не отпускает; другой стискивает до боли; третий трясёт и качает, словно проверяя прочность суставов; рука четвёртого - вялая и безжизненная, как плоская варёная рыба; есть и такие, что вкладывают свою руку в вашу и милостиво дают пожать её, да не целиком, а только кончики пальцев. Зато как радуется энергичное и крепкое, но в то же время вежливое дружеское рукопожатие!

Что возвышает человека? Привычка делать добро не напоказ. Макаренковед М. Д. Виноградова в своих исследованиях отмечает удивительные свидетельства: «При личном знакомстве с воспитанниками выдающегося педагога и их воспоминаниями обращает на себя внимание тот факт, что каждый из них был твёрдо убеждён, что именно его А. С. Макаренко «видит насквозь». Действительно, его знание своих питомцев было удивительным: проникновенным в самые глубины, всесторонним, действенным и цельным. Собственно, без этого удивительного умения проникать так глубоко в духовный мир воспитанников просто не было бы «Педагогической поэмы». Эту необыкновенную особенность педагога отмечает и М. Горький, говоря: «Хорошую Вы себе душу нажили, отлично она любит и ненавидит». Сам Антон Семёнович называл эту свою особенность **«педагогическим сознанием»**, подразумевая под этим умение «с первого взгляда, по внешним признакам, по неуловимым гримасам физиономии, по голосу, по походке, ещё по каким-то завиткам личности... сравни-

тельно точно предсказать, какая продукция может получиться в каждом отдельном случае из этого сырья».

В коммуне Дзержинского был альбом, в котором в разных формах, иногда серьёзно, иногда шутливо, прогнозировалось будущее каждого воспитанника, вплоть до профессии, и, по воспоминаниям, из всех не сбылись только два, а остальные оказались точными, если не считать, конечно, что жизнь многих воспитанников прервалась во время Великой Отечественной войны, и они погибли смертью храбрых, защищая свою Родину.

Такое тонкое и глубокое знание личности воспитанников было бы неправильно объяснять только педагогической интуицией и гением Макаренко. Он прилагал много усилий для того, чтобы не только добывать эти знания, но и точно их фиксировать и терпеливо накапливать о каждом. Известно, что он имел в своём столе картотеку воспитанников и заносил в неё конкретные факты проявления личности, как положительные, так и отрицательные. Таким образом, он все сведения о каждом хранил не только в голове, но и на бумаге, стараясь передать индивидуальность каждого, его типичные проявления, поступки, отношения с людьми, даже речь. Возможно, что первоначально эта картотека была задумана как способ фиксации материала для литературной работы писателя, но потом она превратилась в ценную педагогическую копилку сведений о своих воспитанниках (материал из архива Педагогического музея А. С. Макаренко).

Счастье - состояние полной удовлетворённости жизнью, чувство высшего довольства, радости. Словари дают нам в основном бытовой смысл этого понятия: благополучие, земное блаженство, желанная насущная жизнь; покой и довольство; осуществлённое желание... Слово это многозначно. Сколько людей, столько и представлений. «Что такое счастье? Соучастие в добрых человеческих делах...» Так писал поэт Николай Асеев, утверждающий, что счастье больше, чем может быть самая гениальная и замечательная личность сама по себе, больше, чем можешь быть ты сам. Сопричастность к жизни и соучастие в развитии её и называется человеческим счастьем.

Счастье как удовольствие - это этическая теория в фи-

лософии сторонников эвдемонизма. Под счастьем эвдемонисты понимали особое психическое состояние, связанное с продолжительным удовольствием - приятное ощущение, вызываемое удовлетворением телесных потребностей, но оно одновременно даёт пищу для ума. Они считали, что хорошее здоровье сопровождается повышенным жизненным тонусом, хорошим самочувствием.

Другой подход понимания счастья - деонтологический. Суть его: цель жизни состоит в добродетели. Счастье немыслимо без добродетели, оно - результат добродетели. Быть добродетельным - значит, быть моральным. Счастливым человек - это добродетельный человек. Эвдемонисты, оппонируя деонтологам, не отрицали роль добродетельности, поскольку она выступает регулятором удовольствий. Это означает, что добродетельным может быть не всякий наслаждающийся благами жизни человек, а лишь тот, который мудро руководствуется при этом правилами, не дающими различным удовольствиям противоречить друг другу и приносить страдания. Добродетель и есть разумный эгоизм.

Я представил краткий экскурс в философскую ретроспективу по проблеме этики счастья. Думаю, это будет полезно для понимания нашего сегодняшнего бытия. когда бескультурье, бездуховность наполняют и коверкают жизнь молодых людей. История знает пример, когда в 20-е годы ушедшего века сложилась ситуация морального нигилизма и цинизма, когда была предпринята попытка покончить с моралью и нравственностью. Открыто заявлялось, что мораль служит закабалением пролетариата, всех трудящихся, выступает деморализующим началом, и поэтому следует выкинуть из лексикона само слово «мораль». Она воспринималась как буржуазная система поведения, регламентирующая буржуазные нормы нравственности.

«Наше время ни в чём так не нуждается, как в духовной очевидности. Ибо «сбились мы» и «следа» нам не видно. Но след, ведущий к духовному обновлению и возрождению, найти необходимо и возможно. И мы найдём его». (И. А. Ильин). «Пути России» пророчески предопределены. Их нужно изучать, знать, руководствоваться ими, чтобы двигаться дальше. Иначе - нельзя!

Литература:

1. Азбука нравственности: Сб. / Сост. А.И. Алексеева. – М., 1977.
2. Дёмина Л.М. По законам красоты: Эстетика труда. – М., 1990.
3. Макаренко А.С. С любовью и тревогой: Сб./ Сост. А.К. Романовский, А.Т. Губко. - Киев, 1989.
4. Морозов В.В, Гордеева А.В. Прикладная реабилитационная педагогика: Учебно-методическое пособие. – М., 2004.
5. Маршак С.Я. Воспитание словом. – М., 1961.
6. Нешев К. Этика счастья. – М.: Знание, 1982.
7. Ян Камычек Вежливость на каждый день. – М.: Знание, 1974.

*«Наши дети только потому счастливы,
что они дети счастливых отцов...»
А. С. Макаренко.*

Мужской разговор: «Воспитание. В начале – отец»



Многое в жизни ребёнка зависит от того, какие отношения связывают его с самым дорогим человеком - отцом. В Москве и в других городах работают клубы пап, их посещают многие родители. Клуб - это добровольное и желанное объединение людей по интересам. Здесь учатся друг у друга. Здесь все равноправны, и в своих суждениях тоже. Здесь не принято учить родителей, как им воспитывать своих детей по сложившимся трафаретам педагогики, как преодолевать социальные проблемы современной семьи, как выстраивать своё общение с ребёнком и быть бесконфликтным. Здесь учат быть добродетельным, руководствоваться мерой, вслушиваться в аргументы разума других, советоваться с обстоятельствами, искать совместно истинное счастье с умеренными удовольствиями. В нашем Центре-музее имени А. С. Макаренко мы когда-то создали такой клуб и провели несколько творческих встреч отцов, где и состоялся открытый и честный разговор о роли и значимости отца как воспитателя.

«Поздравьте! Я - отец...» Это первое, ещё неизвестное чувство отцовского становления. Сколько создано великолепных поэтических строк, воспевающих мать и святую материнскую любовь! Но вот об отцовском чувстве написано мало, крайне мало. И это тем более обидно, что ему принадлежит особая роль и в личной жизни, и в жизни семьи, и в воспитании детей.

Нельзя утверждать, что причина всего этого - лишь в угасании отцовского чувства. Но, может быть, всё дело в том, что само это чувство связано с другим, более общим, с тем, что мы называем мужественностью и что выражает оно - в самом полном и высоком смысле - суть настоящего мужчины. И это важно не только во взаимоотношениях с детьми. Оно накладывает глубокую печать на всю семейную жизнь. Только тогда, когда мужчина и женщина правильно понимают каждый свою природу и свой долг, их союз становится прочным, он создаёт ту красоту и богатство отношений, которые мы видим в хороших, счастливых семьях.



Кто из нас не хочет, чтобы детство нашего ребёнка было счастливым... Только что мы подразумеваем под этим? Жизнь, похожую на сплошной праздник?.. Каким странным ни покажется этот вопрос, всё же зададим его себе: мыслимо ли детское счастье без забот, переживаний, без выполнения ребёнком пусть лёгких, но обязанностей?

Эту важнейшую проблему А. С. Макаренко затрагивает в «Книге для родителей». Именно те родители, «которые счастливы своей общественной деятельностью, своей культурой, своей жизнью, которые умеют этим счастьем распоряжаться», могут воспитать хороших, счастливых детей.

Про некоторых людей говорят: большие дети!.. Но ведь все люди - дети, которые стали большими. Вопрос только в том, когда человека уже можно считать большим. Современная наука склоняется к тому, что мировосприятие и характер закладываются в самом раннем детстве, в возрасте трёх-четырёх лет, а некоторые учёные идут ещё дальше, доказывая, что личность начинает формировать-

ся уже в первые дни жизни. Так это или не так, но очевидно, что о воспитании и правильном росте человека надо заботиться уже тогда, когда ему, казалось бы, кроме погремушки, ещё ничего не надо...

Главные основы воспитания закладываются до пяти лет - это 90 % всего воспитания, а затем воспитание человека продолжается, обработка продолжается, но, в общем, вы начинаете вкушать ягодки, а цветы, за которыми вы ухаживаете, были до 5 лет, - подсказывает нам Антон Семёнович. Жизнь давно подтвердила правильность мысли Макаренко. Доказано, что отсутствие внимания, любви к ребёнку в первые годы жизни снижает темпы его развития, обедняет эмоциональную сферу, тормозит развитие интересов, любознательности, отрицательно сказывается на становлении личности и самосознании ребёнка.

«Без хороших отцов нет хорошего воспитания, несмотря на все школы». (Н. М. Карамзин). Наши отечественные классики обладали удивительным провидчеством: два века прошло, а утверждение великого историка и писателя актуально, как никогда. Сколько тревожной публицистики посвящено такому опасному явлению в воспитании, как феминизация! В школе - женский коллектив учителей, дома - мама с бабушкой в неполной семье. Многие мальчики лишены мужского влияния. Это длится десятилетиями, и вот уже в жизни страны появилось поколение мужчин изнеженных, нерешительных, а то и откровенно женоподобных - посмотрите на вереницу звёзд шоу-бизнеса...

Средства массовой информации США наших дней отмечают, что многие их мужчины «слабеют телесно, умственно и духовно. Часто подвергаются суицидальным мыслям. Ежегодно у мужчин на 1 % снижается уровень тестостерона, и это подвергает депрессии, апатии, агрессии...» Печальна картина равенства полов в рамках либеральной теории. Подобная ситуация не позволяет ожидать в ближайшем будущем позитивных перемен. Изменение традиционных полоролевых представлений и стереотипов серьёзно влияет на психику и поведение не только мужчин, но и женщин. Возникают опасности феминизации мужчин и маскулинизации женщин. Педагогика обязана учитывать

этот фактор и действовать на опережение. Это отнюдь не значит, что воспитание мальчиков в неполных семьях, где главенствуют женщины, всегда ущербно. Как свидетельствует жизнь, «хрупкие блондинки с твёрдым характером» вполне успешно воспитывают сыновей настоящими мужчинами с рыцарскими качествами. Но где же их набрать-ся на каждую семью, таких женщин с тонкой интуицией, с обострённым пониманием детских интересов и детского характера? Эту серьёзную проблему озвучила журналист «Народного образования» Нина Ивановна Целищева, участвуя в работе «круглого стола» по теме «Воспитание. В начале – отец» в нашем Центре-музее имени А. С. Макаренко. В её выступлении было отмечено, что в Западном окружном управлении Московского департамента образования издержки женского воспитания в школах преодолевают с помощью «сильной половины» родительской общественности. Здесь активно взаимодействуют с отцами, привлекая их к участию в жизни школ, во внешкольной деятельности. Работники управления провели анкетный опрос председателей школьных советов родительской общественности и выявили: большинство отцов пассивно участвуют в воспитании детей. Они считают, что это женское дело, а их забота – материальное обеспечение семьи. К тому же многие нынешние родители – это поколение «челночников», которое годами было занято проблемой выживания семьи гораздо больше, чем судьбой детей. Нелегко переломить эту житейскую мужскую «философию». Но энтузиастам это удаётся.

Сотрудники ЦВР им. А. С. Макаренко вместе с Советом родительской общественности школ пригласили отцов учащихся 25 образовательных учреждений округа к себе в гости на «круглый стол». Эта встреча отцов стала очень полезным для многих обменом опытом воспитания детей, способами отцовского влияния на них. Десятки реальных житейских проблем-ситуаций подверглись коллективному осмыслению и решению, отцы рассказали о резервах времени для плодотворного общения с детьми.

С тех пор в школах Западного округа зародилась традиция проводить мероприятия образовательного и культурного значения с участием отцов: творческие конкурсы «Научи

и покажи», музыкальный конкурс «Мы родом из детства», проведённый по инициативе самих отцов, спортивные соревнования «Забей мяч в кольцо» и другие активные виды совместной деятельности. А наряду с творческими и спортивными навыками отцы школьников учили ребят делу - сверлить, выпиливать, мастерить. Мальчики были в восторге и решительно заявили о том, что в Западном округе - лучшие папы! Установившаяся связь школы и семьи стала шире, прочнее. Отношения школы и семьи стали более доверительными, постепенно исчезают отчуждение, скрытое противостояние учителей и родителей. И самое отрадное - отцы оказались в теме школьного бытия их детей.

Но отцам порой очень не хватает знаний по педагогике, опыта в этом сложнейшем деле. На помощь им пришли мои коллеги-педагоги Центра-музея им. А. С. Макаренко. Совместно с педагогическим коллективом 79-й средней школы пригласили отцов в школу, чтобы обсудить волнующие их проблемы воспитания и вопросы педагогической реабилитации детей, преодоления конфронтации между поколениями. Школа тщательно подготовилась к этому профессиональному разговору. Валентина Порфирьевна Андреева, Заслуженный учитель РФ, кандидат педагогических наук открыла встречу словами А. С. Макаренко, обращёнными к родителям: «Ваше собственное поведение - самая решающая вещь. Не думайте, что вы воспитываете ребёнка только тогда, когда с ним разговариваете и поучаете его или приказываете ему. Вы воспитываете его каждый момент вашей жизни, даже тогда, когда вас нет дома...» Опосредованный совет услышали отцы от Валентины Андреевой - из древней притчи. У одного человека была очень большая семья, и все сто её членов годами жили в мире и согласии. Однажды мудрец спросил главу семьи: «Как вам удаётся жить в мире?» Отец этого большого семейства попросил лист бумаги и что-то долго на нём писал. А когда закончил и отдал лист мудрецу, тот прочитал: на листе сто раз было написано одно слово - **«понимание»**.

Это стало ключевым понятием и в выступлении Антона Семёновича Калабалына. Влияние именитого педагога Макаренко было столь велико, что и родителям, и самому Антону Семёновичу-младшему на всю жизнь хватило за-

паса душевного и педагогического богатства его знаменитого тёзки. «Воспитывать - значит быть ребятам защитой, а мы превращаемся в судей». К пониманию к своим детям, к пониманию их проблем призывал Антон Семёнович отцов учащихся, гостей школы: «Дети учатся жить, главным образом, в семье, у своих родителей. Но они учатся и у жизни. От неё, от её негативного влияния вы не оградите своих детей никакими, даже самыми высокими заборами. Защитой вашим детям послужат воспитанное в них социально ценностное поведение, способность делать правильный выбор. А это возможно только при одном условии - при взаимном доверии, при понимании своих детей. Быть отцом очень трудно. Надо постоянно думать о детях - какими мы их вырастим? И думать не только о своих. Тогда по собственной воле мы пойдём на наши железнодорожные вокзалы, чтобы там было меньше бродяг, предложим помощь соседу по лестничной площадке, где живёт ребёнок-наркоман. От каждого из нас зависит сделать всё возможное для того, чтобы безопасными стали наш двор и улица, а в доме на лестничной площадке не было драк и убийств. Мне очень повезло в жизни: я рос в доме, где было очень много детей - больше ста, все мы были братьями и были счастливы. Потому что родители нас понимали, строили жизнь, исходя из наших интересов, но при этом были очень требовательны. Некоторые требования не подлежали обсуждению: трудиться должны были все, и всем надлежало быть честными. Это основа основ семейного воспитания. Сейчас, оглядываясь на прожитую жизнь, я с гордостью могу сказать: из ста двадцати моих братьев ни один не стал подлецом, лжецом и бездельником...»

Нам особенно важно не потерять стратегический ориентир на воспитание человеческой личности с ярко выраженным у неё чувством социальной справедливости. Стать учителем справедливости и в социуме, и в семье, и везде, привнося уроки своим личным поведением, образом жизни, обликом собственной человечности. Отцу принадлежит важная роль в жизни семьи. В счастливых семьях видим мы полное взаимное доверие, богатство отношений отцов и детей.

В воспитательной системе Макаренко стержнем стратегии было искреннее участие в судьбе каждого ребёнка, стремление понять его, «прикоснуться» к душе. Потому и был он для всех воспитанников отцом - значимым взрослым по духу.

Нет мелочей в воспитании! Мальчишке очень важно, оказывается, чтобы отец интересовался его увлечениями. Вот детское признание: «Я очень хочу, чтобы отец хоть раз взглянул в мой дневник, пусть бы поругал за «тройки». Но я бы знал, что я ему нужен...» А ещё важно, чтобы отец и сын «болели» за одну команду: «Я был бы счастлив, если бы отец спросил, как я прожил день. Но он не спрашивает. Он даже не знает, за какую команду я болею...»

Быть отцом – значит, всю жизнь жить с проблемами. А если их нет, значит, отец равнодушен к ребёнку. К сожалению, исполнению этой труднейшей жизненной роли нигде не учат, каждый сердцем постигает это нелёгкое дело.

Фрагмент выступления-обращения к отцам руководителя Федерального центра защиты прав и интересов детей Владимира Валентиновича Зарецкого:

-- Семья - это корни человека и надежда. Каждый родитель должен задавать вопрос: всё ли делаю, чтобы ребёнок поверил мне, был бы со мною откровенен? Открыт ли я ему? Если долго у отца с сыном не было мужского разговора, а с дочерью - доверительного, это должно тревожить: значит, в жизни детей отца «становится меньше».

Самая тревожная тенденция в детско-подростковой среде - употребление наркотических веществ. Наркотики распространяют не взрослые, а сами дети. Причём, принуждают своих сверстников и младших детей к употреблению этого зелья. В сфере внимания родителей постоянно должны быть друзья вашего ребёнка: кто они, чем занимаются, чем интересуются? Наша общая солидарная стратегия воспитания - проговаривать с детьми каждую ситуацию, каждую их мысль, суждение. Только так воспитываются позиция, ценностные ориентации, в работе пробуждается личность: его «Я» обретает способность противостоять любому асоциальному поведению. Важнейшее условие успешного воспитания - занятость детей делом. В семье дети проводят довольно

много времени, родителям надо постоянно загружать их домашними обязанностями. И непременно - контролировать, иначе все «дела» детские сведутся к убогим «тусовкам» по лестницам и подвалам. Родителям приходится всегда быть начеку, потому что дети смотрят на нас, «сканируют» наше поведение, способы общения. Душевно здоровый ребёнок непременно усвоит нравственные основы жизни своей семьи. Без ласки матери и строгой, требовательной заботы отца нет нормального воспитания. Подобные встречи, разговор по душам профессионалов с родителями необходимо проводить чаще, ведь процесс воспитания постоянен.

- Правильно здесь говорил и убедительно отстаивал свою позицию Антон Семёнович Калабалин: никакие заборы не защитят наших детей от влияния маргиналов. Пришлось вырабатывать общую стратегию воспитания, - говорит В. Зарецкий. - Когда мы переехали в новый микрорайон, дети наших соседей вели именно такой образ жизни, когда необходимо сдерживать их бурные эмоциональные порывы. Купил четыре велосипеда, теперь вместе с соседскими детьми катаемся, планируем, как провести выходной день - в кино ходим, на стадион вместе.

Уникальное общее дело предложил своим детям инженер Дмитрий Павлович Барсков, выходец из детского дома, руководили которым супруги Калабалины. Он - отец двух девочек. С девочками труднее, чем с мальчиками, потому приходилось часто обращаться за советом к своей воспитательнице Галине Константиновне Калабалиной. Детство вне семьи - особая метка сиротства, сводимая к последствиям семейных неудач и трагедий. Детство детдомовцев порой окутано многими тайнами, которые нуждаются в своей разгадке. В первую очередь они хотят знать свои корни, свою природу, свои родники, род, родословие. Это явление потребностное, жизненно важное знание для понимания себя. Через это прошли многие мои собратья детдомовского детства, и среди них - Дмитрий Павлович, удивительной судьбы человек, редчайший специалист в своей профессиональной сфере, краевед, культуролог, писатель, учёный.

-- Однажды прочёл в газете подмосковного города Ша- тура статью моего земляка и одноклассника «Стеклянных

дел мастера» - о 180-летней истории Мишеронского стекольного завода, на котором со дня его основания трудились мои предки Барсковы. И родилась у меня идея - воссоздать для потомков историю рода, семейную хронику. Наши дети этим не интересуются и не знают историю своих предков. А человек, как дерево, силён своими корнями. Общее дело - история предков - очень сблизило нашу семью, меня с дочерьми. Своя родословная имеет огромное воспитательное значение, укрепляет семейные узы. Я бывал на Кавказе и всегда завидовал тамошним людям - они живут огромными родовыми кланами, с фотографий на стенах смотрят седобородые аксакалы. Это меня очень волновало. Наших детей ещё ждут удивительные открытия в судьбах предков. Надо только приложить усилия и отыскать в толще лет своих родственников. Недаром поётся: «Нет в России семьи такой, Где б не памятен был свой герой...»

Мужской разговор был откровенным, принципиальным, честным, бесконфликтным. Сложились доверительные отношения между родителями и педагогами. Само присутствие и участие отцов в этом разговоре вдохновляло их к устремлённости стать лучше, быть самокритичными к себе, к своим поступкам, действиям. И, конечно, учило, как справляться с массой проблем в области семейного образования, которые требуют оперативного разрешения. Договорились: надо встречаться, учиться друг у друга, получать взаимную поддержку, совместно преодолевать трудности. А для успеха в воспитании необходимо, чтобы такие встречи доставляли удовольствие.

Несправедливо говорить о детях так, словно они нуждаются в нашем снисхождении. Они ведь многое дают нам - материнское и отцовское счастье, радость и надежду. Только благодаря им и через них мы сможем стать такими, какими по разным причинам не смогли стать сами: сильнее, умнее, лучше. Дети не дают нам уставать, снижать к себе требования. Каждый может вспомнить, сколько раз от необдуманных поступков его останавливал вопрошающий взгляд ребёнка... Так хочется, чтобы в семье было счастье! Так хочется в каждом доме смотреть на людей и ра-

доваться: до чего гармоничные, тёплые отношения, какая в них глубина! Так редко это встречается... Почему? Наши дети будут действительно счастливы, если мы, взрослые, и, в первую очередь, отцы дадим им место рядом с нами и возьмём на себя ответственность воспитывать так, чтобы они росли счастливыми.

Из ответов на вопросы и деловых советов от доктора психологических наук, члена-корреспондента РАО Виктора Ивановича Слободчикова:

«Нужен ли человеку какой-то особый талант, чтобы сделать счастливой свою семейную жизнь? Человек - существо негарантированное. Дар человечности у него есть, а воплотится этот дар или нет - это в генах не записано. И семья - это то пространство, где человек может обрести собственную человечность. Дар построить такое пространство, построить семью есть у всех. Но без таланта любви и без труда любви этот дар превратится в прах. Талант - это способность (то, на что ты в принципе способен). Но просто способности мало. Нужно ещё потрудиться - для того, чтобы реализовать в любви все её проявления. И высшую форму любви, ту, что пришла с христианством, любовь Божью к человеку, и ответную - самозабвенную, жертвенную любовь человека к Богу и к человеку. И эрос - любовь к прекрасному, любовь к тому, что выше тебя, потому что, если человек не выше себя, то он ниже себя. И любовь-филию - какая бывает между хорошими, верными друзьями, не отягощённую ни чувственным, ни меркантильным, чистую, открытую и верную любовь друг к другу, взаимовосполнение, которое нельзя свести ни к полу, ни к возрасту, ни к профессии, ни к достатку. И секс - первичный, нижний уровень любви, который присущ всему живому

Так вот, особый талант и особое умение человеку нужны, чтобы взрастить такую любовь. Счастливая семья - та, которая удерживает, культивирует, учится реализовывать все эти стороны любви, чтобы ни одна из них не была обесценена, но заняла своё место. Иначе семейная жизнь приобретёт болезненный, искажённый характер.

В юности я мечтал, чтобы жена у меня была любимая, умная и красивая, и чтобы она была мне ещё и другом. А с

возрастом я понял, что она мне нужна и как разделяющая со мной те фундаментальные ценности, которых я придерживаюсь, и что должно быть нечто святое, общее для нас. Абсолютная радость - духовная радость, когда есть духовное основание, и мы встречаемся во Христе.

Что нужно делать, чтобы построить счастливой свою семейную жизнь? Возникает чисто практическая задача - нужно достроить то, чего нет. Отцами не рождаются. И мужем надо ещё стать. Это домостроительство. Достраивание себя до... Хочешь быть отцом - достраивай себя до отца. Хочешь быть мужем - достраивайся до мужа. Есть некая максимальная норма для каждого. Муж, по норме, - глава, ум, основа. Он альфа и омега в семье. Олицетворение коллективного разума семьи. Всё должно быть сконцентрировано в нём. Проблема заключается в том, что у современного мужчины обычно мало оснований занимать эту позицию. И ожидания всех остальных членов семьи не оправдываются. Мужчина часто даже не может материально обеспечить семью. Хорошо, если вообще есть муж, и он - добытчик в семье, а за всё остальное он не отвечает.

Жена - по древней семантике значит «рождающая», Ева. Если разумом и в каком-то смысле духом семьи является муж, то душа семьи - женщина. Но сегодня женщина переведена просто в объект сексуальных отношений.

Родители - направляющие, защищающие. Современные отцы часто даже не подозревают, что у них есть эта функция. Он приносит домой деньги: вы одеты, обуты, накормлены? Всё. Я свою функцию выполнил. Но это ведь может делать и человек посторонний (раньше так и содержанки жили - их кормил, одевал какой-то мужчина). При чём тут родитель?

Женщина как родитель - наседка, которая над детьми квохчет и держит их всё время под юбкой. Это то необходимое начало, которое даже не обсуждается. Мать должна обеспечить базовое доверие к миру: как бы на улице ни было безобразно, дома - не так, ребёнок защищён и обласкан. Но под юбкой развитие невозможно. Под юбкой нельзя поставить на ноги того, кому ты дала жизнь. Есть даже такой термин - выученная беспомощность. Ребёнка специально

учат быть беспомощным - тогда им легче управлять и манипулировать. До поры до времени, конечно. Но надо уметь и вовремя его отпустить, когда он внутренне созреет до самостоятельной жизни. Взрослость не связана с паспортными данными; взрослый - тот, кто берёт на себя полноту ответственности за все другие поколения. Вот это подлинно высокое родительство - не надламывать, не затаптывать и в то же время регулировать, так как в этом стремлении к свободе ребёнка и заносить может.

Одиноким матерям, которые приходили ко мне со своими вопросами, я говорил: ищите отца. Женщина с ребёнком должна решать не только задачи своей влюблённости. И выходить замуж она должна в каком-то смысле не за мужа, а за отца для своего ребёнка. Если уверена, что он может стать отцом твоему ребёнку, - тогда да. Но только тогда!

Ребёнок - существо благоговейное, это послушник. Сегодня же это - либо выученно беспомощное существо, либо капризный эгоист, которому нужно во всём потакать. Но ведь не случайно «чти отца и мать своих» - Божья заповедь. Это безусловное требование, которое нарушать нельзя...

Есть великая духовная тайна в самом феномене семьи. Но это не проблема, а тайна: если достоин, она тебе приоткроется, если недостоин - может никогда и не открыться. Семья устроена по образу и подобию Святой Троицы - неслиянность и нераздельность одновременно».

А. С. Макаренко: «Правильное воспитание - это наша счастливая старость, плохое воспитание - это наше буду-



*Из педагогических идей А.С. Макаренко –
Родитель! С тебя лепится первообраз мира.*

щее горе, это наши слёзы, это наша вина перед другими людьми, перед всей страной».

«Неудачно воспитанный ребёнок - это прежде всего сам человек несчастный и несчастные родители. Это - горе, а правильное воспитание - это организация счастья».

Словом, проблем для диалога школы и родителей более чем достаточно. А вопросы детства - самая волнующая тема для отцов.

Литература:

1. Бочков И.П. Гены и судьбы. - М.: Мол. гвардия, 1990.
2. Воробьёв Г.Г. Школа будущего начинается сегодня: Кн. для учителя. - М., 1991.
3. Калабалин А.С. Педагогические размышления: Сб./ Сост. и ред. Л.В. Мардахаев. 2017.
4. Макаренко А.С. С любовью и тревогой: Сб./ Сост. А.К. Романовский, А.Т. Губко. - К.: Изд-во УСХА. 1989.
5. Макаренко советует родителям (Из архива педагога). Сост. Долгин. - М.: Знание, 1970.
6. Морозов В.В. Нравственный контекст воспитания. - Социальная педагогика, №3, 2014.
7. Толстых А.В. Взрослые и дети: парадоксы общения. - М.: Педагогика, 1988.
8. Осетрова Н.В. Права женщин в представлениях школьных учителей. - М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2000.

“

*У нас должна быть теория педагогики,
конечно, не с неба взятая,
а основанная на почве практической работы».*
А. С. Макаренко.

Жизнеспособность педагогики «по Макаренко»

Человек руководствуется в жизни не только усвоенными знаниями из школьных предметов образовательного цикла, но и теми знаниями, которые становятся личными - для собственного кругозора, своих интересов, для приобретения опыта взаимодействия с культурой, с миром людей, значимых для тебя и твоего окружения, и, конечно, для себя-мыслителя, чтобы научиться быть собой.

«Человек - свободен... он за всё платит сам: за веру, за неверие, за любовь, за ум - человек за всё платит сам, и потому он - свободен!» (М. Горький. «На дне»). Быть свободным – значит, нести ответственность не только за себя, но и за других. Совершая добродетельные поступки, человек стремится к достижению счастья. Основополагающими принципами человеческого идеала являются нравственные начала - справедливость, мудрость, законы совести и человечности. Источники морали - нравственные примеры жизни: великодушие, справедливость, моральная чистота, патриотизм. Поведение человека - показатель духовно-нравственного потенциала, волевых усилий представлять себя в реальной действительности. А чувство справедливости стимулирует потребности человека на поиски новых форм жизнедеятельности, основанных на активности, инициативе.

Этими установками руководствовался новатор воспитательной педагогики Антон Семенович Макаренко. Увлечённость педагога проблемами воспитания была следствием его активного отношения к жизни, его влюблённости в жизнь. «Я живу потому, что люблю жить, -

делился он сокровенными чувствами со своими воспитанниками, - люблю дни и ночи, люблю борьбу и люблю смотреть, как растёт человек, как он борется с природой, в том числе и со своей собственной природой». Блестящий педагог-практик и теоретик стал национальным примером в решении острых социальных проблем детства. Вплоть до сегодняшнего дня его педагогическое наследие служит живым родником творческой мысли, устремлённой к воплощению заданных в стране перемен.

Обстоятельства не остаются незыблемыми, они изменяются по мере развития общества. В подобных условиях Макаренко всегда действовал с позиции стратега: мужественно, целеустремлённо, наверняка, не ожидая распоряжения или приказа, он выполнял свой долг, обладая инициативой, логикой и творческой волей.

То, что им сделано, достойно называется «Педагогикой завтрашнего дня». Он считал необходимостью учиться находить радости жизни, уметь видеть прелесть не только завтрашнего, но и сегодняшнего дня и жить этой прелестью, достигая высоких гражданских целей и идеалов. В письме от 7 декабря 1938 года своему воспитаннику Л. В. Конисевичу Антон Семенович писал: «...Главное в жизни не само знание, а та гармония, которая получается, когда знания хорошо уложены в душе, та философия, которая определяет человека, его мировоззрение». Возможно, в душе самого педагога была именно такая гармония знаний, убеждений и логика деятельности, которая и позволила ему создать педагогику воспитания, которая всё ещё остаётся не востребованной нашим образованием. Однако для творческих людей его книги ещё долгие годы будут помощниками и мудрыми советчиками в преобразовании жизни. Они учат нас самому главному - человечности.

Можно ли точно, один к одному, повторить опыт Макаренко сегодня в условиях реальной жизни? Опыт социального сравнения подсказывает, что в этом нет необходимости: время другое и жизненные запросы тоже другие. Особенность его наследия - сущностное знание миропонимания детства и опыт мастера, как действовать в условиях конфликта между миром детства и законами устройства

общества. Причем, педагог Макаренко противился всему безобразному, что мешает детству. «Он умел *переводить* на язык детства и юности, на язык педагогики стиль жизни, воспитательные факторы нашей живой действительности, раскрывать их романтику и поэзию, он хотел, чтобы дети и подростки были влюблены в нашу жизнь, в красоту, в борьбу нашего общества». (В. Ермилов). Почему сегодня великий наш соотечественник нам не помощник? Ответ: «Идеи педагога сегодня безнадежно устарели, утратили свою реальную силу». Долгие годы мы были уверены, что педагогический опыт Макаренко может быть принят только нашей страной. Ошиблись. Зарубежный мир назовёт его «Великим явлением в мировой педагогике» и признает, что возможно социально- экономическое возрождение страны после кризиса и разрухи послевоенного времени на определенных педагогических началах. Эти начала они увидят у советского педагога А. С. Макаренко. В 1968 году на философском факультете Марбургского университета создаётся лаборатория «Макаренко-реферат» (Л. Фрёзе). Эта лаборатория, впоследствии возглавленная доктором Г. Хиллигом, стала безусловным лидером зарубежного макаренковедения. Имя нашего педагога занесено в «Календарь великих людей и исторических событий». В 1993 году Международное бюро образования ЮНЕСКО определило 100 педагогов-философов, образующих «Галактику пайдейи», отражающую разные культуры, эпохи и цивилизации. Среди них - А. С. Макаренко. (Т.Ф. Кораблёва). По мнению норвежского исследователя Анре Ролла, «значение теории и практики Макаренко столь велико, что только следующие поколения их по достоинству оценят».

В народе говорят: «Бог создал учителей, а учителя - всё человечество». Учитель остаётся учителем до тех пор, пока учится сам. Своё благо любит больше всего тогда, когда оно служит благом - другому. Учиться и учить надо добродетели. Научить любить, научить узнавать любовь, научить быть счастливым - это значит научить уважать самого себя, научить человеческому достоинству.

Педагог Антон Макаренко вернул к достойной жизни три тысячи своих воспитанников с трудной судьбой.

Его верный ученик Семен Калабалин утроил эту цифру, всю жизнь доказывая и проверяя, что педагогика Макаренко может работать в любых условиях и безотказно. На его счету - шестнадцать различных детских учреждений, находящихся в состоянии полного развала при принятии и до результата - победителя. Антон Семенович особенно отметит в его характере способности знать и гордость, и радость, и любовь, и уверенность в себе, в своё прекрасное будущее гражданина своей страны.

«Карабанов во время работы умел размахнуться широко и со страстью, умел в работе находить радость и заражать других её... У него из-под руки буквально рассыпались искры энергии и вдохновения. Из него выходит убеждённый сторонник переделки человека, и об этом он всегда страстно мечтает». Он, как и Макаренко, никогда ни в чём не повторялся, - очень неожиданными, эффективными, остроумными были все его методы и приёмы воспитания. Копировать, повторять точь-в-точь педагогические технологии Макаренко Семен Афанасьевич не стремился. Он являлся связующим звеном между Учителем Макаренко и Учеником Калабалиным, связующим звеном между Учителями и детьми, между наукой педагогики и реальностью жизни. Здесь требовалось совершенно иное педагогическое сознание и меткое, активно заданное, оперативно осмысленное действие наверняка для победителя. Смысл и ценности - вот что становилось главным. Воспитание методами Макаренко-Калабалина - это не формальная организованность. Главным было дать подростку обрести и отстоять свою человечность, свою «самостность». Позиция взрослых - помочь ему в этом. Для этого необходимо знание о том, как работают законы, по которым жила и развивалась педагогика Макаренко-Калабалина. У нас о педагогике пишут скучно, наукообразно и многое остаётся вне восприятия. Семен Калабалин называл такую педагогику «мёртвой», «бездетной».

Как-то друзья мне прислали статью с сайта «Яплакал» под названием: «Семен Калабалин. Учитель с железным крестом» (авторский псевдоним - «Гиперборея») с припиской: «Посмотри материал этой статьи, он взят из твоей

книги». Их предположения подтвердились: чистейший плагиат. Наврал только про награды. Всё остальное из моей книги: «Воспитательная педагогика Антона Макаренко. Опыт преемственности» // Документальное педагогическое исследование. - Егорьевск, 2008. Откликов на статью пришло много. Но вот что примечательно: комментarii были обращены, в основном, к тому, кто разместил статью, и это вызывало сожаление и ощущение несправедливости, однако пришлось оставить свою обиду при себе. К сожалению, подобное встречается часто. А вот от откликов читателей я был в восторге и согласился полностью принять их в свой адрес. Вот некоторые из них.

«Честь и слава человеку-герою и воспитателю. Прочитал на одном дыхании. Спасибо за пост». «Педагогическую поэму» читал и перечитывал не раз. Я уверен в том, что не один Семен Карабанов из воспитанников Макаренко прожил яркую и героическую жизнь».

«Я всё думаю, как же много добра может сделать один человек с добрым сердцем! Насколько был пронизителен Макаренко, что смог разглядеть в Семене неординарную личность, познать его душу, увидеть и зажечь в ней огонь... И всё-таки удивительно переплетаются судьбы».

«Как это классно - воспитывать подрастающее поколение. Видимо, во мне засел Макаренко, но по-своему. Достойный человек был!»

«Ух, дочитал и слезу выбило... Спасибо автору! Я рад, что теперь знаю о таком ЧЕЛОВЕКЕ! Буду в Егорьевске, обязательно почту память с посещением могилы».

«Прочитал на одном дыхании. Вот уж тема!»

«Я ничего не знал о нём. Десять тысяч воспитанников у Калабалина? Здорово!»

«Спасибо! Читал и слёзы на глаза наворачивались. Вот таких бы педагогов, как Семен Калабалин, нам сегодня. Человек необычайно интересной судьбы».

«Интересно узнать об истинных причинах негативного отношения к Макаренко. Я уже не помню, когда читал что-либо позитивное про Макаренко. В современной педагогике на его имя - табу. Это неправомерно, так не должно быть».

«Педагоги - есть воины света! Калабалин - незаурядный человек, личность!»

«Дайте ссылки на книги о Калабалиных! Не знаю, существуют ли сейчас в России педагоги такого уровня, как Макаренко или Калабалин, но люди, желающие сделать этот мир лучше и помочь детдомовцам - точно есть».

«Он явно из железобетона. Я бы не смог столько пережить и не сломаться. К своему стыду, только сейчас узнал о таком человеке. Спасибо!»

«Как жаль, что таких людей очень мало. А «Педагогическая поэма» у меня стоит на полке любимых книг».

«Такие люди - товар штучный, эталонный...»

«Я читала, что к Калабалину часто приходили местные жители за советом, настолько его авторитет был велик... Его уважали безмерно. Мне очень хочется прочитать книги самого Калабалина. Думаю, они не хуже произведений его Учителя. Побольше бы нам таких талантливых педагогов».

Российское общество нуждается в широкой педагогизации: подростковые и молодёжные девиации всё более настойчиво заявляют о себе. Президент РФ Владимир Владимирович Путин неоднократно подчёркивал важность усиления воспитательного компонента в просвещении. Поэтому работа в этом направлении должна быть общепризнанной задачей. Это предполагает уметь строить воспитательную работу на основе тех ценностей в педагогике, которые обеспечивают основное предназначение человека - максимально реализовать свою человеческую сущность, индивидуальность; быть самим собой, развивать свои «искры божьи», задатки и способности; научить умениям самостоятельно делать выбор и нести ответственность за него, за свои поступки, не ущемляя права и свободы других; пробовать учиться на собственных ошибках, анализировать их, выбирать, предвидя последствия своего выбора.

Сложности детства и образ жизни наших подростков и молодых людей - это вечное напоминание о педагогической отсталости, о нашем невежестве, нежелании видеть широкий спектр возможных практических подходов к феномену воспитания человека. В опыте организации и умении жить, которому мы учимся с детства, есть показатель того, что

человек может сделать из себя. Всё больше убеждаешься в банальности суждений о специфичности педагогики (есть множество различных интерпретаций), а в нынешней ситуации нам очень не хватает «Педагогики детоведения». Детство - время выбора. Основная задача воспитания - дать ребёнку возможность реализовать свой потенциал самостоятельно, предоставив ему свободу. И пусть ребёнок попробует себя в этом качестве, и пусть сам решает. А взрослые при нём - советчики, соучастники, значимые взрослые.

Как-то, ещё в советское время, московская учительница Лидия Алексеевна Померанцева с горечью отмечала возникшую бюрократизацию принципов самостоятельности, самостоятельности в детских организациях. Рассказывала об этом так: «Представьте себе гайдаровского Тимура, который говорит на собрании: «За отчётный период мы охватили вниманием целый ряд старушек...» Нет, этого вообразить себе нельзя. А теперь активисты тимуровцы пышно отчитываются о своей работе на пионерских сборах, им выносят благодарности, о них пишут в газетах.

В одном из детских домов, который мне пришлось обследовать, обнаружилось «тайное общество пяти мушкетёров». Тому из мушкетёров, кто носил имя «д'Артаньян», было от роду двенадцать лет, и был он, не в пример отважному гасконцу, курнос, белокрыс и веснушчат. Он-то и руководил «обществом». На счету пяти мушкетёров числились подарки девочкам к 8 марта (разумеется, тайные): в партах, под подушкой, в тумбочках девочки находили в этот день фигурки из пластилина и глины. «Арамис» хорошо рисовал и лепил, поэтому многие начинания мушкетёров вдохновлены были музами. Впрочем, одно их мероприятие не имело отношения ни к живописи, ни к скульптуре, ни к какому-либо иному искусству: однажды ночью мушкетёры завернулись в простыни и до полусмерти напугали ночного дежурного... В тумбочке «Портоса» нашли мушкетёрский устав и кодекс чести. Это была неслыханная *мешанина* из романа Александра Дюма, «Дубровского», «Красных дьяволят» и «Макара-следопыта». Среди девизов были и такие: «Защищать слабых», «Служить народу до последней капли крови», «Бить фашистов».

«Все взрослые были возмущены, - продолжила свой рас-

сказ педагог, - много говорили об утрате бдительности, о мелкобуржуазном бойскаутизме, о политической близорукости руководителей детдома, спрашивали, почему подарки девочкам понадобилось готовить тайно, а не сообщая, на сборе звена, И никому в голову не пришла простая мысль, что эти «мушкетёры» - укор взрослым. И верно: почему никто не подумал, что работа в пионерском отряде не насыщает ребят, что им хочется живого дела, интересного, увлекательного, захватывающего? Как только ребята проявляют самостоятельность, придумывают себе дело, так сразу навешивается новый ярлык: «Значит, пустить всё дело на самотёк».

А. С. Макаренко умел находить людей, нужных воспитанникам. Обращаясь к руководству Харьковского театра Русской драмы, педагог отстаивал интересы детей, учитывая возникающие прекрасные позывы значимых для детей взрослых. «Мы просим Вас быть не шефами, а нашими добрыми друзьями. Это очень важно для наших ребят. Но и Вам тоже будет интересно прикоснуться к нашему миру и нашей жизни. Вы для нас пример внешней и внутренней культуры, культуры речи, манер, поведения, а нам это крайне необходимо». Наличие взрослого друга - важное условие нормального развития и воспитания растущего человека. Если подросток испытывает эмоциональное благополучие в сообществе значимых и близких ему по духу людей, то его ценности и нормы воспринимаются, как свои собственные, и тогда любые жизненные трудности не становятся препятствием к конструктивным переменам быть добрее и лучше.

Соучаствовать в судьбе ребёнка, подростка - особая педагогическая миссия, эмоциональное действенное включение в дела другого человека, активная помощь, сочувствие, сопереживание, сострадание бедам и активное сорадование его успехам, бескорыстие и любовь. Соучаствовать в судьбе - значит, постараться понять и принять растущего человека таким, какой он есть, проникнуть в мир его чувств и переживаний, добиться доверия, от которого зависит успех добрых взаимоотношений. Добродетельны те люди, которые ищут своё счастье в счастье других. Добродетель - существенная характеристика нравственного поведения человека добра, осознанный долг, основанный на чутко-

сти и отзывчивости по отношению к детям, оказавшимся в непростой жизненной ситуации. «Наше поведение должно быть поведением знающих людей, техников жизни, отдающих себе отчет в каждом поступке». (А. С. Макаренко).

Студенты-«маёвцы» для ребят Клемёновского детского дома по зову С. А. Калабалина стали не шефами, а друзьями. Нина Александровна Морозова, преподаватель радиофакультета МАИ, предложила своим студентам встретиться с Калабалиным и выработать стратегию помощи педагогу в восстановлении детского дома. Встреча состоялась. Вот как об этом писала институтская газета «Пропеллер»: «Уже давно закончилась официальная часть, а студенты не расходились. Сначала пошумели в коридорах (Семен Афанасьевич тоже задержался), потом гурьбой повалили на улицу. Вокруг Калабалина собралась толпа. Шли по улицам, расспрашивали о детском доме, о ребятах... Утром обратились к Нине Александровне: «Хорошо бы съездить туда, посмотреть, что и как. Может, помочь нужно?» И вот 12 марта 1957 года одиннадцать студентов-радистов погрузились в автобус на «Егорьевск» с рюкзаками, чемоданами, с песнями... На территорию детского дома входили с песней и заражали всех вокруг своим весельем, бьющей через край энергией, звонким смехом. После ужина ребята выстроились в отрядной комнате на вечерние рапорта. Несколько слов сказал Семен Афанасьевич. «К нам приехали неожиданные, но хорошие друзья, - сказал он, - мы не называем их шефами, ни каким-либо другим официальным названием. Это просто друзья. Они привезли нам много умных, дорогих подарков. Но сделано это не для того, чтобы вы привыкли жить на готовеньком, а для того, чтобы воспитать у вас хорошую черту русского характера: вырастим - отдадим сторицей... Очень трудно описать, как встретили «маёвцев». О благодарных горящих ребячьих глазах невозможно писать, это нужно увидеть. А самое главное - это нужно заслужить...»



Рождение дружбы

И всё же это была событийная встреча, которая заложила традицию дружбы на всю жизнь. Островки *макаренковской* педагогики живы, но пока в проекциях. В их возрождении к действию - спасение страны от беспризорного и безнадзорного поколения, от явлений маргинального характера поведения в подростковой и молодёжной среде, переориентирование их с хаоса «вольницы» на созидательную деятельность, на дела государственной важности с учётом *макаренковской* традиции - «Не пицать!»

Значительным событием творческого развития *макаренковского* направления в педагогике стала опытная площадка ленинградского педагога Андрея Антоновича Ганзена по теме «Соединение обучения с производительным трудом в школе-интернате № 2», воплощающая идеи XX съезда компартии страны, где речь шла о создании нового типа школ - школ будущего. Педагог начал создавать у себя отряды из ребят разных возрастов, где воспитанник становился одновременно членом двух коллективов - отряда и класса. По утверждению Ганзена, незаменимой воспитательной силой здесь стал опыт старших ребят, который легко и быстро усваивается младшими, причём без посредничества воспитателя. По сути, таким образом опытно рождалось коллективное сообщество людей, где каждый по-настоящему был в ответе за каждого. Однако Ганзена обвинили в насаждении дореволюционных бурсацких отношений, где старшие помыкают младшими. Сделали упрёк и в адрес авторитета Макаренко, заметив, что «нельзя механически копировать систему Макаренко и его опыт в наше время». Мало того, сделали предписание: «Нельзя работать по Макаренко, не получив на то директивного разрешения». Однако Ганзен был упрям в своих убеждениях и поисках успешной работы по образцу опыта Макаренко. «Хорошо известно,



что всё лучшее, что есть сегодня в школах, прямо связано с использованием наследия Макаренко. Не знать этого – значит, окончательно оторваться от школы, от живого дела воспитания детей». Тем самым, утверждая истину, Андрей Антонович создавал союз педагогов-единомышленников, уверенных в своих добрых намерениях быть нужным детям, не требуя ничего взамен и не надеясь ни на какую награду, кроме чувства исполненного долга и чистой совести. Обо всех своих педагогических удачах и победах А. А. Ганзен расскажет в книге «Счастливое дело воспитания», где покажет жизнеспособность педагогики «по Макаренко». Его школа стала местом встреч сотрудников и воспитанников выдающегося советского педагога А. С. Макаренко с ребятами. За эти годы гостями школы были: Николай Эдуардович Фере, Семен Афанасьевич и Галина Константиновна Калабалины вместе с воспитанниками Клемёновского детдома, Павел Ефремович Перцовский, Михаил Маркьянович Гоголин, Игорь Леонидович Орлов, Иван Игнатьевич Яценко, Надежда Тимофеевна Поповиченко, Татьяна Петровна Клеточкина.

Это были настоящие праздники чествования педагога-гуманиста Антона Макаренко, самоотверженного защитника детства. В книге читатель найдёт ответы на многие вопросы организации детской жизни на самоуправленческих началах. У интерната не было своего места летнего отдыха. И Совет командиров решил построить его собственными силами. На заброшенный остров высадился «десант» старших воспитанников, и за три недели лагерь был построен и принял малышей. Завоевание острова не случайно стало гордостью всех педагогов и воспитанников – то лето показало, как велики возможности совместного достижения поставленной цели.

Из рабочих записок С. А. Калабалина:

«Детские коллективы Ленинградской школы-интерната № 2 и Клемёновского детского дома взаимно-полезно сдружились. Завязалась интенсивная переписка, а затем и встреча. Во время весенних каникул 1959 года тридцать воспитанников детского дома были гостями у ленинградцев. Для себя отметил, как удачно и полезно ленинградцы

воплощают в практическую жизнь теоретическое наследие А. С. Макаренко. Вернувшись домой, ребята с восторгом рассказывали на общем собрании, на совете командиров, на сборах отрядов о чудесной организации коллективной жизни школы-интерната.

- А как они здорово дежурят по интернату! Самостоятельно!

- А какая чистота!

- А гайдаровцы - вот здорово придумано!

- А какие они все самостоятельные и дружные! Активные!

- А как заботятся о малышах! Какие у них хорошие взаимоотношения между мальчиками и девочками!

Восклицаниям не было конца. До поездки в Ленинград наши воспитанники считали, что в детском доме почти всё организовано совершенно. А побывав в гостях, ребята ко многому стали относиться критически. И вот на стенде появился лист бумаги, на котором было написано: «Это можно сделать и у нас!», а ниже - что именно ребятам хотелось бы переделать, сделать по образцу ленинградцев.

И вдруг случилось что-то невероятное. Воспитанник Женя подал мне письмо школьницы Гали из Ленинграда. Оно начиналось так: «Дорогие наши друзья! У нас большое горе: из интерната ушёл наш Андрей Антонович. В интернате стало невыносимо. Чего-то не стало самого главного, самого хорошего, человеческого, живого в самой жизни. Отменили дни рождений, нет больше наших отрядов и самого Совета командиров. Мы все плакали, когда громили красоту нашей дружины - гайдаровскую честь. Что-то происходит жестокое, но что, я не могу придумать ему название. Может, я поступила неправильно, что ушла из интерната, да и не только я, многие ребята и самые любимые воспитатели-наставники... Что будет с интернатом? И зачем только ушёл наш директор, неужели ему не жалко интерната и нас!?»

Эксперимент А. А. Ганзена просуществовал всего три года, и все открывшиеся перед ним перспективы были, по сути дела, перекрыты. В этой связи особую значимость представляют высказанные мысли Действительного члена

Академии педагогических наук, профессора психологии Василия Васильевича Давыдова: «Если оценивать работу А. Ганзена в широком плане, то нельзя согласиться с тем, что это было поражение. То, что ему удалось сделать, и те пути, по которым он собирался двигаться дальше, показали со всей убедительностью, прежде всего, удивительные педагогические и психологические возможности, которые заложены в мудро организованном коллективе. А. Ганзен показал, что разъятая на механические составляющие система А. Макаренко безжизненна и годится разве только для лозунгов. Но ухваченная педагогом суть идеи коммунарского воспитания даёт педагогу громадные возможности творческого её развития. И поэтому нельзя говорить, что интернат А. Ганзена был лишь слабой копией «Педагогической поэмы». **Нет, это была самостоятельная поэма, правда, оборванная на полуслове...**»

Не всем надеждам в годы больших надежд, однако, суждено было тогда сбыться, кто-то в своих планах и мечтах опережал возможности, предоставленные временем. И после увольнения из интерната, работая учителем, завучем, директором обычной школы, А. Ганзен виртуозно и мастерски делал своё педагогическое дело. Но недостроенный им дом, оставленный против воли, дело - боль, не покидавшая его все последующие годы.

Педагогический институт им. А. И. Герцена в Ленинграде (Санкт-Петербурге) в те годы являлся инициатором поиска и организации активных форм воспитательной работы со студентами на основе клубной деятельности. Клуб - прежде всего это место встреч с представителями и гостями, владеющими интеллектуальным потенциалом науки, литературы и искусства, спорта и художественной самодеятельности, людьми с интересной жизненной судьбой. Выступая в 1933 году перед студентами, А. С. Макаренко предложит идею - создать в стенах института педагогический клуб. Реализацию самой идеи приняли на себя преподаватели и студенты педагогического факультета. Война помешала реализовать до конца задуманные задачи и планы студенческих инициатив. В 60-е годы в работе педагогического клуба возникли новые

структурные организации - педагогические секции. Их работа позволяла учитывать интересы и специфику студентов разных факультетов, более полно и глубоко решать те общие вопросы, которые возникают при массовых обсуждениях, в дискуссиях и встречах. На секциях ставились новые проблемы, которые определялись не только познавательными интересами студентов, но и научными интересами педагогов.

Своеобразной и очень действенной секцией педагогического клуба стала коммуна им. А.С. Макаренко-КИМ - на педагогическом факультете. Создал и руководил ею Игорь Петрович Иванов. КИМ имеет свой план деятельности, но неизменно участвует во всех делах педагогического клуба и живёт с ним единой жизнью.



Коммунарское движение в 60-80 гг

Интересный фрагмент встречи в клубе С. А. Калабалина и его выступление в оценке студентов: «Весть о выступлении Семёна Калабалина распространилась очень быстро. За одну ночь на Мойке и на Посадской появилось объявление: «Всем! Всем!..» Первыми пришли в клуб коммунары с педфака, принесли с собой песни, и сразу же в зале возникла своя... атмосфера. Многим из присутствующих был знаком этот человек. Многие из нас встречались с ним раньше, а коммуна имени А. С. Макаренко уже давно переписывается с ним. Двухчасовое выступление Калабалина было содержательным, интересным. В клубе в этом году было много интересных встреч, но, пожалуй, эта встреча оказалась наиболее запоминающейся. Семён Афанасьевич чрезвычайно обаятельный, остроумный человек. Сейчас невозможно передать всех его умных замечаний, шуток, образных сравнений, бесконечного множества эмоциональных примеров. Массу примеров Калабалин приводит из своего педагогического опыта и опыта своего учителя А. С. Макаренко. Он рассказывал о том, что Антон Семенович никогда ни в чём не повторял-

ся, эффективными, неожиданными и остроумными были все его методы и приёмы воспитания. В зале то проносился вздох восхищения, то смех. Он говорил, каким должен быть воспитатель, каким должен быть его внутренний мир. Тот, кто поступает в педагогический институт, должен прийти с горячим, страстным желанием стать учителем. Нужно непременно влюбиться в профессию педагога, нужно постоянно жить в состоянии творческого волнения и работать с истинным эстетическим наслаждением. Безусловно, великолепнейшим примером этого беззаветного служения своему делу является сам Калабалин. Кстати сказать, в этом можно заметить своеобразную цепную реакцию, ведь Калабалин оказался достойным последователем своего большого и умного Учителя. И в качестве напутствия он оставил нам завет: «Возьмите в оружие опыт свой, желание, шутку и атакуйте, воспитывайте собой, жизнью своей, мыслью своей, высоким патриотическим долгом».

КИМ - это боевой творческий союз вперёд смотрящих педагогов-макаренковцев, школа педагогов-организаторов в освоении лучшего педагогического опыта и мастерства. День рождения А. С. Макаренко и день рождения Коммуны (30 ноября 1963 года) для КИМа - «наши большие праздники».

Коммунарские законы.

Закон цели. Будь, коммунар, новой жизни творцом, за дело Антона - смелым бойцом! *Закон перспективы.* Хочешь быть счастливым - вместе с коллективом перспективу строй. Завтрашняя радость - не покой, а бой!

Закон борьбы. Дряни любой давай бой, давай бой - дряни любой! Формализму - бой! Эгоизму - бой! Равнодушию - бой! Скуке - бой! Показухе - бой!

Закон о главном. Формалист и бюрократ - самый ядовитый гад! И для нас, и для ребят!

Закон мажора. Даёшь мажорный тон, как учит нас Антон! Чтоб как у Задорова, всё было только здорово!

Закон творчества. Романтику наших съездов не заменить ничем. - Каждое дело творчески, иначе - зачем?

Закон дружбы. В КИМе есть закон такой: друг за друга мы горой!

Закон точности. Дорожи временем своим и чужим. Никогда не опаздывай - требует КИМ.

Коммунарская позиция. Правда - но без громких фраз. Красота - но без прикрас, и добро - не на показ - вот, что дорого для нас!

«Технология» нашей жизни. Утверждаем на века диктатуру «Огонька», демократию Де- Ка !

Письмо Семена Афанасьевича Калабалина коммунарам:

«Дорогой, миленький, боевой КИМ! Поздравляю вас с полезным делом и вместе с вами радуюсь вашим приятным успехам. Мне кажется, что ваше увлечение, удаchi уверенны стали потому, что свободны от равнодушной моли, потому что рядом с серьёзным отношением к делу расположились и игровые элементы. А как это здорово, когда и взрослые люди украшают себя и дела свои светом игры!

Мне неудержимо хочется быть вместе с вами 13 марта, но это невозможно. Не позволяют дела и их величество - грипп. Измотал он меня жестоко и ещё продолжает потрясать. Писать большое письмо, писать о себе, об Антоне Семеновиче не могу. В коротеньком письме не напишешь, а на большое письмо не способен сейчас. Этим своим письмом я спешу выразить свою готовность быть вам полезным. Чтобы вы чувствовали моё присутствие среди вас 13 марта, что я готов из своих запасов напоить вас хмельным рабочим задором, что склоняю свою голову перед знаменем вашего ДЕВИЗА!

Девочек обнимаю, а хлопцам жму лапы.

Ваш С. Калабалин. 05.03.1965 г.»

Педагогический эксперимент Игоря Петровича Иванова по организации творческой жизни детей и взрослых средствами воспитания вселял веру в силу содружества поколений, особый коллективистский дух, построенный по высоким законам коммунарского единения и общей заботы. «Наша цель - счастье людей!»

И. П. Иванов говорил: «Есть три фактора, позволяющие овладеть искусством воспитания. Они связаны с макаренковской теорией и макаренковским опытом... Мы овла-

деваем обобщённой теорией с помощью макаренковского наследия».

Основные педагогические установки И. П. Иванова.

1. Учиться у Макаренко - это значит настойчиво преодолевать традиции «педагогике чрезмерной опеки».

2. Учиться у Макаренко - значит растить педагога-борца.

3. Учиться у Макаренко - значит вместе со всеми воспитанниками и во главе них всматриваться в окружающую жизнь, искать в ней то, чему и как лучше учиться для этого; вместе со всеми воспитанниками и во главе них раскрывать систему общих радостных перспектив, вместе осуществлять задуманное, преодолевать трудности, вместе проверяя и оценивая уроки на будущее...

4. Учиться у Макаренко - значит изучать, творчески применять, дружно и неугомонно строить дальше «педагогику содружества», тем самым выполняя закон нашей Конституции: «Забота всех о благе каждого, забота каждого о благе всех».

Резюме: «Здесь полнокровная жизнь, а не стандартный педагогический процесс. Здесь не педагоги делают для детей игру, развлечения или организуют трудовой десант. Здесь они товарищи по общей заботе о жизни, людях, школе. И о себе тоже».

«Огнём Макаренко пылать! Штурмуй небо - не пицать!»

И. П. Иванов: «Особенно важно для нас - дух подлинного содружества самих педагогов, доверия и симпатии друг к другу, уверенности в своих силах. Всё то, что А. С. Макаренко блестяще выразил понятием «мажорный тон». Да, мажор - поистине драгоценная сторона жизни каждого коллектива. Насколько легче и успешнее идёт у воспитателя, учителя, вожатого работа со школьниками, преодолеваются неизбежные трудности и невзгоды, если он переносит в эту работу радостный настрой, возникающий и крепнувший в педагогическом коллективе! Рождающийся и крепнувший не только стихийно (стихия и здесь, увы, часто подводит), но благодаря искусству дружеского общения в общих творческих делах и в повседневной взаимной заботе. Тактичной и бескорыст-

ной заботе друг о друге, добрым словом и внимательным сочувственным взглядом. Щедрой улыбкой и шуткой. Книгой и увлечённым рассказом о своих впечатлениях. Бескомпромиссным требованием и тёплым поздравлением. Советом и приглашением сделать вместе нужное, задуманное... Радостью вчерашней, сегодняшней, завтрашней».

Подлинная история отечественной педагогики создавалась свершениями и подвигами людей-сподвижников, участвующих в порождении и утверждении новых образовательных ценностей, норм и образцов поведения человеческой личности, систем и методов воспитания, технических средств педагогической реабилитации. Вспомним К. Маркса: «Вся история есть не что иное, как непрерывное изменение человеческой природы». Подлинное возрождение личности возможно лишь в условиях свободы, позволяющей делать самостоятельный, осознанный выбор самореализации себя как человека образованного, воспитанного, культурного. Педагогикой доказано, что человек способен осуществить себя самовоспитанием, реализуя свои намерения по заданным для себя педагогическим критериям. Однако лишь немногие способны развивать в себе усилия стать успешными. Растущему и взрослеющему человеку требуется УЧИТЕЛЬ - профессиональный наставник выбирающему свой жизненный путь на первых этапах онтогенеза (детство, отрочество, ранняя юность).

Невероятные успехи макаренковской воспитательной педагогики следует свести к таким особенностям, как, например, содружество, соучастие, партнёрство и творчество, единства слова и дела, соединение доверия с высоким требованием; это логика реальных событий, творимых педагогами сознательно, определяя воспитательную цель для решения задач в интересах детей и их детства. Поэтому не случайно, что местом активной педагогической и культурно-просветительской деятельности среди учащейся молодёжи и взрослых стал в Москве Центр-музей имени А. С. Макаренко (Центр внешкольной работы имени А. С. Макаренко). У этой организации была одна отличительная особенность: Центр-музей создавался энергией любви и

уважения благодарных потомков великого педагога-воспитателя и писателя XX века: московских учителей, учёных-макаренковедов, журналистов и других членов Макаренковской ассоциации, их энтузиазмом и глубокой верой в необходимость своей миссии. Центр всегда оставался общедоступным. Его посетители - учащиеся школ, лицеев, колледжей, студенты вузов, учителя, руководители системы образования, учёные, военные, родители, зарубежные гости и просто «макаренколюбы».



Педагогические встречи в ЦВР им. Макаренко

Музей являлся хранилищем подлинных документов, предметов, отражающих историю отечественной педагогики и просвещения, историю школы и вехи образования. Здесь был собран архив печатных, машинописных материалов об А. С. Макаренко и творческом применении его идей и опыта. За годы существования была собрана уникальная педагогическая библиотека, фотоархив, видеотека, экспозиционно-выставочный базис музея и мн. др. Утвердились бережно хранимые традиции. Ежемесячно проходили «Макаренковские среды». Каждый год 13 марта отмечался День рождения, 1 апреля - День памяти А. С. Макаренко с возложением цветов на Новодевичьем кладбище. По роду своей деятельности наш педагогический Центр был совершенно не похож на мемориальный пантеон с гулкой пустотой. Все эти годы здесь кипела жизнь - экскурсии, творческие встречи с интересными людьми, проблемные семинары, «крутые столы», лектории, консультации по запросам на исследование и эксперименты соискателей. Выстраивая свою педагогическую и культурно-просветительскую работу с нашими посетителями, мы стремились максимально удовлетворить их об-

разовательные запросы и желания. Об этом говорят записи в «книгах отзывов» за все годы нашего существования.

История свидетельствует о том, что любое общество обращается за опытом к прошлому. И тогда музей становится важным социальным институтом образования и культуры. Причастность к прошлому и чувство ответственности за него воспитывают не только чувства патриотизма и гражданственности, но и уважение к минувшему, без которого не было бы настоящего. Это уважение начинается с семейных реликвий, с малых музейных коллекций и кончается реликвиями национальными, мировыми. На основе этой практики формируется историческое сознание. Музейная педагогика начинается тогда, когда возникает «встреча» человека с музеем. Поэтому музей называют эффективным средством неформального образования. Оно задаётся через чувственно-эмоциональное восприятие человеком значимой информации, через познание и переживание в постижении нового мира, в котором отражены общечеловеческие ценности, представляющие жизненное бытие человека, людей. Здесь, в музее, царит особая специфика приобщения к образованию. Здесь каждый волен выбирать то образование, которое соответствует его запросам, интересам и возможностям. Принципиальная особенность только в одном: предполагается признание приоритетности педагогической функции музея, а именно - воспитание достойного представителя своей культуры и истории.

Воистину: человека воспитывают дела. В них содержались неограниченные возможности самовыражения и самоутверждения человеческого достоинства. В соответствии с этим образовательный потенциал нашего музея представлялся своим многообразием услуг:

- это удовлетворение образовательных потребностей населения в познании нового через «встречу» и «соучастие» со значимыми людьми - реальными носителями целей и ценностей образования;

- это призыв к творческой активности педагогов и детей, к преобразованию окружающей действительности педагогическими средствами в соответствии с собственными запросами и возможностями;

- это культивирование детско-взрослых со-бытийных общностей, несущих в себе педагогический смысл;

- это воспитание воспитателей, чтобы восполнить недостающее в подготовке профессионалов, занимающихся воспитанием молодёжи;

- это проработка программных направлений перспективного развития музея через реализацию инновационного проекта «Музей истории отечественной педагогики».

Москва - крупнейший культурный центр, столица РФ, и здесь представлены все уровни музейного фонда по историко-культурной значимости - от крупнейших федеральных музеев до небольших музейных образований (городских, муниципальных, частных). Совокупность музейных коллекций всех этих музеев и составляет музейный фонд Москвы. Однако историко-педагогическое направление в копилке музейного фонда Москвы отсутствует, если не считать нашего очень маленького музея, который и восполнял этот пробел. На сегодня и его закрыли. И вновь закоренелый догматизм властвует над разумом, профанируя и дискредитируя педагогику, которая может и должна опережать общество в его человеческом творчестве. Но не опережает по понятным причинам: истинное педагогическое дарование вновь в чём-то стыдливое, не показушное в своих лидерских устремлениях. Упрощённо-обыденное состояние в нынешней педагогике кого-то вполне устраивает. «Ну, кому нужен в педвузе какой-нибудь Том Сойер или Семен Карабанов?» Не каждый, подобно юному Фолкнеру, Аркадию Гайдару или Макаренку, сумеет увидеть гениальность детских педагогических действий, которые совершаются без нашего взрослого вмешательства...

Дети - великие педагоги. У детей можно научиться современным методам организации детской жизни, неукротимой энергии, нравственной чистоте... - подсказывают нам опытные педагоги-практики, воодушевляя наше стремление постигать великие деяния творцов, не бояться идти на педагогический риск и «не питаться!»

«Посещение музея Макаренко было самым лучшим и самым важным в этот зимний приезд в Москву. Я всегда изучала Макаренко и считала, что он сделал из меня

педагога. Читая и перечитывая Макаренко, я открывала его. Ваш музей представляет его живым. Я очень надеюсь, что американские учителя откроют и оценят его как просветителя и воспитателя. Ваша Марселла Сондерс, Лос-Анджелес, США, Калифорния».

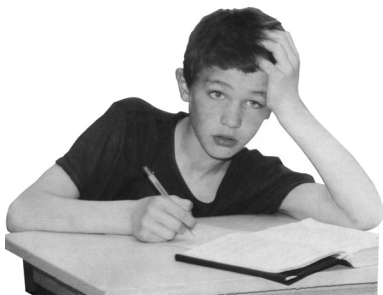
Давайте вместе объединим усилия и сохраним, и приумножим наше отечественное педагогическое богатство, дарованное нам в наследство, и, тем самым, продлим долгожитие деятелям просвещения, образования, педагогического новаторства и мастерства. **Педагогика должна стать педагогикой чести, совести, стыда, правды, справедливости, добра.** Этого хотели наши великие предшественники.

Литература:

1. Ганзен А.А. Счастливое дело воспитания: Кн. для учителя. - М.: Просвещение, 1989.
2. Ерёмин В. Воспитание в испытаниях. - М.: Манн, Иванов и Фербер, 2011.
3. Морозов В.В. Воспитательная педагогика Антона Макаренко. Опыт преемственности // Документальное педагогическое исследование. - Егорьевск: ЕФ МГТУ им.М.А. Шолохова, 2007.
4. Студенческий клуб. Учёные записки ЛГПИ им. А.И. Герцена под ред. С.И.Курбатова и др. - Ленинград, 1968.
5. Школьному комсомолу - коммунарскую методику. Сост. М.Н.Ахметова. Рекомендации №1 и №2. - Чита, 1990.
6. Ювенология в XXI веке: комплексное междисциплинарное знание о молодом поколении / Под ред. Е.Г.Слуцкого и В.В.Журавлёва - СПб.: Петрополис, 2007.

*«В школе должны быть сильные мужчины
и красивые женщины,
тогда ребёнок будет счастливым».*
А. С. Макаренко.

В ребенке - только гены света



«Дети относятся ко всему, что видят вокруг – к хорошему и дурному, – как к солнцу, как к дереву, как к естеству. Не могут порой отличить якобы правду жизни от истины. Этому должны их учить мы – взрослые».

«Мы не вправе не услышать призыв слабых... Благополучие невозможно в отдельно взятой семье, доме, улице – ему постоянно будут угрожать неустроенные люди. И не спешите судить их с позиции черного и белого».

Антон Калабабин - педагог, удивительно талантливый, творчески одарённый мастер педагогического дела. Личность незаурядная, позволяющая сполна выразить себя в отношениях с людьми с использованием собственного образа для усиления личностного потенциала, чтобы действовать наверняка. В сотрудничестве с другими вырабатывались в нём лучшие человеческие качества: умение ориентироваться в обстановке и быстро предугадывать ход событий, брать ответственность на себя и смело действовать при выборе стратегии преодоления конфликтной ситуации. Оригинальное решение рождалось подчас мгновенно, если вопрос касался конкретной человеческой судьбы, и ты способен ему помочь, готов принять его боль, ощутить его горести, радости, надежды. Нравственный человек не может рассматривать другого человека как средство для достижения собственных целей. Это не в

практике Калабалина. Другой для него - самоцель.

Из педагогических заметок А. С. Калабалина: «В этом училище для ребят всё перевернулось вдруг «с ног на голову». Именно они, ребята, стали вдруг точкой отсчёта в любом событии. Произошло ЧП - выпивка в общежитии. Утренняя линейка. Вызывают виновного. Ясно, зачем. Нет, оказывается, не ясно. И линейка разражается аплодисментами: Антон Семёнович дарит виновнику запонки. У парня вчера был день рождения, и, хотя, конечно, пить не полагалось, но понять такое, спустившись с пьедестала непогрешимости, всё-таки можно. И если кто виноват в этой ситуации, к кому можно предъявить претензии, так это к взрослым, никто из которых не вспомнил, что мальчишке сегодня 17, да не пригласил домой на чай, не сказал доброго слова. Так уж вышло, что и дома у парня рождение не отмечалось, в школе – тем более... И малость-то какая, всего запонки, а вот парень уже и твой, и самое время начинать его воспитывать».

Решение ситуативной проблемы любой сложности для педагога Антона Калабалина было делом чести. Этим эмоциональным приёмом он непринуждённо дал понять и воспитаннику, и всем участникам события, что человек выше обстоятельств и что он сам отвечает за своё поведение, если способен к работе над собой. И ничто не может помешать ему стать сегодня лучше, чем он был вчера, завтра лучше, чем он был сегодня, если рядом надёжный наставник - «значимый другой».

Антон Семёнович Калабалин - приверженец идеалов и традиций воспитательной педагогики Антона Макаренко, которая досталась ему по наследству от родителей. Возложив на себя эту высоконравственную и очень ответственную миссию достойного последователя, он расширяет границы применения макаренковской педагогики во времени, страстно стремится познать все нюансы педагогического мастерства. Для этого требовалось педагогу прочувствовать её ценностные основания, сверить с опытом мастера, понять и пропустить через себя всё то, что отличает творческий, новаторский подход к педагогической деятельности и обеспечивает её движение к профессиональному мето-

ду. Придерживаясь педагогической логики своих великих учителей, Антону Калабалину приходилось самостоятельно осваивать на практике основные законы педагогического руководства, позволившие ему успешно протраивать способы совместного детско-взрослого бытия.

Из педагогических заметок А. С. Калабалина:

«А. С. Макаренко я благодарен за то, что он сделал из меня педагога. Его называют в числе тех, кто формировал способ педагогического мышления прошлого века. Суть его работ не раз пытались выразить в двух словах: педагогика жизни, педагогика ответственности, преодоления, коллективистская педагогика. А можно сказать и иначе. Он предложил свой ответ в давнем споре педагогов: добр или зол ребёнок изначально? Нужно возвращать в нём добро или искоренять зло? Зло если и возникает, то только там, где дезорганизовано добро. Потому что в ребёнке есть только гены света. Дело педагога - не навредить, а умело корректировать направление этой оптимистической энергетики. Макаренко был уверен, что ребёнок ни добр, ни зол. Он таков, каким сделает его общество, коллектив. Впрочем, простота эта обманчива. Его далеко не все понимали при жизни, не торопятся использовать его опыт и сегодня. Почему? Дело в том, что он не поддаётся бездумному копированию. Помню, ещё в 50-х годах один доктор педагогических наук решил открыть во Владимирской области копию макаренковской колонии имени М. Горького. Всё сделал точно так же - структура, режим... И ничего не получилось. Решил проконсультироваться у моего отца. Спрашивает у Семёна Афанасьевича: почему? Тот ответил: ты копируешь чужое. Но ты не Макаренко и потому должен оставаться самим собой, используя его педагогические открытия».

Поскольку нас интересует именно педагогическая деятельность А. С. Калабалина, то прежде всего обратимся к его профессиональной квалификации. Профессия педагога - искусство творца. Профессионализм педагога А. С. Калабалина отчетливо проявлялся благодаря его огромной человеческой энергии - полнотой человеческих чувств, стечением обстоятельств, от правильно выбранного метода

воздействия, от проявления своих способностей действовать без права на ошибку. Опыт подсказывал: педагогическая деятельность содержит в себе и «муки творчества», и человеческие страдания - сообразно последствиям при достижении конечного результата. Напряжённость деятельности обуславливается и «сопротивлением материала» - предметов и средств труда, которые в каждой конкретной ситуации ведут себя по-разному, требуют от педагога знания их структуры и умения пользоваться ими. Вместе с тем это и большая работа над собой: стремление разобраться в праведности собственной жизни, увидеть высший смысл своих действий, своих поступков, ощутить собственное состояние души, бороться за правду, отстаивать принципы, которые стали твоими убеждениями, нормами твоего поведения. Именно такое понимание смысла своей жизни придавало Антону Калабалину нравственную силу при решении социальных проблем ребёнка, оказавшегося в беде.

Я отчётливо помню нашу с Антоном Семёновичем Калабалиным встречу в седьмой ногинской школе для «особенных» детей. Мы представляли тогда Центр реабилитационной педагогики при Московском областном институте повышения квалификации и переподготовки кадров народного образования, инициировав приезд журналистов телепрограммы «Взгляд». Обострившиеся проблемы детства в 90-е годы были не только нашей заботой, они волновали равнодушных людей из среды журналистов. Эту встречу можно назвать временем вдохновенного единомыслия. Антон Семёнович выразил жизненное кредо так: «Счастье в размере Дома. С этого начинаем».

Несколько лет назад вновь назначенный директор Наталья Арсеньевна Каре переступила порог школы, похожей на грязную казарму, и ужаснулась: ржавые трубы, холод и сырость зимой, протёкшие потолки, скрипучие полы. В общем, «школа для дураков» во всей своей красе, где ученика могли ударить и оскорбить за малейшую провинность, где педагоги погрязли в склоках и кляузах, а худшим наказанием для родителей считалось отдать своё чадо в это непривлекательное место. Казалось, клеймо общего неприятия невозможно было смыть. Наталии



Н.А. Каре

Арсеньевне удалось доказать обратное. Она нашла педагогически безосшибочный способ помочь ребятам обрести утраченное достоинство, ощутить возможность жить, как все порядочные люди, поверить в свои силы. В этом выборе надёжным помощником и советчиком ей и школе стал классик научной педагогики, сообразной природе ребёнка, - Антон Семёнович Макаренко. Вот по какой модели строили они свою школу. Благородные идеи обретали реальную плоть. Как от старых книг идёт тепло, так и эти старые стены

не устают излучать добро. Добро как традицию, как правило, как закон. Даже стены! Что уж говорить о людях?! Они снова и снова анализировали свои возможности, «примеряли» к себе модель макаренковской трудовой школы, думали о том, как лучше помочь ребятам войти в жизнь с её жесткими рыночными установками, конкуренцией, незащищённостью тех, кто не способен нахраписто работать локтями.

«Он уже испорчен», - презрительно бросит иной обыватель, глядя на подростка, отбившегося от рук, будто речь идёт о постороннем предмете. Но ни в коем случае так не скажут учителя и педагоги в школе Каре и все, кто хоть на час погрузился в домашнюю обстановку этого светлого дома. Вот потому-то воспитанники этой вспомогательной школы в столовой, допустим, никогда не станут кидаться котлетами, не спят шарики из хлеба и не поленятся навести порядок.

- Не ребёнок должен меня понимать, подстраиваться под меня, а я. Я должен детскими глазами посмотреть на мир и помочь ребёнку освоиться в обществе. - Эти мысли прозвучали в унисон с общим мнением работников школы из уст Антона Семёновича Калабалына. И ещё: - Полууличные дети... Они не однажды натыкались на стену взрослого равнодушия и уже вкусили так называемую свободу,

позволяющую обманывать и воровать. Но здесь, в школе, шелуха отлетает. Потому что ложь в чистой среде не размножается. Потому что здесь педагоги стоят на том, что в ребёнке есть только гены света, и взрослый должен лишь, как врач, не навредить.

Лучшим подтверждением правды жизни школы стало меткое замечание телевизионщиков-взглядовцев: «Мы здесь не увидели ни одного умственно отсталого ребёнка».

И я, и Антон Семёнович были убеждены в том, что это учреждение уже сегодня может претендовать на право именоваться «коррекционной школой-производством с профессиональным обучением». Обогреть и приласкать ребёнка, а потом отпустить в «зимний» холод рационального и порой жестокого мира - значило бы испортить всё многотрудное дело его воспитания и обучения. Потому коллектив школы Каре взял за правило не отождествлять трудных детей с их далеко не благонадёжными родителями. Яблоко от яблони? - весьма спорно. Доброта и внимание к детям делают чудеса. Вне всякого сомнения: выпускники седьмой школы порой лучше подготовлены к жизни, чем учащиеся обычных школ, где уроки труда не в особом почёте. Здесь за время учёбы юноши, например, осваивают по несколько строительных специальностей, могут самостоятельно сделать ремонт в квартире. За прошедшие годы школа расширила материальную базу новым оборудованием и открыла свои группы профессионального обучения. Эксперимент удался. Учащиеся стали получать аттестаты государственного образца о присвоении им рабочих квалификаций. На первом Всероссийском конкурсе имени А. С. Макаренко школа Каре стала лидером среди школ-хозяйств и школ-производств России.

Из педагогических заметок А. С. Калабалина:

«Я многому научился у Макаренко и отца. Например, мастерству импровизации, умению признавать свои ошибки. Мне повезло, что дети идут ко мне, но чего это стоило. Я мастер спорта по тяжёлой атлетике и по борьбе. Не наказываю, но если на татами приём сделаю, пацан скажет: больше не буду, я всё понял. Умею косить, пахать,

гирями крещусь в свои 72. Играю в футбол, баскетбол, теннис. Сальто с места сделаю. Неплохо пляшу - победитель многих конкурсов. Могу и актёром быть - так сыграю, что самый недоверчивый поверит.

Я часто размышляю, почему и Макаренко, и мой отец пользовались таким авторитетом среди детей. Ответ один. У них было кредо, которому они следовали всю жизнь: «Делай только то, что умеешь делать». Весьма часто сегодня мы забываем об этой истине!

Отец много выступал с лекциями, и там, где бывал, всегда появлялись единомышленники. Умел заморозить, убедить, зарядить искренней верой в то, что плохих детей не бывает. Это мы, взрослые, часто расписываемся в собственном бессилии, рубя с плеча: «Он трудный, что с него возьмёшь?» Просто такие дети требуют больше внимания, с ними надо больше повозиться, попотеть. Надо ребёнка разгадать, пробудить в нём человека и, если хотите — творца. В колонии у Макаренко хулиган забывал, что он хулиган, потому что занимался интересной, взрослой, настоящей работой. Он не играл в труд, а ощущал себя творцом. И однажды испытав это ощущение, уже не мог его забыть».

Проблема человеческих взаимоотношений - сложная в педагогике, потому и является её прерогативой. Любовь, дружба, чувство долга, способность к сочувствию, к участию в судьбе, к состраданию никогда не перестанут определять поведение человека, наполнять его жизнь.

Особое место в подлинной культуре отношений занимает скромность. Скромность – форма уважения к людям. О скромности человека можно судить по его манере говорить, одеваться, держать себя в окружении других, в стремлении не быть навязчивым. Скромный человек всегда сдержан и тактичен, а значит, умеет разбираться в людях, учитывать их настроение, особенности характера, свойства натуры. Следовательно, правила этикета и культурные привычки позволяли педагогу Калабалину находить способы соизмерения своей жизни с жизнью окружающих его людей. Антон Семёнович-младший (так его называли в педагогических кругах) умел быть нужным и полезным людям, умел

осчастливить окружающих, быть желанным в их кругу, приносить им радость и вселять надежду в лучшее. Он умел сам жить по совести и воспитывать совесть у других — это его принципиальная позиция педагога.

Эмоциональные переживания нередко сопоставляют с выражением «голос совести». Так вот у Калабалина это состояние души устремлялось туда, где явно проявлялась «бессовестность», но требовалось защитить справедливость. В почте Антона Семёновича очень много писем исповедального характера. Люди обращались к нему со своими нуждами, житейскими проблемами, семейными неурядицами... От педагога ждали оптимального разрешения их запросов: помощи, совета, решительного слова, заступничества за несправедливо обвинённого... Используя свои дарования, все свои силы и способности, Антон Семёнович старался быть чутким и внимательным к людям, которые к нему обращались.

Из писем А. С. Калабалину:

«Уважаемый Антон Семёнович! Взяться за письмо меня побудила статья о вас в «Комсомольской правде» и горе, которое приносит мне мой 16-летний сын. В своё время я читала «Педагогическую поэму» и книги Фриды Вигдоровой «Дорога в жизнь» о вашем отце и матери, потому и решилась обратиться к Вам...». *(Далее описывается на 7-ми страницах семейная трагедия женщины-матери, которая не знает, что ей делать со своим отпрыском)*. «Я понимаю, что Вы не можете за меня воспитывать моего сына на расстоянии. Если решитесь написать мне и дать совет, то буду благодарна, а нет, то всё равно спасибо, что есть такие люди, как Вы, которые помогают таким родителям, как я, чтобы наши дети стали нормальными людьми.

Волкова В. Н., г. Челябинск, 21.06.1979 г.»

«Здравствуйте, Антон Семёнович! У меня трое детей, воспитываю их одна. Всегда стремилась воспитать их чуткими, заботливыми друг к другу, трудолюбивыми. Вся моя радость, весь смысл жизни в них. Любила и люблю всех одинаково. Вызывает беспокойство у меня мой старший сын - Михаил. Стал груб, безжалостен ко мне. Каждый день доводит меня до слёз. Сын физически хорошо развит, за-

нимается боксом. Но в последнее время стал уваливать от занятий в школе, поздно вечером возвращаться домой. Говорит мне, что со старшими ребятами создали ансамбль и готовим музыкальную программу. Взаимопонимания между нами постепенно стали меняться в худшую сторону, что делать, не знаю. Я дала ему прочитать статью о Вас в «Комсомольской правде», потом вместе слушали Вашу радиопередачу по теме: «Как воспитать чувство доброты в человеке?» Затем спросила его: хотел бы он учиться в вашем ПУ-72, и он утвердительно ответил - ДА! Антон Семёнович, может, можно привести его к Вам? Жду ответа.

Саджия Р.К., 19.09.1980 г., Ставрополь».

Вопросы воспитания подрастающего поколения всегда находились в центре внимания нашего учительства, нашей школы. У нас действительно много хороших учителей. Всех их объединяет любовь к своей благородной профессии, стремление постичь её секреты, педагогические возможности профессионального самосовершенствования. Путь к себе - «учителю-профессионалу» - довольно долгая и сложная дорога. Осилит её идущий. Ощущение собственной нужности своим ученикам – доминирующая черта тех учителей, кто стремится достигнуть цели. Древняя мудрость гласит: слабый во всём винит других, сильный ищет причину неудач в себе и побеждает судьбу.

Из писем А. С. Калабалину:

«Уважаемый Антон Семёнович! Пожалуйста, простите, что отнимаю у Вас время... Я никогда не писала таких писем, но вот решилась. Я работаю в ПТУ, преподаю литературу и русский язык. И проблем масса! Много неразрешимых вопросов. Или они только мне кажутся неразрешимыми? Работаю здесь два года. И Вы мне, возможно, не поверите, но я много раз мечтала поговорить с Вашим отцом Семёном Афанасьевичем. Мне так хотелось посоветоваться с опытным, умным и добрым человеком, узнать его мнение по многим вопросам, которые меня волнуют. Трилогия Ф. Вигдоровой и «Педагогическая поэма» А. С. Макаренко – книги, любимые с детства. Я их часто перечитываю, уже, наверно, наизусть знаю. И если раньше читала просто потому, что нравилось, что полюбила геро-

ев, то теперь перечитываю уже, если можно так сказать, с профессиональным интересом, ищу ответы на свои вопросы. Я даже хотела написать в Министерство просвещения, чтобы узнать адрес Ваших родителей. А теперь вот прочитала в газете про Вас, узнала, что Вы пошли по тому же пути, и даже более того – работаете директором ПТУ.

Мне бы очень хотелось поговорить с Вами, но, наверно, это невозможно. Поэтому я прошу позволения написать подробное письмо, с изложением того, что меня интересует. Я иногда бываю в полной растерянности и не знаю, к кому обратиться.

С уважением, Зоя Марковна Брикер, г. Чебоксары.
28.06.1979 г.»

А. С. Калабалин считал, что человек сам способен реализовать себя в возможностях, которые ему предоставляются. А если он ещё и педагог, то обязан многое уметь. Этого требует профессия – быть везде и всюду воспитателем. К великому сожалению, у нас не готовят воспитателя-профессионала. Наши вузы готовят учителей-предметников, но не педагогов-воспитателей. Сегодня в высшей школе нет учебного предмета по воспитательной педагогике, отсутствует и практикум педагогического мастерства. В педагогических программах даётся элементарный минимум, касающийся лишь некоторых вопросов воспитания. А ведь по-настоящему воспитание – крайне сложная и трудная профессиональная деятельность, которая вбирает в себя знание целого ряда искусственно разрозненных, но тончайшим образом взаимосвязанных между собою предметов. Тем не менее, воспитательной работой всё равно приходится заниматься. Конечно, не у всех к этому лежит душа и не у всех это получается. Часто отсутствует желание заниматься самообразованием. Антон Семёнович Калабалин считал, что нужны иные стимулирующие факторы повышения профессионализма взамен аттестации, основанной на постулатах формальной организованности.

Из педагогических заметок А. С. Калабалкина: «Мне особенно больно видеть то наследство, что приносят в ПТУ ребята из своего прошлого, - привычно низкий уровень са-

мооценки. Вот мы говорим: профтехучилища дают стране высококвалифицированных рабочих. Это, конечно, очень важно. Но ПТУ сегодня – это не только решение экономических проблем. На мой взгляд, и социальная их роль не менее важна. Распрямить



здесь плечи, поверить в себя, утвердиться в новом деле – разве этого мало? Да-да, одна из главных миссий профтехучилищ, если не главная, – становление человека, становление в нём личности. И в этом деле важно всё до мелочи. Если устраиваем мы, допустим, дискотеку, то записи стараемся подобрать «самые-самые», если речь идёт о строительстве, то не меньше чем зимнего бассейна (а что, разве ребята не заслужили?). Но это так, внешнее, один полюс. А противоположный обозначим таким примером: заседает совет командиров. Кстати, посмотрите протоколы заседаний наших педсоветов, там нет вопросов, касающихся поведения ребят, всевозможных ЧП. Может создаться впечатление, что их у нас не происходит. Бывают, как и везде, но подумайте, не разумнее ли педагогам обсудить, допустим, проблему «поощрение и наказание» применительно не к конкретному учащемуся, а так сказать, пошире, масштабнее, а уж с разрушителем пусть разбираются ребята, читай — «совет командиров»? То, чего так не хватало многим ребятам прежде, – уважения – стараемся компенсировать тут с лихвой. Мы хотим, чтобы изменилась точка отсчёта... Потому я прошу, умоляю всех педагогов: пожалуйста, не начинайте мой день с жалоб на ребят, не приходите с обидами на них, по крайней мере, до тех пор, пока солнце светит. Чтобы я мог, не зная их прегрешений и не думая, как «принимать меры», просто улыбнуться ребятам и взять кого-то за плечо, даже виновного, а тот, зная за собой вину, будет молить судьбу: «Хоть бы Антон не узнал». Разве этого недостаточно? Убеждён: не надо откладывать, как на сберкнижку, мелкие проступки ребят, многие из них и вообще лучше нам, педагогам, не знать, чтобы не ходить информированными и злоющими.

Вы видели когда-нибудь, чтобы на Доске почёта в учебном заведении висел лик неотличника? У нас увидите. Судить о личности только по оценкам – ну что за ерунда? Надо заметить, что в этом смысле у ПТУ — колоссальное преимущество перед школой. Здесь слово само по себе ничто, здесь любая декларация проверяется делом...»

Давно известно, что в заботах о близких своих, в самоотдаче другим человек обретает силы: энергию любви и желаемые ощущения собственной нужности – отстаивать истину, справедливость, сорадоваться, сопечалиться, страдать, иметь представления о границах между добром и злом, способность доверяться уму и сердцу другого человека, жертвовать чем-то дорогим ради другого... О таких людях говорят возвышенно – **пассионарии**, носители высокой духовности. Ещё раз напомним мысли Л. Н. Гумилёва: «именно они возвышают остальных над мерзостями растительного или животного существования». Династия педагогов Калабалиных доказала праведность реальной формы существования подобного бытия примером бескорыстного служения людям, возвышением человеческого достоинства, неся любовь и добродетель тем, кто в этом нуждался.

Из педагогических записок А. С. Калабалина:

«Как-то, в Белополье, на Украине, я проводил семинар с директорами детских домов и интернатов. И вдруг один из директоров спросил меня: «Антон Семёнович, а что делать, если директор детдома проворовался, и он – вор?» Я, не задумываясь, сказал: снять немедленно с работы его начальника. Кто ему дал право доверить этому человеку души детей? Когда мы семейный детский дом или теперь приёмную семью создаём, мы доверяем людям, а когда в детский дом приходит директор, мы говорим: «Директора назначили». Не директора туда назначили – отца с потрясающими нравственными началами, с удивительными человеческими качествами... Вы меня спросите, откуда появляется воровство и почему наши детские дома рожают убийц, насильников, воров, почему в тюрьмы бывшие воспитанники идут?.. Я по общественной работе председатель Общественного совета ГУИН России. Все детские колонии малолетних преступни-

ков – они мои, где что-нибудь произойдёт – я туда лечу. К сожалению, там много наших воспитанников. Но это почему? Объясняю. Когда парень уходит из детского дома и поступает в институт, каждый воспитанник знает, что и его это светлое будущее тоже ждёт (так было у отца). И когда бывший воспитанник приезжает в детский дом и рассказывает всем о своих успешных делах и планах на будущее, то пацан из этого детского дома начинает задумываться заранее о своих путях достойного жизнеустройства. Но когда сейчас из детского дома вышвыривают мальчишку в училище и больше его не пускают в дом, где он вырос, то, когда он попадает в тюрьму, пацан, находящийся в детском доме, знает: вот что его ждёт. Поэтому суть не в том, какой детский дом, а в том, кто им руководит, кого мы туда послали отцом или матушкой. Говорят, что некому защищать детей-сирот! Да я самый главный защитник, потому что я – директор этого дома, я хозяин, мне страна доверила детей! Главный опекун моего дома – это государство, и оно меня уполномочило беречь, холить, учить детей и подарить государству прекрасных людей, которые не по своей воле попали в беду детьми, но у них есть все основания стать хорошими гражданами своей страны, и им в этом нужно помочь. И самый главный хозяин, а точнее – носитель прав ребёнка – это Я. Здесь я не о себе лично говорю. **Это наша сегодня задача – институт великих воспитателей растить».**

Литература:

1. Калабакин А.С. Педагогические размышления. Сост. и ред. Л.В. Мардахаев. - М.: Группа МВД, 2017.
2. Макаренко А.С. Педагогическая поэма. - М.: ИТРК, 2003.
3. Детский дом : уроки прошлого. Сб./ Сост. Г. Мыльникова. - М.: Московский рабочий, 1990.
4. Воспитание есть искусство, дело живое и творческое. Матер. Вторых международных социально-педагогических калабакинских чтений, посвящённых А.С.Калабакину. Сост.Л.В Мардахаев. - М.: РГСУ, 2014.

*«...рано или поздно уйдут большевики, и вместо них будет
какая-то другая жизнь, бюрократия, что ли...»
А. С. Макаренко.*

Макаренко-калабалинский педагогический прорыв: взгляд в сегодня

Проще всего свои педагогические грехи списывать на других - например, на представителей авторитетных людей в педагогике, предполагая, что они слишком «великие», и потому не всем доступны в понимании и применении их опыта, чем решиться самому провести собственный анализ своих действий, своих ошибок и неудач, признать открыто свой непрофессионализм. Это действие важно для понимания такого феномена, как педагогическая культура. Давно замечено: именно пробелы в культуре отношений неблагоприятно сказываются на процессах в педагогике и на тех людей, у которых человеческое достоинство оскорблено, человеческая личность обесцечена. Люди подобного склада пускают в ход для достижения своих целей интриги, демагогию, коварство, наглость, бессовестность. Личностная состоятельность - в духовности, одухотворённости. Это редкий дар - способность одухотворять свою жизнь, свою работу. (В. И. Слободчиков).

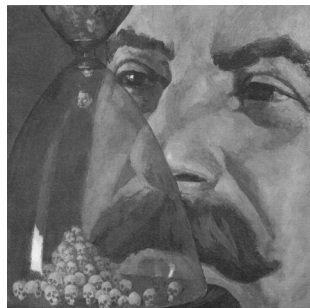
Истощение традиций культуры сложившегося бытия задают темп активного существования бескультурья, причём - в самых разнообразных формах и видах. Система школьного воспитания на протяжении многих лет ориентировалась на формирование личности конформистского типа, без учёта индивидуальных задатков, человеческого склада и психических особенностей детей. К нашему сожалению, мы, взрослые, не учитываем ценностные ориентиры подростков, не всегда замечаем проявляющиеся отрицательные черты в поведении детей. «Такие распространённые типы характеров, - отмечает А. С. Макаренко,

- как «тихони», «иисусики», «накопители», «приспособленцы», «шляпы», «разини», «кокеты», «приживалы», «мизантропы», «мечтатели», «зубрилы», проходят мимо нашей педагогической заботы... А на самом деле эти характеры вырастают в людей вредоносных, а вовсе не шалуны и дезорганизаторы». Давно замечено: в детях-подростках есть почти все отрицательные начала, что и во взрослой жизни, только они ярче и рельефнее выражены. Можно до бесконечности говорить о существующих проблемах подросткового возраста, особенностях психики несовершеннолетних правонарушителей, о девиантных отклонениях поведения с признаками насилия и дерзостью в совершаемых ими деяниях. Предвидя подобное, А. С. Макаренко предупреждает: «Самые правильные, разумные, продуманные педагогические методы не принесут никакой пользы, если общий тон нашей жизни плох...» Отсутствие единства воспитания и жизни - вот проблема. И тогда вновь встает вопрос о человеческой культуре, о выработке эффективных мер профилактики, как превентивной воспитательной практике предупреждения и пресечения преступности среди подростков и молодых людей. Умело действовать с опорой на обобщённые знания, идеалы, нормы и культурные традиции отечественного педагогического опыта у нас пока не принято. Наше время свидетельствует, что мы не очень-то нуждаемся в рекомендациях опытных педагогов и слишком далеки от их мыслей. Вот тому пример-оценка работников пенитенциарной системы: «Для нас было большим потрясением убедиться, что и кое-что в восхваляемой педагогике Антона Макаренко принадлежит к прежним стереотипам. Многие из орудий подавления личности в колонисте, действующие до сих пор, являются изобретениями его педагогики тотального коллективизма... В наших детских колониях до сих пор применяются те методы Макаренко, которые делают ставку на авторитет коллектива в ущерб достоинству отдельной личности, ставку на безжалостные репрессии против провинившихся, зависимость одного подростка - от всех, и всех - от одного, т.е. ставка на то, что, по сути, есть казарменная педагогика, детский ГУЛАГ. До сих пор поощряются стукачи, начис-

ляются «баллы», если донёс, практикуется наказание всех за провинность одного...» И вывод: «Человека свободного не воспитать безнравственными средствами». Что сказать в ответ? Какие рекомендации здесь требуются? Не признавать свои грехи, винить и перекладывать ответственность за свои просчёты на других, причём с презрением и дерзостью, самонадеянно считая себя победителями... По нашим наблюдениям, подобное явление стало часто о себе заявлять под названием «неведомый Макаренко». Неосведомлённость возникает от незнания того, что характеризует многогранность творческих изысканий и открытий выдающегося педагога. Потому и живуч, потому и прогрессирует этот самый фактор, определяющий суть «синдрома педагогического невежества»: либо не замечать или отрицать явные ценности, либо абсолютизировать то, что по сути своей есть второстепенное, необязательное, либо представлять критику на Макаренко в виде «фарса знатока», а на деле - пользоваться заготовленными штампами известных нам людей, мнивших себя учёными. Но сложность педагогического дела, как и всякого другого творчества, в том, что строжайший судья здесь - ты сам, потом в какой-то степени - те, кто сами творцы, и лишь затем - все остальные. Поэтому педагогика - универсальная форма передачи опыта одного поколения другому. Способы передачи этого опыта могут быть различны. Силы и возможности отдельного человека часто ограничены. Но если он объединяет свои усилия с такими же усилиями других людей, то тогда он может многое.

Учитель - он же и Сеятель, и Мыслитель. Совершенствовать воспитание по Макаренко - это гимнастика воли и мозга. И чтобы возникло понимание других людей и самого себя, необходимо обладать способностями к мыследеятельности, владеть мыслетехническими умениями, как раз тем, что лежит в основе человеческого сознания. Результат понимания - отнюдь не обязательно истина в последней инстанции. Понимание плюрально, оно существует во множестве вариантов, каждый из которых отражает ту или иную грань действительность. Такой подход возможен на основе личного чувства, накопленного знания и своего мнения.

Макаренко - представитель своего времени, и потому его время принадлежит только ему. Оно не из лёгких: роль человека порой низводилась до уровня винтика в огромном механизме государственной машины. Поколение людей его времени из учительской интеллигенции - не приспособленцы (подчас их так представляют), они – подвижники, воплощающие в жизнь смелые идеи обновления общества. Время научило их вырабатывать свои нравственные устои и нормы, здравый смысл в вопросах бытия, хотя и давалось это с большим трудом в условиях сложившейся системы уничтожения ни в чём не повинных людей.



Лев Мандельштам

«Учитель» (отрывок)

Убавив фитилёк дрожащими руками,
сказал в раздумье - голос был глухим:

- А человек срастается с вещами
так, как улитка с домиком своим!

И что нам кажется лишь чехардой событий,
то в корне изменяет жизни строй.

Чем больше с миром нас скрепляет нитей,
тем меньше в нём мы заняты собой!

...А круговерть событий всё взметнула.

Упрямо время лезло напролом...

Если вспомнить события тех лет, то и в адрес Макаренко уже тогда было выдвинуто серьёзное обвинение на коллегии Наркомпроса Украины в 1928 году. Резолюция гласила: «Предложенная система воспитательного процесса есть система не советская». Как человеку выдержать такое, даже если за тобой такой фактический воспитательный результат, как колония имени М. Горького? Макаренко выдержал. Он научился защищать себя сам, но предупреждал: «Я был весёлым или гневным, но не был никогда сереньким, отдающим себя в жертву...» Для воспитания чувства собственного достоинства, кстати, нема-

ловажный фактор. Человек должен сам попробовать всё, чтобы отныне и навсегда ему некого было винить и не на кого перекладывать ответственность. А ответственность - это то, с чего начинается человек и на чём стоит личность.

В. Г. Бейлинсон «Макаренко и Сталин: новый взгляд. Записи бесед с очевидцами (1957-1974)»:

Мильтчаков Александр Иванович - лидер молодёжи Украины 20-х годов:

«Представить Макаренко бьющейся об лёд истерзанной одиночкой - значит насаждать ложь, фальсифицировать его опыт. За Макаренко стояли его замечательные дела, его оберегали такие главные фигуры (украинские политические деятели): Петровский, Балицкий... а издали Горький. Не просто оберегали, а постоянно заботились, всегда охотно помогали... Они не меценаты, а единомышленники Макаренко. Кто ещё из тогдашних педагогов имел такую опору? Трагедия Макаренко в другом: он к 1935 году вошёл своим опытом, своей системой, своей совершенно самобытной натурой педагога в другое время, а время оказалось безоговорочно враждебно педагогической концепции Макаренко, его вере...»

«Возьмём главное событие - рождение коммуны им. Дзержинского. Сама идея детского учреждения коммуны как памятника Дзержинскому принадлежала Балицкому, и он в феврале-марте 27-го прорабатывает её с Макаренко. Я участвовал в составлении и организационном обеспечении плана, который должен был привести к полному воплощению педагогической системы Макаренко. А запросы у него были чрезмерные. Балицкий не возражал, только ломал голову, где раздобыть средства, и добывал. Так возник проект возведения целого детского города, самого комфортабельного и красивого...»

Аралов Семён Иванович - первый начальник Главного разведывательного управления Красной Армии, сподвижник Вл. Вернадского: «Балицкий - разведчик и контрразведчик уникального таланта и масштаба... Балицкий начинал службу в советской разведке в Закавказье, у него были здесь давние знакомства и обширные связи... С группой самых верных товарищей устанавливает: Ста-

лин сотрудничал с политической полицией царской империи и это сотрудничество использовал для компрометации и устранения соперников в партии, для личного возвышения... С 1927 года Балицкий становится убеждённым антисталинистом... С 1935 года Балицкий под колпаком у Сталина. Он это ощущает; он знает - его дни сочтены. Думаю, потому Балицкий и не продвигает высокочтимого Макаренко по службе в НКВД и не удерживает от переезда в Москву. Как показали последующие события, это спасло Макаренко от ареста в июле или августе 37-го...

Панкратова Анна Михайловна - историк, академик, член Президиума Верховного Совета СССР: «В конце 48-го позвонил Сталин: «Товарищ Панкратова, учебник получился. Но Вы всегда должны помнить - что попало в учебник, то непоколебимо. Так воспринимает народ. У Вас же, товарищ Панкратова, и мусор есть (долгая пауза) Вы расписали Макаренко, - какой новатор, какой великий гуманист (пауза). Зачем в учебнике истории для выпускного класса повторять Горького?! Горький - писатель, у него богатое воображение, он романтик-сочинитель... Досадные ошибки (пауза). А учебник получился. Желаю успешного завершения».

В корректуре Панкратова выполнила указания вождя, сократила Макаренко до одного абзаца. А в изданном почти трёхмиллионным тиражом учебнике Макаренко просто упомянут в списке выдающихся деятелей советской культуры, в одном ряду с писателями.

Панкратова: «Я тогда поняла, что к Макаренко-писателю Сталин относится нейтрально, может быть, одобрительно. Однако педагогические взгляды, устремления Макаренко Сталина раздражают, хуже того, настораживают, тревожат».

Петровский Григорий Иванович - политический деятель Украины: «Сталин читал «Педагогическую поэму» и в 1934 году - по совету Горького - «Марш 30 года». В целом сталинская оценка, высказанная Горькому, оказалась положительной. Сталину импонировала воля и организаторские умения автора-педагога в упорядочении детской жизни. Став вождём, Сталин ненавидит вольницу, любое проявление стихийности. Сталину нравится деловитость Мака-

ренко, внимание к педагогической технике, мастерство. И совсем по душе - подтверждение знаменитым педагогом сталинского представления о воспитании как всемогущей силе. Сталин одобряет Макаренко, который сборище «башибузуков» превратил в стройную колонну бойцов...»

Выход в свет «Педагогической поэмы» и «Марша» пришёлся на тот момент, когда Сталин повелел внести в жизнь советских людей веселье, смех, бодрость, то, что Макаренко называет «мажором». Высказывая всё это Горькому, Сталин выделяет именно этот тон, который «как известно, делает музыку...» Однако после смерти Горького всё меняется. И Макаренко, и политика. Если в сфере хозяйственной, особенно оборонной промышленности, Сталин допускает определённую самостоятельность, поиск новых организационных форм, так как здесь нужен практический результат в выполнении невыполнимых сталинских заданий, то в сфере духовной каждое новое слово, каждая свежая мысль в СССР - прерогатива Сталина и больше никого. А Макаренко именно в это время разошёлся: критикует, оценивает, провозглашает то, что входит в компетенцию вождя... В 37-м он публично заявляет, что только на основании опыта его коммуны им. Дзержинского уже можно формулировать и аксиомы, и теоремы советского воспитания. Так в чью епархию Макаренко вторгается?! Да, Макаренко слушают, ему внимают и аплодируют, потому что он - великий педагог, потому что за ним его чудо-дети и чудо-коллективы. Стоит Макаренко оторваться от этой чудесной земли, перестать быть педагогом, как его апостольство теряет силу народного и международного почитания и внимания...

Макаренко сохранил себе жизнь тем, что успел отойти от педагогической работы и занялся писательством. А писатели-сочинители могут напридумывать всякое, особенно когда рассказывают о собственных подвигах. Вот почему Сталин не разрешил Калинин у изменить формулировку Указа о награждении Макаренко орденом, вычеркнув синим карандашом слово «педагога» и после долгой паузы распорядился: «Пусть пишет сказки. Они тоже нужны».

Кузнецов Николай Герасимович - адмирал флота, в

молодости командовал крейсером «Червона Украина», коллектив которого шефствовал над макаренковской коммуной: «М. И. Калинин, с которым я дружески общался, будучи министром ВМФ, как-то, расстроенный, признался: «Не могу понять. Я просил товарища Сталина удовлетворить просьбу Макаренко. Товарищ Сталин молчит, а сегодня, наконец решил: «Макаренко, говоришь, талантливый педагог? Пусть сказки пишет. Он толково пишет. Не надо его отрывать от дела».

Может быть, Сталин полагал писательство более важным делом, чем педагогическое? Нет, вся логика событий, включая уничтожение коммуны, свидетельствует об этом. Сталин был проницательнее своих ближайших соратников. Сталин «своевременно» разглядел в опыте Макаренко, влиянии и распространении этого опыта опасность режиму”.

Скаткин Михаил Николаевич - первый Президент Академии педагогических наук: «Работая в Наркомате иностранных дел, я продолжал интересоваться педагогической теорией и особенно практикой. Сталин, конечно, знал об этом. В конце 38-го Сталин вдруг поинтересовался, как я оцениваю критику Макаренко, сегодняшнюю постановку школьного дела у нас в стране. Я отвечал, что в нескольких пунктах Макаренко прав... Сталин недовольно оборвал: «Что этот батька (атаман) себе позволяет! Кем он себя возомнил?!»

Борьба за педагогику в педагогике. Творческая педагогика всегда в поисках понимания смыслов и ценностей жизни в деятельности людей. Именно знание служило тем, что можно накопить, сохранить и передать. Осмысление и анализ жизненного бытия человека, его внутреннего, духовного мира, его уклада приобретают сегодня особую значимость. Важно то, что истинно, оно праведно. В нравственном аспекте «воздаяние» означает вознаграждение или наказание человека за свои дела. Однако время стирало эту грань. Справедливость - и есть главный критерий оценки личных достоинств человека, основанных на способностях, знаниях и опыте. А. С. Макаренко умело предвосхитил события переломного времени как педагог, как писатель. Приоритет этического над эстетическим всегда

высоко ценился в нашей отечественной культуре, а гражданская страстность была предпочтительнее языкового шаманства. Правильно замечено: жизнь, помимо прочего, это ещё и состязание личностей.



Поэт Евгений Евтушенко (Из стихотворения «Мёртвая рука», написанного в 1962 году.)

Кое-кто живёт еще по-старому,
в новое всадить пытаюсь нож.
Кое-кто глядит еще по-сталински,
сумрачно косясь на молодёжь.

Мёртвая рука прошлого,
крепко ты вцепилась в нас.
Мёртвая рука прошлого
ничего без боя не отдаст.

Мёртвая рука прошлого,
все-таки – ты мёртвая рука.

В воспитательной педагогике А. С. Макаренко мы учимся постигать приёмы сущего. Однако, как отмечают ленинградские учёные в области педагогики (Г. Ф. Федоренко и др.), макаренковская педагогика пострадала от различного рода «резекций», «поправок» и замалчиваний, потому и нуждается сегодня в защите от раскалывания этой цельной, стройной и динамичной педагогической системы. Макаренко считал, что «учёный ум» должен синтезировать опыт, дать ему систему и толчок для развития. Проблема человеческого фактора и нынче может быть успешно решена именно через гармонию интересов, отношений и практических действий личности и коллектива, личности и общества. Альтернативой гармонии может быть только разлад, рассогласованность и дисгармония, ведущие в конечном итоге к торможению развития и личности, и коллектива. «Вопрос отношения товарища к товарищу – это вопрос ответственной зависимости». Антон Семёнович поясняет, что такая зависимость возникает и при отношениях «равностояния», когда товарищей в равных условиях связывает общая ответственность, общее участие в работе коллектива, и – тем более – при отношениях «подчинения», которые предполагают, что товарищи умеют приказывать друг другу и подчиняться друг другу. Результатом дефективности отношений, по наблюдениям Макаренко, рано или поздно оказывался конфликт, разрешение которого осуществлялось либо эволюционным, либо

«взрывным» путём - в зависимости от того, какого развития достигало конфликтное отношение. Правонарушители были для Макаренко «объектами воспитания», людьми, которые должны быть переделаны, а не моральными уродами или преступниками. Потому он и пришёл к выводу, что «теорию нужно извлечь из всей суммы реальных явлений», происходящих на глазах. Для этого нужны немедленный анализ и немедленное действие. Овладевать подобной технологией - требование времени. Талантливыми мастерами практического педагогического действия в этом направлении стали педагоги Калабалины. Счастливое соединение огромной любви к детям с блестящим талантом даровано было этой замечательной педагогической династии последователей великого Учителя. Предельная искренность и максимальная объективность отражена ими в эпистолярном наследии. К сожалению, очень часто уникальный и бесценный, явно позитивный реабилитационно-педагогический опыт годами остаётся достоянием исключительно его носителя.

«Воспитательная система А. С. Макаренко - не искусственное, умозрительное построение, а организация детской жизни в её естественных формах, база для обретения опыта хозяйствования, постоянный общий интерес, рождающий крепкую спайку, видимый рост благосостояния, ощутимый расцвет личности, успевающей овладеть несколькими специальностями, образованием, культурой, эстетикой. Всё это давало искомый нравственный опыт, определяющий поведение человека в жизни», - отмечает С. А. Калабалин. Живая практика жизни педагога С. А. Калабалина, рождённая им со-бытийная педагогика несомненно заслуживают внимания наших современников. Вся его жизнь - дети, до самых последних дней. Его новаторский опыт всё ещё остаётся нераскры-



*С.А. Калабалин.
По его поступкам дети
определяли свою линию
поведения*

тым кладезем наших педагогических возможностей, подчас необычных, но сильнодействующих.

Истоки кризисных явлений в подростково-молодёжной среде наших дней не случайно становятся предметом анализа. Обличительно представляется сегодняшняя реальность жизни подрастающего поколения. Молодёжь не всегда разумно определяет свои жизненные ориентиры и перспективы достойной жизни. «Всякая жизнь, хорошо прожитая, есть долгая жизнь». (Леонардо да Винчи). Воспитание требовательно заявляет о себе. Культурологическое знание - в особенности. Глобальная информационная сеть (Интернет) в области воспитания сегодня вне конкуренции. «Свободное развитие человека» трактуется как многомерное понятие, как достижение возможностей действовать, мыслить, чувствовать и воспринимать мир самостоятельно. Отсюда все сложности, затрагивающие широкую сферу человеческих отношений: правовых, нравственных, социокультурных, педагогических, когда речь идёт о действиях общества по отношению к индивидам. Судите сами. Образ идеального воспитания, задаваемого обществом, – это «формирование свободного творческого человека, интеллектуально, духовно, физически развитого, обладающего планетарным мышлением, целостным видением окружающего мира и социума, своих собственных жизненных задач». На заданные сверху подобные установки дети реагируют примерно так: «Это качества идеального человека, но я не такой, вряд ли я когда-либо смогу стать таким». Формально заданные установки на проекцию личности в особых условиях, где никаких позитивных сдвигов в осуществлении не происходит, способствуют рождению комплекса неполноценности. Работа с молодёжью остаётся традиционно патерналистской и не пользуется авторитетом. В воспитательной системе дети способны за себя отвечать. Все творческие идеи остаются на уровне инициативы как отдельной личности, так и в диалоги с другими. Свободное развитие личности - нравственная категория, и служит залогом справедливости. Этот фактор обретает особую значимость, когда наблюдаются заметные сдвиги качественных преобразова-

ний, и молодёжь в них активна.

Вот и учителя школы № 656 имени А. С. Макаренко в Москве правомерно выражают свою позицию: «Образование должно учитывать проблемы, которые предстоит людям решать в повседневной жизни, работе, те новые условия, в которых окажутся будущие поколения. Да и сейчас - разве мало проблем? С каждым годом нарастает противоречие человека с природой, с другими людьми, с самим собой. Причины, считают педагоги, в воспитании, как отдельного человека, так и общества. Образование должно быть нацелено на формирование убеждений и ценностных установок. Человек должен научиться понимать интересы и убеждения других людей. Вечная задача воспитания - любить ближнего своего, осознание самоценности человеческого в человеке, то есть нравственность, культура, духовность каждой человеческой личности. А любовь - это труд души».

Историю школы создают люди. История помогает расширять представления о значимом и важном, представления о людях и о самом себе, устойчивое и вечное, ошибочное и порочное, от чего чувствуешь себя неуверенно при сложной, противоречивой позиции, где нет готовых решений. Требовалось предотвратить, пережить, самоочиститься от былой скверны. У школы № 656 история начиналась с заниженной репутации и трёх букв в логотипе: «ШеПеШа - Школа приходящей шпаны».



Школа № 656 им. А.С. Макаренко

Люди меняют обстоятельства, их поступки образуют стиль жизни. Поступки добродетели – «событие в со=бытии». В процессе осмысления этого опыта пришло понимание: можно создать условия нормального развития для любого человека, независимо от любых отягчающих факторов. Вот почему требовалось найти такое ДЕЛО - значимое для самих ребят, важное для взрослых совместное ДЕЛО. Критерием данной позиции - доступный способ

жить творчески, а это значит «творить друг друга», быть сопричастными к благим делам, нести ответственность за других людей, противостоять силам зла. Совместный поиск учителем и ребёнком во взаимодействии, выстраивание отношений сотрудничества в каждый момент деятельности и творческого поиска, совместное создание precedентов успешной деятельности, укрепляющих веру в себя, подкрепляющих желание учиться - и есть основная идея педагогики сотрудничества, которая ориентировала коллектив школы на уникальный педагогический эксперимент, связанный с именем Антона Макаренко. Это знаковое Дело стало смыслом жизни, источником радости и важных побед школы № 656 макаренковского формата.

Человек ответствен за своё поведение. Без напряжения воли и сознания, сильного характера преодолевать трудности, возникающие на жизненном пути взрослеющего человека, практически невозможно. Что требуется? Выработать в себе настойчивость, то, что выражается всегда в разумном поведении. Настойчивый человек всегда целеустремлён, стоящая перед ним цель поддерживает его усилия в преодолении своих трудностей.

«Если мы хотим, чтобы наркомания, алкоголизм, безрассудность, лживость, тунеядство, жульничество, преступность и терроризм в России уменьшились и, в конце концов, исчезли полностью, мы должны обратиться к опыту А. С. Макаренко и к распространению его антикриминальной педагогики», - такое понимание задаёт группа учёных: О. А. Евлашева, Н. Н. Коршунова, И. В. Николаев в брошюре «А. С. Макаренко как классик системной логики» (2008). Диалектически мыслящий педагог Макаренко понимал, что задача эта - трудная, многолетняя. Самому ему времени на это не хватило. А его наследникам должно хватить. Силлогистическую логику надо дополнить системной, диалектической, антикриминальной - такова позиция авторов данной работы. Чем гениальнее новатор, системно мыслящий по своим сложившимся взглядам, представлениям, фактам, тем он дальше смотрит вперёд. А. С. Макаренко был провидцем: «Мальчики и девочки становятся правонарушителями или «ненормальными»,

благодаря правонарушительской или «ненормальной» педагогике». «Нам нужна в педагогике логика широкого опыта - диалектическая логика». «Все ошибки, все уклоны в нашей педагогической работе происходили всегда в области логики».

В унисон учёным высказывают свою точку зрения и студенты по такой важной проблеме, как «Можно ли из вруна сделать честного человека?»

«Как мы знаем, метод Макаренко рассчитан на то, чтобы из жулика сделать борца против жульничества. Мы уверены, что этот метод вполне подходит для того, чтобы из врунов делать борцов против вранья. Ведь, по сути дела, дистанция между ложью и преступлением не так уж велика, а иногда и просто ничтожна. Метод борьбы с жульничеством есть метод борьбы с враньём... Что предлагал А. С. Макаренко? Логика его рассуждений была такова: 1) необходимо делать всех воспитанников организаторами; 2) организаторы становятся системно мыслящими, развивают свою способность к системному мышлению; 3) системно мыслящие люди организуют системный, прогрессивный, передовой опыт; 4) системный, передовой опыт превращает системное мышление в передовое, системное мышление, способное спланировать и организовать передовое, высокодоходное производство; 5) высокоорганизованное, хорошо спланированное производство обеспечивает знание альтернатив. А знание правильных альтернатив (честных путей жизни и работы) как раз и направлено против вранья. Зачем врать и добиваться успеха враньём, если знаешь иные, честные, более перспективные пути для ещё большего успеха...» (Из сборника студенческих работ «Макаренко и мы» (2005).

Французская пословица гласит: «Сам по себе человек всегда добродетелен, а для порока нужны, по крайней мере, двое». Да, у человека есть выбор, то есть возможность выбора, как поступить. И ещё - возможность предвидеть последствия поступка. Как показывают данные социологических исследований нашего времени, плохие качества взрослого человека превалируют над хо-

рошими. В условиях нестабильности экономического развития повышается вероятность отклоняющегося поведения подростков и молодёжи: умные и честные проигрывают перед жадностью, злостью и непорядочностью. Вот почему сами родители предлагают своим детям выбор: быть жадным, жестоким, непорядочным, но успешным, или умным, честным, но заведомо согласившимся на роль социального аутсайдера. Сегодня и взрослые переживают острый кризис ценностных и нормативных представлений. Причины: неосознанность собственных проблем, обострённость чувства самолюбия, растерянность и неуверенность в сложившейся жизненной ситуации (состояние, близкое к пессимизму), отсутствие оптимистических прогнозов.

В характере - своеобразие личности, значимая информация о человеке основана на его поведении. Черты характера человека проявляются по-разному. Характер может быть очень сложным и противоречивым, причём, сложность и противоречия проявляются в конкретных поступках. Характер человека - и устойчивый, и изменяющийся. В этом проявляется своеобразие психического склада человека. Таким образом, для проявления характера имеют значение различные стороны ситуации: кратковременна она или длительна, проста или сложна, привычна для данного человека или непривычна, благоприятствует ли раскрытию данной черты или нет, а также то, как влияют на характер участвующие в ситуации лица и какова в данное время психологическая атмосфера или внутреннее состояние человека: роль сознания, аффективных моментов, подражания, самочувствия и др. (Н. Д. Левитов, 1952).

Среди подростков и юношества многие формы отклоняющегося поведения приобретаются в стремлениях к получению сильных и приятных ощущений от жизни, желании испытывать «наслаждения» и «удовольствия» («гедонизм»). Рост подобных (гедонистических) настроений является знаковым явлением для нашего времени. При этом существующие моральные и нравственные ценности подчас подвергаются трансформации и полу-

чают иной смысл. Взамен им выдвигается стремление молодых людей владеть благами удовольствия: вещами, деньгами, престижем, властью, иметь как можно больше личной выгоды, довольствоваться изменениями в отношениях между полами, приверженности нормам криминального поведения и мн. др. Вот типичный пример представления о смысле жизни молодого американца: «Изменять мир предоставьте другим. Я же хочу веселиться. Если бы я ворочал миллионами долларов, то приобрёл бы себе гарем женщин, яхту и, по крайней мере, пять гоночных автомобилей и путешествовал бы по миру в поисках приключений». Красиво жить не запретишь - психология гедониста. Фантазийные устремления и желания вселяются в мозги и нашей молодёжи. Понять «тёмные тайны человеческой подлости» (А. С. Макаренко) - это только повод установить причины роста аморальности в человеческой природе. Современный гедонизм опасен не только тем, что превращается в своего рода моду, но в том, что утвердившийся в нём подростковый и молодёжный экстрим всё чаще становится средством развлечения, досуга. На сегодня неразрешимое противоречие в педагогике.

«Непонятые личности», а по сути – «неординарные», и каждый в своём амплуа, с особым складом характера, своими поведенческими нормами воспитанности. А по факту, они же – «аутсайдеры», «ботаны», «неприкаемые», «изгой»... Наблюдается существенный конфликт молодёжи на поведенческом уровне - доминирование агрессивных настроений и насильственных действий под прикрытием такого слова, как «субкультура». Здесь явная подмена понятий: «преступное намерение» и «субъективно-личностное восприятие поп-культуры». Показатель углубления конфликта - реакция протеста. Характерной чертой внутренней жизни выступает эгоцентризм, что провоцирует в дальнейшем различные формы отклоняющегося поведения для самозащиты. Помимо этого, существует целый ряд более скрытых симптомов, говорящих о моральной деградации определённой части молодёжи. Вот лишь один из примеров: поножовщина в пермской

школе, где десять человек получили ранения, а учительница попала в реанимацию. Девятиклассник в Челябинской области ранил ножом сверстника. В Улан-Удэ подросток пришёл в школу с топором и коктейлями Молотова: пострадали учитель и несколько школьников. Вывод: подростки могли состоять в закрытых группах «Колумбайн» и на сайтах «Тру-крайм-комьюнити», адресованных желающим «поиграть со смертью» и реализовать своё любопытство. Формальная организованность в системе воспитания человека оказывает пагубное влияние на молодёжь. Молодые люди прекрасно осведомлены, что осуждается взрослыми, но заведомо идут на конфликт. Они стремятся самоидентифицироваться, полагаясь на свою представленность в проявлении себя как лидера. Не всем это удаётся, это удел избранных, сильных, изворотливых, активных. Значительному числу молодых людей не удаётся вписаться в действительность нашего бытия. Многие из них из-за неспособности социально адаптироваться попадают в категорию дезориентированных, чьё поведение и мировосприятие определяется уровнем самооценки. Соответственно изменилась и мотивация тех качеств личности, которые образуют характер, образуют устойчивые убеждения, образуют стиль жизни, стиль поведения в обществе.

Послесловие от А. С. Макаренко:

«Надо сказать, что и в нашей среде, в среде нашего юношества и детства, приходится наблюдать такие инстинкты - силой пробить дорогу себе. Если воспитать такую энергию - это значит воспитать пренебрежение к интересам другого человека, полное презрение к интересам коллектива, это значит воспитать хитрого, сильно вооружённого эгоиста. Такого эгоиста, который мог бы всех побеждать, такого сверхчеловека, жадного, сильного животного, мы воспитать не можем. Это не значит, что мы должны воспитать слюнтяев, мягоньких, добреньких ангелочков, которые всем уступают и кланяются... Мы должны воспитать борцов, а не слюнтяев. И поэтому среди нашей молодёжи есть порыв к героизму, любовь к героическому

поступку. К такому служению нашей Родине наша молодёжь готова. Нельзя сказать, что это мы, педагоги, воспитываем. Их воспитывает вся наша история.

Я не отрицаю науку педагогику. Прежнее суждение о педагогике у меня сложилось в рабочем понимании её. Я настаиваю, что в педагогике нужно изобретать. Приходится ругаться не из-за отсутствия педагогических идей, а из-за отсутствия педагогической техники, которой не хватает. Самым опасным моментом ещё долго будет страх перед человеческим разнообразием, неумение из разнообразных элементов построить уравновешенное целое. Поэтому у нас всегда будут жить попытки остричь всех одним номером, втиснуть человека в стандартный шаблон, воспитать узкую серию человеческих типов - это кажется более лёгким делом, чем воспитание дифференцированное. Между прочим, такую ошибку совершали спартанцы и иезуиты в своё время. Преодоление этой проблемы было бы совершенно невозможно, если бы мы разрешили её силлогистически: разнообразны люди - разнообразен и метод.

Что такое храбрость? Человек боится, но делает то, что нужно делать. Я прихожу в 12 часов ночи в вестибюль, стоит мальчик с винтовкой. Спрашиваю его: «Боишься?» - «Нет». Да и бояться нечего, потому что вблизи есть старшие коммунары. Это игра, но ответственная игра. Человек учится преодолевать страх. Я рассказывал как-то такой совершенно необычный случай, когда ученик выстрелил в учительницу. Меня в этой тяжёлой истории заинтересовал не ученик, он, может быть, был шизофреник... Меня заинтересовал класс. Класс испугался, не смог помешать ему... Заботиться о воспитании смелости педагог обязан. И чувство страха надо преодолевать при помощи игры».

Заключительное слово С. А. Калабалина:

«Сейчас у школы и учителя другие враги, в них трудней разобраться, они очень разные. Но у них есть общий отличительный признак - мертвечина. Недаром такими заумными, мёртвыми словами они говорят о самом живом - о детях. Всё есть в их классической педагогике: высокие словеса, цитаты, ссылки на авторитеты, инструкции, постановления. Одного нет - души, детей. Она бездушная, эта «педагогика». Бездушная и бездетная».

«На совести моей и моей жены, Галины Константиновны, нет ни одного пятна, которое помешало бы нам смотреть открытыми очами в глаза Родины, в глаза десяти тысяч воспитанных нами граждан».

«Когда меня спрашивают о педагогике А. С. Макаренко, когда некоторые утверждают, что она пригодна только для исправления преступников и беспризорных детей и для того времени, а не для нас и наших школ, одним словом, - это история прошлого, я отвечаю так: нет, эта творческая человечность и есть «соль» системы А. С. Макаренко, и её должны понять вы, будущие педагоги, вооружиться ею для ответственного участия в строительстве Человека».

Каждая фраза, сказанное слово, живая речь - факторы мыследеятельности человека. Особенно если человек выполняет профессиональные функции в системе «человек - человек», объясняющий смысл на понимание великодушное, человеческое благородство другого человека по признаку выполняемой ведущей деятельности в образовании. «Я педагог. Шестнадцать лет учительствовал и считал, что если дети у меня воспитываются, я квалифицированный воспитатель...» (из лекции А.С. Макаренко «Семья и воспитание детей»). Предельно откровенная самооценка. У нас немало разноречивых суждений в адрес педагогического творчества А.С. Макаренко. Это особый показатель интереса к педагогу, причём в разное время. И даже когда претерпеваем трудности при обострении социально-экономических проблем, когда опровергаются прежние идеалы без создания новых, то и тогда на первый план выдвигаются задачи педагогического благополучия

детей и детства. Воспитательная стратегия МАКАРЕНКО - КАЛАБАЛИНЫ становится важным средством возможного педагогического преобразования в детской среде, ориентиром утверждения человеческого в человеке. Конструктивная, проверенная опытом воспитательная система на все времена.

Индивидуальное неповторимое слово в живых представлениях и впечатлениях о

А.С. Макаренко.

А.М. Горький, знаменитый пролетарский писатель : “... по внешности он похож на военного и на сельского учителя из “идейных”. “... всюду поспевает, всё видит, знает каждого колониста, характеризует его пятью словами и так, как будто делает фотографический снимок с его характера”.

Корней Чуковский, детский писатель : “Была одна тема, сильнее всего объединившая нас : дети, их душевная жизнь, их будущее...”.

Г.В. Жураковский, доктор пед. наук, профессор, макаренковед : “Макаренко говорит о человеке как о “гражданине мира”, разумея под этим “человека мирового знания, человека мировых интересов и мировых вопросов”, перешагнувшего в таком восприятии окружающего узкие границы чисто национальных интересов”.

В.Н. Колбановский, учёный-психолог : “Антон Семёнович ориентировался не только на способности, проявленные воспитанником, но старался выявить и скрытую в нём потенциальную силу, давая возможность развиваться таким чертам характера, о которых не подозревали и сами воспитанники. Глубокий и тонкий психолог, превосходный знаток и преобразователь человеческих душ... По поведению воспитанников он безошибочно угадывал и те мотивы их поступков, которые вытекали не из действительной обстановки, а представляли собою отражение неизжитого прошлого”.

Н.В. Петров, директор Харьковского театра русской драмы : “Антон Семёнович был неистощим в своей изобретательности и обладал подлинным творчеством в рождении нового... Умение проникнуть в самые сокровенные тайники человеческой психики, смелое и энергичное активизирование самых незаметных положительных тенденций человека, бесстрашное и правдивое раскрытие тёмных начал, безграничная вера в силу коллектива и умение создавать и воспитывать этот коллектив - вот в чём в совершенстве обладал Антон Семёнович”.

Фрида Вигдорова, учительница, журналист, писатель: “Есть книги с большою судьбой, книги, которые живут, не старея. Среди таких книг - “Педагогическая поэма” А.С. Макаренко. С первых же строк она берёт читателя за сердце и уже не отпускает. С волнением, с жарким сочувствием читаешь о днях неудач, упорных поисков, о спорах с самим собой, о долгих размышлениях по ночам, и с большой захватывающей радостью - о том, как в колонии им. Горького ребята, поначалу воры и беспризорные, становятся настоящими людьми... Но вот что непостижимо: эти книги Макаренко, растревожившие миллионы сердец, оставили глухими и равнодушными тех, кому больше всех следовало задуматься над ними, - теоретиков педагогической науки. Загляните в учебники по педагогике. О Макаренко там всегда упоминают почтительно. Его называют новатором, классиком советской педагогики, замечательным теоретиком и практиком. Но этими почтительными словами всё и ограничивается”.

Джон Бернал, знаменитый английский физик : “Такие люди, как Макаренко, показывают, что если каждый человек поймёт и ощутит своё значение для общества, а его мнение будет иметь значение в его повседневной работе, то многие недостатки и бедствия, которые характеризуют общество наших дней, могут исчезнуть”.

Гётц Хиллиг, доктор философ. наук, руководитель лаборатории “Макаренко-реферат” Марбургского университета : “Педагогическая поэма” принесла своему автору

- Антону Семёновичу Макаренко (1888-1939) - славу выдающегося педагога и за пределами СССР. Значение опыта Макаренко как для теории, так и для практики педагогики ещё до конца не осмыслено. Высокие литературные достоинства книги “Педагогическая поэма”, переведённой теперь уже на 18 языков народов Советского Союза и на 36 иностранных языков, завоевали популярность среди широких читательских кругов”.

Джон Данстэн, английский учёный Бирмингемского университета : “То, что в конечном счёте имеет значение, - это достижения Макаренко, а не то, что некоторые из его современников думали о нём. Любому, о ком после смерти можно с полным основанием утверждать, что он был ведущим в теории и практике педагогики в течение более 30 лет, и кто по-прежнему оказывает на неё большое влияние, обеспечено место в пантеоне, и обнаружение отдельных слабостей не может свергнуть его с пьедестала. Кроме того, именно святые с некоторыми недостатками наиболее ясно говорили миру о положении человечества”.

Литература:

1. А.С. Макаренко. Педагогические сочинения. В 8 т. / Сост. Л.Ю. Гордин, М.Д. Виноградова, А.А. Фролов. - М., 1983-1986.

2. А.С. Макаренко. Сборник к 90-летию со дня рождения. Львов. «Вища школа», 1978.

3. Фролов А.А. А.С. Макаренко в СССР, России и мире: историография освоения и разработки его наследия (1939-2005 гг., критический анализ). - Н. Новгород, 2006.

4. А.С. Макаренко. Публичные выступления (1936-1939 гг.) Аутентичное издание. Сост. и автор комментариев: Гётц хил-лиг. Елец. 2012.

Жизнь состоит из тех минут,
что память бережно хранит...



*Память - основа «самостоянья человека», залог величия его⁹
Сущность времени заключается не просто в его движении, а в
насыщенности содержания жизни человека .
Память хранит именно вечное, устойчивое - нравственные ценности.
Потому что память – преодоление времени, преодоление смерти*

Вместо заключения

МИР ДЕТЕЙ – ОТРАЖЕНИЕ МИРА ВЗРОСЛЫХ (Всероссийская конференция к 130-летию А.С. Макаренко)

В этом году мы отмечаем 130-летний юбилей Антона Семеновича Макаренко. Кому-то из молодых педагогов и воспитателей это имя покажется всего лишь смутно знакомым – что-то о нем, возможно, слышали они на лекциях в вузе. А между тем в год своего столетия Макаренко был назван ЮНЕСКО в числе великих педагогов и мыслителей, повлиявших на мышление XX века: Песталоцци, Ушинский, Макаренко.

Непросто сложилась его профессиональная судьба. Успехи Макаренко в воспитании несовершеннолетних преступников и правонарушителей были ошеломляющими, вот только методы работы категорически не совпадали с принятыми в соцвосе, как он называл бюрократов от педагогики. Замолчать его достижения было невозможно – новатора горячо поддерживал Максим Горький, его идеи узнали и оценили во многих странах мира. Власть применила изощренный метод борьбы с оппонентом: из Макаренко сделали икону и постарались отодвинуть ее в дальний угол.

Но идеи выдающегося педагога живы, они остро необходимы сегодня, что еще раз подтвердила состоявшаяся в Москве в Общественной палате РФ всероссийская конференция с международным участием.

Основные темы конференции:

- феномен Макаренко в обеспечении социализации и ресоциализации подрастающего поколения;
- реализация идей Макаренко в социально-педагогической практике;
- вклад последователей Макаренко, исследователей и практиков;
- историческое значение наследия Макаренко.

Модератор – Владимир Валентинович Зарецкий, директор Федерального центра защиты прав и интересов детей Минобрнауки России. Вручая участникам памятный знак с портретом Макаренко, Зарецкий обратил внимание собравшихся на приведенную на знаке цитату из его трудов: «Хорошее в человеке приходится проектировать, и педагог обязан это делать».

«Вот еще доказательство современности Макаренко: он пользовался методом проектирования, который так популярен в педагогике сейчас. Его слова могут стать девизом работы и нашей конференции, и деятельности педагога вообще».

Конференцию приветствовала Мария Валерьевна Каннабих, председатель комиссии Общественной палаты РФ по безопасности и взаимодействию с ОНК. Директор департамента государственной политики в сфере защиты прав детей Минобрнауки России Евгений Александрович Сильянов направил собравшимся участникам конференции приветствие.

Проблемам социализации и ресоциализации в формировании здорового подрастающего поколения посвятил свой доклад Лев Владимирович Мардахаев, доктор педагогических наук, профессор кафедры социальной педагогики и организации работы с молодежью РГСУ, заслуженный работник высшей школы РФ, вице-президент Российской макаренковской ассоциации:

– Существо макаренковской идеи стимулирования социализации и ресоциализации в формировании здорового поколения состоит из нескольких посылов. Первый: детский воспитательный коллектив – безопасная и здоровая социокультурная среда для жизни и самореализации каждого воспитанника. Актив постоянно меняется и выступает субъектом организации и реализации совместной социально-значимой деятельности, повышения роли каждого воспитанника в жизни и деятельности коллектива.

Воспитатель определяет свое место внутри коллектива, впереди, рядом, с учетом складывающейся ситуации, потребностей его развития и воспитания.

Воспитанник – значимая часть коллектива, чувствует

себя комфортно и наиболее полно реализуется в совместной деятельности.

Социализированность человека, то есть, включенность его в социум, имеет несколько компонентов: мировоззренческий, культурный, социороловой, эмоциональный. И каждый из них играет свою роль в накоплении опыта социального поведения.

Антон Семенович Макаренко работал в 17 учреждениях и каждый раз встречался с удивительным сообществом дезорганизованных людей. Опыт, который приводил к положительным результатам в одном случае, невозможно было применить в другом, поскольку менялась социальная среда, менялись условия. И Макаренко всегда находил другой подход. Но, отличаясь по методам или приемам, его деятельность всегда имела нечто общее – она захватывала, зажигала детей. Отвечала основному принципу этой особенной деятельности – ребенок меняется, только включаясь в общее дело, чувствуя ответственность за его результаты. Да, это важнейшая задача – сделать детей соучастниками движения, процесса. Процесс созидания коллектива становится процессом формирования личности.

Это положение соответствует и задачам ресоциализации (то есть, по существу, социализации конкретного воспитанника, обусловленная потребностями новой для него среды, воспитания, ведущие к изменению образа жизни и поведения).

Над этими проблемами много размышлял сын Семена Афанасьевича Калабалина, Антон Семенович, ставший, как и его отец, выдающимся педагогом. Антон Семенович-младший пришел к такой мысли: невозможно воспитать коллектив и сказать: готов! Можно нарисовать картину и любоваться ею. Но посчитать какой-либо коллектив пределом законченности невозможно. «Мне думается, – говорил Калабалин, – что коллектив – это такой живой организм, который требует неусыпной и все более совершенной педагогической работы и ухода за ним».

Коллектив живет только в движении. И еще очень важное, парадоксальное наблюдение Антона Семеновича

Калабалина: хорошо организованный коллектив, уже излучающий пользу, всегда требует более высокого педагогического внимания, более совершенной педагогической работы. С совершенным коллективом работать не менее сложно, но это уже другая работа.

Движение, в котором создается детский коллектив, должно быть социально значимым, это делает детей социально богатыми.

Какое место в педагогике Макаренко занимает фигура педагога? Ответ на этот вопрос прозвучал в выступлении Виктора Ивановича Слободчикова, члена-корреспондента РАО, доктора психологических наук, профессора:

– Времени очень мало, поэтому я выскажу несколько тезисов без подробной аргументации. Первое. Профессиональный статус педагога в педагогической системе Антона Семеновича мы сможем определить, если поймем его деятельность как особую антропопрактику, как практику вочеловечивания человека. Как практику становления **собственно человеческого в человеке**, как это решалось, например, в чудовищных социально-политических условиях 20-30-х годов прошлого столетия.

Стоит только вдуматься – продуктом каких социальных, антропологических катастроф были воспитанники А.С. Макаренко. Это были дети революционной смуты, гражданской войны, позднее – коллективизации, а еще позднее – послевоенной разрухи. Предельная социальная, моральная деградация личности вплоть до одичания и расчеловечивания.

Гениальность социально-педагогического открытия Макаренко (а это именно открытие XX столетия в гуманитарной сфере) и его практического воплощения состояли в том, что он вынужден был решать сразу две беспрецедентные задачи. *Первая* – нужно было вернуть беспризорному ребенку человеческое обличье и тем самым возратить его в человеческое сообщество. Однако – в какое сообщество? – ведь старые формы общественной жизни были разрушены или – дискредитированы революцией, а новые – существовали лишь в фантазийной коммунистической идеологии.

Отсюда *вторая* задача: экспериментально нащупать и утвердить главный смысл, абрис, структуру этого нового и жизнеспособного сообщества. *Найти осмысленную, одновременно реабилитирующую и развивающую форму человеческого общежития, форму совместной, полноценной жизни и деятельности взрослых и детей.*

Для А.С. Макаренко было очевидно, что воспитание подлинно человеческого в человеке невозможно в пределах его «кожного покрова», в границах отдельного индивида, *отдельной особи*. Здесь кроме капризного, а чаще – истерического своеобразия никакого другого материала нет. Собственно «человеческое» находится не внутри индивида, а между, в пространстве человеческих взаимоотношений, в пространстве человеческих объединений, в пространстве детско-взрослых общностей.

По сути дела, именно в этом и состояло гениальное педагогическое и социальное открытие А.С. Макаренко, главный пафос утверждения в педагогическом сознании и педагогической практике коллективных форм организации совместной жизни и деятельности детей и взрослых.

Коллектив, как его понимал Антон Семенович – это и есть реальное жизненное, *со-бытийное пространство*, где осуществляется становление человеческого. Живая общность, сплетение и взаимосвязь жизней детей и взрослых указывают на то, что взрослый для ребенка (вообще один человек для другого) не просто одно из условий его существования. Это – фундаментальное **онтологическое основание** самой возможности возникновения человеческой сущности, основание нормального развития человека и его полноценной жизни. Более того, с антропологической точки зрения, как взрослые без детей – **существа бессмысленные**, так и **ребёнок без взрослых существо невозможное**.

Теперь второе. В начале 30-х годов XX века А.С. Макаренко направил своего воспитанника – блестящего ученика и верного сподвижника Калабалина Семена Афанасьевича на своеобразное апостольское служение. Семен Афанасьевич должен был показать тогдашнему «Педагогическому Олимпу», как называл сам Макаренко идеологов «соцвоса», что педагогическая система, созданная им в колонии им.

М. Горького и коммуне им. Ф. Дзержинского, дает блестящие результаты не только в работе с малолетними правонарушителями. Но и в обычных детских домах – с детьми, педагогически запущенными и оставшимися без попечения взрослых, эта система должна быть эффективной.

С.А. Калабалин показал и доказал удивительную педагогическую плодотворность и методическую инструментальность воспитательной системы А.С. Макаренко своим более чем 40-летним опытом подвижнической работы с трудными детьми, свидетелем чего я был сам в 50-70-х годах прошлого столетия.

В педагогике Калабалина и Макаренко я бы выделил две доминанты: первое – это **преобразование** (буквально преобразование) казенного учреждения для *интернирования* неблагополучных детей (отсюда – всякие интернаты, сиротские заведения и т.п.) в **действительный Дом** (с большой буквы) для **совместного**, осмысленного, насыщенного делами **жительства** детей и взрослых, старых и малых, братьев и сестер. Всякий дом должен быть насыщен **родством**, но в данном случае не кровным, но духовным.

Это есть первый и главный *Постулат* педагогической антропологии Калабалина и Макаренко: **образование, становление человеческого в человеке начинается там, где складывается человеческая неслиянно-нераздельная со-бытийная общность**, которая не торопясь, со временем **уплотняется в Уклад совместной жизни**.

Вслед за А.С. Макаренко Калабалин знал, что только на этой основе можно приступить к решению **второй** – не менее фундаментальной и не менее сложной педагогической задачи – задачи воспитания подлинно человеческого в человеке. Нужно было и в этом деянии, в деле воспитания выявить и утвердить его главный смысл и ориентир. Я считаю, что для Калабалина самое главное, самое существенное в воспитании растущего человека было – его взросление и его личная ответственность – за все: за Страну, за дело, за ближнего, за себя. Или, говоря словами А.С. Пушкина, нужно было сделать его способным к самостоянию во всех обстоятельствах его жизни, т.к. «в самостоя-

нии человека – залог величия его». И это *второй Постулат* педагогической антропологии Калабалина и Макаренко.

Третье. В педагогике Макаренко, его учеников и последователей, а они еще продолжали действовать в 60-70-е года прошлого столетия (достаточно вспомнить общесоюзное **коммунарное движение**), **Педагог** (с большой буквы) всегда был и есть в первую очередь Детоводитель, а не **предметодатель**, как ему предписано быть сегодня ФГОСами и ЕГЭ. **Макаренковский педагог** должен был уметь ставить ребенка на крыло, совместно с воспитанником определять перспективные линии его развития, совместно выявлять подлинный и главный смысл его бытия в этом мире. Скажите мне – где, в каком педвузе, на каком педфакультете выращивают сегодня педагогический профессионализм такого уровня и такого масштаба? – на мой взгляд, **нигде!** Декоммунизация страны привела сегодня к де-педагогизации отечественной педагогики. А значит – **130-летие Антона Семенович нам приходится отмечать с грустью, а не с гордостью.**

И последнее. Сегодня труд педагога практически лишен публичного общественного признания. Поэтому я хочу озвучить идею покойного Григорьева Дмитрия Васильевича о создании общенациональной педагогической премии имени А.С. Макаренко – Макаренковский педагог и Макаренковский коллектив. Именно педагоги такого масштаба способны вернуть отечественному образованию его мировое культурно-историческое значение. И хорошо было бы, если б Общественная палата выступила с инициативой разработки проекта такой премии; это могло бы стать не только данью уважения к личности и деяниям А.С. Макаренко, но и знаком высокой оценки и почтения к бескорыстному служению современного отечественного Педагога – детоводителя.

Осмыслить опыт Макаренко как высокую гуманитарную технологию – одна из задач макаренковедения, считает **Татьяна Фёдоровна Кораблева**, президент Российской макаренковской ассоциации, кандидат философских наук:

- В преддверии сегодняшнего юбилея, мы посмотрели, помнит ли о нем, готовится ли к нему страна. Есть некие точки на карте, подающие сигнал: здесь помнят! Был ор-

ганизован макаренковский десант. Это были встречи на педагогических факультетах педвузов страны. Мы хотели расшевелить студенческую среду, проводили олимпиады, цель которых была обратить будущих педагогов к наследию Макаренко.

Побывали мы и в Красноярске, в Канске, где находится колония для несовершеннолетних. Сибиряки решили по собственной инициативе использовать методику Макаренко, и это дает свои плоды. Но как далеки еще они от подлинного Макаренко! В колонию Макаренко стремились попасть, знали: там детям интересно. Причем не было ведь никаких заборов, пространство колони было открытым. В Канскую колонию тоже чуть ли не очередь. Но есть существенная разница. Во-первых, она обнесена колючей проволокой. Во-вторых, в колонии – нормальное питание, чистые простыни, занятия спортом, а в трудных семьях, откуда часто и выходят аддиктивные дети, они всего этого не имеют. Согласитесь, эта ситуация не нормальна.

В апреле, как заведено в последние годы, состоится конкурс школьных хозяйств. В июне состоится научно-практическая конференция, посвященная воспитательной системе Макаренко. Кто-то подсчитал, что в нынешнем юбилейном году в стране пройдет 15 макаренковских конференций. С 1988 года, года столетия Макаренко, когда было принято решение ЮНЕСКО всемерно продвигать идеи великого педагога, все это делается по общественной инициативе.

Она иногда дает удивительные плоды. Недавно, например, в Нижнем Новгороде вышло собрание сочинений Макаренко в виде учебных книг. В эту работу вложен колоссальный труд профессионалов под руководством профессора Фролова. Макаренковеды делали, что могли, но, при содействии государства, достигли бы много большего.

Сегодня у нас уникальная ситуация. В 2014 году умер последний воспитанник Макаренко. В этом зале сидят уже «внуки» великого педагога, воспитанники Калабалиных, последние прямые свидетели того, как на практике творился уникальный опыт. Кому передать его? Как овладеть эффективнейшими способами работы? Ответа пока

нет и не похоже, что в будущем мы его получим – педвузы сокращают программы.

Мы видим – в опыте Макаренко есть прямая заинтересованность сельских школ. Но это направление должно быть поддержано законодательно. Дело в том, что с директоров спрашивают не за развитие личности, не за готовность выпускника к труду, а совсем за другие вещи. Сегодня пора уже осмыслить опыт конкретных последователей Макаренко, обобщить до статуса модели, которую можно распространять.

К современному знанию выдвигаются определенные требования, оно должно быть экспертным и технологичным. Мир вокруг нас, лексика в том числе, меняются очень быстро. Если не выразить идеи Макаренко современным языком, лет через 10 нас уже никто из молодых не поймет, не услышит.

Опыт Макаренко творился в пору индустриализации. Сегодня мы живем в постиндустриальном обществе, которое говорит на другом языке. Но сохраняются общие понятия, которые должны быть названы по-новому. В свое время буквально шок вызвало словечко Макаренко «перековка» – это же насилие над человеком! Может быть, сегодня это должно звучать как «переформатировать»? Какое из этих двух слов гуманнее?

(Алексей Михайлович Кушнир, редактор журнала «Народное образование», выступил с репликой на эту тему: «Похоже, переформатирование сознания уже произошло. Движение школьных производств уже задушено. Оно существует еще только в двух субъектах РФ. Еще пример: недавно одна директриса школы сказала мне, ничуть не смущаясь своей безграмотности и беспомощности: «А я не знаю, как объяснить детям, кто такой Макаренко!»)

Знание о Макаренко есть, но есть и потребность в перевоссоздании его опыта – педагогического, философского. Это – вызов гуманитарным наукам. Необходимо дать сигнал стране: Макаренко не забыт, он необходим не меньше, чем в те годы, когда создавался его опыт. Воспитание, говорил Макаренко, дело счастливое. Если педагог не испытывает этого счастья – к 35 годам он уже изношенный

невротик. У Макаренко педагог может научиться быть счастливым в своем труде.

Тему счастья в педагогике продолжил Меттини Эмилиано, заведующий кафедрой гуманитарных наук международного факультета РНИМУ им. Н.И. Пирогова, вице-президент Международной макаренковской ассоциации:

– Это очень интересное понятие – счастье. Существует множество его определений. Одно из распространенных: счастье – состояние наибольшего удовлетворения условиями своего существования, осуществление своего человеческого предназначения. Для Аристотеля счастье – это деятельность души, полнота добродетели. Добродетель определялась как то, что ведет к счастью.

Деонтологическая позиция: человек счастлив только тогда, когда он поступает по своим моральным нормам. Это не гедонизм, человек обязан поступать в соответствии со своими представлениями, важно, конечно, чтобы эти представления не противоречили позиции других людей. Виктор Франкл считал, важнейшее условие счастья – найти смысл своей жизни и реализовать его. Сегодня, в условиях современного общества, когда ты сыт и имеешь под рукой все необходимое, многим проще ждать, что ньютоново яблоко само упадет тебе на голову и не стоит тратить силы на его поиск.

А вот определение Даниила Андреева: счастье – это автономия личности, подразумевающая самоуправление личности, мотивацию к развитию ее интеллектуально-эвристических способностей.

Все выше перечисленное находим у Макаренко, в его процессе коллективного воспитания и даже во взаимовоспитании воспитателя и воспитуемого. Чередование лидерства и подчинения, обучения и производства, регулирование конфликта на заседаниях совета – или общего собрания, где сообщца всегда находилась гибкая педагогическая матрица. Даже когда воспитанник находился в центре педагогического внимания, он не испытывал страха. Он знал – его понимают, его слышат. Личность не теряла достоинства и в морально сложных ситуациях.

Сейчас мерило достоинства в классе, школе – рейтинги. Ты где-то отстал по какому-то предмету, и ты лузер. До-

стоинство – необходимое условие счастья, и это касается и воспитанника, и воспитателя.

Иногда за счастье принимают чувство удовлетворенности. Сегодня человеку хорошо. Но счастье – долгий путь обретения себя. При этом у человека должна быть совесть, эта способность к переосмыслению того, что он делает, как поступает.

Эрих Фромм говорил: совесть – страж нашей честности. При этом он так выстраивал иерархию ответственности: мы должны что-то себе и только потом – другим. Близка к этому и мысль Ницше: мы должны уметь говорить «да» самим себе. Да, я это смогу, да, я за это отвечаю. Это активная позиция. Но сегодня молодежь, имея всё необходимое заранее, как бы стоит на месте. Вот я просматриваю договор с университетом. Там студент уже не студент, а ОБУЧАЮЩИЙСЯ, который получает ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛУГИ. Это потребительская ментальность, против которой всегда восставал Макаренко. Счастье – не божий дар, а внутренние достижения, которых человек добивается собственными усилиями.

Макаренко и современность – тема доклада одного из «внуков» Великого педагога, воспитанника А.С. Калабалина **Владимира Васильевича Морозова**, кандидата педагогических наук, члена правления Международной макаренковской ассоциации:

– Опыт Макаренко живет в современной школе, и мы в этом убедились вчера, посетив школу имени Макаренко именно в день его рождения, Рождества. Такие праздники способны излечить от самого глубокого пессимизма. Это был настоящий праздник, когда забываются вечные проклятые вопросы педагогики: как воспитать неподдающихся? Как придать человеческий облик невоспитуемым?

Макаренко столкнулся с этими вопросами в самые трудные годы жизни страны. Перечитал все педагогические труды и в отчаянии отвернулся от них: «Педагогика – вечное шарлатанство». Нужно было создавать новую педагогику, и он посвятил этому жизнь.

Традиционно педагогика говорит: коллектив – труд – дисциплина. По схеме все верно, но если с этого начать, мы

пропадем. Должен быть острый интерес детей к тому, чем они занимаются. Интерес, но без заигрывания, без фальши. За что Макаренко поругал Сороку-Росинского, создателя школы-коммуны для трудновоспитуемых Республика ШКИД? За чрезмерный романтизм. Там дети могли несколько унизить педагога, там не отрицался категорически уголовный романтизм. У Макаренко позиция в данном случае бескомпромиссная: уголовщину оставить за порогом, вы – дети беды, будем решать проблемы вместе.

Макаренко выстроил особую дидактику: чему учить? Как жить вместе? Уметь любить – тоже аспект дидактической педагогики, который мы мало себе представляем.

Макаренко говорил: на первых порах мне потребовались две вещи – немедленный анализ и немедленное действие. Так начиналась его особая педагогика. А что это за феномен – особость? Ответ – в мыследеятельности педагога. Мысль, анализ порождают действие.

Перековка, которую здесь уже упоминали, несет в себе элемент проектирования. А как тогда можно было педагогическое действие назвать? Перевоспитание? Такого в природе не существует. Слово «коррекция» было выброшено. Вот и появилась «перековка», не имеющая ничего общего с насилием, как это пытались доказать враги Макаренко. Он очень внимательно относился к потребностям детей. Создал комнату психологической разгрузки, из-за чего имел немало неприятностей от деятелей «соцвоса». Психологическая разгрузка для малолетних преступников! Но Макаренко видел в воспитаннике прежде всего человека, человека беды.

И комната, где ребенок мог расслабиться, снять напряжение, появилась, несмотря ни на что. «Люблю психологию», – говорил Макаренко. Он ее изучал, обогащал своими гениальными находками. Ему с самого начала было трудно пробиться через застывшие установки соцвоса. А в 1935 году, когда наркомпрос ввел новые установки, новый режим для колоний (заборы за колючей проволокой и охрана), работать стало просто невозможно. Макаренко протестовал против этих нововведений. Незадолго до смерти он признался педагогам: «У нас нет воспитательной педагогики. А ведь педагогика должна опережать

развитие общества».

Тема выступления **Александра Михайловича Егорычева**, доктора философских наук, профессора кафедры социальной педагогики и организации работы с молодежью РГСУ, члена президиума Российской макаренковской ассоциации – педагогическое наследие Макаренко в системе современного российского образования:

– России очень повезло, ей дано было великое наследие. Но приходится признать: оно предается забвению именно в нашей стране. Сегодня, в инновационную эпоху, необходимы осмысленные педагогические идеи. И мы находим их у Макаренко, но далеко не все это понимают. Кто-то говорит: Макаренко несовременен. Как же эти люди ошибаются! Самый консервативный из институтов любого общества – институт воспитания человека, и это понятно. Педагогика не может, не смеет совершать резкие скачки, она опирается на многолетний опыт предшественников.

Почему сегодня Макаренко не востребован так, как того заслуживает? Его идеи противоречат тому, что школа требует от учащихся. В своих действиях он шел от человека, а школа свои задачи формулирует, отталкиваясь от потребностей общества, как она это понимает. Какие принципы отрабатывал Макаренко? Человек обречен быть социальным, жить в коллективе. Он прекрасно это использовал – и воспитывал через коллектив и готовил жить в коллективе. Еще макаренковский принцип: как можно больше уважения к человеку, как можно больше требований к нему, опираясь на хорошее в нем. Эти принципы вошли в современную педагогику, но не занимают в ней главного места.

Сейчас основной нерешенный вопрос: кого готовит школа, вуз? В законе «Об образовании» цель не сформулирована. У Макаренко она была, четкая и ясная – воспитание прекрасной, гармоничной личности, у него, как всегда, на первом месте человек. Сегодняшняя школа озабочена подготовкой людей, полезных обществу – то есть, на первом месте интересы общества. Мне интересы общества близки. Человек человеку друг. Кто не работает, тот не ест. От каждого по способностям, каждому – по труду.

Я разделяю эти идеи, но при этом убежден, что на первом месте, как и у Макаренко, должны стоять интересы личности. Тогда и она вырастет сильной и многогранной, и общество будет сильным.

Еще я убежден в том, что сегодняшнее обольщение технологией пройдет, и мы обязательно вернемся к макаренковской цели воспитания – формирование гармоничной личности. Идеи Макаренко вечно молоды и всегда будут востребованы.

В работе конференции приняли участие исследователи, педагоги, воспитатели из разных городов нашей страны, из Южной Кореи, Казахстана, Кыргызстана.

В устах маститых ученых тревожно звучала мысль: мы все здесь – представители старшего поколения, кому передадим свои знания? Но оказалось, не все так безнадежно. Среди участников конференции нашелся и представитель поколения будущих педагогов – Руслан Макеев, первокурсник Московского педагогического университета, волонтер, посланец Ханты-Мансийска. Он слушал собравшихся сосредоточенно и серьезно. Он их услышал.

Закончились макаренковские чтения презентацией книг А.С.Калабалин, «Педагогические размышления», Г.К.Калабалина, «Педагогические размышления».

Л.П. Тархова

*ФГБНУ «Центр защиты прав и интересов детей»
редактор*

Содержание

Введение	5
Человеку – человеческое воспитание	8
Реабилитирующее образование: ретроспектива и перспектива.	20
«Эпоха великих перемен», или Как вернуть детям детство.	48
Смыслжизненные установки педагога А. С. Макаренко в воспитании «невоспитуемых».	64
Учитель-педагог: профессиональное самоутверждение	84
Педагогика любви и дисциплины	100
Педагогика должна быть педагогикой здравого смысла. . .	114
Воспитание: особенность воззрений.	130
Преемственность опыта Учителя в педагогической деятельности ученика	145
Воспитательная педагогика А. С. Макаренко: новая мотивация.	176
Сиротство... как оно есть	194
Как вести растущего человека по ступенькам взросления?..	201
Детско-взрослые взаимоотношения в информационном пространстве: совместное восхождение к сотрудничеству, к воспитанию добродетелей	217
О педагогике сексуального просвещения	224
Эстетика поведения и этика счастья	244
Мужской разговор: «Воспитание. В начале – отец».	256
Жизнеспособность педагогики «по Макаренко»	269
В ребенке - только гены света.	291
Макаренко-калабалянский педагогический прорыв: взгляд в сегодня	304
Вместо заключения.	327

Морозов Владимир

**ПЕДАГОГИКА
в человеческом измерении**

Подписано в печать .04.2019 г.

Формат 60х84/16. Бумага офсетная. Печ. л. 20,5.

Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Транзит-ИКС»

г. Владимир, ул. Электrozаводская, 2, оф. 55